

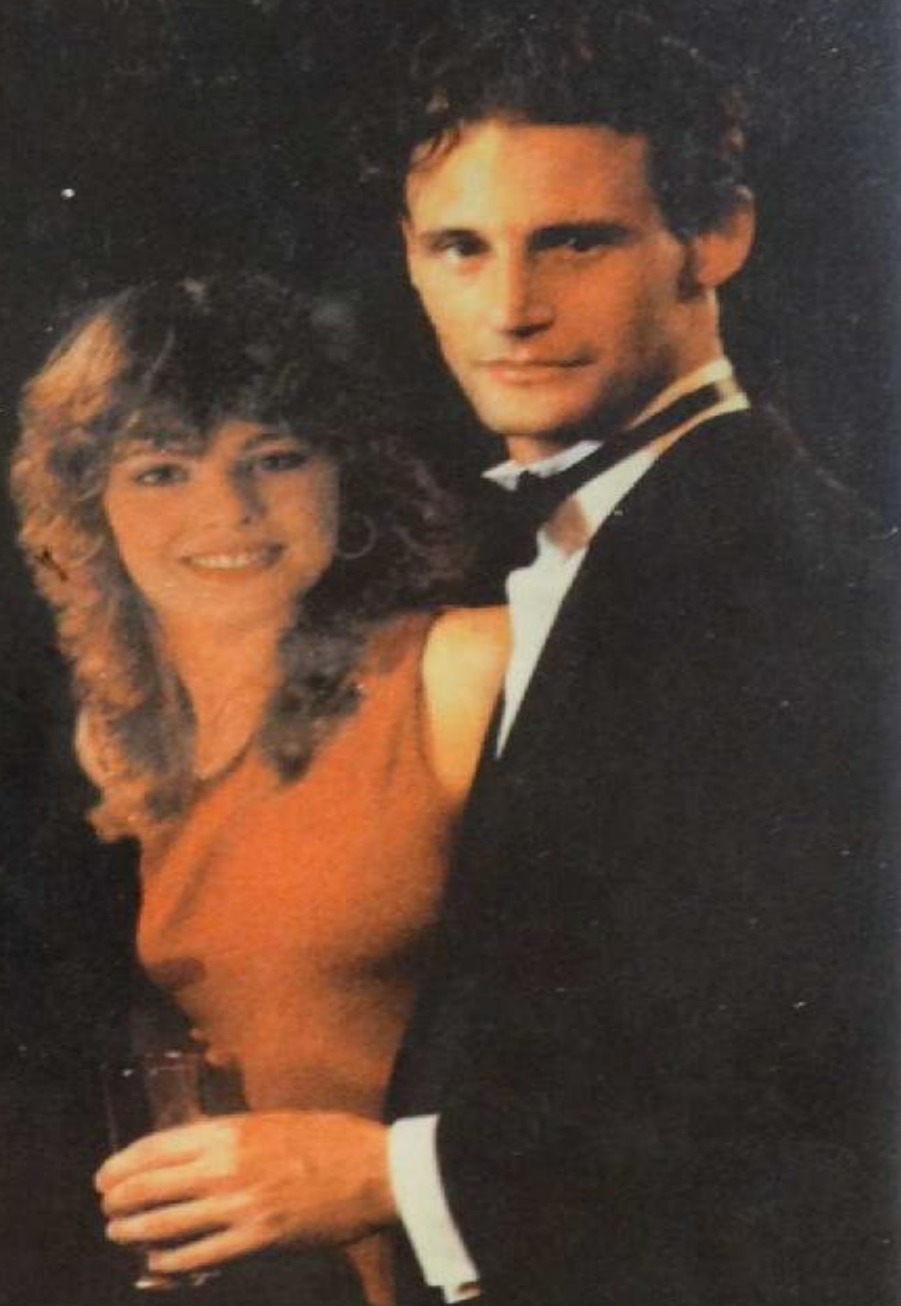

Marcelle
FERRY

**L' Homme
de Borabora**

**БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА**

**ЛЮБОВНИЦА
АВАНТЮРИСТА**
Марсель
ФЕРРИ

Книга составлена из трех произведений известных французских писателей о любви.

Главная героиня романа М. Ферри «Любовница авантюриста», втравленная в авантюру своим возлюбленным, становится жертвой его игры.

Второе произведение, включенное в книгу, — роман Ж. Кесселя «Дневная Красавица». Автор исследует проблему разлада между сердцем и плотью, между любовью и чувственным инстинктом.

В книгу вошла также повесть Ф. Саган «Сказочные облака», проникнутая тоской по настоящему чувству.

- [Марсель Ферри](#)

-
- [Прощай, Геттон!](#)
- [Мужчины в моей жизни](#)
- [Во власти наслаждения](#)
- [Свадебное путешествие](#)
- [Рай в шалаше](#)
- [В объятиях Боа](#)
- [Ваш ход](#)
- [Охота за миллионером](#)
- [Пень, покрытый лишайником](#)
- [В постели с принцем](#)
- [Искусство обольщения](#)
- [С согласия мужа](#)
- [Мужские страсти](#)
- [В засаде](#)
- [На борту «Счастливого»](#)
- [Ребенок по заказу](#)
- [Бумеранг](#)
- [Замок](#)
- [Пикантные каникулы](#)
- [Призраки оживают](#)
- [Таинственная Мэриан](#)
- [Яичница с ветчиной](#)
- [Король червей и пиковая дама](#)
- [Прощай, Оливер!](#)

- [Жозеф Кессель](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Франсуаза Саган](#)
    -
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-
-

Марсель Ферри
Любовница авантюриста

Прощай, Геттон!

Оливер появился в моей жизни, как сатана перед доктором Фаустом, когда тот уже созрел для того, чтобы продать ему свою душу.

В то утро Геттон еще спал, когда я тихо, как кошка, уложила в чемодан свои вещи, написала на единственном зеркале губной помадой: «Прощай, Геттон!» — и ушла. Навсегда.

Почему я так неожиданно оставила Геттона? Я и сама не знаю.

Я любила его несколько месяцев, а потом вдруг почувствовала, как пылавший во мне огонь угасает. К тому же я с ним никогда не испытывала страсти. Вначале лень Геттона казалась мне проявлением беспечности, а его моральная неустойчивость — ошибкой Создателя. Явные признаки вырождения представлялись воплощением вычурной красоты. Вот уже несколько недель все та же вода текла в реке, но что-то изменилось на берегу. Я тайно наблюдала за Геттоном: он потерял для меня весь свой шарм! Осеннее золото его глаз, словно отражающих проблески солнечных лучей, пробивавшихся будто сквозь дремучий лес, оставляло меня равнодушной.

Но было ли это достаточным основанием для моего ухода?

Я ушла, чтобы встретить Оливера. «На ловца и зверь бежит» — гласит пословица. Как ночь неизбежно сменяет день, так и я перестала любить одного, чтобы полюбить другого.

На этот раз ничто не предвещало того, что сумерки в моей душе сменятся зарей нового дня. Расставшись с Геттоном, я могла бы остаться равнодушной к жизни много месяцев или даже лет. Я избегала общества людей. Я ничем не дорожила в этом мире, поэтому одиночество не страшило меня. Подобно раку-отшельнику, я бы воспользовалась, как мне кажется, пустыми ракушками.

Покидая огромную серую мастерскую, я не испытывала никаких эмоций. Бросила последний взгляд: не забыла ли чего? На полу возле дивана стояло надбитое блюдо с остатками сардин (Геттон обычно перекусывает около двух часов ночи). На столе остались мутный стакан и бутылка из-под пива.

Весь этот беспорядок в духе Геттона. Я не оставляю ничего, только пустую полку в шкафу, легкий запах бергамота в простынях, укрывающих Геттона.

У меня свой стиль ухода, как у моряка, сменяющего корабль.

Я жила здесь легкомысленно, как бабочка, случайно присевшая отдохнуть. Не внесла никаких изменений в обстановку, ничего не повесила на стены.

Когда я закрывала за собою дверь, мне показалось, что выхожу из зоны тумана, зловещего и неподвижного. Геттон спал, похожий на памятник на собственной могиле. Моя решимость забыть его была такой сильной, что он уже как бы перестал существовать для меня.

Я, как туристка, покидала побережье, утратившее для меня привлекательность. Дверь закрыта, якорь поднят, все позади. Я смотрела в открытое море.

В скромном отеле рядом с Люксембургским садом я сняла комнату. Ее отталкивающее убожество не смутило меня.

На следующее утро мне предстояло сесть в поезд, уходящий в Бретань. Я возвращалась в Лок-Мариа, в места, где прошло мое детство, где у меня был дом на берегу реки Олень. Вот уже долгие годы продолжалось мое путешествие.

Я лежала, уставившись в стену, и эта гостиничная комната и кровать представлялись

мне полем и холмами, на которых я отдыхала перед дальним путешествием. Впервые в жизни я была одна. С того дня, как десять лет назад я вышла замуж и оставила Лок-Мариа, я иду по дороге, которая ведет в никуда.

Во время моего свадебного путешествия со вторым мужем умер мой отец. После его смерти больше никто не ждал меня в нашем старом доме. Только он хранил мои воспоминания, оживавшие каждый раз, когда я сюда возвращалась.

Под сколькими же крышами ночевала моя безумная голова?! Я вновь увидела себя в разные периоды молодости и спросила: «Среди всех этих прожитых дней есть ли хоть один, который ты хотела бы прожить еще раз?» Нет. Когда любовь уходит, прошлое становится пеплом и пылью...

Я покинула любовника, его и своих друзей. Мне было слегка грустно. Но не потому, что я рассталась с тем, кого уже больше не любила, а оттого, что уже не любила. Тем не менее я чувствовала, как становлюсь свободной.

Стояла жара. Я, дочь моряка, грезилась об Океании: море, облака, плывущие у горизонта, чистый песок, пальмовые хижины, танцы, заставляющие бурлить кровь, славные люди, простые, как природа. В конце концов, там я могла бы жить в гармонии с собой.

В моих мечтах острова в океане скользили, как прекрасные корабли.

В Бретани я собрала бы остатки своего состояния и жила безо всякой спешки. Затем, отдохнув, полная сил, уехала бы на острова в Полинезию. Из колыбели своего детства я устремилась бы к новой жизни, к той единственной, которая мне подходит.

Ближе к вечеру я решила выйти. «Поесть ветер» — как говорят туземцы с острова Борнео. Июль дышал грозой. Тревожное небо висело над городом, горячий воздух шевелил листья и навесы из серой ткани.

Я шла наугад. На мне были белый пиджак и синие трикотажные брюки, на ногах легкие сандалии. Скорее я походила на женщину с яхты, чем на парижанку в толпе. «Морская чайка среди городских голубей», — скажет мне позже Оливер.

Какой-то незнакомец шел за мной, и я почувствовала его настойчивое, но сдержанное присутствие. Когда наступила ночь, я вошла в один из тех ресторанчиков, где мраморные столики скрываются за пыльными занавесями.

Мой попугайчик вошел следом, уселся за столик напротив.

Официантка записала мой заказ, затем заказ незнакомца и, обращаясь на кухню, громким пронзительным голосом назвала блюда, которые мы выбрали: одни и те же! В этом не было ничего странного, но тем не менее это стало чем-то вроде связующей нити между нами. Я остановила равнодушный взгляд на незнакомце. Он выдержал его в течение нескольких секунд, оставаясь спокойным и серьезным. Я отметила, что незнакомец красив. В голове промелькнуло: «Может, это морской пират?» И мгновенно отвела взгляд.

Покончив со своим скромным ужином, я вновь продолжила прогулку по ночному городу.

Оливер подошел ко мне посреди пустынной улицы, перечерченной тенями деревьев.

— Не могу ли я вас проводить, мисс? — спросил он низким голосом, растягивая слова на манер англичан.

— Вы меня провожаете уже несколько часов, — ответила я без улыбки, но и без раздражения.

— Я хочу с вами поговорить.

Не достаточно ли с меня этого одинокого дня? Я спокойно посмотрела на Оливера,

прежде чем ему ответить, и, совершенно уверенная в собственном безразличии, сказала:

— Ну ладно, пойдемте вместе, если хотите поговорить со мной.

Сказала тоном ссыльной принцессы, которая без всякого высокомерия снисходит до обыденной жизни.

Мы молча шли рядом. Оливер остановился и, положив руку мне на плечо, заставил повернуться к себе. Я широко раскрыла глаза навстречу его взгляду: это было как удар молнии.

Я еще не знала, что через два дня этот человек станет тем, кого я выбрала бы, если бы он появился в моей жизни раньше.

Я смотрела на Оливера, говоря себе, что если бы я его придумала, то именно таким. Каким-то странным образом его мужественная красота была связана с моей необычной судьбой. При этом я не испытала никакого осознанного предчувствия: все происходило как во сне. Оливер был похож на Оливера, а я — на себя.

— Кто вы? — спросил Оливер.

Кто я? Никогда раньше не задавалась таким вопросом.

Он не хотел знать, кем я была для других. В эту ночь Оливер мог задать вопрос только в духе Шекспира. Не могла же я ему ответить: «Я женщина, которая только что оставила своего мужа и которая хочет, чтобы все было новым и другим в ее жизни...» Но, мечтая о путешествии в Океанию, я очень естественно сказала этому человеку, заставившему меня вспомнить о пиратах:

— Я — корабль без капитана, без экипажа и без парусов.

И рассмеялась, чтобы как-то снизить нелепый романтизм своих слов. Достаточно пустяка в интонации, чтобы изменить тональность высказывания.

— Корабль, потерпевший кораблекрушение и оставшийся без командира, принадлежит тому, кто поднялся на его борт, — ответил Оливер, продолжая нашу игру.

— Мы говорим морскими терминами, — сказала я, улыбаясь.

— Кстати, вы одеты как для прогулки на яхте, — заметил Оливер и чуть отошел от меня. Он еще раз внимательно осмотрел меня с головы до ног.

— Я мечтаю отправиться в Полинезию.

Оливер бросил на меня загадочный взгляд. Он слегка коснулся рукой моего плеча, приглашая продолжить нашу прогулку. Помолчав несколько секунд, он сказал тихим голосом, как бы боясь разбудить меня:

— Это знак судьбы. Я только что приехал из Бораборы.

Я посмотрела на небо: луна светилась на нем нежным жемчужным светом.

Я не знала ничего о Бораборе. Оливер объяснил, что это один из островов в нескольких сотнях километров от Таити.

— Где вы живете?

— В Вайтапе. Это местечко на берегу лагуны.

— Борабора... Вайтапе... — прошептала я, потрясенная нежной музыкой этих слов.

— А почему вы хотите уехать в Полинезию? — спросил Оливер.

Я не могла бы объяснить ему это не жалуясь. Стоны неудовлетворенных, непонятых ужасно смешны. Я боялась иронии этого человека, его взгляд был жестким, а улыбка слегка снисходительной. Так улыбаются мужчины, которые готовы слушать безудержную болтовню женщин. Вот почему я кратко ответила ему:

— Хотела бы жить в таком уголке света, который был бы красивым, простым,

подлинным.

— Значит, это Борабора, — сказал он. — Я скоро туда возвращаюсь.

Мы остановились, подняв лица к ночному небу, чтобы не видеть отвратительную улицу.

— А вас ничто здесь не держит? — Он достал сигареты.

— Ничто!

— Странная женщина... Странная красота, странное одиночество... Странное появление на моем жизненном пути.

Он произнес эти слова по-английски, тихим голосом, как будто думал вслух.

— Понимаете, я приехал издалека. В Париже пробуду один день. Завтра уезжаю в Лондон. И надо было встретить вас! Кажется, вы заметили, что я шел за вами несколько часов. Наверно, потому что не хотел бы вас потерять.

«Так вот для чего я оставила Геттона», — подумала я и сказала:

— Звучит заманчиво! Похоже, мы родились из одной и той же пены...

Это получилось одновременно нежно и весело.

— О, вы прекрасно знаете английский! — воскликнул он, и впервые его лицо осветилось искренней улыбкой, так молодившей его. — Но это же чудесно! — Он остановился, чтобы пристально посмотреть мне прямо в глаза. — Да, дует благоприятный ветер, — произнес он, и голос его снова стал серьезным.

— Полагаю, что он дует в мои паруса! — улыбнулась я.

Несомненно, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я вот-вот проснусь, и окажется, что этого человека никогда не было. Мы назвали друг другу свои имена: его звали Оливер Дивер, а меня — Анна де Даула...

Я очнулась возле стойки отеля, где меня поджидала Реальность с жалким шиньоном, чудом державшимся на птичьей головке при помощи непомерно большой булавки.

— Вы сегодня утром забыли заполнить анкету, — сказала Реальность, протягивая мне листок чистой бумаги и ключ. — Вы на сколько дней?

— Пока еще не знаю, — ответила я.

Итак, я уже не уезжаю в Бретань... Оливер... Он мне сказал, расставаясь: «Я зайду за вами завтра вечером в девять часов».

Мужчины в моей жизни

Легенда не объясняет, каким образом птица Феникс возрождается из пепла. И я не смогла бы объяснить, как от уверенности, что никогда не полюблю, пришла к мысли, что люблю впервые в жизни. Тот, которого я назвала «человеком из Бораборы», полностью заполнил мое воображение.

Мне хотелось вновь и вновь пережить время, проведенное вместе с Оливером. Он оказался таким немногословным.

Пока я знала только, как его зовут.

Я с беспокойством думала, что если он не придет на свидание, то не смогу его найти. И если бы Оливер не пришел, тогда все, что я чувствовала, все, что я, как мне казалось, понимала, оказалось бы просто бредом. Кто знает, может, он и привык к такому отношению? Может, это его излюбленный способ времяпрепровождения? Тогда почему же он не попытался закончить вечер банальнее?

«Если он не придет, — говорила я сама себе, — уеду в Лок-Мариа завтра же утром».

Мысль о завтрашнем дне без человека из Бораборы показалась мне бесцветной и унылой.

Это же надо! Именно в тот момент, когда я сбежала из мира интеллектуалов, испытывая жажду простоты и естественности, я встретила Оливера, вернувшегося с островов Океании!

Мне нравилось, как он говорил о Бораборе: спокойно, без лирики и эмоций. Погрузившись в себя, Оливер был полон воспоминаний. Он не мог их описать, потому что эти воспоминания были его повседневной жизнью.

Мой разрыв с Геттоном теперь казался мне фильмом, в котором я была действующим лицом. Образы без плоти, без реальной жизни. Теперь же я снова жила и, как любое живое существо, пыталась осмыслить нахлынувшие на меня события.

Что меня привлекало больше всего в отношениях с человеком из Бораборы, так это хрупкость нашей связи. Я прожила этот день в ожидании, как будто находилась на вокзале перед посадкой в поезд. Я знала время отправления, но ведь всегда возможна ошибка, игра случая, вплоть до неверного ответа равнодушного служащего на вопрос о расписании движения поездов. Я опасалась пропустить поезд. Тогда все было бы для меня потеряно.

Двадцать четыре часа назад я еще не знала Оливера. И вдруг он стал смыслом моего существования. Неожиданный разрыв с Геттоном, решение уехать в Лок-Мариа — все это представлялось фантастическим поворотом судьбы в явном беспорядке моей жизни. Ведь Оливер вполне мог меня и не заметить.

Я не переставала удивляться чуду, предопределившему нашу встречу. Иногда мой разум противился признавать роль случая в этой встрече. Это подобно состоянию, возникающему после окончания действия наркотика, когда вновь обретаешь ясность ума и чувств. И тогда я говорила себе, что абсурдно менять планы из-за этого незнакомца. Я принимала решение уехать в Бретань, даже не повидавшись с ним. Укроюсь в родной деревне, буду вновь там Анной де Даула, дочерью коменданта. Замужем? Пережившая превратности судьбы? Богатая? Бедная? Не имеет значения, там я всегда буду маленькой девочкой из прошлого. Старый Фолик Лаволо все так же будет выращивать камелии в парке, а Роза Гарек заботиться о доме. Я вновь найду покой и буду одна. Вновь наконец-то одна! В моей девичьей постели под занавесью из белоснежного гипюра! Как это будет успокаивающе! Да,

надо уехать завтра, не встречаясь с Оливером.

Моя душа то устремлялась в неизвестность в компании с Оливером, то погружалась в простое и мирное прошлое. Медленно тянулось время изнуряющей медлительностью, но по мере приближения вечера моя деревня покрывалась все более густой пеленой тумана и мой разум ничего не мог с этим поделать. Меня съедало жадное любопытство к человеку из Бораборы.

В назначенный час я ждала его в салоне отеля, перелистывая туристические журналы, но не видя ничего перед собой. Мимо проехало вот уже двадцать такси. Но Оливер не появлялся.

Шаги мужчины моей жизни были беззвучны. Увидев его перед собой, я вздрогнула от неожиданности.

Мы сразу же покинули отель, даже не обменявшись банальными фразами приветствия. Очутившись на улице, я схватила Оливера за руку, тесно прижалась к нему и пошла рядом, как и он, твердым и уверенным шагом. Как нарушить это молчание? Украдкой я бросала взгляд на Оливера и видела его профиль — черное с белым, как на офорте. Он был таким, как и прошлой ночью: сияющим и в то же время затененным.

— Вы красивы, — просто сказала я.

Оливер бросил на меня быстрый взгляд.

Оливер не был похож ни на одного из мужчин, которых я знала. Мне нравилась в нем особая гордость. Разница между ним и обыденностью делала его завоевание для меня еще более увлекательным.

Оливер остановился, не спеша порылся в карманах и протянул мне портсигар.

— Я готова была уехать сегодня утром в Бретань.

— А я в Лондон.

Я наклонилась над его руками, прикрывавшими горящую спичку.

— И тем не менее, мы вместе — в Париже!

Я произнесла эти слова тоном, в котором содержался оттенок вопроса. Мы продолжили путь.

— И в самом деле, — медленно ответил он. — Без сомнения, имеют место события, которые нас касаются. Если только не...

— Если только не?..

— Если только я не теряю свой шанс...

Он поднял голову и задумчиво посмотрел вдаль.

— Вчера вы сказали мне, что, найдя, не хотели бы меня потерять...

— Да, сказал.

Это был комплимент, произнесенный как бы вскользь.

— Почему?

Оливер взглянул на меня. Я только что произнесла глупость. Он даже не удостоил меня ответом.

— Я вас увидел издали — необычную, словно чайка среди городских голубей. Я пошел за вами, восхищенный вашей красотой. Вы необычайно красивы, Анна де Даула. Конечно же, вы это знаете... Но эта уверенность не уменьшает вашего обаяния. Такая естественность совершенства — редкое явление, поверьте мне.

— Совершенства?

— Черт побери, а с вами не просто! Вы слишком красивы и привлекательны... Я

заметил, что впечатляющее число мужчин всех возрастов оборачиваются вам вслед, — добавил он. — Вы производите необыкновенный эффект!

— Для этого достаточно быть чересчур накрашенной, носить слишком высокие каблуки или крутить бедрами.

— Естественно, но это не ваш случай.

— А кстати, какое имеет значение, что мужчины оборачиваются мне вслед?

— Никакого, но я был заинтригован.

Я посмотрела на него с упреком, который он даже не заметил.

— Это происходит часто, мужчины так легкомысленны.

— Может быть. Но только не я. Я, напротив, слишком серьезен.

Я сдержанно молчала. Глядя на меня с улыбкой, Оливер добавил:

— Вы сожалеете, что я пошел за вами, ибо вы показались мне необыкновенно красивой и привлекательной?

— А теперь моя очередь спросить вас: сегодня вечером вы хотите пойти вслед за этой женщиной?

Оливер рассмеялся странным, холодным смехом. И это доставило мне удовольствие.

— Я пошел за вами, потому что это были вы.

Он сделал особый акцент на «вы».

Я меньше всего думала о том, куда мы направляемся. Странное дело. Знала многих в этом квартале, но не встретила никого. А может, видела только одного Оливера? На каждом шагу я вполне могла бы столкнуться с Геттоном или друзьями. Что бы они подумали, увидев меня повисшей на руке Оливера, с лицом, повернутым к небу и освещенным лучами загадочной звезды? Геттон мог бы грубо вмешаться, считая, что все еще имеет на меня какие-то права. Кто знает, может, я и прошла действительно где-то рядом с ним? Он не осмелился подойти; увидел и понял: я уже чужая и совершенно недоступная...

Оливер ненавязчиво повел меня к своему отелю, расположенному в глубине бульвара Сен-Жермен. Мы остановились у большой двери из красного дерева, обитой медью, а затем вошли в шикарный холл.

— Не хотите ли зайти на стаканчик виски?

Вопрос был задан явно для проформы. Я кивнула головой и послушно последовала за Оливером. Сама не знаю почему, его глаза в этот момент показались мне похожими на зрелые ягоды ежевики, висевшие на слишком высокой ветке. В детстве я царапалась до крови, пытаясь дотянуться до этих ягод.

— Присаживайтесь на диван, — сказал он.

Но вместо этого я подошла к зеркалу над камином, чтобы пригладить волосы, хотя в этом не было никакой необходимости.

В зеркале я увидела отражение всей комнаты, которая походила на временное пристанище: туалетные принадлежности, банный халат, открытая книга на прикроватной тумбе, английские газеты. На столе лежал большой лист бумаги.

Оливер заказал по телефону виски. Целую бутылку.

Я подошла к столу и узнала французскую морскую карту. Остров Борабора был обведен красным карандашом. Я принялась рассматривать крохотные черные точки с такими выразительными названиями: Самоа, Туамоту, Борабора... Это произвело на меня впечатление ничуть не меньшее, чем фотографии или какие-нибудь экзотические предметы, привезенные оттуда. Карта помогла мне понять, как дорога Оливеру Океания.

Неожиданно я увидела женский силуэт на фоне райских птиц. Бросив быстрый взгляд на руки Оливера, убедилась, что он не носит обручальное кольцо. Значит, он свободен, как, впрочем, и я.

Оливер отказался от услуг официанта, поблагодарив его, а затем сам разлил виски в стаканы.

Я никогда раньше не пила крепких напитков. Я воздерживалась от алкоголя инстинктивно, как животное. Я жила в обществе, где пьют шампанское и коньяк на охоте, бегах, в казино, на регатах и коктейлях, перно, ликеры и красное вино на выставках, поэтических вечерах, сборищах разных снобов. Крепкие напитки вызывали у меня отвращение.

Но все это не помешало мне выпить виски залпом, даже не распробовав. Это был первый стакан из того множества, которое мне предстояло выпить в компании с Оливером.

Не могу не признать, что материальное благополучие, в котором Оливер жил, никоим образом не уменьшало его обаяния. Я не была продажной женщиной. И я это доказала, порвав свои связи с человеком богатым, но бездарным. Но я благодарила судьбу за то, что она послала мне мужчину красивого, загадочного и к тому же богатого. Мне до сих пор не удавалось найти мужчину, который обладал бы более чем двумя из этих достоинств одновременно.

К счастью, отвратительный вкус виски смягчился удивительной ясностью ума. Грезилось, что жизнь рядом с этим дельцом с островов будет прекрасной! Он был, вне всякого сомнения, одним из богатых англичан, которые занимаются торговлей экзотическими товарами между Океанией и Англией: кокосовыми орехами, копррой, жемчугом, да мало ли чем еще!

Виски разожгло мое воображение. Я увидела себя полуобнаженной, лежащей на берегу лагуны, потом жарящей на костре из пальмовых листьев рыбу, только что пойманную Оливером с помощью гарпуна.

— Я никогда не пила ничего крепкого. Один запах алкоголя уже вызывал у меня отвращение. Но это виски действительно вкусное, — сказала я, протягивая с нежной улыбкой свой стакан Оливеру.

Он с удивлением посмотрел на меня и вновь наполнил мой стакан. Я с жадностью осушила его, боясь потерять образ прекрасного будущего, который виски позволило мне создавать. Я слышала, как что-то говорю, но мой голос, казалось, шел откуда-то издалека, сверху, как бы мимо меня. Какая-то вторая Анна спрашивала что-то об островах. Иногда я различала ответ. Слышала, что англичане так же «охотно» вступают в разговор, как альпинисты — на снежный мост, и что они с равным рвением скрывают мысли, которые у них есть, и то, что у них нет никаких мыслей. Кстати, молчаливость моего собеседника меня отнюдь не смущала. Просто-напросто я упивалась мыслями о будущей жизни.

Я вытянулась на диване как можно грациознее и тотчас же почувствовала себя в тени кокосовых пальм. Я созерцала мужчину, сидящего передо мной. Его гибкое и сильное тело определенно свидетельствовало о том, что это волевой человек. Взгляд выдавал в нем лидера. Морщины на лице, загорелая кожа, короткие волосы — все в нем говорило о человеке, для которого жизнь — борьба в прямом смысле этого слова. Я знала, что Оливер боролся против опасных людей, что он нечто среднее между голубой морской акулой и финансовой.

Третья порция виски гудела в моей голове, когда Оливер уселся рядом со мной на ковер

и дотронулся до эмблемы на моей груди.

— Яхт-клуб?

— Я его ношу незаконно, — честно ответила я.

Последовало молчание, а затем Оливер произнес слова, на первый взгляд не имеющие ничего общего с разговором о яхт-клубе.

— Мне следует вас предупредить, что я очень любопытен и буду задавать вам много вопросов.

Я преданно улыбнулась ему сквозь туман моего третьего виски. Шум лифта где-то там, вдали, разбился о берег лагуны, утопающей в тени...

«...Fata morgana» по-латыни означает разновидность миража, который можно увидеть на берегу моря... Мне виделись миражи повсюду.

Но Оливер не был плодом воображения. Он очень подробно расспрашивал меня о детстве.

Я вызвала специально для него в памяти образ матери, хрупкой шатенки, одетой в бархат и тонкий батист, затем отца — прямого, несгибаемого военного моряка. Была ли я потомком знаменитого Жана де Даула, корсара, потопившего столько английских судов и ограбившего столько испанских владений (во благо короля Франции да и своего также)? Да, я происходила из этого знаменитого рода. Затем — от вопроса к вопросу — мы дошли до моих двух мужей.

Ничто на лице Оливера не выдало ни малейшего осуждения, когда он услышал эту цифру. Но голос его (или мне это только показалось?) стал холоднее, когда он спросил у меня:

— Кто был первым?

— Это был хирург, Ги Танги Арди-Те, член яхт-клуба. Он регулярно занимал первые места на регатах.

— Ну и почему же вы покинули Ги Танги Арди-Те? — спросил меня Оливер все так же бесстрастно. Мимоходом я отметила про себя, что он с первого раза запомнил имя длиной в предложение.

Мне следовало бы сослаться на неудачную супружескую жизнь, на жестокость мужа, на полное отсутствие юмора и тому подобное. Но, веря в свою счастливую звезду, я невинно заявила:

— Я оставила его ради Алена де Рэ. Он тоже был членом яхт-клуба. Охотился на акул с подводным гарпуном. Скорее пытался, так как я никогда не видела, чтобы он поймал хоть что-то, — сказала я с легким презрением в голосе.

— Ну а кроме этого? — продолжал настаивать Оливер.

— Кроме чего?

— Чем он еще занимался, кроме рыбалки?

— О, абсолютно ничем. Ведь мой второй муж был депутатом.

И я выпила свой стакан за здоровье этих господ, которые один за другим катали меня по Ла-Маншу. Оливер же не был членом яхт-клуба. Он был человеком морей, настоящим морским волком. Уж он-то не станет развлекаться, охотясь с подводным ружьем!

Голос Оливера доносился до меня, перекрывая ветер, дующий с океана и шевелящий пальмовые листья над нашими головами.

— А ради кого вы оставили Алена де Рэ?

Оливер не спрашивал у меня больше — почему. Его голос стал еще спокойнее, может,

чуть холоднее. Преисполненная смелостью, я ответила:

— Ради Геттона Эрнандеса. Я его встретила летом. Он художник-кубист, понимаете?

Я остановилась, слегка обеспокоенная, потому что все вдруг показалось мне не таким уж само собой разумеющимся под испытующим взглядом Оливера. И добавила весьма неосторожно:

— Официально у меня было только трое мужей!

Конечно, именно виски сделало меня столь откровенной. Брови Оливера приподнялись, похожие в своем изломе на альбатроса, застигнутого бурей.

— Так вы столь непостоянны? — спросил он.

На этот раз голос его был ледяным.

Непостоянна? Я? Я задумалась, опустив глаза к стакану. Вполне возможно, что эти трое, которых я разлюбила, могли бы составить солидное и прочное счастье трем постоянным женщинам.

— Нет, я не согласна с вами. — Я устремила на Оливера взгляд своих честных глаз цвета хорошего коньяка. Но сердцем я понимала, что теряю свое реноме.

Допрос, учиненный Оливером, становился слишком изощренным. А вдруг он ирландец, а вовсе не англичанин? Я улыбнулась с меланхолическим видом.

— Говорят, что любовь похожа на испанскую гостиницу: в ней есть все, что ты принес с собой.

Оливер нервно встал, пересек несколько раз комнату, устремив взгляд на свои красивые туфли цвета красного дерева, не слишком новые, такие, какие и должны быть у настоящего джентльмена. Затем вернулся и сел на диван, прямо напротив меня. Зеркало в шкафу отражало нас обоих: цветок и плод на одной ветке. «Мы созданы друг для друга», — подумала я, доверительно улыбаясь своему отражению.

В тот же миг Оливер сказал:

— Вы не созданы для испанской гостиницы, — затем он добавил: — А чем вы занимаетесь сейчас?

— Ничем.

— Как ничем? Абсолютно ничем?

— Я пишу скучные сказки и поэмы, если это можно назвать делом. Их публикуют время от времени в авангардистских журналах.

— Поэмы? В каком духе?

В присутствии этого человека из Бораборы моя литературная деятельность показалась мне лишенной всякого смысла, совершенно смехотворной. Я бы никогда не осмелилась показать их человеку, который видел Южный Крест. Мне пришли на ум стихи Малларме с их размеренным ритмом: «О, сердце мое, услышь песнь моряков».

Эти стихи предназначались тем, кто мечтал о жизни, а Оливер жил своей жизнью, наполненной естественной поэзией, свободной и чистой.

— Прочитайте мне что-нибудь из ваших стихов.

Он настаивал с вежливым любопытством. Я рассмеялась при мысли показать Оливеру образец своего творчества.

— Это белые стихи, ну, знаете, автоматические.

Эти два эпитета, казалось, его очень удивили. Я боялась сбиться с мысли. Но его мысли были в полном порядке. Я по памяти выбрала отрывок поэмы из того, что было бы ближе Оливеру.

— И что, это публикуют?

Я не посчитала этот вопрос за оскорбление.

— Ну да, в журналах авангардистского направления, как я вам уже сказала.

— А что это такое — авангардистские журналы?

Его невежество меня растрогало.

Оливер был похож на моего отца, который читал только то, что касалось путешествий и открытий.

Я не собиралась заниматься образованием Оливера. Все это казалось мне белибердой и пустым тщеславием. На Бораборе в нашем доме у нас не будет на стенах картин, ну а что касается... В этот момент Оливер сказал:

— А ведь я — художник.

— Художник! — воскликнула я, грубо вырванная из своих мечтаний. — Но тогда что же вы делаете на Бораборе?

— Рисую, конечно.

Вот так история! Какая же я была сумасшедшая... Да и могла ли я встретить на Монпарнасе кого-либо, кто не был бы художником?!

Я молчала, охваченная отчаянием, смешанным с иронией, в то время как Оливер рылся в одном из своих чемоданов.

Он вернулся ко мне с альбомом под мышкой. Я вынуждена была встать и опереться на одну из подушек с видом больной, которой вот-вот преподнесут горькое питье. Я с отвращением просмотрела портреты: все они на удивление были похожи друг на друга, как будто изображали членов одной семьи, олицетворяющей идеал художника. Длинные или короткие, но все носы были похожи и напоминали фасолины. Все прекрасные остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой. Особая улыбка Джоконды мрачно оживляла восковые лица.

— Они все удивительно похожи, — прошептала я. Мне так и не удалось скрыть охватившее меня отвращение.

— Фотографическая точность, — доверчиво ответил Оливер.

— Ну а виды островов? Борабора?

— Я рисую только портреты.

Я была ужасно разочарована. Подумать только! Все оставить из-за непреодолимого желания новизны, встретить по счастливой случайности человека с Полинезийских островов... И чтобы этот человек оказался художником? Еще один художник! В этом было что-то предательское. От судьбы не убежишь, а моя судьба — это никудышные мужчины.

Я рассмеялась.

— Почему вы смеетесь? — спросил меня тот, кто теперь уже был экс-мужчиной из Бораборы.

— Жизнь мне кажется бесконечно смешной!

— Это воздействие виски, — с умным видом сказал Оливер. Он положил свой альбом на место и тщательно закрыл чемодан.

Я напыщенно процитировала:

В поисках неведанной дороги среди волн

Увидел вдруг письмо он на плече своем

Железом выжег кто-то письма...

— О, это прекрасно! Это вы написали?

— Нет, это очень плохо, это из дю Вини.

— А что конкретно обозначают эти слова?

— Это значит: «Звуки флейты могут превратиться в барабанный бой».

Оливер удивленно приподнял брови и бросил на меня подозрительный взгляд. Замедленно, как под водой, я поднесла свою руку к упавшей пряди волос.

— Виски было довольно крепким. Кажется, мне лучше уйти.

Я чувствовала себя потерянной, несчастной, мною владело только одно желание: поскорее добраться до постели, все равно какой, лишь бы остаться одной. Четыре порции виски и горькое разочарование — это было слишком для начала.

Оливер отвез меня на такси до гостиницы, окружив братской нежностью. Стоя у входа, я собиралась сказать ему: «Прощай навсегда!»

— Пойдем завтра потанцуем, — предложил он.

По тому, как он это произнес, я поняла, что это больше похоже на приказание, чем на приглашение.

— Договорились, — ответила я, тотчас же забыв о его живописи, так как Оливер был, что там ни говори, очень красив.

Его взгляд погрузился в мой, как камень в воду, образовывая большие круги, которые постепенно исчезали вдали.

Я медленно поднялась по ступенькам лестницы, охваченная предчувствием, что между этим человеком и мной было что-то странное, фатальное.

Я была в тысяче лье от того, чтобы знать, что меня ждало в действительности.

«Как знает каждый, утренние мысли и мысли вечерние — совершенно разные вещи» — написал Джордж Мур.

Утром следующего дня я сама в этом убедилась. Человек из Бораборы был художником, к тому же плохим! Но я должна отдать ему должное: он мало говорил о себе и совсем не говорил о своем творчестве. И именно эта скромность ввела меня в заблуждение по поводу его личности.

Итак, он жил на Бораборе. И должно быть, неплохо зарабатывал на жизнь светскими портретами, хотя и любил природу и простую жизнь: вот почему он укрылся на отдаленном острове, где и проводил большую часть времени.

В райском одиночестве жизнь могла быть сладкой и мирной. Во всяком случае, я была абсолютно уверена, что Оливер не терзался над решением проблем живописи, которые возникали в процессе творчества.

За последние месяцы мой гардероб уменьшился до минимума. Но это было время, когда метр джерси и длинная нить фальшивого жемчуга составляли полный туалет. Подлинный шик невозможно было приобрести и за золото; это было что-то неуловимое, настоящий дар — умение подать свою фигуру наилучшим образом в платье без рукавов и доходящем только до колен.

Оливер, когда я спустилась к нему, в отличие от заурядных влюбленных, посмотрел на меня без всякого пыла, но с вниманием кинорежиссера, осматривающего кинозвезду перед началом съемок. Я покружилась перед ним с томной грацией манекенщицы. Приподняла по очереди ступни, чтобы показать ему шикарные лодочки, затем протянула руки, чтобы продемонстрировать сверхтонкую кожу, из которой были вручную сшиты мои перчатки (подлинная скромность миллионерши). Эти перчатки и туфли стоили мне месячного дохода, но, как сказал Альфонс Аллэ: «Жить в бедности и так слишком тяжело, чтобы к тому же еще и лишать себя всего!»

— Замечательно, совершенно замечательно, — серьезно сказал Оливер.

Это обдуманное восхищение наполнило меня ликованием. У меня было такое ощущение, что я сдаю трудный экзамен. Внимание и любопытство Оливера меня необыкновенно подбодрили. Казалось, что он ничего не оставляет на волю случая. Любовь для него не была испанским постоялым двором.

— Я тебе нравлюсь?

— Ты элегантна, как ласточка.

Я была одета в темно-синее, цвета летней ночи, платье. Единственным моим украшением было длинное ожерелье белого цвета.

— Ты здесь единственная ласточка, — добавил он. Затем прикоснулся своими длинными изящными пальцами к жемчужинам на моем колье и сделал легкую гримасу. — Ну, они уж могли бы быть и настоящими.

— Да ты сноб? — спросила я со слегка натянутой улыбкой.

— Ни в коей мере. Но я очень честолюбив.

Какой изысканный способ показать мне, что у нас общее будущее!

Я взглянула на Оливера, и у меня возникло ощущение, что открываю ставни и вижу прекрасную весеннюю зарю. Легкое дуновение счастья нежно коснулось моей щеки, но мне

удалось отбросить прочь волнение и рассмеяться.

— Настоящий жемчуг больше подходит пожилым дамам. Кто из женщин моего возраста мог бы позволить себе прогуливаться с жемчужинами такого размера, как эти, да еще ниспадающими до колен!

— А почему бы и нет, — небрежно ответил Оливер.

У меня перехватило дыхание. Если правда, что в момент смерти видишь свое прошлое, проносящееся перед твоим внутренним взором со скоростью света, неопровержимо и то, что воображение может с такой же быстротой создать и будущее.

— Конечно же, на Бораборе добывают жемчуг?

Оливер отрицательно покачал головой.

— А у тебя нет намерений самой добывать жемчуг? — спросил он. Хитроватая улыбка придавала его лицу необыкновенную привлекательность.

— Жемчужины или ракушки меня не интересуют. Для меня важнее кольцо.

— Хорошо, у тебя будет кольцо. Но, надеюсь, не из ракушек.

В его взгляде было смешанное чувство нежности и серьезности. И я почувствовала себя хрупкой, легкой, живой и веселой, как... ласточка. Я бы очень хотела устремиться в небо с Оливером.

Мы медленно спустились к Сене. Была звездная ночь, теплая и немного торжественная. Улицы почти опустели, как это обычно случается в разгар лета. Я говорила «прощай» Парижу и доверялась порыву любви и счастья. Сидящие на крылечках коты и консьержки провожали нас долгим, внимательным взглядом. Позади и впереди нас стояла тишина. Мы выглядели влюбленной парой. Красота и тайна были нашим королевским эскортом.

Мужчины на улице обычно пожирали меня взглядом. Для них я была тем лакомым кусочком, который способен утолить их голод, вплоть до пресыщения. Но, опираясь на руку Оливера, сияющая от любви, я была еще более соблазнительной и в то же время недоступной.

Я ощущала свободу птицы, собирающейся строить свое гнездышко. И я собирала звездный пух. Ночная прогулка по городу была божественна. Все мои агрессивные устремления оставили меня. Меня, которая рядом с Геттоном и его друзьями приобрела категоричность суждений, независимость оценок, способность горячо защищать свои убеждения и презирать мнение других. Я вдруг почувствовала, что стержень во мне, который так ожесточал мое сердце и который был моим главным оружием, начинает медленно таять. Я была проникнута снисходительностью, даже равнодушием к правде, приобретенной благодаря надменности. Я одержала победу над моими устремлениями посылать отравленные стрелы в противника при малейшем расхождении во взглядах. Я была женщиной, я любила мужчину; и я наслаждалась, как могла бы наслаждаться весенними цветущими лугами, разговором, который три дня назад показался бы мне тягостным.

Оливер заставил меня разговориться. Я описала ему окружение, которое только что оставила. В нем я приобрела багаж такой же надежный, как чемоданы, сделанные знаменитым Гермесом. Но этот багаж показался мне бесполезным и громоздким грузом. А я была легкомысленной и с чистой совестью следовала за Оливером. Наконец я сказала:

— Я счастлива, что иду танцевать. Вот уже несколько месяцев не танцевала.

— А почему ты не танцевала?

— Мои друзья были слишком серьезными... Я следовала их вкусам. С ними я проводила ночи напролет, слушая, как они обсуждают проблемы искусства, философии, политики.

— Ты всегда такая послушная?

— Не то чтобы послушная, но с кем бы я могла танцевать?

— Ну а раньше?

— Раньше... Я танцевала слишком много. Почти каждый вечер. Ты же не думаешь, что от жизни можно требовать чего-то другого, кроме танцев до упаду или их полного отсутствия?

Я заметила, как на лице Оливера появилось и тут же исчезло едва заметное выражение иронии. Казалось, он слушал избалованного ребенка, которого можно было не принимать всерьез.

— Можно просить у жизни все что угодно, но надо знать, чего хочешь, — сказал он, помолчав.

Он посмотрел на меня сквозь сигаретный дым, подняв вопросительно брови.

Я ничего не ответила.

— Ты так молода! — неожиданно воскликнул Оливер, притягивая к моей щеке руку с явным намерением приласкать меня.

Я доверчиво взглянула на него...

Оливер остановил случайное такси и дал шоферу адрес «Сладкой тележки». Это был не ночной клуб для снобов и не дансинг для международных туристов. Скорее, нечто вроде храма любителей-фанатов настоящего джаза, очень популярного в то время в Европе. Оркестр был потрясающим: негры из Нового Орлеана, из тех, чьи выступления позднее будут оцениваться как музыкальная классика.

Есть такое мгновение, удивительно волнующее, которое возникает только во время танца и которое выпадает только на долю влюбленных... будущих влюбленных. Это мгновение, когда два существа, уже связанные желанием, еще не реализовали его. Они еще не познали физической близости. Они собираются вместе только танцевать. Женщина, прижатая к мужчине крепким объятием (на этот жест они еще никогда не осмеливались раньше).

Такая близкая, она открыта и в то же время недоступна. Он глубже вдыхает таинство ее духов, любуется тенью ее ресниц, похожих на лепестки василька. Он не может оторвать глаз от розового бархата ее лица, прекрасного, как водяная лилия.

Она же похожа на лиану, обвивающую ствол дерева. Нежная и притягательная, она чувствует прикосновение грубой мужской одежды, скрывающей горячие мускулы и сердце, которое бьется для нее, как бурлящий весенний сок. Она поднимает глаза, искрящиеся, как дождевики под солнечными лучами, и смотрит на его рот, который не улыбается, встречается с его взглядом, который поработывает ее и обещает очаровательную бурю.

Подобный момент не может обмануть тех, кто готов стать настоящими любовниками. Оркестр играл динамичный зажигательный танец; в объятиях Оливера я была как папоротник, отпечатавшийся на камне. Этот латиноамериканский танец исполняется следующим образом: партнеры находятся на небольшом расстоянии друг от друга и держатся за руки. Это бешеный танец. Оливер танцевал в своем ритме, крепко прижимая меня к себе. Он положил мою голову на свое плечо и держал меня не за руку, а за затылок. Он погружал меня в свой взгляд, в котором блесело отражение звезд в темной воде. Кто мы были такие? Где мы были? Я слышала загадочное звучание мелодии в примитивном лесу желаний. Такая музыка с тех пор всегда была для меня олицетворением эротического зова и дикой мужественности, воплощением которых стал для меня Оливер.

Один танец сменялся другим, но все они обладали притягательной силой для тех, кто, подобно мне, принадлежал к оккультному миру. Я не пытаюсь ничего объяснить, просто констатирую. Тем хуже, если это проявление животной страсти может показаться деградацией тем, кто обладает возвышенным духом. Для меня же это — самый чистый из всех человеческих грехов.

Оркестр замолчал. Музыканты радовались передышке. И только тогда, слегка раздраженные, мы отстранились друг от друга, как чета фавнов, чья агрессивная игра была неожиданно прервана. Не дав мне выпить виски со льдом, которое подали на наш столик, Оливер сказал:

— Мы уезжаем?

Как обычно, его манера узнавать мои намерения была похожа на приказ. Я не испытывала ни жажды, ни голода, ни какого-либо другого желания поразвлечься; как успокоительное, интенсивность любви устраняет все, не имеющее к ней непосредственного отношения. Поглощенная присутствием Оливера, я внимательно изучала его лицо. Так изучают небо и горизонт, чтобы предсказать погоду, прежде чем отправиться в морское путешествие.

Он усадил меня в такси, сел рядом и, заключив мою руку в свою, дал шоферу адрес своей гостиницы.

Когда мы были в его комнате, он приготовил нам виски. Два стакана и бутылка «Белой лошади» заранее стояли на подносе. Я сделала большой глоток, надеясь, что это поможет преодолеть робость, которой я прежде никогда не испытывала. Мы сидели друг от друга на расстоянии. Я хотела, чтобы Оливер сам преодолел дистанцию, которая нас разделяла: три метра красного ковра. Странная вещь! Совсем недавно мы танцевали как любовники, а теперь находились на разных берегах такой привлекательной и опасной реки.

Желание в этот момент казалось мне громадным, как Вселенная. Я будто находилась на Луне в каком-то странном освещении. И вдруг, как стрела, Оливер бросился ко мне с объятиями.

Если когда-либо любовник походил на удава, удушающего свою жертву, так это был Оливер. Я сопротивлялась не больше, чем газель, попавшая в его безжалостные кольца.

Выброшенная на берег, я медленно приходила в себя. Сама не знаю почему, я вдруг стала одним из персонажей, изображенных на романтических гравюрах, украшающих салон моего родного дома в Лок-Мариа. Молния в темном небе, волосы, раздуваемые порывом ветра, волны, разбивающиеся о скалы, мужчина в накидке и женщина в блузке меж руин феодального замка. И все это на фоне бушующего моря, и, конечно же, среди бурной пены тонущий корабль.

Я открыла глаза и увидела Оливера — бледного, в клубах дыма, почти задыхающегося — совсем рядом со мной.

Он пришел в себя и первое, что сделал, — это наполнил бокалы. Мои фантазии испарились. Я увидела себя лежащей на диване. Оливер нежно ласкал мои волосы и лицо. Мне показалось, что он был не создан для подобных нежностей. Его бархатная рука казалась одетой в железную перчатку. Он смотрел на меня с удовлетворением человека, наконец-то получившего вещь, о которой так долго мечтал.

— Твои глаза цвета рома, который кружит голову, — сказал он тихим и низким голосом. — А твои волосы напоминают крыло дрозда.

Я чуть не сказала Оливеру, что он скорее поэт, чем художник, но он продолжал все тем

же доверительным тоном:

— Что за маленькая ямочка на твоей левой щеке?

— Оспа.

— Оспа? О, моя милая, во сколько же лет у тебя была оспа?

— Кажется, в восемь.

— В восемь лет!

Оливер вел себя так, будто любил меня со дня моего рождения и хотел защитить от всего, даже от оспы.

— Где ты была в восемь лет? Чем занималась?

Мгновенно я выбрала такой образ в детстве, чтобы понравиться Оливеру. Меня очаровало постоянное обновление любви, которое я испытывала. Оливер гениально играл роль классического любовника. Ведь никогда не устаешь от представлений Гамлета или Отелло.

— Я была в Тунисе, — ответила я. — Моего отца назначили туда капитаном миноносца, и он взял меня с собой. Я провела там два года. Мы жили в доме, окруженном большим парком. В нем водились газели. Они заходили в дом, чтобы разделить со мной полдник. А одна очень деликатно выбирала свои любимые пирожные из тарелки. Ее звали Джелла. Я ужасно переживала, что не могла взять ее с собой во Францию.

В четвертый раз я говорила о Джелле мужчине, который держал меня в своих объятиях. Периодически Джелла возникала в памяти, чтобы съесть пирожное из моей руки. Я слышала цокот ее копыт, видела ее большой влажный глаз, большие длинные ресницы белого цвета. Каждая новая любовь совершала небольшую прогулку по чудесному парку моего детства. Одни и те же воспоминания покрывали цветами боярышник, растущий вдоль дорог моего прошлого.

— А что делал ты в восемь лет?

Лицо Оливера помрачнело. Легкая тучка набежала на солнце.

— Мне никогда не было восьми лет, — сказал он.

Я поняла, что Оливера не надо ни о чем спрашивать. Освободилась из его объятий и села на край дивана. Пиджак Оливера валялся на полу. Его бумажник выпал из кармана, документы рассыпались. Мой взгляд привлекло слово «капитан», написанное на голубоватой карточке перед фамилией и именем Оливера. Я подняла карточку, рассмотрела фотографию на ней и воскликнула, крайне удивленная:

— Как, ты — капитан? Ты — моряк?

Оливер выпрямился и посмотрел на меня, как если бы я вдруг сошла с ума.

— Конечно, моряк. Почему же это так удивляет тебя?

Он вырвал карточку из моих рук, затем, заметив другие документы, собрал их и положил в бумажник. Брови его были нахмурены, лицо приобрело угрюмое выражение.

— Извини меня, — сказала я, чуть смутившись, — я не удержалась, когда увидела слово «капитан». Я так счастлива, что ты моряк!

— А что это меняет? — строго спросил Оливер.

— Моряк, настоящий моряк! — воскликнула я с энтузиазмом.

Следовало бы об этом подумать: англичанин не может быть художником, даже когда хочет этого; он всегда остается моряком...

Я скрыла эти мысли от Оливера. Его сдержанный вид успокоил меня. Еще больше я успокоилась, когда он объяснил, что оставил море: это ремесло ему наскучило.

— Так ты занимаешься живописью? — спросила я с легкой иронией.

— Да плевал я на живопись, — признался Оливер, смеясь. — Но я ведь тебе уже сказал, что я амбициозен.

Оливер сделал гримасу, которая означала одновременно и да и нет, что могло быть проявлением и скромности, и гордости. Со стаканом виски в руке он вытянулся на диване, заложив вторую руку за голову и скрестив ноги. Сигаретный дым окружал его голову малиновым светом.

— Ты сказал мне, что возвращаешься на Борабору... Нужно много денег, чтобы жить там?

— Нужно много денег, где бы ты ни жил, — ответил Оливер.

С важным видом он сделал глоток и протянул мне свой стакан. Я взяла стакан и поцеловала его тонкую, как морской канат, руку.

— Все это не имеет никакого значения. Теперь я знаю, что ты настоящий мужчина.

Оливер очень аккуратно положил сигарету в пепельницу, а затем с видом любовника, гордого собой, обнял меня за талию.

— Почему? — спросил он с любопытством и с долей кокетства.

— Моряк — всегда настоящий мужчина.

— А, — протянул Оливер с довольно ироничным видом, а затем хитро добавил: — Таким образом, мужчины, которые не являются моряками, не мужчины?

— Я хотела сказать, что моряк силен и телом, и духом.

— А! — еще раз произнес Оливер.

Казалось, он рассматривает со всех сторон мою фразу и делает усилие, чтобы обнаружить в ней хоть какой-нибудь смысл. Он с задумчивым видом следил за кольцами дыма, которые выпускал с необычайной ловкостью.

— Сила тела и сила духа? — прошептал он.

Я начала раздражаться. У Оливера была способность заставлять подчиняться его точке зрения. Все с тем же видом терпеливой снисходительности он спросил:

— Не расположена ли ты доверить моряку свое бесценное существование?

— Откровенно говоря, любому моряку — нет! А вот тебе — да.

Оливер поцеловал меня. Я двумя руками держала голову с черными, как вороново крыло, волосами и ласкала ее. Склонившись над моим лицом, он изучал глубину моих глаз так пристально, что все искусственное, все временное покинуло меня. Он хотел видеть во мне то, что искал. А я в его глазах увидела такое сияние, что вынуждена была зажмуриться. Как будто я была золотоискателем, только что нашедшим первый самородок.

— Завтра мы уезжаем в Англию...

Я еще сильнее обняла его, чтобы дать понять, что согласна на это всем своим существом. Затем улыбнулась, сияя от радости.

— Я за тобой поеду на край света, — прошептала я.

Он ответил мне доброй улыбкой.

— Ну, тогда, — сказал он, — мы поедem на Борабору.

И нам пришлось туда уехать, но после стольких приключений!!!

Это обилие восклицательных знаков кажется бредом; я должна сказать, что будущее готовило мне много других знаков, восклицательных и вопросительных. Для того чтобы написать эту историю, я хотела бы иметь в своем распоряжении знаки удивления, потрясения... И даже знаки ужаса... Да, ужаса.

Свадебное путешествие

Два предыдущих свадебных путешествия уже дали мне определенный опыт. Каждый раз отъезды сопровождались удовольствием от нового багажа, нового постельного белья, новых туалетов — всех этих предметов, которые приходили в мою жизнь вместе с мужчиной, который меня сопровождал. И каждый раз я помечала инициалами своего хозяина все — от кожаных чемоданов до носовых платков. Все это символизировало брак.

Я собиралась уезжать с человеком, которого любила так, что решила жить вместе с ним. Никогда раньше я не испытывала подобного счастья. Оно украшало каждую минуту моей жизни. Оливер меня похищал! Я оседлала крылатую лошадь, которая пронесла меня над облаками! Я могла бы оставить все: пудру, духи, губную помаду и даже последнюю рубашку, настолько была охвачена романтической беззаботностью.

Облокотившись о парапет, прижавшись щекой к плечу Оливера, я смотрела на волны за кормой корабля, который увозил нас вдаль. Это было потрясающе! Как мечта, превосходящая счастье!

Но в действительности все было совершенно не так. Не было ни поезда, ни корабля. У нас было свидание в кафе совсем рядом с вокзалом Сен-Лазар. Я пришла первой, устроилась в специально отгороженном месте, едва освещенном, что создавало интимную атмосферу вагона, предназначенного для влюбленных. Этот бар напоминал чем-то Англию. В нем ели очень вкусный бекон и пили крепкий портер в серебряных бокалах.

Я заказала чашку чая, аромат которого мог бы приподнять мое настроение.

Как только появился Оливер, я тотчас же почувствовала ледяное дуновение злого осеннего ветра. Кратко и без всяких дополнительных объяснений он назначил мне свидание на завтрашний вечер в одном из отелей... Лондона! Я бросила на него тревожный взгляд, готовая расплакаться, но он на это не обратил никакого внимания. Только попросил записать название и адрес отеля в записную книжку, что я и сделала дрожащей рукой. Оливер проверил мою запись и четко вывел номер телефона.

— На твое имя будет заказан номер. Вот здесь все отмечено: время отправления поезда, на котором ты поедешь из Дувра в Лондон. Ошибиться невозможно, все абсолютно ясно.

Я машинально бросила взгляд на клочок бумаги, который он мне протягивал, и впервые увидела его почерк: мелкий и очень четкий. Перечитала записи с неописуемым волнением. Невероятно! Все это составляло часть игры, которую Оливер хотел сыграть до конца. В таком способе прощания было что-то жестокое, романтическое и загадочное — и все это было в его стиле! Мы собирались уехать вместе, но неожиданно Оливер решил пойти по другому пути.

Какой же надо быть сумасшедшей, чтобы отправиться на это кошмарное свидание в Лондон?! Так вот, я и была этой сумасшедшей. Но смогу ли я уехать этой ночью? Ведь у меня нет денег. Или почти нет; и нет времени, чтобы что-нибудь продать. Разве что золотой перстень с печаткой. Конечно, можно попросить денег у Оливера, но... Как в каком-то кошмаре, я ничего не могла сделать: ни сгладить трудности, ни усилием воли изменить ход событий.

Оливер был холоден, немногословен, казалось, куда-то спешил.

— Оливер, — прошептала я в полном отчаянии, — дай мне свой адрес.

— Мой адрес? Зачем?

— А что, если завтра я не смогу быть в Лондоне? Ты в самом деле хочешь, чтобы я приехала?

— Хочу ли?..

Казалось, Оливер упал с небес. Он пронзил меня взглядом, исполненным искреннего волнения. Я вздохнула с облегчением, плача и смеясь одновременно.

— Я подумала... мы ведь собирались уехать вместе...

— Это невозможно. Кстати, я еду не завтра. Через час у меня поезд, и весь завтрашний день в Лондоне я буду чрезвычайно занят.

Я чуть не спросила, почему не могу поехать вместе с ним сегодня, но он опередил мой вопрос гримасой, которую можно было с большим трудом принять за улыбку.

— Я хотел бы тебя попросить меньше фантазировать. Тогда у тебя будет меньше разочарований.

С этого момента я научилась понимать Оливера с полуслова. И это заведет меня очень далеко, как вы сами увидите. Он оказался человеком властным — это бесспорно, знал, чего хотел, и было совершенно бессмысленно требовать от него дополнительных объяснений.

Мое сердце опять стало биться в нормальном ритме. Я вернулась к жизни и храбро собиралась попросить у Оливера денег, когда тот достал бумажник и протянул мне билет, а также конверт, явно содержащий крупную сумму, — доказательство того, что он подумал обо всем и искренне хотел увидеть меня в Лондоне. Если бы он начал с этого жеста, я бы не испытала ужасного отчаяния. Но, видимо, Оливер хотел, чтобы я почувствовала контраст между счастливым днем и одиноким отъездом. Столь несчастная всего несколько минут назад, я теперь была на вершине счастья, уезжая в одиночестве в свадебное путешествие.

Без тени смущения я опустила билет и конверт в сумку. Впервые я получила деньги от мужчины вот таким образом, к тому же деньги, в которых действительно нуждалась.

Оливер сказал мне «до свидания», не поцеловав даже (да и я тоже не люблю этих публичных поцелуев). И добавил:

— До завтрашнего вечера, в восемь в гостинице, — а затем тихо прошептал: — Ты — моя любовь. — Сказал это выразительно, доверительно и загадочно одновременно, как только он один мог это делать.

Расставшись с моим возлюбленным, я сто раз провернула в голове все возможные и невозможные причины, по которым должна ехать в Лондон в одиночестве. В конце концов одна из них показалась мне очень веской: Оливер женат; его жена живет где-то в Лондоне или между Лондоном и Парижем. А может быть, она осталась на Бораборе... Одно было точно: Оливер не хотел рисковать нашим счастьем — я ведь не могла остаться незамеченной. Куда там! И конечно же, я не отличалась платоническими отношениями с мужчинами — если только для этого были соответствующие время и обстановка. Да, я решила, что Оливер женат. Но какое это имело сейчас значение? Я знала, что ничто и никогда нас не разлучит. Я ему доверяла. Однажды он станет свободным. Он меня выбрал, он меня любил, он сказал: «В жизни можно иметь все, но надо знать, чего ты хочешь».

И вот я стою на борту корабля, прислонившись к рубке. Одна! Я отвернулась от берегов Франции и устремила взгляд к Англии. Луна освещала море. Я устроилась в шезлонге и курила сигареты, конечно же английские.

И вот заря уже окрасила гирлянды роз, оплетающих дома Дувра. Пароход причалил. Без всяких проблем я прошла паспортный и таможенный контроль. Кстати, в моем чемодане вещей было не больше, чем мне понадобилось бы для уик-энда. Начиналась моя странная

жизнь.

Для меня была заказана комната. Но на столе не оказалось цветов, которых я так ждала. Подумать о цветах было не в стиле Оливера.

В номере были две односпальные кровати. Ванная комната... Как долго я здесь пробуду?

Окна выходили в маленький сквер. Деревья начинали распускаться. Их ветви слегка шевелились от дуновения ветра. В Париже деревья высаживаются, потом обрезаются, и вид у них всегда благопристойный. В Лондоне они образуют настоящие оазисы из зелени, похожие на дикие леса, которые когда-то росли на месте города.

Мне захотелось прогуляться по этим неизвестным улицам. Я приезжала несколько раз в Лондон. У меня здесь оставались друзья. Я могла бы навестить их. По, расставаясь с Геттоном, я решила окончательно порвать с прошлым. Мне хотелось полностью изменить свой образ жизни, пустить новые корни. К этому желанию примешивалось сентиментальное предубеждение: я объяснила Оливеру свою жажду обновления, и это очень взволновало его и, как мне кажется, понравилось. Я жила только мыслями об Оливере.

Гуляя по улицам Лондона, я испытывала эйфорию от того, что чувствовала себя вне связи с прошлым, думала только об Оливере, о нашем настоящем и будущем.

Ровно в восемь вечера я ожидала его в вестибюле отеля, одетая во все белое, с английским васильком, приколотым к отвороту пальто. Я уже была чайкой, потом жаворонком; с какой птицей сравнит меня Оливер сегодня вечером?

В три минуты девятого он появился.

Никаких слов приветствия, никаких поцелуев. Оливер взял мои руки в свои и посмотрел на меня с нежной улыбкой.

— Наконец! — сказал он и огляделся. — А где твой багаж? Надо его спустить вниз — мы тотчас же уезжаем.

— Куда?

— У меня есть машина, дом и все для жизни, любимая.

— Подожди меня, я буду готова через десять минут.

Позабыв о лифте, я бросилась по лестнице с ощущением, что у меня вырастают крылья... Милый Оливер!

Десять минут спустя я уже была рядом с ним, и мы уехали.

Какое наслаждение следовать за тем, кого любишь. Я не задавала больше вопросов. Мы пересекли Лондон и его пригород. Проезжая, я мельком наблюдала сценки из жизни тех, кто скрывался за окнами, занавешенными кокетливыми занавесками и освещенными красным или золотистым светом.

Мы ехали уже около двух часов, и вот наконец машина остановилась. Оливер вышел, открыл дверь в стене из серого камня. Потом подошел к машине с моей стороны и взял меня на руки. Держа меня на руках, он переступил порог своего дома и закрыл дверь легким ударом ноги. Поднялся по ступенькам узкой и очень крутой лестницы и положил меня на кровать, освещенную лампой.

И тут я увидела охапку белых нарциссов с желтой сердцевинкой (единственный случай, когда Оливер подумал о цветах), после чего я уже ничего не видела, кроме Оливера.

На заре он сказал:

— Нам очень повезло, что ты так хорошо говоришь по-английски. Иначе тебе пришлось бы его изучить.

- Почему? Это совершенно не нужно, ты так хорошо говоришь по-французски.
- С этого момента ты будешь становиться англичанкой, — ответил он мне, смеясь.

Рай в шалаше

Дом, в который меня привел Оливер, назывался «Зеленые пастбища». Это был дом в саду. Ближайшая деревня в графстве Хертфордшир носила название Долина артишоков. За кажущейся простотой нашего жилища скрывался комфорт в чисто английском стиле. Мебель, изысканная посуда, широкие каминные, невинный запах лаванды, пропитавший все шкафы, старинные персидские ковры, поблекшие от времени, — все внушало мысль о мирном и прочном счастье.

Вдали поля плавно переходили в холмы, зеленая гладь лениво переливалась на солнце, как океан в тихий летний день. Высокие деревья, росшие вдоль дорог, видимо, уже не один раз отметили свое столетие. Мне казалось, что небо здесь сохранило отблеск всех солнц и лун начиная с глубокой старины. Голуби цвета старого золота ворковали на желобах домов.

Наконец я позволила распуститься во мне надеждам на спокойное существование, наполненное безмятежным счастьем. Сколько раз я отгоняла эти мечты от себя! Как бы я хотела пережить здесь великую и романтическую любовь!

Старый дом имел одну особенность: в нем отсутствовали какие-либо личные вещи. Я не нашла следов присутствия тех, кто жил здесь до нас. Однако он казался живым, вибрирующим, только заснувшим слишком долгим сном.

Я подумала, что Оливер давно не был в нем.

— Ты родился здесь? — спросила я однажды.

И опять увидела, как это уже случилось в Париже, что его лицо омрачилось.

— Я снял этот дом, — ответил Оливер, но так произнес эти слова, что у меня пропало всякое желание продолжать расспросы.

Возможно, жена Оливера жила в его фамильном доме? В моем воображении эта женщина существовала то в Англии, то за морями, на Бораборе. Хотя о Бораборе мы больше не говорили. Несомненно, Оливер жил здесь со мной тайно. Почту ему сюда не доставляли, я не замечала никаких признаков связи с внешним миром. Оливер ездил на старом, имеющем вид семейного, автомобиле.

У нас не было прислуги, мы этого не хотели; по крайней мере, Оливер решил прожить наш медовый месяц в полном одиночестве. Он выполнял всю ручную работу весело, ловко и быстро, как матрос. Мы застилали постели, готовили еду, всегда вместе мыли посуду. Не раз страсть заставляла нас позабыть закрыть кран в ванной, и тогда вода переливалась через край, или оставить молоко на включенной плите.

Мы жили вдали от всего — от друзей, от привычных для современной жизни развлечений. И я была на вершине блаженства.

— Как я счастлив, что ты круглая сирота, — сказал мне однажды Оливер. — Это чудо — встретить женщину и быть единственным, кто ею обладает, абсолютно единственным.

Любовь являлась единственным проявлением насилия в этой мирной жизни. Но какая любовь! Между нами не было места ни для кого, да и рядом не хотелось никого видеть.

Однажды осенним вечером маленькое существо проскользнуло к нам и устроилось в нашей жизни. Это был полосатый котенок, окрашенный в разные оттенки серого цвета и родившийся, казалось, из теплого пепла нашего очага. Мы с радостью приютили его у себя. Я назвала его, сама не зная почему, Франсуа.

Однажды Оливер сказал мне:

— Тебе следовало бы опять начать писать.

— О, это напрасная трата времени, все такое поверхностное и пустое. Это то же самое, как если бы я начала ткать ковер.

— Да нет же! Это всегда полезно; напиши роман, к примеру.

Я рассмеялась.

— Оливер, ты точно хотел бы засадить меня за дамскую работу!

— Ты себя недооцениваешь. Мне очень понравилась твоя книга «Дневные сны».

У меня перехватило дыхание.

— Где и когда ты ее читал?

— В Париже. Я заказал ее в книжном магазине на следующий день после нашей встречи. Ты видишь, до какой степени все, что касается тебя, вызывает мое любопытство?

— Тебе и вправду он понравился? Это странно; в тебе как бы двое мужчин, но я не могу понять, которому из двух этот роман мог понравиться. Конечно же, не моряку! Человек, для которого природа лишь приключение, никогда не смог бы заинтересоваться такого рода разглагольствованиями. Ну а что касается художника... Ты ведь реалист, и тебе не удастся ни за что на свете посмаковать эти сюрреалистические тексты.

— Да, ты права, во мне действительно два человека, но один уже не моряк, а другой... Если быть откровенным, дорогая, другой никогда не был художником.

Золотистые насмешливые искорки блестели в глазах Оливера.

— Тебе не нравится живопись, которой ты занимаешься?

— Совершенно нет, — холодно ответил Оливер. — Я рисую как могу! Ты думаешь, что это легко? — по-детски добавил он. — Я умел только одно: добросовестно перерисовывать фотографии.

— Ну, тогда зачем же ты занялся живописью?

— Что за вопрос? Я же не спрашиваю, почему ты пишешь стихи?

Конечно, это не одно и то же, но я воздержалась от мысли сказать ему это. Кстати, Оливер добавил:

— Это была тетива в моем луке.

Я совсем забыла, что Оливер продавал свои картины. (Именно такой вид портретов всегда хорошо продается.)

— Но я прекращаю занятия живописью. — Оливер потянулся с видом явного удовлетворения. — У меня есть другая тетива к моему луку.

О чем он говорил? На что он намекал?

— У меня есть один большой проект. Наклеивается выгодное дельце.

Если бы я услышала от кого-либо другого такие слова, меня бы покорило от этого. Но у Оливера был необъяснимый дар, свойственный подлинным аристократам, — придавать особый смысл словам, которые он употреблял. Я совершенно ясно увидела, как в руках Оливера блестят слитки золота.

Я уже научилась усмирять свое любопытство, поэтому единственное, на что я решилась, это бросить на него вопросительный взгляд.

— Я скажу тебе это позднее, — произнес он, — время еще не пришло.

Зная, что секретная атмосфера, в которой мы жили, необходима для нашего будущего, я с samozабвением доверилась Оливеру.

Время от времени Оливер отправлялся в Лондон. Я никогда не спрашивала, зачем он туда ездит. Оливер принадлежал к той категории мужчин, которым вопросов не задают. С

ними все всегда прекрасно и нет причин волноваться.

Иногда я ловила на себе внимательный взгляд Оливера. Он походил на альпиниста, созерцающего недоступную вершину горы, которую поклялся покорить. И тогда я думала, что он вел тайную, жестокую борьбу за то, чтобы я целиком принадлежала только ему.

Я прожила с Оливером почти четыре месяца, когда вдруг почувствовала каким-то необъяснимым образом, что в нем происходят перемены, почти незаметные на первый взгляд. Казалось, он полностью ушел в себя, в потайные уголки своего сознания. Что-то его явно волновало. Но что? Он был все такой же страстный, такой же пылкий в любви ко мне.

Я помню тот вечер, когда Оливер неожиданно раскрылся передо мной. Это было как удар грома среди ясного неба. Однажды на исходе прекрасного декабрьского дня, который мы провели, гуляя по окрестностям рука об руку, мы вернулись, свежие и отдохнувшие, в наш прекрасный дом. Открыв калитку, я увидела, как огонь камина нежно просвечивается сквозь красные занавески окон. С нежным и глубоким волнением я вспомнила отрывок из «Золотой стрелы» Марии Вебб:

«Помнишь ли ты историю тех, кто нашел золотую стрелу и кто уходит по дорогам, благоухающим запахом цветущих яблонь, сопровождаемый жужжанием пчел, без всякого желания быть вместе с кем-нибудь другим. Они счастливы, им не нужны ни огонь, ни свеча, моя дорогая. У них есть свой собственный свет: нежный свет боярышника, покрытого белыми цветами».

Я прошла через тенистый сад, легко опираясь на руку Оливера. В тот вечер я еще не знала, что для меня никогда больше не будет ни нежного цвета, ни цветов на кустах боярышника.

В объятиях Боа

Стоя на коленях перед камином, я поджаривала кусочки хлеба на решетке. Оливер чистил обувь, стоящую полукругом перед ним, как маленькие хорошо выдрессированные животные.

Он сидел на стуле, а казалось, что он сидит верхом на лошади.

Он держал сапожную щетку, похожую в его руке на сокола. Все, что бы ни делал Оливер, его малейший жест, вплоть до поворота головы, было преисполнено загадочной грации и изящества.

— Вот и закончился наш медовый месяц, — вздохнул он. — Вскоре мы расстанемся со всем этим.

Я повернулась к нему, сердце мое сжалось от страшного предчувствия. В голове быстро, как молния, промелькнула мысль: у меня с ним было всего четыре месяца жизни! Так вот чем объяснялись его отлучки, его молчание, постоянная погруженность в свои мысли! Оливер собирался уехать...

Взволнованная, я хранила молчание.

Слова Оливера содержали ужасную угрозу моему счастью.

— Иди ко мне, — сказал он, бросив на меня взгляд, с которым я так часто буду встречаться позже. Взгляд непроницаемый, похожий на темный бархат глубокой ночи.

Я бросила хлеб, сама не знаю куда, возможно, в огонь, и подошла к нему как под гипнозом. Он взял меня за руку и, потянув вниз, заставил опуститься на колени перед ним.

— Анна, — сказал он глухим голосом, — надо, чтобы ты узнала, кто я есть на самом деле.

Мое сердце билось так тяжело, что становилось трудно дышать.

— Анна... я — авантюрист.

Я уронила голову на его руку. С шестнадцати лет мне было запрещено плакать. Это считалось дурным тоном. И все же несколько круглых слезинок выкатилось из уголков глаз — единственное, что я смогла себе позволить в тот вечер.

— Почему ты плачешь? — спросил меня Оливер с такой нежностью, что я уронила еще дополнительно три или четыре слезинки.

— Оливер, ты собираешься меня покинуть, — произнесла я, высказывая вслух самое страшное опасение.

— Расстаться с тобой? Наоборот! — пылко воскликнул Оливер.

Эта загадочная фраза меня несколько утешила.

— Это ты меня можешь покинуть, — тихо добавил он, лаская мои волосы, как привычно гладят домашнего зверька.

Я прижалась к нему и спрятала лицо на его груди.

Смогу ли я отныне жить без него? Однако этот вопрос оказался преждевременным. Несколько секунд спустя я уже знала все или почти все.

Итак, Оливер оказался авантюристом. Должна сказать, что эта новость меня взволновала меньше той, что он художник...

Несколько минут мы молчали. Я не осмеливалась нарушить тишину. Именно тогда я спросила у самой себя: что же это значит — быть авантюристом?

Оливер не дал мне времени для решения, сам все объяснил.

Он надеялся с моей помощью получить неслыханное богатство. Я была потрясена, ужасно напугана... и польщена. Я все могла подумать, кроме этого. Предполагала, что он шпион, торговец наркотиками крупного масштаба или контрабандист. Но чтобы Оливер торговал моими прелестями... Я и впрямь не могла об этом подумать.

— Так что ж, — спросила я, еле сдерживаясь, — ты меня выбрал для этого?

— Да, — храбро ответил Оливер.

Инстинктивно я отшатнулась от него, как будто хотела защититься от удара. Оливер бросился ко мне.

— Анна, я тебя люблю. Ты — моя жизнь. Я хотел бы реализовать свои честолюбивые замыслы с тобой и для тебя. Мое честолюбие ужасно, оно пожирает меня, — добавил он, пристально глядя себе под ноги, как будто увидел это честолюбие там, подобное опасной змее. — Никакая сила в мире не могла бы быть для меня одновременно любовью и инструментом для достижения моих замыслов. Ты все для меня, ты не можешь понять глубинного смысла этих слов, но это правда! Я тебе клянусь, что это правда.

Он замолчал на несколько секунд, и я утонула в его черных глазах.

— Как ты могла подумать, что я не люблю тебя? — обиженно сказал он. — Ты фантастически прекрасна...

Мне безумно хотелось верить в любовь Оливера! «Лучше плохая погода, чем никакой» — гласит старинная английская пословица. Уж лучше вот такой Оливер, чем жить без Оливера.

— Но я считала, что ты хорошо зарабатываешь живописью.

— Речь идет не о большом количестве денег, — сказал Оливер с чувством отвращения. — Речь идет о состоянии.

Тогда я осмелилась привести несколько слегка устаревших аргументов в защиту простой, достойной и честной жизни.

— Но за такую жизнь надо рассчитываться из собственного кармана, — возразил Оливер, — а у меня, к сожалению, нет средств.

Тогда я извлекла на свет божий прах своих предков корсаров и их жен, умевших так ловко угождать венценосным монархам. Сказала ему о своем рафинированном образовании, а также о своих надеждах на успех.

— Да, — согласился Оливер, — ты создана для успеха. Послушай, Анна, — продолжил он, усаживая меня к себе на колени, — ты ведь необычная женщина, ты совсем не похожа на глупую, ограниченную и сентиментальную индюшку. Ты же не собираешься продолжать эту мешанскую жизнь долгие годы? Ты создана для борьбы, для триумфа, ты способна одержать верх, используя женские чары!

Мне показалось, что я слышу раскаты пушек на пиратском корабле моего предка. Я напустила на себя роковой флер. Ведь есть же мужчины, которые считают своим долгом принимать воинственный вид при первых же звуках военных маршей.

Если бы я могла предвидеть будущее и знать подлинные размеры безрассудства и честолюбия Оливера, я бы поняла, до какой степени жалким казался ему идеал рая в шалаше!

Подленький голосок изнутри прошептал вдруг: «А ты хотя бы уверена, что речь не идет о поездке в Буэнос-Айрес?» Да и кому это нужно в Буэнос-Айресе — мое образование, культура, «фантастическая красота», неотразимый шарм и старинное британское имя? О Бог мой!

Оливер изложил мне свой план. Подобно Александру Македонскому, он всегда составлял планы, отличавшиеся высоким мастерством. Выслушав его, я робко спросила:

— А... Борабора?

— Дойдем еще и до Бораборы, — ответил он. — Мы туда прибудем на прекрасной белой яхте. Я никогда не забываю своих обещаний.

Само собой разумеется, прекрасная белая яхта фигурировала в списке мелочей, которые следовало приобрести. Немного позже я спросила:

— Почему ты не стал актером? Кинозвездой? Ты бы имел бешеные гонорары в Голливуде, я в этом совершенно уверена.

— Ну и что?.. Я зарабатывал бы столько же, сколько Рудольф Валентино. Но какой образ жизни пришлось бы вести для этого? — ответил мне Оливер с полным презрением в голосе к этой профессии.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Предстояло пережить большое приключение с козырными картами в руках и любовью Оливера. Да, я не сомневалась в том, что Оливер меня любит. Мы всегда находим причины, чтобы высмеять все, но нет ничего более великого, чем настоящая любовь.

— Судьба улыбается честолюбивым, — заключил Оливер, крепко целуя меня.

И вновь я почувствовала кольца удава под мускулами этого человека.

Ночью поднялся сильный ветер. Он стонал над домом, как мечущаяся душа, и ничто больше в Оливере не предвещало нежного и спокойного убежища, сердечного покоя, способного защитить меня от волнения, все более завладевающего мной. Я еще могла бы укрыться, спрятаться от этой странной судьбы. Могла бы встать и уйти прочь. Ничего не могло бы быть хуже, чем ужас морального одиночества, давящего меня ледяной рукой. Но я была не способна сбежать, мне действительно не хотелось покинуть Оливера. Да и хотелось ли в дальнейшем когда-либо сделать это?..

Мне придется расстаться с родными мирными берегами, чтобы устремиться в неизвестный океан. Отправиться в путешествие — и какое путешествие! — в рамках кодекса, балансируя по канату с моим «неотразимым шармом» и железной волей Оливера.

В этот момент я почувствовала тельце Франсуа, который прижался ко мне, громко мурлыкая, такой теплый и полный жизни! Я нежно прижала его к себе, почти счастливая от того, что слышу это мурлыканье...

План Оливера был прост.

Мы уедем в Сингапур на шикарном пароходе. Будем делать вид, что не знаем друг друга. Затем он найдет возможность быть официально представленным мне. Пустит на осуществление этого плана все имеющиеся деньги, ну а я должна буду подцепить на крючок мультимиллионера — можно, конечно, и мультимиллиардера. Роль подставного лица, которую определил себе Оливер, заключалась в создании благоприятных для ситуации обстоятельств (если в этом будет необходимость) при помощи какой-то секретной стратегии, которую он от меня тщательно скрывал.

Мое имя, образование, профессия писателя, так же, как и мое состояние, в нужный момент ненавязчиво выставленное напоказ, — все это поможет мне избежать любой двусмысленности.

Оливер был чрезвычайно горд своим планом. В оправдание нашего замысла я вспомнила о самых знаменитых авантюрах прошлого. Клеопатра задумала соблазнить Цезаря для того, чтобы побудить его завоевать трон фараонов. Мадам де Помпадур была воспитана и обучена специально для Людовика XV, который должен был встретиться с ней, конечно же «совершенно случайно», на прогулке в лесу, если я не ошибаюсь.

Совесь, заменяющая мне душу, была слишком незрелой, чтобы иметь силы сопротивляться моим амбициям. За две-три ночи она и вовсе замолчала. При помощи нескольких вливаний виски я пыталась бороться с тайной печалью, затаившейся где-то очень глубоко во мне и похожей на покинутого котенка, грустного и недоверчивого. Я говорю о сентиментальном сожалении о верной любви. Прощай, романтика! Снятая с престола, она укрылась где-то очень глубоко в моем сердце.

Как мне понравилось заниматься покупками! Попробуйте предложить женщине сразу, не считая денег, все, в чем она нуждается, и вы посмотрите, сможет ли она сопротивляться. Я, конечно же, тотчас вошла во вкус.

Никогда, даже в те времена, когда была госпожой Ален де Брэ, я не располагала такими суммами на туалеты. Мы могли бы спокойно жить на протяжении четырех или пяти лет в нашем милом доме на деньги, потраченные мною за несколько дней.

Но что для Оливера четыре-пять лет спокойной жизни...

Итак, я одна отправилась в Лондон и вернулась вскоре, нагруженная первыми покупками. Как ребенок, показывающий новогодние подарки, я продемонстрировала свои наряды с видом настоящей манекенщицы. Восхищенный Оливер затаил дыхание. Сначала я примерила муслиновый костюм ярко-бирюзового цвета, широкие рукава которого были отделаны белым песком (может, белый песок — слишком жарко для Сингапура? Поживем — увидим...). Затем продемонстрировала вечернее платье, синее, как летняя ночь, с накидкой из муслина того же цвета на белоснежной подкладке.

— Чудесно... Ты похожа на гардению, освещенную луной.

Наконец я продефилировала перед ним в трикотажных, плотно облегающих тело, платьях синего, белого и небесно-голубого цветов. Последним было белое платье в синюю полосу.

— Тебе настолько нравятся голубой и белый? — неожиданно спросил Оливер, потрясенный демонстрацией моих туалетов в голубой гамме. — А ты ведь права — эти тона

тебе изумительно идут. По правде говоря, такая индивидуальность — гениальная находка. Постоянное повторение одной и той же гаммы — в высшей степени гениально и загадочно... До сегодняшнего дня я не замечал, что ты всегда одета в голубое, белое или в бело-голубое. Ты похожа на цветок, на редкую бабочку. Кто тебе подсказал эту идею?

— Речь идет не об идее, а об обете. Я дала обет деве Марии, — невинно ответила я.

Видно было, что Оливер не понял. Он лишь задержал дым своей сигареты, крепко сжав губы. А затем у него вдруг перехватило дыхание.

— Что ты сказала? Ты дала обет Святой деве?

— Ну, да, в детстве я очень серьезно болела, и мама доверила меня Святой деве до моего первого причастия. Но за несколько месяцев до причастия мне ужасно захотелось купить красное пальто, которое мне изумительно шло. Ах, это красное пальто! Я вижу его как сейчас... Мама уступила моему капризу. Так вот, как только я надела свое красное пальто, я тотчас же подхватила другую гадкую болезнь — брюшной тиф, от которого чуть не умерла. Тогда моя бедная мать вновь дала обет Святой деве, но уже до моих тридцати лет. Я не должна носить ничего, кроме белого и голубого. Это не очень-то легко. Иногда приходится побегать, чтобы подобрать в тон сумку, перчатки, туфли...

— Да, я никогда не смог бы придумать такое! — воскликнул Оливер.

Первый и последний раз я слышала, как Оливер смеется по-настоящему: он сотрясался, сгибался вдвое, из глаз катились слезы.

— Да ведь это чистой воды предрассудок, — сказал он, перестав смеяться.

— Нет, уверяю тебя. У меня нет ни малейшего желания нарушить обет еще раз. Это очень серьезно, я...

Оливера снова охватил безумный смех.

— Ты! Чтобы ты — обет Деве!.. О, как это забавно, смешно, просто нет сил! Это так побретонски! — воскликнул он, склоняясь над своим носовым платком.

Естественно, ведь англичане — протестанты и не верят в Деву.

Как бы там ни было, но для бледной брюнетки, какой я была, синее и белое подходило просто идеально.

Наконец Оливер успокоился и сказал:

— Боже, до чего гениальное кокетство! Да лучше просто невозможно было придумать! Это делает твою полярную красоту еще загадочнее, чем лунная ночь. Однако советую тебе, дорогая, никогда больше не говорить о Деве, — добавил он совершенно серьезно. Но еще и вечером он хихикал, вспоминая мою историю.

Однажды Оливер уехал рано утром в Лондон и вернулся поздно вечером с довольным видом. Он сказал мне:

— Мы уезжаем двадцать второго.

Я хорошо помню, что было это шестнадцатого.

— На борту будет Седрик, лорд Давентри. Он возвращается в Сингапур после шестимесячного пребывания на своих землях. Солидное состояние, шестьдесят лет, крепкий орешек.

— Крепкий орешек?

Я вдруг разволновалась.

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

Да, я поняла, что мне придется потратить много времени, прежде чем этот граф Давентри дойдет до нужной кондиции.

— Там также будет мисс Пенроуз, знаменитая Дороти Пенроуз. Ты быстро сойдешься с ней, так как она знает всех. Она живет в Азии уже двадцать пять лет. Она — это что-то! Все должны знать, что ты направляешься в Сингапур, чтобы написать экзотический роман. Это прекрасный повод для знакомства. Что касается остального, то я полностью тебе доверяю, — продолжил Оливер.

Ну вот! Все так просто! А в принципе, что же изменилось? Я все та же Анна де Даула, не так ли?

Но все происходило отнюдь не в розовом свете. Грустный и одинокий кот часто приходил ко мне по ночам посидеть на краешке моего сердца. И его слабое мяуканье умоляло меня открыться ему.

Доза виски повысилась: это было единственное средство от сомнений и желания все повернуть назад. Все казалось бессмысленным и жестоким.

И вот наступил день, на исходе которого мне пришлось сказать своей хижине «прощай»...

Когда я услышала, как в последний раз поворачивается ключ в замочной скважине, я чуть не разрыдалась. Как глупо! Мой безутешный призрак отделился от моего тела и устремился к закрытым ставням, чтобы постучаться в них дрожащей рукой. Ставни напомнили мне навсегда закрывшиеся глаза.

Именно в этот момент я почувствовала, как моя жизнь отделяется от жизни Оливера. Мы уже не тайные любовники вдали от всего мира; мы теперь запретные любовники. Сколько же времени пройдет, прежде чем мы сможем вновь жить вместе?

Оливер, в отличие от меня, никогда не мечтал о нашей совместной жизни в мире и покое. Но на моем заплаканном лице он прочитал прощание с этим счастьем, обнял меня и долго и нежно целовал. Сквозь неплотно сжатые ресницы я увидела линию его щеки, тень от волос на висках, и мне показалось, что это в последний раз. Резким движением Оливер отстранился от меня.

— Ну, Анна, будь храброй и хладнокровной! Договорились?

Я села в машину рядом с ним, не глядя на «Зеленые пастбища». На коленях я держала корзинку с Франсуа. Котенок немного помяукал, а затем затих и оставался спокойным и доверчивым на протяжении всех странных событий, следовавших затем.

Мы быстро ехали в ночи. Так вот какое у меня свадебное путешествие! По дороге мы пообедали в придорожном ресторане. Я сказала Оливеру, что вот уже скоро пять месяцев, как не была близка ни с кем, кроме него.

— Как странно, — сказала я ему, — ты становишься чужим именно в тот момент, когда мы вливаемся в человеческое общество! Теперь я буду тебя видеть, буду на тебя смотреть издали!

— Не так уж издалека.

В Саутгемптоне Оливер проследил за погрузкой моего багажа в такси. Мне предстояло провести ночь одной в гостинице. Он так решил. Я боялась этой первой ночи в одиночестве, но не осмелилась ничего сказать. Мне также не хотелось показывать свою растерянность, потому что Оливер уже совсем не походил на человека, которого тронула бы женская печаль.

Он закрыл дверцу такси, отступил на несколько шагов назад и еще раз ожег меня, как молнией, своим взглядом.

Сомнений не было: я пойду за ним на край света.

Этой ночью я заснула одна, говоря сама себе, что мое теперешнее положение, тем не менее, лучше того, в котором я находилась во времена Геттона, — без любви и без денег...

Охота за миллионером

На следующий день осторожно, как волк, входящий в телятник, я пробралась на борт парохода.

Оливер продумал мой образ в мельчайших деталях. Каюта, заказанная им для меня, соответствовала солидному состоянию и положению, которого я не имела. Первый класс, традиционный британский люкс. Ужасный стиль, столь дорогой для профессиональных декораторов, еще не проник сюда. Все окрашено в белый цвет, мебель — красного дерева, с медной инкрустацией, обивка цвета морской волны, со скромным украшением гербами знаменитой лиги «Солнечная луна».

Франсуа, извлеченный из плетеной корзинки, исследовал свое новое место жительства. Осторожно, как гангстер, он осмотрел все уголки, все ходы и выходы, затем пометил свою ванночку, наполненную мелко разорванными газетами (позднее он перешел к инспекции всего парохода, начиная с машинного отделения и заканчивая каютой капитана, и, как мне кажется, сделал интересные личные выводы).

Я поспешила вписаться в эту декорацию, слишком девственную и даже слегка враждебную, создав вокруг легкий женский беспорядок. Корабль поднял якорь. Я слышала нежное и глубокое дыхание его легких, пульсацию сердца, перекачивающего тяжелую и вязкую черную кровь — масло наполняло его артерии. Но я не испытала особого волнения, свойственного великим открытиям. Не вышла на палубу и даже не захотела бросить прощальный взгляд сквозь иллюминатор... Вытянувшись на кушетке, зажав голову руками, плотно закрыв глаза, я мучилась, как от сильной зубной боли!

Абстракция начала материализоваться. Я находилась на своем рабочем месте. И та правда, которую знали только мы с Оливером, меняла внешний мир.

Прежде чистота моих намерений придавала мне аристократическую уверенность, которая делала меня неуязвимой перед толпой. Но теперь я влезла в роль авантюристки, и мне приходилось все время помнить об этом, чтобы скрывать тайну от нескромных взглядов. Не думайте только, что это легко. Даже при отсутствии всяких предрассудков рассматривать всех мужчин с точки зрения наличия у них денег, когда уже есть привычка рассматривать их с точки зрения возможной любви, трудно. Я явно была смущена. «Внимание! Авантюристка!» — читалось, как мне казалось, совершенно четко в моих глазах.

Тем не менее Оливер был категоричен: удача в осуществлении задуманного заключалась в том, чтобы никто не мог предположить, что я ищу богатства, никто, даже самые заинтересованные (вернее сказать, заинтересованный). Я еще не знала, как при этом явном противоречии я могла надеяться на удачную охоту. Оливер наблюдал за мной на протяжении долгих недель, прежде чем доверил мне руль фортуны, а этот Пигмалион ничего не доверял случаю.

Во время ужина мне понадобилось прибегнуть ко всей моей смелости, чтобы пройти через громадный зал ресторана. Пять месяцев одиночества, прожитых в компании одного Оливера, приучили меня воспринимать самые невинные человеческие отношения как нервный стресс.

К счастью, в первый вечер не одеваются специально к ужину — такова традиция (я говорю о хорошем тоне!) на пароходах. В темном жакете, застегнутом наглухо, я была менее... видимой.

С другой стороны, первый день в море дает всем ощущение неустойчивости, волнения или подавленности. Одни становятся больными, другие находятся в состоянии беспокойства или беспричинной эйфории. Играет роль все: расставание, обустройство, различного рода требования, поручения; все находится в подвешенном состоянии — как матери семейств, так и деловые люди. Это общество будет погружено само в себя еще в течение нескольких часов, прежде чем начнет зарождаться взаимное любопытство, интерес к тем, кто принадлежит этому же кораблю.

Как только я переступила порог ресторана, один из официантов взял меня под свою опеку.

— Вы одна, мадам?

— Одна.

Затем я пересекла зал, состоящий из леди и джентльменов, головы которых образовывали что-то вроде выставки хризантем. Мой растерянный взгляд различал только разноцветные шары без лиц. Оливер был прав. Строгое воспитание, полученное в родительском доме, научило меня владеть эмоциями. Я не утратила чувства достоинства, усаживаясь за маленький столик, расположенный, слава Богу, в углу зала. За спиной врагов не было! Официант поправил скатерть, передвинул, согласно ритуалу, прибор и замер.

Я заказываю птичью порцию. Во время еды внимательно читаю «Контрапункт», не понимая ни строчки. С тревогой спрашиваю себя, не составляют ли моя сдержанная смелость и способность следовать собственному капризу восемьдесят процентов моего шарма. Обычно я чувствовала себя слишком нарядной, чересчур привлекательной. Не взорвется ли моя женская соблазнительность, если я буду манипулировать ею слишком храбро и изобретательно?..

С этой ночи я решила проводить совещания с Оливером, чтобы информировать его о своих сомнениях в правильности поведения. Но где найти Оливера?

Чашка кофе придала мне отваги. Я осмелилась заказать рюмку коньяку — женщина без спутника никогда не заказывает алкоголь. Неважно! Я это делала когда-то, и это никак не повлияло на мой стиль поведения!

Я облокотилась на столик, сев слегка боком, закинув ногу на ногу, и зажгла сигарету. Бросила рассеянный взгляд вокруг, а затем томно опустила его. Я обнаружила обычное скопище мужчин и любопытных женщин, но никаких следов Оливера.

Когда я встала из-за стола, мое недомогание исчезло, я вновь стала сама собой: молодой красивой женщиной из высшего света. Выходя из ресторана, я встретила с Оливером. Он пропустил меня, бросив на меня взгляд, исполненный восхищения. Все это выглядело очень естественно. В пользу какого зрителя играл он так хорошо эту комедию? Двадцать человек, а может, и больше, устремили на нас свой взгляд. Самый внимательный наблюдатель не смог бы обнаружить ни малейшего мошенничества во встрече этих незнакомых друг с другом мужчины и женщины...

Удаляясь, я вдруг услышала чей-то громкий голос:

— Оливер, сюда! Ну как же вы так опоздали, дорогой?

Это был хриплый голос какой-то старой английской вороны.

Я вернулась в свою каюту.

Следуя своей милой привычке, я надушилась справа перечной амброй, а слева ванильной розой. Затем, томно растянувшись на кушетке, убаюкала себя надеждой, что смогу предложить Оливеру первую ночь в море. Сняла защелку с двери своей каюты. Но

Оливер был слишком осторожным, чтобы прийти ко мне.

Я испытала горькое разочарование.

Сначала я имела глупость ориентироваться на молодых и красивых мужчин. К счастью, они были редки на борту, как, впрочем, и повсюду.

Но я вовремя сообразила, что мужчины никогда не бывают достаточно богатыми, как того хотела бы авантюристка высшего класса. До этого момента я никогда не обращала ни малейшего внимания на подобного рода проблемы, так же как и не пыталась углублять свои знания в этой области.

Сначала я клюнула на внешнее проявление богатства: еще одна ошибка. Самые шикарные кошельки, самые роскошные часы с браслетами, костюмы от самых модных портных являются почти безошибочным признаком человека, озабоченного денежными проблемами.

Очень богатые мужчины, напротив, не обращают никакого внимания на поношенность своей обуви или на складки мятого костюма, ставшего привычным другом. Они совершенно не заботятся о том, чтобы казаться тем, чем они являются: богатыми. Их уверенность в себе является прирожденной, они живут в стабильном материальном благополучии.

Есть что-то общее между богатством мужчин и честью женщин: чем меньше они имеют, тем больше придумывают.

В то время как мое внимание было почтительно сосредоточено на нескольких мужчинах, одетых в костюмы из мягкой фланели и обутых в туфли из блестящей кожи, обслуживающий персонал с ненавязчивой вежливостью устремлялся к совсем другим пассажирам, одетым в вытянутые на коленках брюки и изношенные сетчатые рубашки, не пахнущие лавандой на расстоянии десяти шагов. Я с беспокойством спрашивала себя, куда же мне следует закинуть удочку?

Постепенно я начала отличать зерна от плевел. Но кто же среди этих зерен лорд Давентри? Было бы лучше, если бы я следовала плану, разработанному Оливером. Как выйти из одиночества, чтобы проникнуть в среду, в которую я должна вписаться как можно естественнее и в которой должна сблизиться с достопочтенной Дороти Пенроуз?

Никаких следов Оливера. Хотя я и должна была проникнуть на свое поле деятельности без всякой помощи с его стороны.

Первый день так и прошел, не дав покоя моему воспаленному мозгу. Без сомнения, я потеряла счастливую непринужденность, время, когда свобода моих привычек была просто-напросто свободой.

Размышления над этим привели меня к мысли, что мне следует вести себя с той непринужденностью, которую может себе позволить светская дама. Ребенок или собачонка, оказавшиеся рядом на пляже или курорте, могут помочь вам легко установить отношения. На следующий день после моего приезда я вывела Франсуа на прогулку. И я не ошиблась: котенок сразу же привлек внимание собак, тянувших на поводке своих хозяев, и нескольких детей, увы, без всякого сопровождения, а также независимого вида господ и достопочтенной Дороти Пенроуз. Это была смуглая пожилая дама, затянутая в брюки, как в перчатку. Подобно многим женщинам, лишенным женственности, она обладала огромными ягодицами и такими же грудями. Отличались они друг от друга разве лишь тем, что ягодицы располагались сзади, а груди — спереди. Ее голова напоминала голову бульдога, покрытую белыми волосами, а в целом она была похожа на римского императора.

Дороти непрерывно курила и пила, как песок, впитывающий воду, при этом совершенно

не пьянея. Казалось, если к ней присоединить кран, из которого постоянно течет виски, он работал бы без остановки. Она была смешлива и общительна, а по манере вести себя в ней нельзя было не признать настоящую леди. Она взяла моего котенка на руки и тотчас же увлекла меня к бару, в котором в этот момент никого не было. Я была довольно робкой в своей новой роли — роли авантюристки, и мне понравилось, что вокруг нас не было мужчин.

За десять минут Дороти Пенроуз удалось сорвать с меня покров инкогнито. Анна де Даула, поэзия авангардного направления, журналы «Зенит», «XX век» и т. д., и т. д. Я знаю все это понаслышке, я слышала разговоры о Кокто, о Пикассо; они не были тогда знамениты, но о них уже говорили в салонах. Кого следует принимать в расчет, так это Бернарда Шоу; Англия с таким же упорством придерживается старины, как Франция склоняется к авангарду.

— Что вы собираетесь делать в Сингапуре, моя дорогая? — спросила меня мисс Пенроуз с непосредственностью, свойственной представителям светского общества.

— Меня разбирает любопытство, — лаконично ответила я.

— В таком случае, смогу быть вам полезной, я знаю все и всех. Я живу в Юго-Восточной Азии вот уже двадцать пять лет. Покойный брат еще при жизни увез меня туда с собой, и с тех пор я так и не смогла привыкнуть к Англии. Жизнь так чудесна, интересна и неожиданна, — сказала она, дегустируя свой первый стаканчик виски.

Бар потихоньку заполнялся. Я выпила столько же виски, как и Дороти Пенроуз. Мужские и женские голоса тихо кружились вокруг меня. Тем не менее мне удалось взять себя в руки. Да, кстати, я совершенно забыла о том, что нахожусь в баре «Букингейма», который направлялся в Сингапур.

По правде говоря, каким все кажется простым, когда нет никаких проблем.

Вскоре наши два табурета были окружены заискивающими, веселыми господами, с которыми я беседовала без всякой причины. Но среди всех этих Гордонов, Дартмуров не было никого, хотя бы отдаленно напоминающего Давентри. Напротив, Оливер, мой Оливер, появился на несколько минут. При виде его я почувствовала сильный удар сердца.

— Привет, дорогой! — воскликнула Дороти Пенроуз. — Как поживаете? Так долго мне не выпадало счастья видеть вас.

Оливер подошел к нам.

— Я пересек Тихий океан и провел некоторое время на Бораборе, — сказал он, не глядя на меня.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими словами, в то время как какой-то туман заполнил мою голову чем-то мрачным и удушающим. Но я очень быстро обрела хладнокровие.

— Представляю вам Оливера Дивера. А это — Анна де Даула, — сказала Дороти Пенроуз, ни о чем не догадываясь.

Пожимая его сильную руку, мне удалось заглянуть Оливеру прямо в глаза. Между ними завязался разговор. Я же сидела молча, отстраненно, всем своим видом показывая, что мне это неинтересно.

«Ну вот, — сказала я себе, — первая опасность позади».

Почему я всего так боялась? Почему воображала, что правда всегда очевидна? Все прошло замечательно. Мисс Пенроуз и я уже накоротке: она стала «моя подруга Дора», а я — ее «дорогая Анна».

В эту ночь я уже собиралась засыпать, счастливая и спокойная, когда кто-то поцарапался в мою дверь. Безусловно, это был Оливер. Я открыла ему. Я воображала себе, что Оливер заключит меня в свои объятия, поцелует, возьмет на руки так, как он это делал всегда, а затем уложит меня на кровать со свойственной ему мужской уверенностью в себе...

Ничего похожего! Оливер мне сухо сказал:

— Все идет хорошо... Седрик Давентри на борту.

— Какой он из себя? — взволнованно спросила я.

— Он сказочно богат, — сказал мне Оливер тем же тоном.

— Я это подозреваю, но не это хочу знать, — произнесла я с какой-то нервозностью. —

Какой он... внешне?

— Он такой, какой он есть. Не волнуйся, это трудный тип, не делай ничего, чтобы сблизиться с ним; случай не замедлит представиться сам собой.

— Оливер, — спросила я тихо, — я понравилась тебе сегодня вечером?

— Ты просто изумительна, удивительно хороша. Я тебя обожаю, — сказал он, взялся за ручку двери и исчез.

«Ну вот, — горько подумала я, ложась спать, — я выхожу на сцену с лордом Давентри! Какой-то господин, полный чванства, неудобный во всех отношениях, да к тому же, может, еще и женоненавистник! В конце концов, — сказала я сама себе, — не так уж их и мало, этих миллионеров, на белом свете хватает и холостяков. Считаю, что в этом году урожай на миллионеров будет прекрасный. Это отмечается во всех районах, где их выращивают».

Пень, покрытый лишайником

На следующий день, в час, когда миллионеры идут пропустить стаканчик, я уже была в баре вместе с Дороти Пенроуз, которая «пропускала» виски, как нефтяник пропускает нефть. Не хватало только трубопровода, но она без него прекрасно обходилась. Находясь в одном из углов бара, как на якоре, она напоминала корабль, пришвартованный в заливе. Мисс Пенроуз педантично накачивалась виски, подобно кораблю, загружающему свои трюмы.

Первый вошедший миллионер предстал перед моими глазами в первый раз. «Это он», — сказала я сама себе с каким-то странным ощущением в области сердца. Хоть он и нес на лице печать благополучия и знатного происхождения, он был очень толстым, я их такими именно и люблю — не слишком старых, со здоровой загорелой кожей лица, прямыми волосами, коротко подстриженными и совершенно седыми. Он был одет во фланелевый костюм цвета корицы; пурпурная гвоздика красовалась в его петлице, как символ мира и радости.

Леди Пенроуз повернулась спиной к двери; миллионер тяжело опустился на табурет напротив бармена, вытянувшегося перед ним уважительно, но с улыбкой.

— Джин! — сказал миллионер жизнерадостным и с приятной хрипотцой голосом. Затем извлек из кармана газету и принялся ее читать, бросая время от времени рассеянный взгляд голубых глаз.

На нас он не взглянул ни разу.

Все так же болтая с мисс Пенроуз, я внимательно рассматривала его. Вне всякого сомнения, это был лорд Давентри, остававшийся до настоящего времени невидимым, как это удается великим людям, живущим повсюду как у себя дома. Их обслуживали в каютах высшего класса.

Ну что же! Лорд Давентри был красивый мужчина с красивыми мускулистыми руками. Маленькие морщинки вокруг его глаз свидетельствовали о наличии чувства юмора, мощный затылок говорил о большой физической силе. Все это прекрасно, и я не имела ничего против того, чтобы принять этого миллионера в мой интимный мир. Именно в этот момент мое внимание, вероятно, привлекло и его внимание. Он резко повернул голову ко мне, наши глаза встретились... и с сожалением расстались из вежливости. Но почти тотчас же голубой огонь его глаз вернулся ко мне. Это повторялось с регулярностью вращающегося прожектора, и я почувствовала себя ярко освещенной.

«Попался, — сказала я сама себе. — Вот так всегда! Самые пресыщенные мужчины остаются беззащитными перед определенным типом женщин. Я — его тип, это очевидно». Моя эйфория все возрастала, и это длилось до тех пор, пока я не увидела, как в бар вошел почтенный старик весьма ядовитого вида и направился прямо к моему миллионеру. Последний, перестав созерцать меня, повернулся к вновь вошедшему и сказал:

— Давентри, как дела?

Я выдержала удар по-спортивному, даже не дрогнув.

Корсару, идущему к цели,

Нужна иль победа, иль смерть...

Ну что ж, я нацелилась на Давентри и я держу его под прицелом своих пушек. Выше флаги!

Ничего! Все впустую. Старый англичанин отказался от сражения.

Лорд Давентри был прототипом всего, что я ненавижу в людях. Очень высокий, худой, бледный, темные глаза подернуты тусклой пеленой, как некоторые сорта черного винограда.

«Как, — подумала я с явным беспокойством, — как зажечь хоть маленькое пламя в этом пне, покрытом лишайником?»

Оливер явно преуменьшил, когда говорил, что это равнодушный человек. Это был просто-напросто мертвец. И мне надо было воскресить в нем человека!

Как будто для того чтобы подтвердить мое впечатление, лорд Давентри неожиданно бросил на меня взгляд: мне показалось, что на мою сияющую красоту высыпали пригоршню пепла. Может, у меня брови были выщипаны неодинаково? Или слишком широкие плечи? Слегка припухла левая лодыжка? Нет? Да!

В свою очередь я бросила на лорда Давентри взгляд, как камень в собственный огород. И подумать только, что в случае удачи я буду вознаграждена присутствием этого достойного старца в пижаме в моей личной жизни!

Мне понадобились еще две порции виски, чтобы справиться с этой ужасной перспективой. В бар входили люди, шумные и жизнерадостные. Достопочтенная Дороти, резко повернувшись, заметила наших соседей.

— Здравствуйте, здравствуйте, — радостно сказала она им. — О! Хьютон! Ну подойдите же сюда на минутку. Я должна вас представить госпоже де Даула.

Вот и вторая проблема решена с легкостью. Знакомство состоялось. Я пожала сильную горячую руку Хьютона. Он слегка задержал мою руку, после чего я ввела свои два пальца в металлический холодный цилиндр, который был рукой Давентри. Я тотчас же решила сосредоточить все свое внимание на Хьютоне. Из кожи вон лезла, чтобы ему понравиться. К тому же кто знает, не смогу ли я одновременно разогреть этим лорда, состоящего из льда и стали? Но, по правде говоря, мне этого совершенно не хотелось, особенно когда мисс Пенроуз сказала, слегка отвернувшись в сторону:

— Хьютон — изумительный мужчина, вы не находите? Знаете, он необыкновенно богат. Это тот самый знаменитый Хьютон-каучук.

— Я не знаю, кто это такой, Хьютон-каучук, — ответила я.

Дороти громко рассмеялась.

— Я забыла, что вы поэт... Ну так вот, дорогая Анна, проснитесь. Это Хьютон — производитель шин, величина мирового масштаба.

— А!

— Вы представляете хоть немного, что это означает? — прошептала она мне. (Оливер! Оливер! Ты и впрямь плохо осведомлен!)

Во время обеда я прошла перед равнодушным оком Оливера, окруженная, как покрывалом из меха шиншиллы, нежной предупредительностью Хьютона. Что-то вроде спортивной команды вращалось вокруг нас, как вокруг мяча для игры в регби. Снаружи люди, должно быть, спрашивали: что там происходит?

— Это Хьютон, — говорили те, кто знал, какой мяч находился в центре свалки.

Во время еды я также не была одинока. Хьютон рядом со мной был одновременно и как отец, и как опытный соблазнитель. Я смотрела в будущее с возрастающим оптимизмом Чем легкомысленнее женщина, тем серьезнее ей надо обдумывать свои действия. Я решила довести Хьютона до настоящей страсти ко мне.

Около часа ночи Дороти Пенроуз и Хьютон проводили меня до моей каюты.

— Подумать только, я знаю вас всего пять часов, но мне уже так тяжело расставаться с вами! — сказал мне, смеясь, великий Хьютон.

— У нас впереди еще столько дней, чтобы вместе повеселиться, — ответила я, отстраняя его нежным жестом руки и настойчиво придерживая другой мисс Пенроуз.

— Зайдите выпить последний стаканчик виски ко мне, — сказала я ей.

Закрыв дверь, Дороти заявила мне:

— Вот мужчина, который будет счастливым всего через несколько дней, если вы решите подарить ему счастье.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила я достаточно невинным видом.

Кстати, невинный вид — единственный, который мне не удастся. Вот почему мисс Пенроуз ответила:

— Да вы знаете это так же хорошо, как и я. Вы настоящая женщина-вамп.

Одна из моих карт была бита.

— Этот мужчина дьявольски соблазнителен, — заявила я с удовлетворенным вздохом.

— Я знаю Хьютона вот уже десять лет, даже, может, и больше! Он всегда волочит за женщинами, но так, как сегодня вечером, — никогда.

— Это правда? — спокойно воскликнула я.

Я зевнула, но с таким изяществом и скромностью, что только крылья моего носа выдали это.

Мисс Пенроуз проглотила свое виски одним глотком и направилась к двери.

— Ваша красота крайне опасна, моя дорогая, — сказала она, прежде чем окончательно уйти.

Оливер, должно быть, прятался где-то поблизости, так как он вошел, крадучись, как только удалилась моя гостья. Стройный, прямой и такой красивый, что желание разлилось по моему телу, как крепкий алкоголь. У него был недовольный вид, а я не была расположена к выслушиванию упреков.

— Анна, — начал он, но я закрыла ему рот неистовым поцелуем.

Он слегка напряг мускулы, как бы сопротивляясь, а затем сомкнул свои руки на моей спине, легко поднял меня в воздух и уложил на диван. Возмущенный Франсуа уступил нам место и, полный презрения, отправился под единственное кресло.

Немного позже моя голова покоилась на груди Оливера, и я слушала биение его жестокого сердца. За ураганом страсти не последовало ни одного нежного жеста. Я бросила взгляд на его лицо.

— Итак? — спросил он меня, что значило: как дела?

— Итак, — ответила я с насмешливой улыбкой, — ты знал, что Хьютон — король каучука?

— Я это, конечно, знаю, но я не говорил: Хьютон, я сказал: Давентри, — просвистел Оливер сквозь зубы, напоминая зубы волка.

— А почему не Хьютон? — настаивала я. — Он же не женат.

— Я сказал: Давентри.

— Но послушай же, Оливер, Хьютон очень богат и... уже немного в меня влюблен.

Оливер поднялся, поправил волосы, привел в порядок свою одежду, не проронив за это время ни слова. Он был бледен, и я пока еще не знала, что он мог принимать такой неумолимый вид.

— Выслушай меня внимательно, Анна, — сказал он, — я хорошо знаю окружение, в

котором играю свою роль. Хьютон — это авантюра, Давентри — гарантированный успех. Тебе бы следовало понять это без всяких объяснений.

— Но как же ты хочешь, чтобы я могла соблазнить эту скалу? Седрик Давентри — старик, в жилах которого давно течет не кровь, а вода — ты просто не вправе ожидать от него подобного проявления силы!

— Ее у него достаточно, чтобы превратить тебя в леди Давентри.

У меня непроизвольно вырвался крик удивления.

— Оливер! Ты хотел бы, чтобы я вышла замуж за этого человека?

Оливер посмотрел мне прямо в глаза, как будто желая подчинить меня своей воле.

— Эта старая крепость скоро рухнет, — сказал он. — Если тебе неприятна мысль быть его женой, то, несомненно, придется по вкусу идея стать немного позже его вдовой.

— Но, — возразила я, — он не настолько стар.

— У него больное сердце, — ответил Оливер, чеканя каждое слово с тем ледяным спокойствием, от которого у меня по спине побежали мурашки. И добавил: — Именно это то и важно.

— А у Хьютона... сердце не больное? — спросила я упавшим голосом.

Оливер зажег сигарету.

— Если хочешь, воспользуйся Хьютоном, чтобы отыскать путь к Давентри. Они очень близки, часто видятся, но помни: твоя цель — Давентри. — Он взглянул на часы на своей руке. — Анна, — сказал он, так как я хранила молчание, — послушайся меня!

Он церемонно поцеловал мою руку, как будто бы я не лежала голая, как Ева перед грехопадением, поперек кушетки, и ушел, не сказав более ни единого слова.

В постели с принцем

В то утро я лежала у бассейна. Вяло раскинувшись на тонкой циновке, я подставляла солнцу свое тело, становившееся с каждым днем все более загорелым. Мои бедра опоясывала узкая красная повязка, а груди слегка прикрывали два треугольника такого же цвета. Хьютон, одетый в купальный костюм, зрелый, но совсем не перезревший, я бы даже сказала аппетитный, как свежий арбуз, лежал рядом, чистил мне апельсины, подносил зажигалку к моим сигаретам и тихо любовался моей красотой.

Лорд Давентри, прятавший свой сухой деревянный остов в костюме из белой фланели, наблюдал за мной, как цапля за аллигатором. Немного в отдалении, удобно устроившись в кресле, Дороти Пенроуз, укутанная легкой тканью, казалось, воображала себя памятником накануне открытия. Оливер, прекрасный, как атлет из Древней Греции, лениво поддерживал разговор между заплывами. Официант из бара то и дело приносил поднос, нагруженный напитками, цвет которых нас почти не интересовал, так как мы представляли собой серьезную команду любителей выпить.

Между тем однажды утром в тесный круг любителей купания в бассейне проникло создание, заставившее всех восхищенно замолчать. Если меня можно было сравнить с Клеопатрой, то новенькая была настоящей королевой Пальмиры. Из-под большого махрового полотенца, которым она обернулась, выглядывали две отличные точеные ножки, а ее головку, не менее прекрасную, украшали два больших цветка из черного бархата: ее глаза. Все по-королевски было увенчано темными завитками, в которых переливались голубые отблески.

Это был удар ниже пояса!

Я бросила украдкой взгляд на эскорт моих мужчин; они пристально смотрели на соблазнительное создание.

Разговор резко оборвался на слове, которое так и застыло на губах Дороти Пенроуз.

Эта сцена длилась не более нескольких секунд, но у меня было достаточно времени, чтобы взвесить последствия этого соперничества. Я очень надеялась, что королева Саба окажется идиоткой или связанной узами нерасторжимого брака со свирепым мужчиной, когда жестом, преисполненным достоинства, махровое полотенце было сброшено, и оказалось, что, кроме крохотных трусиков цвета лазури, на ней ничего не было. Перед всеми предстало обнаженное тело юноши, столь прекрасное, что о нем могли бы мечтать в равной степени Мессалина и Оскар Уайльд. Слава тебе Господи! Это был король Саба... или принц Пальмир. К тому же все его уже узнали, кроме меня!

Этот принц из «Тысячи и одной ночи» был на борту со вчерашнего дня, он сел на пароход во время остановки в Х., а я об этом и не знала. Так вот почему вокруг целый цветник из сари и тюрбанов! Я вздохнула с облегчением. В этот момент Хьютон наклонился ко мне и сказал:

— Это Каджиар.

Каджиар? Это имя мне о чем-то говорило.

— Не тот ли это Каджиар, который является владельцем фантастических драгоценных камней и нескольких стад слонов? Вы хотите сказать, что это принц Каджиар? Колоссальные богатства Азии?

— Ну да, — сказал Хьютон, улыбаясь. — Слоны, драгоценные камни, двадцать один

год. И прекрасен, как звезда!

Разговоры возобновились, но велись почему-то шепотом; все наверняка говорили о Каджиаре. Господа вокруг меня с самым серьезным видом комментировали не красоту, за которую несчастный принц не был в ответе, а его плавки из материала цвета бирюзы.

Я ничего не слушала.

Бархатный взгляд принца, с которого заживо снимали кожу мои приятели, остановился на мне; это был долгий, доброжелательный взгляд, и он пробежал по мне с ног до головы, легкий, как ночная бабочка.

Странно взволнованная, я подняла к небу благодарный взгляд, переведя его затем на Оливера, который наблюдал за мной, слегка приподняв бровь.

Вот принц, который намного опередил спальные вагоны и грузовые суда лорда Давентри!

Я охотно отказывалась от слонов; хороший килограмм драгоценных камней меня вполне устроил бы, и даже — ах, как кружится голова! — я не думала ни о чем больше, кроме любви!..

Вскоре мы с Каджиаром познакомились.

Некоторые считают, что мужская красота не играет роли в любви. Но они не думают, вне всякого сомнения, о том, как многого любовь лишается из-за уродства. Они наверняка не знают, что значит сжимать в объятиях прекрасный треугольный торс, ощущать на себе прикосновение молодых чувственных рук. Я любила Оливера, и одной из причин, почему я его любила, были эти жалкие и постыдные удовольствия эротикоэстетического плана. Но Оливер, в силу обстоятельств, отказался от общения со мной наедине. А плоть так слаба. Настоящая авантюристка должна вести игру и не терять при этом хладнокровия. Я ничего совершенно не вела и ничего не теряла, как это можно будет скоро увидеть... Ничего, кроме... Но лучше по порядку.

Однажды, когда я смешила Каджиара, рассказывая ему всякие нелепости, я вдруг проговорила:

— Вы меня никогда не принимаете всерьез.

— Я вас просто приму в свои объятия, — ответил он, перестав смеяться, с такой уверенностью в своей мужской силе, от которой все женщины тотчас же слабеют.

И он меня действительно взял в один из вечеров, когда на пароходе организовали большой праздник. И это было так просто и естественно.

Это, однако, не входило в мои планы. Но как кто-то однажды сказал, не помню кто: «Я сопротивляюсь всему, кроме искушения!» И этот праздничный вечер был для меня роковым.

На бал я надела платье сирены из синего сатина с оттенком утренней морской волны. На мне не было ни одного украшения.

Каджиар не расставался со мной больше ни на минуту. Мы безрассудно флиртовали, не замечая грустного взгляда Хьютона. Лорд Седрик не мог скрыть едва уловимый огонек, свидетельствующий о тщательно скрываемом желании, таящемся на расстоянии тысячи световых лет от меня. Но кто может знать, что уготовила нам судьба? Оливер, также очень сдержанный, предоставил мне полную свободу действий.

Я сама не знаю точно, как все это произошло. Среди ночи я незаметно удалилась в свою каюту, испытывая при этом определенные трудности, которые предпочитала преодолеть в одиночестве. Мне не сразу удалось добраться до своей кушетки, так как меня качало из стороны в сторону, и связано это было отнюдь не с движением корабля. Те усилия, которые

я потратила, чтобы открыть дверь ключом, отбили у меня всякую охоту проделать эту операцию повторно в противоположном направлении. Может быть, на двери была какая-нибудь защелка, но я даже не подумала о том, чтобы воспользоваться ею. Короче, я оставила дверь открытой. Да и чего можно было опасаться, находясь среди джентльменов?

И действительно, в каюту вошел джентльмен и лег на меня всем телом, закрыв мой рот своим так крепко, что даже если бы я захотела оказать сопротивление, то не смогла бы. Но у меня не возникло никакого желания сопротивляться. Я просто почувствовала, что этим джентльменом был Каджиар. Какое счастливое совпадение — ведь именно в этот момент я думала о нем и ни о ком другом...

А как я любила Каджиара в течение этого часа, а может, и двух или трех! Время от времени я открывала и закрывала глаза, почти теряя сознание от наслаждения. Лучше было бы не присутствовать на подобном спектакле.

Какой прекрасный, какой изумительный наездник! Но я ли это мчалась по бесконечной равнине, спотыкаясь, падая, снова поднимаясь под ударами хлыста, счастливая тем, что обрела такого замечательного седока! Каюта, наверное, была залита лунным светом, настенные часы показывали какое-то время. Мое платье или моя кожа, а может, моя оболочка были, наверное, разорваны; а эта глухая боль означала, что я, возможно, получила ожог, или растянула какую-то мышцу, или сломала руку или ногу. Кто знает? Мои волосы, подобно змеям, стремящимся удушить меня, то свивались кольцами, то распрямлялись в соответствии с ритмом какого-то примитивного мотива, который напевал, а может, казалось, что напевал, Каджиар.

В какой-то момент, когда мы отдыхали, прижавшись друг к другу, будто створки раковины, герметично сомкнувшиеся, чтобы сохранить драгоценную влагу, Каджиар притянул к себе мою безвольную руку и надел на мой палец огромный холодный перстень.

«Пусть бы это был рубин!» — подумала я.

При одинаковой красоте крупный рубин стоит в восемь раз дороже, чем бриллиант. Это и был рубин.

Я ему ничего не сказала. Полюбовалась великолепием камня, грациозно отведя руку в сторону. Затем томно повернула голову к Каджиару и с восхищением посмотрела на него, почти не замечая разницы между красотой рубина и юноши.

Должна признаться, что, когда он ушел из моей каюты, подобно морю, покидающему берег после прилива, оставляя его влажным и со следами своего пребывания, я вскоре пришла в себя. И даже нашла в себе достаточно сил, чтобы зажечь лампу, стоящую у изголовья, и в полной мере оценить красоту рубина. Вне всякого сомнения, это был великолепный камень. Издав стон, полный радости, который в равной степени мог быть и стоном боли, я тотчас же уронила голову на подушку и мгновенно заснула сном праведника.

Мой отдых был, к несчастью, грубо прерван. Это было подобно тому, как торможение поезда будит пассажира. На какую же станцию мы прибыли? Ах да... Оливер! Мы были на станции Оливер, и вид ее был отнюдь не доброжелательным!

Объяснять что-либо было бесполезно. Его властная рука грубо сжала мое плечо, плечо, которое еще хранило следы иных прикосновений.

Совесть моя была не совсем чиста. Видимо, я несколько поспешила.

Именно это и сказал Оливер. Я подумала, что смогу смягчить впечатление от происшедшего, протянув ему, как только он начал говорить, мою руку, на которой пламенел замечательный рубин. Оливер сел на край моей кушетки и снял кольцо с моего пальца. Он

рассмотрел его с близкого расстояния, а затем издали, проверил его на прозрачность, долго взвешивал в своей ладони, в то время как я бесстрастно наблюдала за ним.

— Оно стоит целое состояние, ты согласен? — спросила я голосом, охрипшим от виски, любви и усталости.

— Да, целое состояние, — холодно ответил Оливер и ловким жестом выбросил рубин через иллюминатор в море.

Я вскрикнула от ужаса, так как Оливер схватил мою руку в тот момент, когда я инстинктивно пыталась поймать кольцо. Отбросив меня, он грубо произнес:

— Я никогда не просил тебя быть продажной женщиной!

Но это уж слишком!

— Ты сошел с ума, — воскликнула я, жестоко уязвленная. — И ты меня еще упрекаешь после всего?

И тогда я увидела, как в зрачках Оливера сверкнула ревность.

— Я плевала на рубины и на Каджиара, — добавила я. — Ты сам будешь выбирать мне любовников, уродливых и старых, естественно!.. Но не вздумай сказать, что принц не представляет никакого интереса.

— Какой язык! Я не переношу, когда говорят на таком языке, — глухо сказал Оливер, испепеляя меня взглядом. Потом добавил голосом, в котором угадывалось едва сдерживаемое бешенство: — Ты сейчас же покончишь со всеми твоими капризами. Я требую этого!

— Каприз? Я думала, что ты согласен.

— Ты ошибалась. Я не согласен с такого типа приключеньями, — сказал он, весь дрожа от гнева.

— Каджиар — это приключеньице! Индусский принц! А этот замечательный рубин? — я задыхалась от возмущения. — Каджиар — это исключительная возможность! — И потом я тихо добавила — Оливер, ты прекрасно знаешь, что я люблю только тебя.

— А тебе не кажется, что ты пережила одну из Тысячи и Одной Ночи? — с иронией спросил он меня.

Я пожала плечами.

— Маленький каприз, похожий на желание съесть пирожное с кремом.

— Не компрометируй всю идею из-за желания съесть пирожное, — сказал Оливер, зажигая сигарету рукой, еще дрожащей от гнева. — Ты прекрасно знаешь, что вела себя скверно. Ты ведь знаешь Каджиара только семь дней. Ты спишь с первым попавшимся, если он красив; в этом вся правда (это Каджиар-то первый встречный!), и тебе платят за ночь, говоря до свидания!

Я бросила на него ядовитый взгляд.

— А тебе не кажется, что он по-настоящему увлекся мною? — жестко спросила я.

— Это совсем неважно, — воскликнул Оливер. — Нам нечего делать с индусским принцем; мы же не собираемся жить в Индии, не так ли?

— Я не знаю, где собираешься жить ты, — с горечью поправила я.

Оливер ничего не ответил.

Что могло скрываться в голове этого мужчины? Мне казалось, что я знаю все, что я поняла. Оказывается, нет! Он выбросил в море сокровище, которое позволило бы мне безбедно жить до конца моих дней (подобная мысль могла бы рассмешить Оливера, и я воздержалась от того, чтобы поделиться с ним). Он грубо оторвал меня от источника, из

которого я могла бы черпать полными пригоршнями.

Итак, я опять вместе с этим опасным человеком, который толкал меня на темный и извилистый путь. Почему не Хьютон, один из самых богатых людей Америки? И почему не Каджиар, сказочно богатый принц?

Можете мне поверить, что в тот момент, когда я пыталась расшифровать мысли Оливера, его лицо не внушало мне ни доверия, ни чувства защищенности.

При свете восходящей зари его черные волосы и такие же глаза придавали лицу выражение и злое, и непроницаемое одновременно.

— Почему, — спросила я его, пытаюсь как-то затушевать боязнь задавать вопросы, которые он не переносил, — почему ты специально выбрал лорда Давентри, и только его, в качестве главной цели?

Оливер поднялся и скользнул к двери движением хищника в клетке. Сжав ручку двери, он свысока взглянул на меня, словно орел, и я почувствовала движение ветра, производимого могучими крыльями.

— Потому что, — сказал он мне, — ты станешь леди Давентри, а потом вдовой.

Он произнес эти странные слова и незаметно исчез.

На этот раз я все поняла. Я дрожала, охваченная ледяным ужасом. Но где-то в глубине души уже зарождалась странная тяга к преступлению, свойственная, по-видимому, любому нормальному существу.

Так что же такое любовь? Счастье в преступлении? Оливер, этот бесстрашный авантюрист, пойдет далеко.

Мы будем вместе, будем свободными и богатыми. Где-то там, вдали, затерянный среди лазурных вод Тихого океана, возвышался высокий мыс острова Бораборы, прекрасный, как рай.

Почему, почему надо было иметь так много денег, чтобы жить там, на Бораборе?

Этот навязчивый вопрос останется без ответа на протяжении еще очень долгого времени.

Искусство обольщения

Путешествие закончилось.

Хьютон все еще сохранял некоторое подобие любви ко мне. Лорд Давентри, как хороший термос, хранил по отношению ко мне все то же ледяное равнодушие. Каджиар грубо устранившийся с моего пути, заплатил за ночь любви цену нескольких слонов.

На первый взгляд, нет никакой связи между рубином, ночью любви и слонами, но она, тем не менее, существовала.

В Сингапуре я остановилась, само собой разумеется, у моей подруги Дороти Пенроуз. «Что же моя дорогая Анна будет делать одна в отеле, никого не зная в Азии?»

Дороти Пенроуз, лорд Давентри, Хьютон, Оливер и я сформировали небольшое общество в обществе. Несколько дней спустя Хьютон пригласил нас совершить прогулку на борту своей яхты, стоящей на якоре в Сингапурском заливе.

Я страстно люблю плавание под парусами. Это была великая эпоха, когда американцы и англичане с пылом соперничали друг с другом за первенство в этом виде спорта. Яхта Хьютона «Черная звезда» была красива, американского образца, предназначена для гонок на длинные дистанции.

Все это могло быть моим, если бы я доверила свою судьбу Хьютону. Но в этом случае я наверняка потеряла бы любовь Оливера. Боже, какой же он странный, этот Оливер! Но я не представляла себе, как смогу жить без его любви. Взгляд Оливера все так же притягивал меня своей непреодолимой мужской силой. Руки Оливера, его замечательное тело с запахом свежесрубленного кедра... Нет! Я никогда не могла бы отказаться от Оливера. Все остальное было только преходящим желанием сладких пирожных. Он же был пикантным перцем, гучей приправой, столь необходимой для моей жизни.

Когда наступил вечер, мы начали танцевать на палубе «Черной звезды». После истории с Каджиаром Оливер больше никогда не прибегал к секретному языку любовников. И когда он поставил на граммофон пластинку с нашей любимой песней, которая была лейтмотивом всей нашей любви, и при первых же тактах устремился ко мне, я сладострастно отдалась его объятиям. Но Оливер, холодный как лед, спросил меня тихо:

— Ну, как у вас движутся дела с Давентри?

— Мне никогда не удастся соблазнить это старое чудовище из Лох-Несс, — сказала я с юмором.

— Почему ты так думаешь?

— Он со мной холоден, как огурец. Я не могу даже заставить его потанцевать.

— Тем не менее он всегда рядом с тобой.

— Но ты тоже рядом со мной, — сказала я. — По крайней мере, тебе удастся заставить его разжать хоть иногда челюсти. И он иногда даже улыбается.

— Дело в том, — сказал Оливер с некоторым намеком на улыбку, — что между нами особые отношения.

— Это точно, к тебе он даже проявляет нечто похожее на теплоту! Подобно тщательно натертой железной перекладине!

Оливер рассмеялся.

— Он это никак не показывает, но я уверен, что он увлечен тобою.

— Ну а я считаю, что он увлечен мною в такой же степени, как Великой пирамидой! Он

меня замораживает до мозга костей, — добавила я, — и если бы рядом со мной не было Хьютона, я бы давно покрылась инеем.

— Я никогда не утверждал, что соблазнить Давентри будет легко.

— А ты вообще уверен, что это возможно? По правде говоря, — сказала я, опуская голову, чтобы не видеть лица Оливера, — разве Хьютона не достаточно для удовлетворения твоих амбиций?

Оливер сжал мою руку с такой свирепостью, что я невольно вскрикнула.

— Об этом не может быть и речи, давай никогда не будем больше к этому возвращаться.

Тон его голоса стал сухим, повелительным, не допускающим ни малейшего возражения.

— Но если у меня ничего не получится с Давентри? Я никогда не смогу понять, по какой таинственной причине мне следует отдаться на милость этой старой английской фок-мачте.

— Да, английская фок-мачта, все правильно, и это представляет для меня определенную ценность. Я — англичанин, не забывай этого. И я презираю американцев.

Я бесцеремонно рассмеялась. К счастью, мой смех был заглушен громкой музыкой.

— Положение обязывает? Не правда ли? Как это забавно!

Я не смогла продолжить свое зубоскальство. Оливер так сжал мою руку, что я чуть не потеряла сознание. Он стал бледным от ярости, несмотря на загар.

Я забыла, что мне следовало стать вдовой Давентри. Вне всякого сомнения, для Оливера было легче сделать меня вдовой Давентри, чем вдовой Хьютона. Все было тщательно рассчитано в этой очаровательной голове современного пирата. Я дрожала от желания и страха в объятиях Оливера. Едва танец закончился, он улизнул от меня. Я уселась в ногах у Хьютона, подобно прирученному зверьку.

— Вы составляете странную пару с Оливером, — сказала мне Дороти Пенроуз, сидящая в глубоком кресле.

Хьютон и Давентри одновременно повернулись к ней, охваченные любопытством.

Я взяла свою пудреницу и спрятала лицо за громадной белой пуховкой.

— Странная пара? — спросила я с фальшивым удивлением. — Почему?

— У вас такие темные глаза и волосы, что вы оба похожи на герб, выгравированный на ониксе.

— Да вы поэт, дорогая Дороти! — засмеялась я. — Вы нашли такой красивый образ.

— Это очень символично, — медленно проговорил Хьютон, пристально глядя на меня. (Да что это со всеми? Надо будет действовать с удвоенной осторожностью.)

— Символично?

Я бросила на Хьютона простодушно-удивленный взгляд.

— Видя, как вы танцуете вдвоем, я, как и Дороти, заметил сходство между вами: красота, молодость...

— Почему? — удивилась я мечтательно. — Оливер совсем не мой тип.

Дороти Пенроуз засмеялась звонким мужским смехом.

— Ее тип — это мужчина сорока пяти — пятидесяти лет, бывший блондин, среднего роста, коренастый каучуковый король, — забавно сказал Хьютон, нежно лаская мою голову, прислоненную к его колену.

— А почему бы не шестидесятилетний мужчина, высокий и худой, бывший когда-то брюнетом, английский пэр? — добавил в свою очередь лорд Давентри.

— Да, почему бы и нет? — ответила я, не обращая внимания на смех Хьютона и мисс

Пенроуз.

Я устремила на лорда Давентри взгляд, полный ненависти. Этот старый кайман, должно быть, о чем-то догадался.

— Над чем вы здесь смеетесь? — спросил Оливер, входя в луч света, отбрасываемый на нас медным прожектором.

— Объясните ему, — в ярости сказала я. — С меня уже хватит, я устала и иду спать.

«Прощайте, друзья», — пропела я по-французски, быстро спускаясь по лестнице из красного дерева, ведущей в люк.

Как мне было жарко! Следовало быть более внимательной. Прекрасные азиатские ночи будут для меня лишены любви...

Ближе к полуночи, тем не менее, я отдала бы все, лишь бы быть с Оливером!

Я вышла на палубу полураздетая, если не считать куска ткани из белого сатина, который мог бы сойти за пеньюар с точки зрения рыб или звезд, но, безусловно, не рулевого Мартена. Это был неподвижный, с четко вырисовывающимся силуэтом, хорошо сложенный моряк. По правде говоря, я никогда не была равнодушна к Мартену, взгляд которого часто застывал на моих бедрах.

Я облокотилась на поручень рядом с ним. «Черная звезда» тихо скользила под полуопущенными парусами. Сверкающее море плавно переходило на горизонте в темный шар. На борту все спали. Я была с Мартеном одна...

До того как я попала на эту яхту, я не видела различия между моряком и капитаном. Забыв об авантюристическом замысле Оливера, я придвинулась к Мартену совершенно бесшумно, так как была босиком. Твердой рукой я заставила его крепко держать руль, а сама прижалась к нему и поцеловала со всей страстью. Свободной рукой Мартен обнял меня за талию с отчаянием и силой потерпевшего кораблекрушение, который наконец-то ухватился за спасательный круг.

«Черная звезда» шла левым галсом. Мартен был замечательным рулевым. Он умело управлял яхтой, и до этого момента ее ход был ровным и плавным. Охваченный страстью, Мартен опрокинул меня на палубу с явным намерением тут же овладеть мною. Он предпочел оставить руль, а не меня. Свободная в своем передвижении «Черная звезда», с поникшими парусами, зарылась носом в набегающую волну. Парусник встряхнуло так сильно, что даже мертвецки пьяный человек не мог бы не проснуться. Мартен поставил парусник по ветру — маневр, который сопровождался жутким скрежетом оснастки и громким хлопаньем парусов. Я открыла глаза и обнаружила прямо над его плечом, на уровне люка, видение, заставившее меня подпрыгнуть, как дикую кошку. Это была голова лорда Давентри, который смотрел на нас жадными глазами.

Голова тотчас же исчезла. Идиотка, дура, сумасшедшая — вот кто я такая! Я устремилась вслед за лордом Давентри, сама не зная зачем, возможно, задушить его... Проклятый старый крокодил исчез, как сатана. Казалось, на борту все спали. Ни Хьютон, ни Оливер, такие морские волки, не проснулись из-за неловкого маневра рулевого. «Все пропало, — подумала я. — Мне никогда не быть леди Давентри! И все из-за поцелуя бедняги-моряка!» С бьющимся от негодования сердцем я растянулась на своей кушетке, с силой сжимая подушку, воображая, что душу этого проклятого старика, которому, видите ли, понадобилось подняться в полночь на палубу! Почему? Потому что Судьба! «А если он расскажет об этом Хьютону? А еще хуже — Оливеру?» — с ужасом подумала я.

Я шепотом выругалась, приняла таблетку снотворного, потом большой стакан виски,

чтобы забыть хоть немного о своих терзаниях.

На следующее утро я вышла на палубу в том же состоянии духа, что и накануне. Мартена за рулем уже не было. Его сменил красивый молодой брюнет, на которого я бросила свирепый взгляд. Какие, однако, шутки играет со мной судьба! Вот если бы Хьютон нанял экипаж, состоящий из китайцев, вместо этих прекрасных моряков-скандинавов!

Опершись о поручень, я мысленно пробежала всю свою жизнь и думала о призрачном будущем, когда вдруг сухая рука властно легла на мое плечо. Я резко повернулась и оказалась лицом к лицу с моим недругом. Это был лорд Давентри.

Без всяких вступлений, прямой, как солдат кавалерийской гвардии, он предложил мне стать его женой.

— Если это шутка, то она неуместна, — сказала я, краснея под загаром.

— Я никогда не шучу, — невозмутимо произнес лорд.

Я могла бы об этом и догадаться. Внимательно посмотрела в его лицо. Ничто не проливалось свет на этого человека-загадку.

И тогда я начала смеяться взახлеб, не в состоянии прекратить это неуместное веселье. Наконец мне удалось проговорить:

— Вы хотели бы жениться на такой сумасшедшей, как я?

— Именно на такой сумасшедшей, — важно ответил он.

Итак, у меня в руках был козырный туз, а я играла, не подозревая об этом!

И я поняла со всей определенностью, что экипаж, состоящий из китайцев, явно не принес бы мне удачи.

Затем я взяла лорда Давентри под руку, тихо прошептав:

— Все приличия соблюдены, за исключением чести.

После этих слов я с неукротимой стремительностью увлекла своего кавалера к нашим знакомым.

Мисс Пенроуз, Хьютон и Оливер как раз завтракали, жадно поглощая тосты и яйца, жаренные с ветчиной. Лорд Седрик остановился прямо на пороге и, вытянув свой позвоночник, словно складную удочку, на добрых десять сантиметров, торжественно объявил:

— Я имею счастье представить вам свою невесту.

Это прозвучало как удар грома. Дороти Пенроуз раскашлялась, подавившись своим тостом. Хьютон, багровый от ярости, и Оливер, бледный от волнения, смотрели на нас, потрясенные в равной степени.

Я приняла скромный и послушный вид. Моя голова кружилась. Да, все получилось очень ловко! Леди Давентри... Грузоперевозки, железные дороги, оловянные шахты, замок в Англии... Естественно, еще был и лорд Давентри, но с этой точки зрения «игра стоила свеч», как говорила моя бабушка, жена моряка с сердцем пирата.

Хьютон отвел меня в уголок.

— Вы сумасшедшая, или что?

— Совершенно верно, я — «или что», — холодно ответила я.

— Но я богаче, чем Давентри, — заносчиво сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Может быть, но вы ведь не лорд Давентри, — ответила я в том же духе.

Мне показалось, что у него возникло желание ударить меня, но он справился с собой, подобно отцу, понявшему вдруг, что его ребенок отныне слишком взрослый, чтобы быть послушным.

Он долго смотрел на меня, а потом вдруг стал спокойным и очень грустным.

— Ну что ж, Анна, — сказал он мне, — если речь идет об этом, то я не сомневаюсь, что вы будете счастливы.

Что касается Оливера, то он просто-напросто процитировал мне старую морскую поговорку: «Свято место пусто не бывает».

Так как это исходило от него, я сочла эти слова подлинным комплиментом.

С согласия мужа

Я вспоминаю, как однажды хозяйка дома, где я гостила, спросила, угощая меня пюре из каштанов и жарким из оленины:

— Анна, вы не находите, что это пюре имеет привкус чего-то несвежего?

— Не знаю, — ответила я, — никогда не пробовала ничего несвежего.

Став леди Давентри, мне пришлось это попробовать: я добавляла много виски или немного опиума и вот таким образом привыкла к вкусу несвежего.

Лорд Седрик нанял нового шофера, атлетически сложенного парня, почти такого же красивого, как Оливер. Метрдотелем был высокий блондин, более ста восьмидесяти сантиметров ростом, по имени Путс.

Однажды вечером лорд Седрик, мой дорогой супруг, спросил меня своим загробным голосом:

— Как вы находите Путса?

— Я нахожу, что это прекрасный метрдотель, не правда ли?

— Я говорю о Путсе как о мужчине.

Я посмотрела на Путса, с достоинством готовившего десерт. Склонившись над блюдом с блинами, он поливал их ромом и вот-вот собирался поджечь; он был похож на священника, проводящего мессу, и казался мне пресным с первого взгляда.

— Путс? Ну что вам сказать... У него слишком низкий зад, нос слишком короток, да и к тому же чересчур глупый вид. Все это совершенно не возбуждает меня, — высокомерно ответила я. — Да вы и сами прекрасно знаете, что по-настоящему я могу любить только моряков.

Лорд Седрик задумался на мгновение.

— Мы могли бы вновь отправиться в морское путешествие, если вы испытываете столь непреодолимую тягу к навигации.

Я бы не хотела клюнуть на это. Не потому, что развлечения, предлагаемые лордом Седриком, мне казались неприятной обязанностью, отнюдь нет. Обычно по отношению к мужчинам я чувствовала себя стрелкой компаса, указывающей на север. Но Оливеру удалось привязать меня к себе так тесно, что у меня не оставалось ни сил, ни желания обращать внимание на других мужчин, как бы притягательны они ни были.

Я никогда так и не осмелилась признаться ему, какую роль сыграл рулевой в моем молниеносном успехе. Меня разволновала мысль о морском путешествии, о котором говорил лорд Седрик. Если он и не обладал чувством собственника, то Оливер, напротив, обладал им с избытком. Он охотно продал меня старому лорду, но никогда бы не смирился с тем, что я отдаюсь молодому мужчине.

А что вообще произойдет, если лорд Седрик будет продолжать предлагать мне то шофера, то метрдотеля, то экипаж судна?

Лорд Седрик с трудом убедился в том, что я не была Месалиной, которую он надеялся найти во мне. Он приобрел забавную привычку ходить тихо, как индеец на тропе войны, и оставаться под прикрытием, несмотря на сорокаградусную жару. Эти упражнения на неподвижность соответствовали его темпераменту. Тем не менее он совершенно напрасно разбрасывал на моем пути самых разнообразных представителей мужского пола, выбираемых им с необыкновенной тщательностью. Его терпение вознаграждалось

чрезвычайно редко.

Тем временем Оливер стал в доме своим человеком. Ему даже понадобилось в целях конспирации проявить повышенное внимание к другому объекту женского пола, чтобы удушить в зародыше возможные подозрения. Оливер сделал вид, что влюбился в Патрицию Брандон. Но это было чересчур — с ее ростом почти в два метра. Она была англичанкой, с розовым лицом; светловолосая, спортивная, красивая, к тому же безумно любящая своего мужа, лорда Дэвида Брандона.

При помощи всяческих ухищрений семья Брандонов стала нашими близкими друзьями. Любовь Оливера к Патриции вызывала постоянный интерес у всех, подобно пошатнувшемуся здоровью какой-либо знаменитости. С ним все в порядке, ему стало хуже, он пережил страшный кризис, он лечится, у него новая вспышка болезни. Патриция лечила Оливера, кстати, очень самоотверженно.

Больше всего меня раздражало то, что наивная Патриция постоянно принимала вид роковой женщины.

Однажды Оливер, которого я застала в кабинке, где мы держали ракетки и другой инвентарь для игр на открытом воздухе (лорд Седрик не имел возможности заниматься всем этим), сказал мне, шнуруя свои туфли для игры в теннис:

— Анна, моя дорогая, путей к отступлению нет... Патриция уступает моим домоганиям...

— Что?!

— Ну да, — вздохнул Оливер с крайне недовольным видом, — я буду вынужден переспать с ней...

— Ну знаешь ли, это уж слишком, — воскликнула я в ярости.

— И тем не менее, я выбрал самую благопристойную женщину, неприступную, как скала, страстно любящую своего молодого и красивого мужа. Короче, я дал себе полную гарантию безответной любви.

— Ну, видимо, тебе просто невозможно сопротивляться, — констатировала я с горькой улыбкой. — И когда ты намереваешься насладиться своей победой?

— Я боюсь, — сказал Оливер, — как бы это не случилось сегодня вечером.

— Эта история с подставным лицом для отвода глаз мужа — подлинная находка, — сказала я, — но мне кажется, что мы еще лучше могли бы устранить любые подозрения, если бы я переспала с... Дэвидом. Ты знаешь, ведь я ему нравлюсь...

Наступила очередь Оливера побледнеть. Черты его лица напряглись.

— Успокойся, ты меня слышишь? Ты потеряешь все, если примешь всерьез эту идиотскую игру.

— Но сплю же я с Седриком, — возразила я, не желая сдаваться.

— Но, во всяком случае, у тебя от него не будет детей, — прошептал он сквозь зубы.

— Ну, это уж точно, нет никакой опасности, что я потеряю голову с таким наездником! Но мне понадобится лавировать с большим искусством, поскольку мой знатный лорд определенно хочет стать рогоносцем. Ему даже пришла в голову идея предложить мне целый экипаж, — произнесла я, подняв глаза к небу. — Но я ему дала понять, что мне достаточно и одного моряка.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Именно то, что говорю. Лорд Седрик хочет организовать морское путешествие.

— Поверь мне, я буду на борту. А что касается экипажа, то я сам его выберу, — добавил

он и рассмеялся.

— Можешь набрать туземцев, — ввернула я непринужденно и пошла на корт.

Вскоре Оливер присоединился ко мне.

Было ли это усилием воли? В его взгляде я снова увидела жгучее желание, которое действовало на меня как колдовство.

Мы смотрели друг на друга, стоя с ракетками в руках. Навстречу нам через лужайку шли наши друзья в сопровождении лорда Седрика. Патриция делала широкие шаги своими длинными ногами в туфлях без каблуков. Она была очень красива, но внешность ее не содержала ни интриги, ни тайны. Я же была как джунгли. Я многозначительно взглянула на Оливера:

— Хочешь быть со мной?

— Чем больше я смотрю на тебя, тем больше хочу, — прошептал Оливер, глубоко погрузив свои темные глаза в мои.

И я еще раз проглотила эту подслащенную пилюлю.

Мужские страсти

Со времени нашей свадьбы лорд Седрик помолодел по крайней мере лет на пятнадцать.

После свадьбы он стал нормальным человеком. Лорд танцевал, плавал, ходил пешком, как старый англичанин из добропорядочной семьи.

Это неожиданное омоложение не отвечало моим желаниям. По правде говоря, я бы скорее подтолкнула лорда Седрика дальше по пути к маразму и кровоизлиянию в мозг.

Я когда-то слышала, что в определенном возрасте, например, вредна для здоровья езда на мотоцикле.

И да простит меня Господь, но мне хотелось, чтобы лорд этим увлекался. У каждого ведь есть свой конек. Мое желание заключалось в том, чтобы этим коньком для лорда стала езда на мотоцикле.

Я не поделилась этим маленьким секретом с лордом Давентри, нет! Эти слова никогда не прозвучали из моих уст, тем более что титул леди и прекрасное произношение давали мне множество других преимуществ для самовыражения. Как известно, высший шик заключается в том, чтобы определенным тоном достаточно веско сказать «дерьмо», не уронив своего достоинства в глазах присутствующих. Так, например, графиня де Монд произносила это слово таким образом, что ни у кого не возникало ни малейшего сомнения по поводу знатности ее происхождения, в то время как ее слуга никогда бы не рискнул это сделать, даже когда — время от времени — выдавал себя за графа...

Возвращаясь, однако, к лорду Седрику, надо отметить, что выглядел он весьма спортивным и обладал чрезвычайной выносливостью.

Оливер, без сомнения, был прав, считая, что мой метод не отличается ни надежностью, ни быстротой.

Очарование Оливера, для меня такое сильное, казалось лорду Давентри легким и лучистым. Оливер был для него подобно чистому, вселяющему силу ветру. Его юмор, в котором можно было четко различить искорки цинизма, очаровал лорда Седрика.

Оливер действительно мог бы увлечь лорда Давентри ездой на мотоцикле — и несчастный случай не заставил бы себя ждать, но он выбрал вид занятий менее опасный и грубый: парусный спорт.

Так однажды лорд Седрик объявил мне:

— Анна, дорогая, я решил купить яхту.

А несколькими часами позже меня в свою очередь проинформировал Оливер:

— Я решил заставить лорда Седрика купить яхту.

Конечно, это было правдой.

Отныне мысль о покупке полностью завладела Седриком и Оливером. Лорд Давентри относился к своей будущей яхте с большей страстью, чем ко мне. Действительно, я оказалась достигнутой целью, меня надо было принимать такой, какой я была, тогда как яхта — это создание, которое строят с любовью от начала до конца. В каждом англичанине дремлет моряк.

Склонившись на бумагами, лорд Седрик и Оливер часами изучали корпус будущего судна, киль, такелаж, паруса...

Когда я наблюдала за ними, их лица, их оторопевший вид напоминали мне мальчишек, читающих Жюль Верна.

Оливер, само собой разумеется, всегда одерживал верх.

Лорд Давентри прежде всего имел в виду шхуну для дальних плаваний. Но Оливер предпочел скоростную яхту. Кто знает, может, он уже видел себя победителем гонки на Кубок Америки.

Я же никогда не имела ничего, кроме скромной небольшой посуды, которая изредка одерживала победы в регатах под руководством Ги Танги Арди-Те. Так что мне нечего было сказать по поводу конструкции яхты, лишь попыталась сказать, что в своей каюте я бы предпочла для отделки натуральную чесучу.

— А по-моему, хорошо и так! — недовольно буркнул Оливер.

— В таком случае что же тут обсуждать? — с досадой сказала я.

— Вот именно, — согласился Оливер. — Но надо, чтобы вы знали: корабль — дело мужское.

Иногда я обнаруживала, что он переигрывал. В его дружбе с лордом Давентри чувствовалось тепло. Возможно ли, чтобы он был искренним? Наверное, Оливер был одним из тех необъяснимых созданий, которые дают вам выпить отравы, поддерживают голову и говорят: «Вот увидите, скоро вам станет лучше...»

Они долго подыскивали название для яхты. Седрик предлагал то «Зеленый ангел», то «Морской ангел».

Мне понравились «Белый рай», затем «Зеркало» и, наконец, «Голубая птица».

Но Оливер сказал: «Счастличик» — и это было действительно прекрасно.

И когда «Счастличик» уже стоял на якоре, готовый к морскому путешествию, Оливер заговорил об охоте на тигра.

Не знаю, кто впервые высказал эту идею: он или его дорогая Патриция? Да и какое это имеет значение? Даже если это была и Патриция, то все равно именно Оливер подтолкнул ее к охоте на тигра.

Лорду Седрику было шестьдесят лет, и охота на тигра в джунглях, наполненных настоящими опасностями, да еще в компании такого человека, как Оливер...

У Оливера был друг Артур Жоз, плантатор из Малайзии. Первое плавание приведет нас в порт Ди-Кон, а затем мы должны будем добраться до плантации Артура Жоза на машине.

Я хранила абсолютное спокойствие и запретила себе спрашивать что-либо у Оливера. Я ничего не знала о его намерениях. Ограничилась только вопросом:

— В Малайзии ведь очень опасно, не правда ли?

— Не опаснее, чем ездить на машине по Лондону, — спокойно ответил он.

Я больше ни о чем не расспрашивала.

Прибыв в порт Диксон, мы оставили яхту болтаться на голубом сатине морской воды, а сами на ялике добрались до берега. Котенок Франсуа сидел на палубе, тщательно обвив хвостом передние лапы, и с любопытством провожал нас взглядом, впрочем, без малейшего волнения. Оставив борт яхты, я почувствовала, насколько драматична вся эта история! Я бы предпочла остаться на палубе, посмотреть, как уезжают другие, и чтобы все случилось без меня.

Но было уже слишком поздно. Вызов судьбе был брошен!

На суше шофер-индус, одетый во все белое, поджидал нас около чего-то, похожего то ли на коробку для инструментов, то ли на участок для выращивания шампиньонов.

Оливер предпочел сесть за руль сам, отправив шофера-индуса прочь. Я села рядом с ним, а лорд Седрик, Патриция и Дэвид с трудом примостились на заднем сиденье.

Я слышала, как все весело болтают. Речь шла о зловещих историях с тиграми-людоедами. Я чувствовала, что не смогу справиться с нарастающей тревогой.

На протяжении всей поездки я молчала. В какой-то момент Оливер взглянул на меня и спросил:

— Что с тобой, Анна? — при этом он воспользовался шумом от переключения передач, чтобы приглушить слова. Я взглянула на загадочную дорогу, по которой мы ехали, и ничего не ответила.

— Я вижу, ты не любишь охоты на тигра и, как мне кажется, жалеешь, что поехала?

Я кивнула.

— А ведь это так увлекательно, когда переживаешь такого рода приключения, — сказал Оливер, не глядя на меня.

Когда машина остановилась перед бунгало Артура Жоза, настроение мое ухудшилось.

Артур оказался брюнетом, высоким, шумным и жизнерадостным. Он крепко хлопал Оливера по спине и суетился вокруг нас, как большая собака, которая рада встрече с хозяевами. Однако этот теплый прием не мог скрасить убогости его жилища. Все казалось покинутым и запущенным. Бунгало выглядело как полуразрушенный, изъеденный жучком барак. Я почувствовала себя глубоко несчастной, как только вошла в него. Насквозь пропитанная пылью большая темная комната, в которой был минимум удобств, необходимых уставшим путешественникам. Никогда прежде я не пила столько виски, как в этот день.

Когда ночь упала на землю, пейзаж стал зловещим. Ничто не могло навеять ощущение одиночества и моральной незащищенности в большей степени, чем эта враждебная природа, окружающая нас со всех сторон.

Несмотря на яркий свет и громкий смех путешественников, мне показалось, что я пришла сюда за своей смертью!

Стена из тропических растений, обступивших нас плотным кольцом, душила меня своими испарениями, наполняя легкие отравленным воздухом. Я ужасно боялась насекомых, даже ночных бабочек! Полет вслепую, биение крыльев бабочки, обезумевшей от света, приводили меня в состояние полного отчаяния, близкого к панике. Я испытывала непреодолимое отвращение к всевозможным жукам, к омерзительным паукам и тысячножкам.

Разговаривая, я машинально толкнула ногой камень, лежащий возле лестницы, ведущей на веранду. Личинки червей, даже не личинки, а какие-то беловатые, вызывающие отвращение шевелящиеся точки бросились врассыпную. Какое-то зловеще-черное насекомое угрожающе зашипело и издало ужасающий скрежет клешнями. По моему телу пробежали судороги, и я пронзительно закричала.

Я видела вокруг себя громадную липкую паутину, которая, как гамак, провисала со стен и потолка, исчезая где-то в ветвях деревьев. Громадный, как краб, паук пристально уставился на меня своими круглыми черными глазами. Вокруг бесшумно летали странные насекомые, а иногда раздавался жуткий скрежет крыльев.

Под камнями, а также под прогнившими половицами жили громадные, как собачий ошейник, сколопендры, которые топорщили во все стороны свои лапки, напоминающие гребешки. А уж сколько здесь было змей!

В тот вечер я так и не смогла прикоснуться к ужину; он черт знает из чего, каждое блюдо вызывало ощущение тошноты.

Как только я легла, завешенная сеткой от moskitov, я не почувствовала ни малейшего успокоения; мне казалось, что я — заключенная, брошенная в одну камеру со своими врагами.

Когда все уснули, я долго не могла сомкнуть глаз, все мои чувства были в напряжении, в состоянии тревоги. Сама тишина была ужасной. Я пропиталась этой тишиной, этим ощущением бесконечности.

Иногда ночь наполнялась каким-то непонятным потрескиванием и поскрипыванием. Я надеялась, что крики хищников вернут всех к жизни, что все проснутся, чтобы изгнать зловещие сумерки.

Было это тревогой или предчувствием беды? Или это был ужас из-за опасностей, которые таились повсюду?

Лорд Седрик, похожий на мертвеца, был рядом со мной. Я ненавидела Оливера, который втравил меня в эту авантюру. Вымотавшись вконец, я начала опускаться в просторные глубины сна.

Следующий день напоминал кошмарный сон, очнувшись после которого я вновь ждала сообщения о смерти лорда. Я не представляла себе ничего конкретного. Просто смерть лорда Седрика. Но только поскорее! Ну, скорее же! Пусть это уже будет позади, я так нуждаюсь в отдыхе! В конце концов, есть же у меня право поспать! Остальные обитатели бунгало казались радостными и беззаботными: лорд Седрик — будущий мертвец, Оливер — будущий убийца и Жоз, чья роль во время охоты на тигра оставалась довольно загадочной. Все они были преисполнены энтузиазма.

Я украдкой бросила взгляд на Оливера, не переставая восхищаться его спокойствием. Если бы на его лице проступили хоть малейшие следы волнения, я бы не смогла совладать с собой. Я отбросила дурные мысли и постаралась подумать о будущем. О, как приятно жить! Воспоминания детства, нежная любовь, танцы в маленьких парижских дансингах — где все это? И почему я рассталась с вами?

Когда мы отправлялись на охоту, нервы мои дрогнули. Спускаясь по качающейся лестнице бунгало последней, я неожиданно для себя прокричала:

— Я остаюсь здесь! Я не буду с вами участвовать в охоте на тигра!

В ответ послышались смех и яростные возражения. Только Оливер понимающе посмотрел на меня и произнес:

— Да ты что, Анна! Где же твои храбрость и хладнокровие? Запомни раз и навсегда: храбрость и хладнокровие!

Это все, что он сказал, но сказано это было таким тоном, что я почувствовала яростное желание поддеть его. И тем не менее, я проследовала за ним с опущенной головой, как пантера за укротителем, вооруженным хлыстом. Оливер подмигнул мне.

Я заняла свое место в цепочке между Жозом и Дэвидом. Время от времени я глотала виски прямо из серебряной фляжки, привязанной к поясу.

Наконец мы остановились. Нас расставили отдельно друг от друга, в соответствии с заранее разработанным планом. Укрытия — нечто вроде высоких этажерок, в которых нам предстояло находиться, — были заранее установлены на деревьях.

Жоз помог мне вскарабкаться вслед за собой.

Я прочитала по крайней мере сотню охотничьих рассказов. Реальность оказалась для меня столь же сложной, как битва под Ватерлоо. Я воспринимала лишь малую толику того, что произошло. К тому же я должна признать, что пропиталась алкоголем, как ромовая баба. Ночь наступила внезапно, что свойственно этим южным районам. Скорчившись у ног Жоза, я задремала, охваченная туманным маревом алкоголя, когда неожиданное рычание хищника всколыхнуло сумерки. Жоз ответил на него любовным призывом, имитируя тигрицу, которая говорит: «Я здесь!» Этот своеобразный любовный дуэт продолжался несколько минут. Рычание хищника приближалось.

— Я больше этого не вынесу, — шепотом призналась я. — Я дрожу как осиновый лист и могу вот-вот свалиться. — Мне все время чудилось, что я ощущаю жаркое дыхание тигра-людоеда.

— Спокойствие, — едва дыша, прошептал Жоз. — Рядом с вами охотники-профессионалы.

Сколько длилось это ужасное ожидание? Вдруг Жоз воскликнул:

— Смотрите!

Я смутно различала что-то, напоминающее огромную орхидею из кошмарного сна, которая продвигалась, как кот среди высоких трав. В темноте блестели два огромных фосфоресцирующих зрачка. Я слышала шум, какое-то непонятное движение, сопровождаемое тяжелым дыханием хищника.

— Это буйвол, — прошептал Жоз.

Он взял меня за руку и приподнял, крепко прижимая к себе. Я слышала выстрелы, сдавленный мужской крик, а потом голос Оливера, от которого я вздрогнула. Он сказал по-французски:

— О Боже ты мой!

В стороне раздался какой-то шум. Тигра не было видно.

— Пойдем посмотрим, — сказал мне Жоз.

Мы спустились с нашего насеста. Жоз осторожно продвинулся вперед, придерживая меня. Участок поляны вдруг осветили многочисленные фонарики. Весь драматизм этой сцены отпечатался в моей памяти с невероятной отчетливостью. Я была пьяна и почти готова увидеть труп своего мужа.

Я посмотрела вниз с радостным предчувствием: к моему величайшему удивлению, я увидела там лишь громадного тигра, лежащего распростертым. Голова его мирно покоилась между передними лапами. Именно в такой позе я была готова увидеть лорда Седрика! Растерянная и разочарованная, я огляделась вокруг и увидела Седрика, который с

удрученным видом созерцал окровавленную руку Оливера. Последний с кокетством, свойственным элегантной женщине, рассматривающей ногти после маникюра, демонстрировал присутствующим свою рану. Эта сцена убила меня.

— Что произошло? — воскликнул Жоз, прежде чем я успела открыть рот.

— Почти ничего, — сказал Оливер с легкой гримасой, — у меня снесло кусочек кожи. Возможно, лорд Седрик умеет стрелять из пушки, но что касается его способностей владеть ружьем...

— Залейте свою рану виски, я вас сейчас перевяжу, — вмешался Дэвид.

В этот момент я услышала дрожащий голос Патриции.

— Вас же могли убить, мой бедненький Оливер!

— Да нет же, нет, — раздраженно бросил Оливер.

— Мне кажется, — сказал лорд Седрик, — что в тот момент, когда я стрелял, вы сделали неосторожный жест.

— Как вам будет угодно, — небрежно ответил Оливер.

— А кто убил тигра? — спросил Жоз.

— Должно быть, я, — скромно признался Дэвид.

Англичане — хладнокровные люди. Рука Оливера была перевязана, после чего тигра подвесили за лапы к шесту, водруженному на плечи туземных носильщиков, пошатывающихся под его тяжестью. Лорда Седрика нести было бы, безусловно, легче.

Да, не такое возвращение я представляла себе. Я попыталась обдумать это странное происшествие. Оливер проявил неловкость или же, напротив, был чересчур ловок?

О чем мог думать Оливер? При свете ламп в бунгало я увидела, что он бледен, расстроен и устал, но, по правде говоря, мы все были бледными и уставшими. Я заснула рядом с лордом Седриком, испытывая все тот же неопишуемый ужас перед насекомыми.

На борту «Счастливого»

Мы вернулись на борт «Счастливого» со шкурой тигра и живым лордом Седриком. Я бы предпочла обратное. Потерпел ли Оливер неудачу? Это продолжало оставаться для меня загадкой. Не могло быть и речи о том, чтобы спросить об этом у него самого.

Его спокойствие, полное владение собой внушали мне уверенность в том, что преступление было подготовлено со всей тщательностью. Говорят, что яды Юго-Восточной Азии действуют наверняка, а их присутствие в организме трудно обнаружить. Внезапно я вспомнила о том, что нового слугу лорда Седрика — Нама, конечно же китайца, рекомендовал Оливер. Безусловно, в историях такого рода обязательно требуется присутствие китайца. Как я об этом раньше не подумала!

Я жила в состоянии постоянной тревоги и волнения, смешанного с нетерпением. Яхта убаюкивала меня, помогая погрузиться в мечту о близком вдовстве. Малейший крик на борту, неожиданный шум заставляли бешено колотиться мое сердце. Всякий быстро идущий человек был для меня гонцом, несущим фатальное известие. Однажды после обеда я, Оливер и Седрик изучали морскую карту в каюте Седрика. Неожиданно Оливер встал и вышел, не сказав ни слова. В этом не было ничего удивительного, однако через несколько минут после его ухода Нам поставил перед нами поднос с бутылкой виски и двумя стаканами.

— Вы заказывали выпивку? — спросил меня несколько удивленный Седрик, так как мы собирались присоединиться к гостям в салоне и никогда ничего не заказывали в каюту.

Я поколебалась секунду, а потом спокойно ответила:

— Я действительно подумала, что вам захочется выпить стаканчик здесь, изучая карты.

Нам бросил на меня странный взгляд, непроницаемый, как у всех китайцев, потом подал мне стакан, а другой поставил для лорда Седрика рядом с разложенными на столе картами. Дверь бесшумно закрылась, и я очутилась один на один с человеком, которого ненавидела.

Я нервно листала журнал мод, внимательно наблюдая за жестами лорда Седрика. Я увидела, как он взял свой стакан, склонился над картой, указал своим костлявым пальцем на какую-то точку и сказал мне:

— Посмотрите, Анна, мы направляемся вот сюда.

Он поднес стакан ко рту и, как обычно, залпом выпил его содержимое, в то время как я смотрела на него как зачарованная, не в силах оторвать взгляд. Наполненная ужасом, я ничего не ответила ему. Тогда он взглянул на меня и спросил:

— Что с вами, Анна? Что-то не так? Моя дорогая, вы смертельно бледны. Что с вами?

Он не ошибался, мне и впрямь было плохо. Я сделала необычайное усилие, чтобы выдавить из себя улыбку.

— Ну что вы, что за странная мысль! Все прекрасно. Это тусклый свет в вашей каюте придает моему лицу такой цвет.

А сама я тем временем лихорадочно прикидывала, что сделать, если он сейчас рухнет на пол? Позвонить, позвать на помощь, потерять сознание, быть может? Выглядеть потрясенной? Или удручающе спокойной? Никаких излишеств, это точно. Сам факт присутствия при скоростной кончине мужа представляет собой достаточно необычное явление, способное вызвать естественное волнение. Мне не остается ничего иного, как вести себя в соответствии с обстоятельствами. Все эти мысли мгновенно пронеслись в моем мозгу:

пока Давентри медленно поставил свой пустой стакан и вновь склонился над картой, я уже пережила его смерть, похороны, первые дни своего вдовства...

Яд, вызывающий смертельный сердечный приступ, должен был бы действовать мгновенно. Прошло несколько минут, столь тягостных для меня, но лорд Седрик не проявлял и тени недомогания. От пароксизма уверенности, на который я уже поднялась, мне пришлось, перепрыгивая через ступеньки, быстро опуститься вниз. Что дало мне основания вообразить, что Нам со спокойным видом принес лорду Седрику яд? Должно быть, это произойдет в другой раз. «Чего же он ждет, чего медлит?» — спрашивала я себя, с яростью думая об Оливере.

Я уже не могла больше ждать и лихорадочно придумывала десятки других способов устранения Давентри.

Когда-то я слышала, что указательный палец, прижатый к сонной артерии, вызывает смерть, не оставляя при этом никаких следов. Но как это сделать на самом деле? А может, я смогла бы воспользоваться этим способом в одну из тех ночей, когда Седрик не может заснуть и принимает снотворное? Иногда я представляла, как он ночью склоняется над поручнями и падает в море. Но «Счастливики» не был столь быстроходным, чтобы крики лорда не были услышаны, да к тому же он был, безусловно, прекрасным пловцом. Нет! Надо, чтобы он упал, скажем, с шестого этажа вследствие внезапного головокружения после солидной попойки. Но где найти шестой этаж в этой стране и как подтолкнуть Давентри? Тогда я вспомнила о романе Д. Лоренса «Человек с куклой», в котором женщина, мешающая всем, весьма кстати выпадает из окна.

«Миссис Хэбперн выпала из окна своей спальни, расположенной на четвертом этаже, и разбилась насмерть. Несчастный случай произошел в тот момент, когда она одевалась к ужину. Утром этого дня она, должно быть, постирала рубашку и повесила ее сушиться на веревку за окном. По всей вероятности, она встала на стул, чтобы снять ее, и потеряла равновесие. Ее муж, находившийся в этот момент в туалете, услышал странный шум и сдавленный крик. Он зашел в комнату, чтобы посмотреть, что случилось, но никого не нашел: окно было открыто, рядом стоял стул. Он осмотрелся и решил, что, должно быть, жена на минуту вышла. Он уже наполовину побрился, когда в квартиру влетела горничная. Выглянув в окно и увидев случившееся, бедняга потерял сознание».

Легче столкнуть кого-то вниз, чем потом смотреть на расплющенный труп. «Я потеряю сознание», — решила я, испытывая приступ легкой тошноты от воображаемой сцены.

Я бы попросила Седрика поднять платок, который уронила из окна и который, например, зацепился бы за карниз. «Где это?» — спросил бы он, склоняясь, и — хоп! — я бы подтолкнула его слегка, и он бы рухнул в пустоту. Я настолько реально вообразила себе эту сцену, что при слове «хоп!» мой лоб и плечи покрылись холодным потом.

Лорд Давентри в моих глазах уже был трупом. Я спрашивала себя, как он может жить, окруженный такими смертоносными флюидами.

— Не присоединиться ли нам к остальным? — спросил он меня, аккуратно складывая карты.

Я пристально рассматривала его: он прекрасно выглядел.

Войдя в салон, я почувствовала себя такой измотанной, что решила пораньше лечь спать.

Пат и Дэвид играли в лексикон. Оливер читал, лежа на животе, подперев руками подбородок. Он на секунду поднял на нас глаза и вновь углубился в чтение. Он тоже

чувствовал себя прекрасно. Лорд Седрик не выказывал никаких признаков отравления, а Оливер не был похож на отравителя. Так что же, он специально хотел, чтобы я состарилась раньше времени?

Я села рядом и тихо спросила его:

— Это ты заказал виски в каюту Седрика?

— Я? Конечно, нет!.. А почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — ответила я, удивленная, что Нам сделал это без распоряжения лорда.

Если бы Оливер знал, с каким нетерпением я ждала, что он вот-вот освободит меня от Седрика, он не смог бы так естественно скрывать свои намерения.

Трудно вообразить себе, что значит ждать свершения преступления в замкнутом пространстве яхты в компании четырех человек, один из которых — потенциальный убийца, другой — жертва; что значит жить в предчувствии события, которое занимает весь ваш ум и держит вас в постоянном нервном напряжении...

Сингапур был уже совсем рядом, когда я внезапно поняла, что намерения Оливера изменились. Конечно, мне следовало бы об этом догадаться раньше.

Яхта входила в порт, я стояла у поручней рядом с Оливером. Несмотря на явное нежелание делиться с ним своими мыслями, я все же сказала:

— Оливер, поверь мне, что я не могу больше так жить.

— Боюсь, что ты никогда не будешь довольна, — ответил мне Оливер.

«Счастливчик» бросил якорь в Сингапуре, и я погрузила свои надежды глубоко в море.

Ребенок по заказу

Постоянное ожидание драматической развязки событий необычайно возбуждало меня. Мне пришлось сделать громадное усилие, чтобы привыкнуть к спокойной жизни, а также к мысли о том, что мне еще придется быть долгое время рядом с лордом Давентри. Я совершенно перестала понимать, чего хочет Оливер. Порой он напоминал мне бюрократа, рассчитывающего на пенсию по старости. Да, Оливер получит прекрасную пенсию, но когда? Мне было на тридцать лет меньше, чем лорду Седрику, но меня отнюдь не прельщала прекрасная перспектива стать его вдовой, если ожидание слишком затянется. Он мог прожить еще двадцать лет! Ну, пусть десять лет! Десять лет, в течение которых я чаще буду видеть Оливера издали, чем рядом.

«Судьба не так жестока к Оливеру, как ко мне; к тому же он спит с Патрицией, и это ему явно нравится», — думала я с горечью.

Моя любовь к Оливеру ослабла, по ночам мое влечение к нему не было столь страстным. Он не казался мне ни возвышенным, ни загадочным. Это был самый заурядный авантюрист, который воспользовался своими связями в светском обществе, чтобы ввести в его круг надежную сообщницу.

Но не случится ли так, что однажды я буду вынуждена передать ему жизнерадостных наследников Давентри?

Бесславное, беззаботное прозябание начинало тяготить меня. Раздражение перешло в ярость, когда вдруг я с ужасом обнаружила, что беременна.

Патриция и лорд Седрик играли в теннис. Мы с Оливером сидели в тени и машинально следили за их игрой. Рядом никого не было, и я сообщила ему эту новость.

— Оливер, — сказала я, — я жду ребенка.

— Что?! — он повернулся ко мне и взглянул изучающе, как будто не поверил.

— Я беременна, Оливер, — холодно повторила я.

— О, любовь моя, как это замечательно! Наконец-то! Наконец! — сказал он взволнованным голосом и взял меня за руку.

Я была обескуражена.

— Так ты желал этого? Ты именно этого хотел? Быть может, ты это сделал нарочно? — с горечью спросила я.

— Ну конечно же, моя дорогая, — нежно вздохнул Оливер. — Разве ты не знала?

— Я ничего не знала. Я считала, что ребенок не входит в твои планы на будущее.

— Да нет же, Анна, наш ребенок — это так прекрасно.

— Я понимаю, — сухо бросила я, — что ты как кукушка: счастлив, что подбросил свое яйцо в чужое гнездо.

— Подумай только, — сказал он, не обращая внимания на мое оскорбительное замечание. — Представь, что этот ребенок, в котором течет наша кровь, станет однажды лордом Давентри и унаследует титул!

— Ну конечно же, это будет обязательно сын, — сказала я. А потом добавила, презрительно глядя на него: — Тебя совершенно не волнует, что ребенок родится вдали, что не ты, а другой, чужой ему человек будет заниматься его воспитанием и что у него будет не твое, а чужое имя? Тебя это ничуть не трогает? Нет?

Оливер рассеянно смотрел на меня, и я чувствовала, что мои слова совершенно не

доходят до него, что он их попросту не слышит.

— Он будет красивым, умным, — мечтательно сказал он. — Мы назовем его Сеймур, лорд Сеймур Давентри, — восторженно прошептал он.

— А если это будет девочка, ты позволишь мне назвать ее...

— Если это будет девочка, — прервал меня Оливер без всякой теплоты в голосе, — то потом у нас будет еще и сын.

Я видела на площадке лорда Седрика, который с грациозностью старого козла прыгал, стараясь не упустить мячи Патриции. В стороне, под красно-белым зонтиком, расположившись вокруг круглого столика, разговаривали наши гости. Все это меня совершенно не интересовало. Только один Оливер занимал мои мысли, и только с ним я хотела бы жить вместе.

— Иметь сына от тебя, Анна, — это мечта всей моей жизни!

Эти слова смягчили мое сердце.

— Почему ты не сказал мне этого раньше? — спросила я. — Почему мы не живем вместе? У тебя ведь достаточно денег для этого. Вся эта роскошь не привлекает меня, из-за нее мы лишены свободы. Я все отдала бы за любовь и счастье с тобой.

Роковые слова! Лицо Оливера застыло в каменной неподвижности.

— Нужно, чтобы у нас было все, — сказал он.

Все! Что он подразумевал под этим словом?

— Ваша очередь играть, — крикнул лорд Седрик, широким шагом направляясь в нашу сторону. Патриция следовала за ним.

Я собиралась подняться, но Оливер резко остановил меня.

— Больше никакого тенниса, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Я что-то устала сегодня, сыграю как-нибудь в другой раз, — сказала я лорду Седрику. — Пойдем лучше выпьем по глоточку виски.

— И никакого виски, — сказал мне Оливер.

— Ну тогда что же? — раздраженно спросила я.

— Сын, — мило ответил Оливер.

Ему нужен был сын.

Когда я сообщила лорду Седрику, что ожидаю ребенка, он сперва буквально остолбенел от изумления, а потом чуть с ума не сошел от радости. И если удивление через несколько минут исчезло, то радость, наоборот, длилась долго. Он тут же принялся строить планы в отношении будущего сына (конечно же, это будет сын!), наследника нескольких морских линий и железных дорог, трех шахт в Австралии, многочисленных поместий в Англии и, наконец, величественного и прекрасного древнего замка Давентри — гордости всех предков лорда.

— Мы назовем его Сеймур, — сказал лорд Седрик.

Я чуть не подавилась кусочком торта. Они что — договорились?

— Сеймур? Почему Сеймур?

— Все старшие сыновья в семье Давентри носили это имя, — снисходительно объяснил мне лорд Седрик.

Оливер хорошо знал это задолго до меня... Это чудовище решительно предусмотрело все.

И вот 14 апреля на заре у меня родился Сеймур Аллан Давентри, прекрасный маленький лорд. Все нашли его удивительно похожим на лорда Седрика. Оливер, уверенный в своем

отцовстве, на это никак не реагировал. И был прав: конечно же, это был его сын, сын отважного человека, в жилах которого течет кровь бретонского адмирала-пирата. Этот ребенок с еще затуманенным взглядом щелок-глазенок заключал в себе все величайшие чаяния Оливера!

Безмерно гордился своим сыном и лорд Седрик. Еще бы! Этот крохотный ребенок был отпрыском великого рода, который угас бы без него.

Иногда я заставала его склонившимся над колыбелью с легким налетом грусти на лице. Уж не подозревал ли он, что Сеймур Аллан Давентри не имел к роду Давентри никакого отношения?

Лишь позже я пойму истинную причину этой печали.

Что касается меня, я безумно гордилась своим сыном. Но как же я устала от этой двойной жизни! Все вокруг было лишь иллюзией, подлым и низким надувательством. Титулы, положение в обществе, богатство — вся эта блестящая мишура не могла заменить Оливера, чье присутствие рядом с ребенком было бы бесценным. Страстно желая найти общие черты во внешности Оливера и Сеймура, я в то же время боялась физического сходства между ними. Однажды я заговорила об этом с Оливером.

— Ну что ж, Анна, — ответил он, — если кто-либо и заподозрит правду, разве тебя это унизит?

— Да, — ответила я. — Наша любовь и наш сын имеют право на большее, чем оставаться заложниками чьих-то интересов. — Я осмотрелась вокруг. — Я не могу считать это место моим домом и домом моего ребенка.

— Но, однако, это твой сын, а ты разве не леди Давентри?

Беззастенчивый цинизм Оливера раздражал меня. Он был всего лишь жалким авантюристом, а я — его сообщницей, и мы продолжали вести жизнь, наполненную опасностями и страхом, так и не достигнув манящих берегов Бораборы — мифа свободы. Так вот во что вылилась наша прекрасная авантюра, которой следовало быть воплощением дерзости и самоотверженности!

Находчивость Оливера казалась мне неисчерпаемой. Однако с его жестокостью и целеустремленностью никак не сочеталась сентиментальность, которую он проявлял на протяжении долгих месяцев. Тем не менее я была уверена, что где-то в самой глубине души он тщательно вынашивает план убийства.

Оставалось только ждать, когда он приведет его в действие.

Он выбрал подходящий момент со столь поразительной дерзостью, что ни у кого не вызвало ни малейшего подозрения.

На самом деле никакого китайца-сообщника не было.

Однажды вечером я зашла в библиотеку, где лорд Седрик любил бывать после обеда. Он сидел там, откинувшись в кресле, с газетой у ног. Издали он казался спящим, вблизи же походил на мертвеца. Вообще-то он всегда казался каким-то нежизнеспособным, но не до такой же степени! Увы, он и впрямь был мертв.

Мне даже не пришлось воображать себя в роли вдовы. Эта миссия выпала на мою долю вполне естественно вместе с удивлением и волнением, которого я не ожидала. Оливер, предупрежденный кем-то, прибыл гораздо раньше врача и занялся всем необходимым: перенес тело лорда на кровать, а меня заставил лечь на другую, так как я сама была бледна как смерть.

— Бедный старый Седрик, — заметил Оливер. — Мы сыграли с ним в шахматы, и он проиграл две партии.

— Как?!.. — пораженно воскликнула я. — Ты совсем недавно был здесь?

— Ну конечно, мы пили вместе кофе, играли в шахматы, потом он взял «Таймс» и, читая газету, уснул. Я покинул библиотеку и сказал Путсу, которого встретил в зале, что подойду к шести часам. И вот!

«И вот!..»

— Бедный Седрик, — время от времени повторял Оливер. — Бедный старый Седрик, он так хорошо ко мне относился!

— Наконец-то ты произнес хоть что-то хорошее, — резко сказала я.

— Это судьба, — бесстрастно ответил Оливер. — С его сердцем ему не следовало бы жить в таком климате.

Очевидно, это и впрямь была судьба. Обзавестись наследником и...

В словаре я читала, что бумеранг — это метательное оружие, имеющее свойство возвращаться к своему владельцу.

Бумеранг был брошен самым надлежащим образом.

Я не только завершила движение к намеченной цели, но и вернулась к своему любовнику с незаконнорожденным сыном, наследником трона Давентри.

Как только траур закончился и жизнь вошла в обычное нормальное русло, Оливер решил расставить все точки над «i».

Кажется, это было желанием лорда Седрика — вернуться в Англию, чтобы Сеймур воспитывался в замке Давентри.

— Но, — возразила я, неожиданно разволновавшись, — этот замок, страна, незнакомые и, возможно, враждебные по отношению ко мне люди — это будет слишком тяжело для меня.

Оливер позволил себе рассмеяться.

— Да, — сказал он. — Это жуткий, огромный замок с двумя или тремя привидениями.

— Так ты знаешь замок Давентри? — спросила я удивленно.

— Все англичане его знают. Я там был подростком. Видел его издали и вблизи. Провел несколько недель в окрестных селениях и как зачарованный все смотрел и смотрел на него. Я видел этот замок и ночью, и днем, в лучах солнца и в свете луны, пытаюсь представить его прошлое и будущее.

Глаза Оливера светились странным блеском.

— История Христофора Колумба, без сомнения, не более необычна, чем твоя, — сказала я наконец. — Итак, через всю свою жизнь, начиная с нежной юности, ты пронес мечту жить в этом замке? И ты смешал рай с адом, лишь бы достичь своей цели?

— Обстоятельства способствовали этому, — сказал Оливер, устремив глаза вдаль. — И именно обстоятельства побудили меня к осуществлению этой идеи.

— Но что же тогда представляю для тебя я? — подавленно и горько спросила я. — Я даже не «Санта-Мария», которая доставила Колумба в Америку?

— Ты леди Давентри, мать Сеймура, — сказал он ледяным тоном, перевернувшим во мне все внутри.

Ах, Сеймур, лорд Сеймур Давентри, кукушкин подкидыш!

Я до сих пор не принимала всерьез герб, красовавшийся у меня на печатке, вензеля, вышитые в уголках носовых платков, геральдику, вычеканенную на серебре столовых приборов, оттиски на бумаге для писем и на приданом Сеймура... Моя гордость была глубоко уязвлена — все подчеркивало значимость титула в жизни моего сына. А ведь действительно вскоре его жизнь будет зависеть от этого.

Через несколько недель после этой беседы я приближалась к замку Давентри. Я сидела за рулем автомобиля; Сеймур спал в корзине рядом с няней. Шофер держал корзину с котенком, который также возвращался в Англию.

Прежде чем проехать через громадный портал, расположенный между двумя квадратными башнями, я на мгновение притормозила машину. Впереди лежал бескрайний парк; чуть дальше, скрытый вечерним туманом, возвышался замок Давентри. Это была цитадель, взобраться на которую смог лишь обвивший ее стены плющ. Гордые шпили башен из голубого гранита отражались в темных водах крепостного рва. Вверху, прямо передо мной, на каменном фронте здания, виднелся барельеф герба Давентри. Казалось, он впитал в себя пыль веков, хотя под ним все еще можно было прочесть таинственный девиз его владельцев: «Лучше смерть, чем жизнь».

Мое сердце гулко забилося от охватившего меня волнения. Неожиданно я будто вновь увидела небольшой садик и домик (не так уж давно это было — приблизительно два года назад), откуда Оливер своей властной рукой вытолкнул меня в эту странную, полуфантастическую жизнь.

Без него я бы не входила сейчас хозяйкой в этот чудесный замок, не сидела бы за рулем этого роскошного автомобиля и никогда не было бы рядом в корзинке величайшего для меня счастья — лорда Сеймура Давентри пяти месяцев от роду.

Медленным шагом я пересекла пространство, отделяющее меня от замка. Целый эскадрон слуг ожидал меня, выстроившись за представительным седоволосым мажордомом. Любезно поприветствовав всех сразу, я повернулась и взяла из рук няни драгоценную корзину. Я сразу дала понять, что это и будет моей главной заботой. Следуя за заметно взволнованным мажордомом, легким шагом я вошла в замок. С неподдельной гордостью я положила кукушкиного птенца посреди большой, с колоннами кровати графов Давентри.

Мой приезд в родовой замок с юным лордом Давентри в корзине и с прахом старого лорда в серебряной урне поднял мой авторитет в глазах слуг.

Жизнь в Азии была детскими играми по сравнению с праздничной роскошью замка Давентри, которая свидетельствовала о невероятном богатстве его хозяев. В замке все идеально соответствовало красоте окружения и изысканности благополучия.

В тот же вечер, хладнокровно ознакомившись с замком, я наконец-то уединилась между четырьмя колоннами на кровати, задрапированной красной парчой (скорее даже фиолетового оттенка, в котором синева переливается по поверхности до насыщенного красного цвета). И тогда я ощутила всю тяжесть величия Давентри.

Остаться вдовой лорда было моим сокровенным желанием, и оно сбылось! Я действительно чувствовала себя вдовой. Но мне казалось, что это какое-то преувеличение. Нормально ли быть вдовой в такой ситуации? И как долго я должна буду в ней оставаться?

Я почувствовала себя пленницей, запутавшейся в величественной кроне генеалогического древа лорда Седрика.

Вне всякого сомнения, я была леди Давентри, но мне казалось невозможным оставаться счастливой вдовой.

В этот первый вечер меня сковала печаль. Сидя посередине кровати, по углам которой, словно деревья, поднимались колонны, я казалась себе жалким муравьишкой. Прошное давило на меня с такой силой, что я теряла связь с реальностью. Я лежала на этой огромной кровати, как цветок на надгробном камне. Наконец я закрыла глаза и представила синее небо, каким никогда не бывает небо севера, с бегущими по нему кустистыми тучами, светящееся море, просторную хижину, открытую мягкому бризу, красивого загорелого ребенка, гуляющего на чистом песке. Оливер и я, обнявшись, слушаем шум набегающих волн, а на наших губах искрится счастливая улыбка. А над Бораборой поднимается луна.

Смогла бы я поменять бриллианты на ракушки на побережье?

Сумела бы спать в объятиях Оливера под кокосовыми пальмами? Этой ночью все мое естество говорило «да».

Но эта слабость была временной. Моя неуверенность длилась лишь несколько часов, как приступ малярии. Я быстро поняла, что представляет из себя лорд Давентри, мертвый или живой.

Ни дом в Сингапуре, ни бриллианты, подаренные им, ни роскошная яхта не помогли мне осознать все величие богатства, которым я теперь овладела.

Само собой разумеется, я подчинилась существующей традиции. Я научилась жить и этой жизнью, находя утешение в виски. Я стала настоящей леди из старинного рода.

Так прошла зима. Наступил апрель, Франсуа — а маленький котенок уже давно превратился в красавца кота — провел под луной свой очередной медовый месяц. Из башен и из глубины парка слышалось его пылкое мяуканье. Повсюду шныряли прекрасные кошки и гордые коты, издавая безумные крики. Появились первые нарциссы. На крышах ворковали голуби. Горничные весело напевали, занимаясь уборкой.

Каждый день приносил новую порцию радости жизни, мощное дыхание пробуждающейся природы. Розовое солнце нежно ласкало небо, а большие белые облака плавали парами, окруженные малышами — непоседливыми круглыми тучками.

Ужинала я всегда в гордом одиночестве, среди серебряных канделябров. За моей спиной стояло полдюжины слуг, а старший лакей, величественный и предупредительный, священнодействовал над столом. Я до сих пор не знаю, был ли он слишком стар или страдал болезнью Паркинсона, но он, что называется, дышал на ладан.

Подобные трапезы вызывали у меня отвращение; казалось, будто меня обслуживают перед моим собственным надгробием посреди церкви. Я была во власти самых мрачных мыслей; каждый вечер я хоронила свою молодость! Ни запахи самых изысканных блюд, ни мои любимые духи из сандала («Ты пахнешь Ямайкой», — сказал мне как-то Оливер в минуту близости) не могли вытеснить дух церковных обрядов из этого огромного зала, освещенного мерцающими свечами.

Я понимала, что слуги не простят мне ни малейшей слабости, и поэтому, сидя на своем неудобном средневековом стуле, старалась держаться с царственной непринужденностью, страстно завидуя Франсуа, который на специальном коврикe вкусно хрустел куриными косточками.

Однажды вечером я случайно уронила на пол маленькую ложечку. Если бы столетний ветеран наклонился, чтобы ее поднять, он бы уже никогда не распрямился. Выручил молодой лакей, склонившийся в молчаливом поклоне рядом с моим стулом. Мой взгляд пробежал по его затылку, круглому и крепкому, более привлекательному, чем жаркое, которое я меланхолично ковыряла вилкой. Поднимаясь, трепещущий слуга сильно удивился, перехватив этот взгляд совы, выслеживающей лесную мышь. Краска залила его лицо, лицо истинного англичанина, и он удалился за десертом. А я глубоко задумалась.

Была весна. Я решила заняться спортом. Я заказала себе костюм для верховой езды и носилась по зарослям вереска и лесам.

Однажды утром я, как всегда, отправилась на прогулку. Я опустила поводья и позволила своей кобыле скакать куда пожелает. И она галопом понеслась к полянке, на которой почувствовала присутствие жеребца.

Колоннада леса окружала залитое солнцем пространство, в середине которого грелся на солнце серый, покрытый лишайником дом, чем-то напоминающий дремлющего кота.

Моя рыжая красавица издала радостное ржание, приветствуя привязанного возле дома пофыркивающего жеребца. Кокетливым шагом, медленно, как на подиуме, она приблизилась к нему и остановилась, легко перебирая копытами. Получалось так, как будто мы с ней приехали сюда на какую-то интимную встречу.

Я спрашивала себя, что за мушкетер сидел в седле этого чистокровного жеребца, достойного конюшен Давентри, когда услышала негромкое насвистывание: мелодию из Шумана. Дверь открылась, и на пороге появился хозяин. Это был лесничий поместья Питер Пенгвен.

Мне он всегда казался очень симпатичным, но сейчас я будто увидела его впервые. Он был крепкого сложения, широкоплечий и сильный. Взволнованная, поначалу я не знала, что и сказать, но тут же взяла себя в руки.

На мне был костюм наездницы: плотно облегающие брюки, глубокий вырез в шелковой блузе, кожаные сапоги, своим изяществом ничуть не уступающие точеным ножкам моей кобылы. Я весело поприветствовала лесничего, шутливым жестом приподняв свою фетровую шляпу, а затем представила свою кобылу:

— Пальмина.

Питер Пенгвен подошел к своему великолепному жеребцу.

— Робинзон, — сказал он, похлопывая его по холке.

Получилось так, будто мы обменялись своими именами.

Пальмина и Робинзон дружелюбно терлись друг о друга мордами.

Тишина накатывала с каждой секундой, как аромат цветка белого табака в ночи, наполняя все вокруг волнующей силой.

Я прикинула расстояние, отделяющее домик лесничего от замка, и подумала, сможет ли эта лесная тишина хранить тайны?

На солнце набежало облако. Почему-то мне на ум пришло воспоминание о мажордоме: его взгляд, прозрачный, как капля воды на стекле, вызывающий дрожь, подобно дождинке, попавшей за воротник. А чего стоит взгляд домоправительницы, непроницаемый, как дверца сейфа?

Я решительным жестом взяла поводья в руку.

Пальмина слегка взбрыкнула, не желая разворачиваться, в то время как Робинзон и Питер, величественные и неподвижные, смотрели на нас обжигающим взглядом своих черных глаз.

С тяжелым сердцем я заставила Пальмину поскакать обратно в замок.

Отъехав от поляны на достаточное расстояние, я крепко обняла свою рыжую подругу за шею. Скрепя сердце я решила отказаться от притягивающей меня «лесной» любви.

Пикантные каникулы

Джентльмены были весьма умеренны, как и климат. Природа не пробуждала в них ничего, кроме мыслей о гольфе или крикете.

Оливер был далеко...

Он был не из тех, кто пишет любовные письма. Как и было условлено, он управлял «Счастливым» во время путешествия в Англию.

Он слал мне лаконичные записки, столь же страстные, как письма капитана корабля своему судовладельцу.

Достаточно с меня замка! Надоела Англия!

Я хотела передышки. Без машины, без шофера, без горничной. Мне необходим был отдых, который был бы просто «пребыванием леди Давентри на Лазурном берегу».

Я хотела побыть одна, совершенно свободно, инкогнито.

Молодому лорду Давентри было одиннадцать месяцев. Он уже потерял вид только что вылупившегося из яйца птенчика и резво перебирал ножками, когда его поддерживали под руки.

За пятнадцать дней отсутствия я, возможно, пропущу его первые шаги. Но какая мать-миллиардерша имеет право на ожидание первых шагов своего малыша? Няни стараются лишить вас этих маленьких радостей. Это как с поджаристыми куриными ножками — еще одна вещь, от которой приходится отказаться, когда судьба обязывает вас жить под пристальным наблюдением окружающих.

Я сбежала из Давентри в Лондон и занялась дорожными приготовлениями. Никаких дорогих кожаных чемоданов, так приятно пахнущих. Чемоданы только из кожзаменителя, свидетельствующие о среднем достатке их владельцев, честных людей! Хватит носить траур в шикарном обрамлении! Да здравствуют платица из магазина готовой одежды! Я устояла перед желанием украсить себя хотя бы несколькими бриллиантами, уж очень ярок и даже агрессивен был их блеск. Довольствовалась лишь несколькими нитями жемчуга, который так легко принять за фальшивый.

Туристическое агентство Кука порекомендовало мне небольшой порт на Далматинском побережье. Там я буду ограждена от англичан и назойливых журналистов. А также смогу совершенно спокойно подцепить одного из рыбаков, которых полно на побережье. Эти последние сведения я получила уже не от агентства Кука. Одно из преимуществ, которое дает богатство, — это возможность жить бедно, не заботясь об этом. Я заранее оплатила свое пребывание в скромных отелях для того, чтобы держаться подальше от английских туристов, которые все же могли бы узнать меня, несмотря на все усилия стать как можно меньше похожей на леди Давентри. Мне пришлось терпеть отсутствие комфорта, высокомерие служащих мужского и женского пола, слишком опытных, чтобы тратить свою энергию на «какую-то там мелкую сошку». Я наслаждалась простой пищей и сохраняла верность образу, давая небольшие чаевые и с наслаждением перенося оскорбления.

Корабль, на который я села, высадил меня в небольшом порту у подножия гор, таких же голубых, как небо и море.

Пенистая волна выбросила меня на берег, и это событие оживило поселок.

Сбежавшиеся на пристань радостные жители поселка окружили меня. Благодаря одному патриарху, который в молодости работал на Суэцком канале, мой английский нашел у этого

народа какой-то отклик. Добровольный гид взялся сопровождать меня.

На выручку пришел также мэр поселка, затем учитель, знающий двадцать слов по-французски, и, наконец, архимандрит греческой церкви. Окруженная этим почтенным обществом и сопровождаемая доброй половиной населения поселка, я проследовала в таверну, где меня подкрепили и утешили при помощи водки и кофе. Затем последовала оживленная дискуссия по поводу моего размещения. В конце концов меня привели в дом, где пожилая дама приняла меня как дочь, вернувшуюся к родному очагу после долгого отсутствия.

Наконец простой люд удалился, выталкиваемый знатными лицами.

Комната была оклеена обоями лазурного цвета. Меня окружала старинная массивная мебель из красного дерева.

Несмотря на это великолепие, комната была просторной и чистой, как лотос на воде. Балкон, словно ласточкино гнездо, нависал над морем, и отражение волн играло на потолке.

Поселок казался мне одной из тех таинственных и редких жемчужин, которые находят среди подводных рифов великой австралийской гряды. Лишь он мог вместить в себя этот цвет неба и моря, редкую смесь драгоценных и простых пород, искрящихся пещер и мрачных колоннад.

Старейшину звали дядюшка Иво.

Он взял меня под свое покровительство со дня моего прибытия.

Ему было лет восемьдесят, но от него веяло здоровьем. Это был крепкий седой старик с горящими черными глазами. Он плавал как рыба и мог часами охотиться на морских ежей. Я подолгу лежала на теплом песке, он часто устраивался рядом. Но мой интерес был вызван не нырянием и появлением из морской пучины восьмидесятилетнего Нептуна, а его молодым внуком. Ему было около двадцати лет. Звали его также Иво. Он представлял из себя слегка уменьшенный, но совсем свежий вариант своего предка.

Он часто оказывался рядом с дедом в рыбацьем баркасе.

Я знала, что сквозь выгоревшие ресницы внук Иво не сводил с меня глаз.

Вначале я думала, что мои тридцать лет — слишком много с точки зрения этого юноши, мечтающего о путешествиях. Но, находясь рядом со мной, молодой Иво с трудом скрывал все нарастающее смущение.

Наивный поселковый люд ничему не удивлялся. Он был настолько убежден в своей отсталости и незнании современной жизни, что мое смелое поведение казалось ему обычным проявлением иностранного воспитания. Например, когда я захотела совершить морскую прогулку при свете луны, деревенские жители, проинформированные дядюшкой Иво, пылко одобрили эту идею. Но когда я, сославшись на необходимость уважать сон патриарха, заявила, что внук легко справится с однопарусной шхуной, а я всегда смогу прийти на помощь в случае необходимости, вся деревня ахнула! Да как же можно позволить даме подвергаться такой опасности! Ведь ее может выбросить на коралловые рифы или унести ветром в Адриатику!

Дядюшка Иво объяснил мне причину волнения местных жителей, расшифровывая их совершенно непонятные движения, напоминающие своего рода балет. С помощью этих движений мне пытались рассказать о различных опасностях, которым я подвергнусь, если рискну отправиться на прогулку только с юнгой. Все это звучало столь убедительно, что мне пришлось взять на борт также и старика. Мы весело болтали с ним, в то время как юноша стоял на носу, свирепо вглядываясь в горизонт, где зарождалась ночь.

Так я проводила ночные часы, странные в своей красоте и молчании. Иногда Иво-младший бросал на своего бесстрастного деда взгляд, полный ненависти. Этот крепкий старик выдержал бы порыв любого ветра, и понадобилось бы очень много усилий, чтобы он упал в море!.. Что же касается опасности ночного плавания — она была ничтожна. Море было теплым, а старый Нептун ловил морских ежей при свете луны так же легко, как и днем. Он всплывал на поверхность с улыбкой, фонтаном выплевывая изо рта воду.

Объяснить хотя бы что-то молодому морскому волку не было никакой надежды, потому что говорил он только на сербско-хорватском. Мысль о том, чтобы войти в мою каюту ночью, ему бы и в голову не пришла.

Как же назначить ему свидание?

Напрасно я перерыла скромную поселковую библиотеку — даже самого маленького словарика, из которого можно было бы почерпнуть пять-шесть необходимых слов, я не нашла.

Наконец как с неба на нас свалился нужный тип, который говорил на французском почти так же, как и я. Он был архитектором и исследовал побережье, чтобы найти удобное место для строительства дворца. Он бросился оказывать мне всяческие услуги, организовывать мой быт.

Тем не менее, когда я попросила его написать на местном наречии в моей записной книжке «Сегодня вечером в 10 часов в конце причала», он всем своим видом показал, что сомневается, стоит ли именно с этого начинать мне свою жизнь.

— Я еще знаю немецкий и итальянский, — сказал он мне. — Хотите, я напишу вам эту фразу и на этих языках.

Вокруг его глаз собрались морщинки от едва сдерживаемого смеха.

— Да, — бесстрастно ответила я. — Никогда ничего нельзя предвидеть заранее... Во всех портах есть набережные, и я всегда смогу указать время цифрами.

Архитектор восхищенно присвистнул, и мы расстались большими друзьями.

— Как жаль, что я не моряк, — сказал он, с искренним уважением целуя мне руку.

Я тщательно переписала красивые буквы и положила записку в конверт. Если бы у меня было побольше терпения, я бы могла передать это Иво во время одного из погружений его деда.

Но я жаждала встретиться с ним в этот же вечер. У меня больше не было терпения. Ждать — значит откладывать на завтра.

Необходимо было немедленно найти какого-то секретного гонца... И тогда сегодня вечером, через несколько часов...

Мой выбор пал на чрезвычайно смышленного мальчугана, который понимал все с полуслова.

Я отвела маленького постреленка в сторонку и показала ему письмо. Он тотчас же понял, что его следовало кому-то отнести и передать в руки. Первая цель достигнута. Затем, при помощи мимики, я попыталась объяснить ему, что это следует держать в тайне и никому об этом не говорить. Гонец бросил на меня понимающий взгляд, что еще раз подтвердило мою уверенность в том, что он выполнит свою миссию. Тогда я прошептала ему на ухо имя: Иво...

— Да! Да! — воскликнул мальчик, преисполненный энтузиазма, и мы с большим искусством сыграли сцену передачи и получения секретного письма. Спрятав письмо в самый надежный карман, мальчишка отправился по адресу, как почтовый голубь. Он

радостно улетел на крыльях и исчез на моих глазах.

Я никогда не читала мемуаров Казановы, но я могу себе представить, что там наверняка есть описание нетерпеливого ожидания часа свидания. Мысленно я сто раз проиграла все детали этой первой встречи. Ведь именно первая встреча объясняет вечные поиски Дон Жуана, Христофора Колумба и многих других!

Направляясь к дальнему концу причала, построенного еще во времена финикийцев, я торопила время. В эту южную ночь я лучилась светом, наполненным ярким фосфоресцирующим голубым блеском, способным ослепить море. Я была одной из тех тысяч женщин, сжигаемых любовным нетерпением, которые на протяжении тысячелетий бегут на свидание с любимым мужчиной под покровом луны.

Я увидела, что кто-то ждет меня, сидя на крупном валуне. Но только на расстоянии нескольких шагов, когда сидящий привстал, я узнала дядюшку Иво!

Пришел ли он для того, чтобы защитить своего внука от посягательств иностранки? Нет! Я увидела, каким блеском горят глаза этого восьмидесятилетнего старца, преисполненного гордостью за свою победу!

Стоя рядом с ним, я чуть не закричала от злости.

Дядюшка Иво, несмотря на свой почтенный возраст, казался довольно крепким мужчиной. Все женщины деревни, молодые и старые, окружали его повышенным вниманием. Вполне возможно, что молодой гонец, подозревающий, что содержимое письма носило явно любовный характер, счел правильным отдать его старому донжуану. Ему и в голову не приходило, что речь шла о молодом Иво, которого все еще принимали за ребенка. Не исключено и то, что юный интриган специально перепутал адресата. Что мне оставалось сказать старому морскому волку, который явно собирался отправиться со мной на прогулку в море на своем баркасе?

Нет слов, он был намного приятнее, чем старый лорд Седрик, но старье мне изрядно поднадоело.

Откровенно говоря, старый ловелас вызвал у меня негодование. Да как он мог себе вообразить, что я приду в десять часов вечера полураздетая (если не считать прозрачной ткани, сквозь которую просвечивалась лунная красота моей кожи), благоухающая, как парфюмерный магазин, чтобы отправиться с ним на ловлю сардин при свете факелов?!

Расширепев, я плотно обмотала вокруг себя прозрачную одежду (она так походила на греческие одеяния!) и, пылая от гнева и разочарования, оставила старика Иво в недоумении одного. Я все больше удалялась от него, вызывая стуча каблуками по гальке. Мне кажется, что бедняга так никогда и не поймет нравов этих загадочных иностранцев.

Вернувшись к себе, я бросилась на кровать и зарыдала от разочарования. Мне слышался насмешливый голос Оливера: «Ну что, миледи, не повезло? А может, просто плохо сыграно? Ха-ха!»

Больше я никогда не буду делать попыток путешествовать, не зная языка. Я уехала так же неожиданно, как и приехала.

В то время как полуразрушенный грузовичок, увозивший меня, делал свой первый вираж у подножия горы, я увидела молодого Иво, сидящего на камне с обнаженным торсом, с подвернутыми брюками. Он срезал кору с какой-то ветки, чтобы смастерить стрелу или свирель. Издали он напоминал античную статую.

Увидев меня, он привстал и, осмелев, послал мне воздушный поцелуй. Дурачок!..

Опершись на свои чемоданы, как на корму галеры, я приветливо помахала ему рукой.

Рагуза встретила меня сумерками в духе сказочного сна. Это великолепный город, необычайно красивый, освещенный каким-то золотисто-розовым светом, похожий на подлинную восточную жемчужину.

Полуденный зной заставил всех покинуть улицы. Я прогуливалась, ловя на себе заинтересованные взгляды красивых, породистых мужчин, выставяющих себя напоказ подобно манекенам.

Вечером я танцевала в «Крафка-Кафада». Я переходила из рук в руки, не имея ни минуты времени, чтобы присесть и передохнуть в перерывах между танцами.

Затем меня пригласил Марино. Чувственный жар, исходивший от всего его тела, говорил о больших сексуальных возможностях. Он был смуглым, как и все остальные, даже, по всей вероятности, более смуглым. Взгляд его был томным и глубоким, что всегда привораживало меня.

Кто знает, может, не всякому дана способность чувствовать, как внутри человека, словно в чаще дремучего леса, бьется страсть? Мне их жаль.

Танцуя с Марино, я подумала о том, чтобы отыскать в записной книжке фразу, написанную для дурачка Иво, но он наклонился над моим плечом и сказал на ломаном итальянском: «Когда синьора отправляется домой?» Я знала по-итальянски только навязчивое «Высовываться опасно», сопровождавшее меня в вагонах поездов в Италии. Но я тотчас же все поняла и без колебаний ответила: «Немедленно!»

Я вышла из кафе в сопровождении прекрасного, молчаливого Марино, идущего за мной на некотором расстоянии...

Мы узнали имена друг друга только на заре.

В этой комнате с окнами, выходящими на море, я провела три дня. Благодаря Марино я узнала несколько итальянских слов, он выучил несколько французских, но нам это было ни к чему.

Украдкой я мысленно возвращалась в Англию, готовая снова подчиниться власти Оливера. Мне было слегка грустно при мысли о том, что скоро придется навсегда распрощаться с простыми нравами и снова влезть в оболочку холодной леди.

Призраки оживают

Была ли я там, нет ли, но замок Давентри, подобно большому кораблю, продолжал свое существование.

У меня не было никакой связи с соседними домами, я никого здесь не знала, за исключением лесничего с его Робинзоном, но и это знакомство слишком быстро оборвалось. Если бы я прибыла сюда не вдовой, а с лордом Седриком, вряд ли это что-то изменило бы. Он не был общительным. Не был он и великим благодетелем. Но я наверняка не чувствовала бы себя иностранкой. Если бы я была англичанкой, то стала бы подлинной хозяйкой замка и близлежащих земель.

Как бы в плывущем дворце, ничего не понимая в его устройстве, я вела себя как богатая леди, имеющая право на обслуживание в соответствии со средствами. Я знала только салоны, прогулочные палубы и каюты первого класса. Все другие помещения оставались для меня столь же далекими и загадочными, какими они представляются путешественнику, не проникающему туда никогда.

Подлинными хозяевами замка были три старца, живущие в нем со времен матери Седрика — графини Морана.

Лорд Седрик провел много лет в Азии, не имея никакого реального дела, исключительно ради собственного удовольствия. Его пребывание в Англии было кратковременным и редким. Однако все эти годы в замке не прекращали ожидать его возвращения. Ни прислуга, ни конюшни, ни роскошь садов и оранжерей не претерпевали за время его отсутствия никаких изменений.

Мажордом Висбек был, должно быть, немного старше лорда Седрика. Этот мажордом, кстати, очень хорошо смотрелся бы на месте владельца замка. Он говорил слишком правильным литературным языком, но пользовался тем же одеколоном, курил те же сигары и пил тот же портвейн, что и хозяин.

Однажды, заблудившись в замке, я пошла не тем коридором и вышла к двери, украшенной надписью: «Частная собственность». Удивленная, я открыла дверь и оказалась в симпатичном салоне, где Висбек, выпрямив с достоинством свою спину, дремал в кресле у камина. Он издавал легкий храп, напоминающий жужжание пчел. Слева от него лежали сигары и стояла бутылка вина, справа — большой бело-рыжий спаниель, распластавшийся на ковре.

Управляющая хозяйством миссис Пули Додж со знанием дела руководила всем в замке. Хотя она и занимала более низкую ступеньку в иерархии слуг, ей в этом маленьком суверенном государстве принадлежала решающая роль. Уже один вид ее был для меня столь же неприятен, как ушиб об острый угол. Я догадывалась, что и мои нечеткие очертания тоже вызывали у нее болезненный спазм. Уважение, которое проявляла ко мне миссис Додж, всегда было приправлено тошнотворным высокомерием. Она была похожа на виселицу и вызывала неприятные ассоциации, напоминавшие мне, как я стала вдовой. Но, несмотря на отвращение, которое она мне внушала, не могло быть и речи о том, чтобы уволить ее. Это было бы равносильно тому, как если бы английский монарх захотел выдворить из страны одного из своих министров под предлогом, что ему не нравится форма его головы.

Возможно, позднее Оливеру и удалось бы при случае избавить меня от нее.

Третий старик заправлял самым прекрасным участком в доме — садом. Речь шла не

только о саде, но и о парке, розарии, оранжереях. Он любовно ухаживал за ними на протяжении уже сорока лет. Это был ученый-агроном, садовник-архитектор. Я видела, как работают его помощники, сам же он появлялся редко. Рано утром он обходил свои угодья, заложив руки за спину, останавливался время от времени, чтобы внимательно осмотреть какие-то цветы или композиции. Он напоминал мне мирного доброго Боженьку, с нежностью созерцающего свое удачное творение. Его звали Пэблз.

Уважительно относясь к его труду, искусству, вкусу, я никогда не срезала ни одного цветка, не спросив предварительно его согласия. Такое отношение к его работе вызывало ответную симпатию. Однажды он пришел ко мне за разрешением на серьезные преобразования в саду.

Вот уже двадцать лет ему хотелось убрать заросли рододендронов с северной поляны. Но для таких крупных перемен нужно было разрешение лорда Седрика. Эти массивы образовали нечто вроде густой и темной стены, освещенной великолепными фонарями из красных, розовых и белых цветов. Не было никакого основания пересаживать их, если не принимать во внимание явную антипатию Пэблза к этим растениям.

Лорд Седрик никогда не позволял ему этого делать.

Когда он предстал передо мной, я тут же дала ему свое согласие. Я тоже ненавидела эти цветы.

Пэблз весь засветился. Мне показалось, что луч солнца сверкнул сквозь тучи, разогнанные сильным порывом ветра. Его красивое лицо, продубленное ветрами, приятно обрамлялось жесткой бородкой, а необычайно светлые глаза на смуглой коже казались прозрачными, словно апрельский дождь в солнечных лучах.

Мы испытывали явную симпатию друг к другу.

— Позвольте спросить вас, мадам, почему вы даете на это свое согласие?

— Потому что я тоже ненавижу рододендроны, — порывисто ответила я.

Так мы оба проявили свое неуважение к памяти лорда Седрика. Я спросила:

— А что вы собираетесь посадить на этом месте?

Он мгновение колебался, а потом учтиво задал вопрос мне:

— Вы не хотели бы сделать выбор сами, мадам?

— О нет, — мгновенно среагировала я. — Это ваше королевство. Вы — великий художник, и, кстати, у нас с вами схожие вкусы. Вне всякого сомнения, мне понравится все, что вы сделаете.

— Тогда это будут розы и наперстянка! — сказал он, прищурился, подобно художнику, рассматривающему свое полотно.

Потом он отдал приказ убрать рододендроны. Таким образом мне удалось завоевать признательность и, может быть, привязанность Пэблза.

Он безумно любил розы и утром следующего дня неожиданно прислал мне их целую охапку. Это были белые розы с розовой серединкой, прозрачные до неестественности. Они сверкали в комнате, как белозубая улыбка на темном лице туземки.

Я тотчас же отправилась на поиски Пэблза, чтобы увидеть его красочный розарий.

Пэблз не был болтуном. Никогда не говорил ничего лишнего. Но когда мы шли вдоль аллея розария, мне казалось, что он весь светится. Мне было неловко, что я потревожила его, и я решила отпустить садовника как можно быстрее.

Все розы имели названия, аккуратно обозначенные на табличках. Но когда мы подошли к кусту, усыпанному снежными цветами с отблеском зари, я увидела, что у него нет

названия.

Я восхищенно ходила вокруг, любуясь нежным блеском лепестков, похожих на японский фарфор. Пэблз хранил молчание.

— А как называются эти розы?

Замешательство.

— «Мисс Мэриан», — ответил садовник.

— А почему здесь не указано название, как возле других роз?

— Потому, что их вывел я.

Заинтригованная, я внимательно вглядывалась в лицо старика. Его взгляд был устремлен на розовый куст, он не посмотрел на меня даже тогда, когда я спросила:

— Кто это — мисс Мэриан?

Я тотчас же пожалела, что задала этот вопрос, потому что увидела, как лицо старика исказилось от внутренней боли.

— Она умерла, — тихо произнес он.

— О! Извините меня... — пробормотала я, Пэблз сделал знак головой, как бы прося прощения за то, что выдал себя.

Кем могла быть эта мисс Мэриан?

Дочь Пэблза?

Я скромно отошла в сторону. Пэблз провел несколько минут у розового куста, охваченный воспоминаниями.

Когда мы возвращались обратно в замок, я сказала:

— Я вам благодарна за присланные розы. Я очень тронута вашим вниманием.

— Спасибо, — отозвался он. — Мне было чрезвычайно приятно срезать их для юной леди. Но, — тут же галантно добавил он, — они ведь принадлежат вашей светлости.

— О нет! — сказала я. — Это ваши розы.

Вскоре я забыла и Пэблза, и его розы. Меня не интересовала жизнь этого старика. Но, как ни странно, мисс Мэриан, прозрачный призрак, о котором он упомянул, вскоре пришла в замок Давентри, напомнив о себе.

Таинственная Мэриан

Однажды после полудня, наблюдая за садовниками из окна своей комнаты в замке, я обратила внимание на то, что их действия чем-то напоминают работу саперов. Миссис Додж сочла это осквернением памяти предков — владельцев замка. Она вошла ко мне с позеленевшим лицом, чтобы сообщить, что там, вдали, на опушке, рабочие выкорчевывают рододендроны. Выглядела она так, словно речь шла о разорении наследия лордов Давентри.

— Это я приказала убрать их оттуда, — холодно ответила я.

— Но они растут там уже более пятидесяти лет, — возразила миссис Додж, давая мне ясно понять, что я здесь нахожусь всего лишь год.

— Вполне веская причина для того, чтобы их выкорчевать, — ответила я. И затем добавила с невозмутимым спокойствием: — В Давентри, кстати, много чего следует изменить.

Я действительно уже не раз подумывала о более радикальных изменениях в замке. Столовая напоминала мне церковь. Моя спальня была похожа на усыпальницу, кровать — на склеп, а матрас — на надгробный камень... Шикарные пижамы не помогали скрасить зловещего впечатления.

На этом пьедестале были зачаты все Давентри. Но если мобилизация — еще не война, то зачатие — это еще не любовь. Вне всякого сомнения, представители рода Давентри были рождены здесь, но очевидно и то, что они здесь и умирали.

Если бы эту кровать вынести в парк, то розовые кусты и кусты жимолости, обвивая ее колонны, могли бы образовать прелестную беседку.

Я долго обдумывала план переустройства замка. Наконец моя идея полностью созрела, и мне пришлось высказать ее миссис Додж, так как именно она хранила ключи от всех помещений.

Сначала, когда я сообщила о своем желании обосноваться в другом месте, я натолкнулась на глухое непонимание. Но я заранее приняла достаточное количество успокоительных таблеток, чтобы оказать достойное сопротивление миссис Додж. Я сказала сама себе, что мой прадед, бретонский корсар, ни в чем не уступал предкам Давентри и что к тому же я — у себя дома!

Нелегко было миссис Додж следовать впереди меня, знакомя со всеми уголками замка. Нас сопровождало слабое позвякивание ключей, напоминающее звук колокольчика, при помощи которого когда-то предупреждали о приближении прокаженного.

Если не считать кормилицы, которая жила в южном крыле, все помещения второго этажа составляли часть семейного некрополя.

— А что там, на верхнем этаже? — спросила я.

Миссис Додж подскочила от неожиданности.

— Вверху!.. Но это невозможно, миссис!

— Невозможно? Почему?

— Ни одна дама... я хочу сказать, никто из хозяев Давентри никогда не жил наверху...

Незнание мною протокола жизни в замке вызвало у домоправительницы желчную усмешку. Она с трудом выдавила из себя улыбку. Не успела я исправить свою промашку, как миссис Додж добавила:

— Никогда дамы не жили наверху. Кроме, конечно, мисс Мэриан.

Наверно, я слишком резко повернулась, услышав снова это имя.

Ледяным, как осенний туман, взглядом домоправительница уставилась в мои широко раскрытые от удивления глаза.

— Мисс Мэриан?

— Да. Она жила наверху, у нее там не было даже ванной комнаты, — презрительно ответила миссис Додж.

Я собиралась спросить, кто такая мисс Мэриан, как вдруг почувствовала, что унизительно спрашивать об этом у миссис Додж. Мне казалось отвратительным услышать от слуг то, что следовало узнать от лорда Седрика.

— Покажите мне ее комнату, — сказала я, будто хорошо знала, кто такая мисс Мэриан.

Миссис Додж, не говоря ни слова, повела меня наверх, словно делая мне одолжение. Ее прямая спина глухо раздражала меня.

Комната мисс Мэриан не пролила свет на события. Красивая комнатка, правда, несколько поблекшая и пыльная. В ней не было никаких личных вещей, кроме безделушек, стоявших в беспорядке на камине.

Я задала вопрос, который не выдал моей неосведомленности:

— С какого времени в этой комнате никто не живет?

— С момента отъезда мисс Мэриан, — услышала в ответ.

Из этого ответа я так и не поняла, шла ли речь о Мэриан Пэблз или о ком-то другом.

Конечно, это не было принципиально важным. Я вообще могла бы этим не интересоваться, если бы не тон миссис Додж, в котором легко читалось презрение.

— Я не помню точно, что мне говорил лорд Седрик по поводу мисс Мэриан (я увидела, как брови миссис Додж приподнялись в глубоком удивлении). От чего она умерла?

— Умерла?! Мисс Мэриан не умерла! Она исчезла... Она сбежала.

Миссис Додж смотрела на меня с пристальным вниманием. Своим тоном она как бы извинялась передо мной за то, что напомнила мне о неприятном, а быть может, и за то, что нечаянно выдала историю, о которой я не догадывалась. Я почувствовала ее с трудом сдерживаемое злорадное торжество.

Кто были мисс Мэриан, одна из которых умерла, а другая исчезла? Что их связывало? Тайна окружала это имя, тайна, легко разъяснимая, если бы я решилась задавать вопросы.

Но я не доставила миссис Додж этого удовольствия! Склонившись к зеркалу, я с преувеличенной тщательностью пригладила брови, а затем вышла из комнаты. Было слышно, как миссис Додж замкнула дверь на два оборота.

— Ваша светлость желает осмотреть весь этаж?

— Нет, замок Давентри — не музей. Я хочу осмотреть его весь, но одна, без гида... — резко бросила я и ушла, нагло покачивая бедрами, проявляя тем самым неуважение по отношению к самой добродетели — миссис Додж.

Я остановилась на одной из ступенек лестницы, напоминающей полураскрытый веер.

— Отдайте ключи Доре, миссис Додж, — сказала я тоном, не терпящим возражений. И затем спустилась, напевая какой-то фривольный мотивчик.

Для управляющей замком иметь ключи означало наслаждаться властью. Возможно, она предпочтет сменить крепость, но не подчиниться моему капризу. Кто знает?..

Когда я вернулась в комнату, то почувствовала себя опустошенной от нервного напряжения.

Я была одинока и слишком молода, чтобы противостоять этой старой сове, которая

знала о роде Давентри намного больше, чем я.

На прикроватной тумбочке стоял большой флакон из горного хрусталя со скромной этикеткой «Крестильная вода». Эта вода якобы служила для очистки меди, украшающей кровать.

Я вдохнула терпкий запах виски и сделала четыре или пять крупных глотков прямо из бутылки.

Не было ли это безумием — вызывать ненависть миссис Додж?

А может, и хорошо, что я проявила свою власть? Зачем же мне жить здесь, в этом дворце, на правах скромной клиентки, которая боится, что не может оплатить свой счет!

Затем мои мысли снова вернулись к мисс Мэриан, ко всей этой загадочной интриге.

Несмотря на поиски, мне не удалось найти какие-либо следы девушки. Миссис Додж говорила о ней пренебрежительным тоном. Любое доказательство ее присутствия в замке, казалось мне, систематически уничтожалось. На нее было наложено нечто вроде табу.

Одно из двух: или Мэриан вызвала скандал, или же она убежала от скандала...

У меня создалось впечатление, что исчезнувшая и умершая Мэриан были одним и тем же лицом, молодой женщиной. Сбежав, исчезла для всех тех, для кого ничего не значила. Но для обещанных, покинутых родителей она умерла.

Возможно, Пэблз был страдающим отцом, воспевающим молодость и невинность дочери новым сортом прекрасных роз?

Что связывало загадочную Мэриан с замком?

Безусловно, довольно близкие отношения, иначе она не жила бы тут.

Быть может, таинственная Мэриан находилась под защитой старой леди Морана? Конечно, она была ее компаньонкой, своего рода секретарем. И к ней относились со всей нежностью. Ее неподчинение нарушило порядок, заведенный в этой среде. А старые аристократы не терпят нарушения порядка.

Затем, следуя логике, я подумала о мужчине, который так грубо изменил жизнь мисс Мэриан. И вдруг некоторые совпадения молнией мелькнули в моей голове. Я поняла, что этим мужчиной был Оливер!..

Недаром я часто удивлялась осведомленности Оливера о частной жизни в замке Давентри. Если бы он посетил замок в качестве туриста, переходя из зала в зал в сопровождении гида, он бы не смог знать так много о жизни за неприступными стенами.

Значит, он почерпнул свои знания «изнутри». Привычки, вкусы, характер, здоровье лорда Давентри — все это можно узнать лишь от родственников или слуг.

Оливер стал казаться мне еще более загадочным и странным.

Видимо, он постоянно скрывал что-то от меня, вел двойную жизнь.

Я не могла не думать о том, что стало с мисс Мэриан.

Именно в это время я получила депешу со «Счастливого». Капитан сухо сообщал мне, что в то время, когда я получу это послание, он должен будет пересечь Гибралтар. Вскоре яхта бросит якорь в нашем порту. И если Оливер спросит, была ли я ему верна, я отвечу утвердительно. Но он не задаст мне этого сентиментального вопроса. Он играл моей жизнью, для него она была партией в шахматы.

У нас с ним был общий труп. Этого мощного связующего звена достаточно, чтобы убедить Оливера в моей верности нашему общему делу.

Тем не менее день ото дня росло мое отвращение к возможности стать миссис Дивер...

Перспектива оставить Давентри на миссис Додж для того, чтобы предаться любви на

острове Борabora, будила во мне воинственное настроение.

Я гордилась своими владениями, несмотря на то, что мрачная домоправительница явно сомневалась, что я достойна с блеском продолжить славный род.

Да и соглашусь ли я, чтобы миссис Додж и впредь обращалась ко мне, с трудом проглатывая слюну, словно ей предлагали медный купорос? Нет, никогда! Богатства уже было недостаточно для моих амбиций. Я хотела оставаться для своего сына Сеймура вдовой лорда Давентри, а не женой какого-то проходимца. «Какая жестокость, какая неблагодарность, — твердила моя совесть. — Ты всем обязана Оливеру. Он отец Сеймура, а вовсе не престарелый лорд». Но отказаться от своих мыслей я не могла. Я останусь леди Давентри до смерти. Не зря старинный девиз лордов отдавал смерти преимущество перед жизнью.

Яичница с ветчиной

Оливер появился в замке однажды зимней ночью. Мокрый, словно потерпевший кораблекрушение, он быстрым шагом прошел в комнату. Оливер застал меня сидящей перед камином в большом красном салоне. В тот день я словно специально надела платье из белого муслина, отороченное страусиными перьями. За те несколько секунд, пока он сжимал меня в объятиях, я стала похожей на только что вытащенную из воды рыбу.

Оливер снял свой дождевик и зюйдвестку. Перья, которые чудом уцелели от воды, летали вокруг нас. Можно было подумать, что какой-то хищник жестоко распотрошил птицу...

Заниматься любовью с Оливером было удовольствием, требующим большой отдачи сил и энергии. Еще последние пушинки плавно спускались с потолка, а Оливер уже спал глубоким сном.

С дрожащими ногами и болью в пояснице я тихо освободилась от его расслабленного тела и вновь устроилась у огня. Я пристроила оборванные перья, все еще сохранявшие белизну, на свои бедра, но им не удавалось скрыть чувственные изгибы моего тела от пристальных взглядов предков лорда Давентри, чьи портреты были развешаны на стенах.

Я смотрела на лежащего Оливера. Со времени нашей последней ночи, проведенной в «Зеленых пастбищах» (о, как давно это было!), я не видела его спящим. Его лицо было едва освещено горящим камином. Он лежал, вытянувшись на спине, слегка склонив голову, черные волосы романтично разбросались по лбу, немного прикрывая гордый изгиб бровей. Любовь придала его лицу загадочное выражение. Казалось, над ним развевались складки черного знамени. Немного выше, в черной рамке, виднелся портрет графа Вильяма Сеймура Давентри, умершего более ста пятидесяти лет назад. Он смотрел на нас высокомерным, холодным взглядом.

Меня потрясло странное стечение обстоятельств. Тело Оливера образовывало с вертикальным силуэтом портрета нечто вроде якоря, связанного цепью с прошлым. Каким образом мы очутились здесь, я и Оливер? Я вдруг ощутила всю закономерность происходящего, которое вдруг четко проступило в этом символическом образе. Будущее неотвратимо, а я за рулем корабля-призрака. Что это за феодальный замок, проплывающий сквозь туманы прошлого? Вся во власти галлюцинаций, я смотрела на Оливера. Что-то таинственное светилось над его властной красотой. Мой мозг в полубредовом состоянии пытался ухватить это нечто, узнать и понять...

Мне показалось, что я ощущаю присутствие призрака лорда Седрика. Я содрогнулась от горького одиночества, в котором угрызения совести вставали на горизонте моей жизни, как цепь неприступных гор.

Что мы здесь делаем все трое — Оливер, Сеймур и я? Нас выгонят из этого замка, это неизбежно.

Что-то похожее на металлический скрежет вдруг разорвало тишину; какой-то зловещий, едва уловимый скрип; шорох какого-то существа, приводимого в движение механическим способом, наполнил комнату. Я закрыла глаза в тот момент, когда большие настенные часы, висящие в холле, громко пробили в ночной тишине три раза. Мои натянутые нервы не выдержали. Я бросилась к Оливеру, он вскочил, будто гангстер, разбуженный выстрелом. Инстинктивно поднес руку к кобуре... и вытащил оттуда большую флягу с виски. Не говоря

ни слова, он протянул ее мне. Не отрываясь от горлышка, я выпила больше половины содержимого. Он допил остальное и крикнул, подражая морякам. Мне нравился этот сильный, пропахший табаком и виски мужчина, ведущий странный образ жизни.

Мы обменялись вопрошающими взглядами. Я говорила: «А что теперь?» Глаза Оливера, казалось, весело вопрошали: «А что ты об этом думаешь?» Я отвела взгляд с мрачным и напряженным видом.

Насколько я понимала, Оливеру следовало не мешкая покинуть замок. Заря уже разгоралась за высокими деревьями парка, или, по крайней мере, мне казалось, что я это вижу, хотя и была зимняя ночь. Если слуги проснутся чуть раньше обычного, то нас застанут на месте преступления и все будет потеряно!

Оливер радостно осмотрелся вокруг с видом шевалье, вернувшегося после крестового похода и осматривающего свои владения. Затем его взгляд остановился на портрете графа Вильяма Сеймура Давентри. И я с некоторым раздражением увидела выражение триумфа на лице своего любовника. В нашей аванюре мы достигли апогея. Сбывалась его мечта о том, чтобы любимым путем овладеть Давентри.

Повернувшись ко мне, Оливер сказал:

— Я бы съел два яйца с беконом, я немного проголодался.

Озадаченная, я нахмурила брови, пытаюсь перевести свое замешательство в гнев.

— В это время невозможно сделать яйца с беконом.

— Наоборот, это вполне возможно. Пойдем на кухню, — Оливер обхватил меня своей крепкой рукой.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи.

Оливер открывал и закрывал двери. Было удивительно наблюдать, как он ориентировался в расположении комнат! Он уяснил это лучше, чем я за месяцы жизни в роли хозяйки. Мы спустились по лестнице с большими и низкими ступеньками, стертymi от хождений за несколько столетий, и проникли в сводчатый зал, просторный и мрачный, где среди мебели из черного дуба сверкала медная и оловянная посуда и огромные котлы. Оливер усадил меня за длинный стол, а затем принялся рыться во встроенных шкафах. Он исчез за небольшой низкой дверью и вскоре вернулся, неся кусок ветчины и корзину, полную яиц.

Странная вещь! Ничто из того, что делал Оливер раньше, не пугало меня до такой степени, как его поведение на кухне замка Давентри.

— Анна, неужели тебя это не соблазняет? — спросил он, ставя передо мной чудесную медную сковородку, на которой среди кусочков ветчины аппетитно потрескивали яйца.

Я сидела на скамейке как каменная, чувствуя, что леденею. При всем желании я не смогла бы проглотить и кусочка.

— Ты похожа на леди Макбет, — сказал Оливер, усаживаясь перед печкой.

И если Оливер пил быстро, то ел он всегда с грациозностью кошки, ежеминутно вытирая свои тонкие усики.

Король червей и пиковая дама

Решившись привести все в порядок на кухне и в жизни, прежде чем настанет день, я спросила:

— Почему ты приехал сегодня?

Оливер бросил на меня нежный взгляд и сказал:

— Я не мог больше жить вдали от Сеймура и тебя.

Сердце тяжело забилося в моей груди; после таких слов становилось еще труднее объявить Оливеру, что я не стану его женой.

— Мы смогли бы увидеться в другом месте, — возразила я. — Это было так неосторожно с твоей стороны — приходить сюда.

А про себя подумала: «...И из каприза готовить завтрак на этой кухне, чтобы лишний раз утвердить себя хозяином дома».

Но эта мысль показалась мне слишком абсурдной, и я глубоко запрятала свой жалкий страх.

— Это осторожность, которая была бы неосторожностью, — засмеялся Оливер. — В этой истории время ничего не значит, незачем сразу же приниматься делать то, что можно сделать потом не спеша.

К горлу подступил комок. Откашлявшись, попыталась заговорить, но мой голос все равно оставался хриплым и неестественным. Наконец я произнесла:

— Оливер, я долго размышляла. У меня нет ни малейшего желания что-либо изменять в моем положении.

— Поясни, — попросил он сухо.

— Я не хочу выходить за тебя замуж, — храбро ответила я, хотя по-прежнему очень боялась его.

— А кто об этом говорит? — хмуро спросил он, принимаясь за еду. И прежде чем я пришла в себя от удивления, он добавил презрительным тоном: — Я никогда и не собирался жениться на тебе.

Неудивительно, что эти слова, которые должны были бы доставить мне облегчение, пробудили во мне гнев. Я была унижена и в то же время почувствовала, как во мне зарождается подозрение о существовании таинственного заговора, жертвой которого могу стать я сама.

Женщина не может долго молчать. Всегда наступает такой момент, когда накопившиеся секреты требуют определенной разрядки. Этот момент наступил. Мы с Оливером принялись сводить старые счеты. Гнев и возмущение затмили мой разум, и я бездумно ухватила за первое подвернувшееся оружие. Я, как трагическая актриса, приблизилась к Оливеру и тихо произнесла дрожащим голосом:

— Зачем понадобилось убивать лорда Седрика?

Эта фраза произвела на него эффект воспламенившегося пороха. Оливер вскочил, опрокинув дубовую скамью. Он стал смертельно бледным, глухо простонал:

— Убивать?

Дрожа от страха, я настойчиво повторила:

— Да, зачем понадобилось убивать лорда Седрика, если мы не собирались пожениться?

Он смотрел на меня, как удав на кролика. Тяжелая тишина повисла в воздухе.

— Что?! — неожиданно прохрипел Оливер. — Ты убила Седрика?!

Я приняла Оливера за удава, но он оказался кроликом. Все вокруг меня зашаталось. Голова моя закружилась; опираясь на стол, я попятилась от Оливера, не сводя с него глаз. И так, я попала в западню! Если когда-либо преступление будет обнаружено, в глазах всех я буду преступницей. Я — вдова, наследница, опекунша Сеймура. Так вот почему Оливер отказывается от женитьбы на мне!

Я затряслась, преисполненная злобой.

— Оливер, — произнесла я, задыхаясь. — Я докажу... Я смогу... Это ты убил лорда Седрика.

Оливер провел рукой по вспотевшему лбу. Он растерянно осмотрелся вокруг.

Потом произошло что-то странное. Реальность рассыпалась осколками воспоминаний. Память, подобно разбитому зеркалу, предлагала мне какие-то прерывистые, неясные картины. Моя уверенность растворялась в полном неведении.

Я услышала, как спрашиваю (это говорила я? Это был мой голос?):

— Так Седрик не был отравлен тобой?

Я напряженно вглядывалась в Оливера. Мне показалось, что у него другое, чужое лицо. Это был не тот человек, которого я боготворила.

— Лорд Седрик был моим отцом, — отрывисто произнес он.

Большие настенные часы принялись отсчитывать время: один — два, один — два...

Оцепенение длилось так долго, что все мое существо было парализовано этим звуком!

Я вышла из этого состояния, как из-под наркоза, придя наконец в сознание.

Как?! Почему я поверила, что Оливер убил лорда Седрика? Путешествие на яхте! Охота на тигра! Неожиданная смерть лорда! Так что же, все это произошло только в моем больном воображении?

Правда вытекала из бездонного колодца. Я поняла, что Оливер не убивал Седрика. К этому добавился не менее фантастический сюрприз о том, что он оказался его сыном! Сколько длилась немая сцена — несколько секунд? Минут? Не имею представления. Оказалось, что я смогла сопротивляться мысли об убийстве, но задыхалась в чистом воздухе невиновности!..

Я растянулась на полу кухни и показала Оливеру жестом, чтобы он дал мне еще глоток виски, ставшего спутником моей жизни.

Склонившись, Оливер поднес к моим губам стакан, приподнял мою голову. Сквозь полуприкрытые ресницы я с волнением смотрела на любимое лицо. Что же он думал обо мне? Ведь я считала происшедшее тщательно обдуманном убийством!

Я привстала, вся дрожа и продолжая сидеть на полу. Мой взгляд, нежный и робкий, ловил взгляд хозяина.

Тысяча вопросов стремилась вырваться наружу, но я не осмелилась задать ни одного. Тем не менее, именно из-за неведения я так глубоко ошиблась в нем.

Он нарушил молчание, задав загадочный вопрос, который я тотчас же поняла:

— И ты любила меня, несмотря на это?

Я кивнула. Я не осмелилась признаться ему, что любила его из-за этого еще больше. Оливер-убийца был мне куда интереснее, чем Оливер-проходимец.

— Я никогда бы не смог убить своего отца, — говорил он, глядя на пол. — Между прочим, у меня не было никакого основания убивать его...

Я молчала. Оливер помог мне подняться, усадил в кресло; сам сел напротив меня, за

другой конец стола. Он зажег сигарету, затем поднял на меня свой мрачный взор, в котором светилось любопытство.

— Что заставило тебя поверить, что я убил лорда Давентри?

— Я считала тебя способным на это.

Он поблагодарил меня жестом руки.

— Но зачем мне убивать его?

— Чтобы жениться на мне, естественно.

Он нахмурил брови, с беспокойством размышляя, как будто сыграл козырной девяткой, не помня, был ли побит валет. Затем хладнокровие вернулось к нему.

— Нет... — сказал он, — это абсолютно бесполезно.

Я улыбнулась. Вот уже несколько минут я чувствовала себя вдвойне леди Давентри. Мое положение никогда не было более нестабильным и двусмысленным.

Неожиданно Оливер встал, взял меня за руку. Его лицо осветилось романтическим блеском, глаза лучились.

— Пойдем! — сказал он.

Мы поднялись по лестнице и пересекли холл. На ходу он взял в вестибюле меховую накидку, которую набросил мне на плечи. Затем открыл дверь крыльца, выходящего на восток, и подтолкнул меня навстречу ветру и дождю, которые шквалом обрушились на нас.

— Куда мы идем? — спросила я, дрожа от страха.

Оливер ничего не ответил. Он освещал путь мощным электрическим фонарем, продвигаясь по аллее, пересекающей парк и выходящей к круглой поляне.

На дворе бушевала буря. Облака на небе напоминали морские волны, луна освещала их пену мертвым светом. Звезды, ветер, дождь, луна, облака перемешивались с ночью, простирающейся над башнями замка. Листья на деревьях создавали шум, подобный морскому прибою.

Не сошел ли Оливер с ума? Куда он меня тащит? И почему? Его поведение напоминало бурю, обрушившуюся на ночь. Он казался демоном этой ночи.

Держа меня за руку, он подошел к подножию вяза, приподнял фонарик, луч которого осветил ствол дерева, и мы увидели вырезанное из камня сердце.

— Смотри! — сказал Оливер.

Прижавшись к нему, я расшифровала два имени: «Мэриан — Седрик».

— Мне тридцать три года! — торжественно сказал он.

— Мэриан!..

Ветер сорвал это имя с моих губ, Оливер не услышал меня. Я промокла, как русалка, и дрожала от холода и волнения. Наконец Оливер сжалился надо мной. Он взял меня на руки и, прижимая к себе, донес до замка. Казалось, что он спас меня от опасности и предлагает свое гостеприимство. Уложив меня на диван в красном салоне, прикрыл пледом, подбросил в камин дров и приготовил пунш. За два часа он стал истинным хозяином Давентри.

За темным окном, казалось, виднелся взгляд черных глаз, наполненный меланхолическим упреком. Это был взгляд мисс Мэриан...

Оливер сидел у огня; я вспоминала тот вечер, когда он сделал признание, которое потрясло меня. После долгого молчания он обернулся ко мне, и я увидела его лицо, полное очарования.

— Я сейчас тебе все расскажу.

Я выпрямилась и завернулась в плед, подобно Шерлоку Холмсу. Затем скрестила

кончики пальцев и произнесла ритуальную фразу:

— «Расскажите мне вашу историю, уважаемый господин, ничего не упуская; малейшая деталь может иметь решающее значение». А так как Франсуа в этот момент спрыгнул на пол из кресла, в котором спал, я крикнула ему вслед: «Вы можете остаться, мой дорогой Ватсон!»

Оливер не удостоил меня улыбкой; его облик был преисполнен гордости.

Прощай, Оливер!

Оливер начал свой рассказ.

— Вот уже пятнадцать лет я живу для того, чтобы увидеть своего сына в колыбели Давентри!

Сеймур спал в детской, обставленной мебелью из ценных пород дерева. Колыбель Давентри принадлежала замку Давентри. Я внимательно слушала Оливера.

— У меня не было шансов дать сыну все, что принадлежало ему по праву рождения, — продолжал Оливер. — Уж слишком необычно сложилась моя судьба.

Я бросила на Оливера восхищенный взгляд. Мне казалось, что он напоминает капитана Гаттераса, окруженного своим экипажем. Все было плохо. Люди хотели есть, было холодно! Но все это не имело значения! Капитан Гаттерас хотел достичь Северного полюса. Он тоже был англичанином! И тот факт, что этот герой существовал только в голове Жюль Верна, нисколько не приуменьшал его храбрости, выносливости, энергии. Как жаль, что не он достиг своей заветной цели.

— Мою мать звали Мэриан Килманок, — продолжал Оливер. — Она была племянницей леди Морана.

Оливер спросил меня взглядом: «Ты знаешь леди Морана?» Да! Я знала леди Морана, ее портрет был седьмым на левой стороне холла; портрет в полный рост в период ее зрелости, в тяжелом платье зеленого цвета, напоминающем скалу, покрытую мохом; удлиненное бледное лицо, обрамленное пышными буклями, будто груша меж двух кистей винограда.

Я попыталась собрать воедино все, что знала о леди Морана. Ее арфа, кресло, ванная, слуги... Любое жилище, принадлежит ли оно простым людям или царствующим особам, всегда подчиняется женщинам. Замок Давентри обязан леди Морана несколькими уродствами в викторианском стиле, которые впоследствии я прикажу убрать.

Я мало знала о характере леди Морана, лорд Седрик говорил о своей матери сухо и кратко. В моих глазах сам лорд был таким старым, что его мать терялась где-то в глубине веков. Оливер напомнил мне, что она умерла в год его рождения и что эта смерть отняла у него титул и богатство и превратила во внебрачного сына.

Если бы леди Морана не умерла, Седрик женился бы на Мэриан, а не уехал неожиданно в Индию.

— Они познакомились, когда ей было восемнадцать, а ему — двадцать пять!.. Полюбили друг друга... — Оливер произнес это с горькой иронией. — Да, она его любила... Он же позабавился несколько недель с бедной девушкой, и все. Она решила, что они обручены, и доверилась ему...

Пока Оливер говорил, картины прошлого неотвратимо вставали перед моими глазами. Теперь мисс Мэриан предстала совсем в ином свете. Я представила их свидания с Седриком, поцелуи, слезы...

В это время леди Морана была уже пожилой женщиной, больной и эгоистичной, но она любила свою племянницу-сироту и никогда не позволила бы, чтобы Седрик разбил жизнь девушки и обесчестил знатную ветвь своего рода.

— Никто и не подозревал о несчастье, случившемся с моей матерью.

Так ли это? Я вспомнила презрительный тон миссис Додж, ее слова: «Никто не жил на третьем этаже, кроме мисс Мэриан... естественно». Невысказанный подтекст этого

«естественно»... Я вспомнила также удивленно приподнятые брови миссис Додж, когда сказала, что лорд Седрик говорил со мной о мисс Мэриан. Почему миссис Додж сочла это странным? Только потому, что знала секрет Седрика и Мэриан?

Сколько лет было миссис Додж в то время? Видимо, около двадцати — двадцати пяти. Она, должно быть, выследила мисс Мэриан своим ревнивым женским глазом. Мисс Додж была влюблена в лорда Седрика, молодого и красивого лорда Седрика! Молодого... Мне это казалось невероятным, так как я знала его худым, сухим, угловатым и бесчувственным, как окаменевшее дерево.

— Однажды она уехала, исчезла, без денег, без чьей-либо поддержки. Больше никто ничего о ней не слышал.

Я робко прервала Оливера:

— В розарии есть розовый куст, который носит ее имя... Его создал главный садовник Пэблз.

— Пэблз! Ах да, Пэблз!.. — воскликнул Оливер, и я увидела, что его лицо подобрело.

— Моя мать ему часто писала. Он был единственным другом, которого она сохранила. Перед смертью она попросила меня отправить Пэблзу шкатулку, в которой были сувениры. Пустяки, какие-то семена, пара перчаток для работы в саду, гнездо синицы... Я отправил ему эту шкатулку, сопроводив ее письмом, сообщающим о том, что Мэриан больше нет...

Значит, Пэблз знал, что мисс Мэриан умерла, и куст белых роз олицетворял собой символическую могилу близкого друга юности.

В тишине, которая последовала за этим, я увидела мисс Мэриан в розарии с секатором в нежной руке, очаровательную и счастливую. Затем я увидела ее в аллее парка — бледную, заплаканную, несчастную. Для Пэблза — в то время он также был молодым и красивым — она была цветком, бабочкой, облачком.

— Должно быть, Пэблз очень любил твою мать. Она могла бы выйти за него замуж! — сказала я.

Оливер сделал отрицательный жест. Он отказывался даже от мысли о решении, которое могло бы ликвидировать его странное право на замок Давентри. Он предпочел иметь тайное наследство, достойное принца, судьбе среднего англичанина.

— Она поселилась в Лондоне. После моего рождения Мэриан стала Оливией Эшли.

Оливия Эшли? Не это ли имя промелькнуло на небосклоне славы, подобно птичке, залетевшей слишком далеко от родных мест? Это имя было довольно известным: Оливия Эшли... Стринберг, Чехов, Шекспир...

К волнующим картинам, оживающим поочередно на экране прошлого, присоединился куст белых роз Пэблза. Я сопровождала Оливера в этой необычной прогулке, которая вела нас от нашей молодости к молодости его родителей.

— Моя мать жила воображаемой жизнью, у нее был богатый внутренний мир, но подлинная ее жизнь была разбита. Она была талантливой актрисой, тщательно скрывавшей свое прошлое от посторонних взглядов. У нее было хрупкое здоровье; она покинула театр. Вот уже семь лет как ее нет в живых... — Оливер помолчал. — Я воспитывался в пансионате. В детстве мать видел редко. Позднее мы много путешествовали с ней во время каникул. Когда мне исполнилось восемнадцать, мать раскрыла мне тайну моего рождения. Когда я узнал, кем был, все изменилось в моей жизни! Как странно, я ведь приезжал в этот замок, еще не зная правды. Мы приезжали сюда с группой школьников, я хорошо помню это. Мы вместе посещали исторические памятники, замки. Но когда я прибыл сюда снова, я уже

не был обычным туристом. Странное, загадочное волнение овладело мною. Затем, втайне от всех, я несколько раз возвращался в замок один, смешивался с группой других посетителей, но никогда не был вместе с ними. Я погружался в воспоминания. Может быть, это были отдельные эпизоды юности матери, которые всплывали в моей памяти? Хотя мать не назвала точное место, о котором рассказывала, ее истории были полны конкретных фактов.

Прошлое говорило с моим воображением в этом месте больше, чем в каком-либо другом историческом месте Англии. И я все время возвращался сюда. Это было сильнее меня. Я любил этот замок, при мысли о нем я испытывал предчувствие, что однажды сюда вернусь. Я всегда с бьющимся сердцем останавливался перед портретом графа Вильяма Сеймура Давентри... Вот этим!

Оливер приподнял свою тонкую сильную руку, указывая на портрет над скрещенными шпагами.

— Посмотри на меня, — сказал он. — Что произошло бы, если бы у меня была борода?

— О да, — прошептала я. — Ты спал под этим портретом, и я почувствовала загадочную связь между тобой и ним.

— Ветвь генеалогического древа! — сказал Оливер с невеселой улыбкой. — Сломанная ветвь, но сок продолжает течь, и отныне мой сын здесь. И он — настоящий, подлинный граф Давентри!

Его лицо стало еще бледнее, какое-то мрачное и одновременно сияющее выражение появилось на нем, как молния на грозовом небе.

— Я вернулся сюда, — продолжал Оливер, — узнав, кем я был. Я шел на некотором расстоянии от гида и посетителей и чувствовал, как мои ноги становятся тяжелее, потому что шел я по замку Давентри!.. Я дрожал от гордости и ярости! И тем не менее я был счастлив. Да, намного счастливее, чем когда-либо. Моя тайная гордость украшала отныне пустоту моей жизни. Я был один в мире, отец ничего не хотел знать о моем существовании, но я существовал! И кровь рода Давентри текла в моих жилах!.. На протяжении долгих месяцев только это занимало все мои мысли. Я собрал воедино все воспоминания матери, которые она сохранила о прошлом. Я составил из них настоящий роман. И вот однажды ночью мне пришла в голову гениальная идея! Надо, чтобы у лорда Седрика родился сын, который в действительности был бы моим!

Я был тогда морским офицером... торгового флота, естественно! — В уголках его губ затаилась горькая ухмылка. — Но это было слишком унижительно для меня. Все меня раздражало. Я покинул службу и стал художником. Это занятие открыло мне двери в салоны высшего общества. Остальное ты знаешь.

Оливер глядел на меня горящим взглядом. Я смотрела на него, чувствуя в себе смесь любви и восхищения.

— Это замечательно! — воскликнула я. — Долгие годы ты шел к своей цели с несокрушимой храбростью и целеустремленностью. И — дошел.

Я подумала, что такая история с ее секретами, интригами, уловками могла быть прожита только очень сильным и целеустремленным человеком.

И я вспомнила проявления гордости и достоинства, которые были так свойственны Оливеру-авантюристу!.. Его презрение к богачу Хьютону, его бешенство во время моего краткосрочного романа с принцем Каджиаром, сказочный рубин, выброшенный в море, словно окурок. Это возвращение в прошлое разбудило в моем сознании вспышку любви, граничащую с ревностью.

— А до встречи со мной пробовал ли ты добиться поставленной цели с другой женщиной?

— Невозможно ограничиться одной попыткой, — сказал Оливер. — Моему луку требовалась не одна тетива. Это было непросто. И когда я чудом нашел тебя, я больше не сомневался в успехе.

— Так всего лишь для этого я вошла в твою жизнь? — у меня от боли сжалось сердце. На несколько секунд Оливер задумался.

— Я не смог бы уловить разницу между тем, чем ты являешься для меня, и тем, чего я хочу от жизни.

Словно ужаленная, я воскликнула:

— Но если бы лорд Давентри женился на другой женщине? Ведь все твои планы тогда рухнули бы...

— Почему? — улыбнулся Оливер. — Просто тогда я совсем недорого дал бы за добропорядочность леди Давентри.

Цинизм этой фразы потряс меня. Да, он знал себе цену. Я и сама недорого дала бы за моральную стойкость предполагаемой леди Давентри.

Я все еще размышляла об услышанном, когда он добавил:

— Или... я недорого дал бы за ее жизнь.

Голос Оливера не оставлял никакого сомнения в реальности его угрозы. Тень улыбки пробежала по моим губам.

Оливер взял сигарету из своего портсигара, закурил ее и выпустил сквозь тонкие губы струю дыма. Я балансировала на грани реальности и воображения. Все смешалось в моей голове.

— Подумать только, ведь ты — внебрачный сын Седрика. А я-то считала, что ты убил его!

— Ну, я его все-таки... убил...

— Как?.. — с трудом выдавила я.

— Рассказав ему правду во время нашей последней партии в шахматы.

— Зачем ты сделал это?

— Мне показалось, что это могло бы доставить ему удовольствие, — ответил Оливер с двусмысленной улыбкой. — Я знал, что он страдает болезнью сердца. И вот радость убила его, — улыбка на его лице сменилась грустным оскалом.

Оливер искоса взглянул на меня. Я выдержала его взгляд с невинным лицом. Если он и подтолкнул слегка колесо фортуны, то сделал это из благих намерений. И мне не следовало быть недовольной. Кстати, лорд Седрик не имел ничего против того, чтобы доверить заботу о продолжении рода любому скандинавскому моряку или английскому метрдотелю. Тот факт, что Сеймур был не сыном, а внуком, должно быть, наполнил радостью каменное сердце старика, который не мог не испытывать хотя бы изредка угрызений совести. Я мысленно увидела, как он склоняется над колыбелью Сеймура, с волнением думая о своем потерянном сыне.

— Почему, — спросила я, чувствуя, что мой вопрос довольно опасен, — почему ты не рассказал мне обо всем с самого начала этой авантюры?

— Сумасшедшая, — ответил Оливер. — Мне нужна была абсолютная тайна. Ты и так знала много лишнего.

Я вздрогнула, как будто увидела под ногами глубокую бурную речку, несущую черные

ВОДЫ.

— Что бы ты сделал со мной, если бы затея не удалась? — спросила я тихо.

— Зачем спрашиваешь о том, что не произошло?

Действительно, зачем? Это никогда не кончится. Тем не менее я задала ему еще один вопрос:

— Почему ты не хочешь жениться на мне, Оливер?

— Потому что я предпочитаю, — засмеялся Оливер, — быть любовником леди Давентри, а не супругом миссис Дивер. Но мы все равно проведем наш медовый месяц на Бораборе. Я был бы рад познакомиться с этим островом.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять его.

— Так что, когда я тебя встретила, ты возвращался не с Бораборы?

— Что бы я делал на Бораборе? — спросил Оливер.

Затем он пошарил рукой по столу в поисках виски. Я услышала звон хрусталя и бульканье жидкости. Он наполнил свой стакан.

— Хочешь?

Я кивнула.

— Как всегда безо льда и без воды?

— Как всегда.

Оливер протянул мне стакан.

— Только что в этой комнате шел снег? Или от тебя исходил этот страшный холод?

— От меня, — ответила я, вставая.

Я прошла, даже не взглянув на него, и уселась на кресло из черного дерева, стоящее рядом с камином.

Оливер пил медленно, время от времени поглядывая на меня. Затем, не вынимая руку из кармана, прислонился к гранитному камину. Его скрещенные ноги как бы удлиняли стройную фигуру. И я вновь ощутила, как во времена, когда он мной командовал, его небрежную агрессивность, его безразличие к моему состоянию.

— Что с тобой? Ты создаешь ледяную атмосферу и в то же время у тебя вид кошки, готовящейся к прыжку!

— Нет! Я не похожа на кошку. Оливер, ты предпочел бы, чтобы я мяукала? Это было бы так просто! Ты ведь такой чудесный дрессировщик!..

— Что ты хочешь сказать? Что случилось? Я ничего не понимаю! Объясни мне!

Он вновь заговорил со мной властным, нетерпеливым тоном, благодаря которому управлял мной.

— Почему, — спокойно спросила я как бы просто из любопытства, — почему ты заставил меня поверить, что приехал из Бораборы?

— А, так вот что! — рассмеялся Оливер. — Какая разница, был я на Бораборе или не был?

— Как это? Зачем же ты мне лгал?

— Послушай, Анна! Я лгал по многим другим причинам. Знала ли ты, кем я был, когда ты последовала за мной в Англию?

— Это не одно и то же...

— Ты приняла меня полностью, ты даже поверила, что я убил человека! А сейчас ты собираешься упрекать меня в том, что я солгал, говоря тебе, что возвращался из Бораборы?

Гнев от такой наглости сдавил мне горло. Тем не менее бесцветным голосом я

произнесла:

— Так эта карта островов, которая была у тебя в отеле... Ты ее купил перед тем, как привести меня?

— Естественно, — равнодушно бросил он.

— Естественно... Я мечтала о том, чтобы уехать в Полинезию... Ты возвращался из Борабора... Как это просто...

— У меня были основания поддерживать твою мечту.

Я смотрела на Оливера, ненавидя его.

— У тебя были основания... а я оказалась дурочкой, которая поверила тебе.

— У меня не было выбора; не забывай, что у меня было лишь несколько часов, чтобы удержать тебя.

Мой гнев ослабел, он уже больше не душил меня, но я была разочарована. Ведь я так верила, что сам момент нашей встречи, когда должны были соединиться наши судьбы, был одним из тех чудесных совпадений, которые выпадают на долю влюбленных.

— А потом? Зачем было продолжать лгать?

Прежде чем ответить, он снова налил виски и с усталым видом сел напротив меня.

— Я этому не придавал никакого значения. Я по-прежнему не понимаю, почему я однажды должен был сказать тебе: «Ты знаешь, моя нога никогда не ступала на острова Полинезии!» Тем более что идея побывать там очень привлекала тебя.

— Вот этого я и не могу вынести! В твоих глазах я обыкновенная вздорная дамочка, одна из тех идиоток, которые готовы подбирать крошки с твоего стола.

Он присвистнул и широким жестом обвел то, что окружало нас.

— Ты знаешь, речь не об этом! Я женщина! Я была для тебя ничем, только инструментом для достижения цели!

— Я уже сказал тебе, что никакая женщина в мире не смогла бы заменить тебя. Я видел в тебе мать моего сына!

— Ты слишком далеко заходишь в своих амбициях! Ты слишком заносчив! У тебя, если говорить честно, не так уж и много оснований на все эти титулы.

— Да, это правда. Я слишком черствый. Несправедливость — это как яд! Она придает жизни совсем другой оттенок!

— А может быть, ты — не единственная жертва? Кто знает, нет ли других побочных детей лорда в окрестных семьях?

Перед моими глазами пролетел и разбился вдребезги о каминную доску стакан.

— Права Сеймура абсолютны!

— Успокойся... Не учи меня любить моего сына, он и так самая большая любовь в моей жизни. Тем более что я не забываю, кто я сама по себе. Мой предок Эрве де Даула сражался в рядах короля Артура. Он был ранен в битве при Рош-о-Муан в 1214 году. Понимаешь? У меня древний и знатный род! Ты знаешь историю Англии?

— Нет, но я знаю твою историю! — смеясь, ответил он. — Ты не обидишься, если я скажу тебе, что она очень затрудняла мой выбор!

— А если бы я была с этого острова Борабора?

Оливер покачал головой.

— Во время нашего замечательного пребывания в «Долине артишоков» я получил копию твоего свидетельства о рождении... Это было совсем не трудно.

— Ты сделал это?!

— Ну не мог же я на самом деле доверить свою жизнь авантюристке!

Я мысленно увидела наш маленький коттедж, свет сквозь красные занавеси, когда мы возвращались после прогулок по холмам. Я тогда еще мечтала о мирной жизни... А Оливер в это время проверял мое досье!

Буря снаружи не успокаивалась. Деревья шумели, как море. Град хлестал в окна.

— Ты меня никогда не любил!

Оливер взорвался.

— Зачем ты изображаешь из себя жертву? Ты была чудной женщиной, циничной, бессердечной и остроумной. Зачем тебе все это? Любовь! Любовь! Это ваш женский рай, но он существует только в вашем воображении. Но ты ошибаешься насчет самой себя! Еще час назад роль леди Давентри была смыслом твоей жизни! Ты сказала мне, что не хочешь выходить за меня замуж! К счастью, у меня не было ни подобного намерения, ни желания! Где бы я был сейчас? В твоём парке? Гулял под дождем? Может быть, со слезами на глазах? Ты со своим видом принцессы завоевала и покинула столько мужчин! Поразвлекься месяц-другой и — до свидания! Я не из тех, которых покидают с сердцем, разбитым вдребезги! Я никогда не хотел жить с тобой, ни на Бораборе, ни в другом месте! С меня вполне достаточно прокатиться с тобой на твоей яхте.

Я слушала его и ощущала, как каждую клеточку моего тела заполняет грусть.

Пробили часы, но я не уловила, сколько раз.

— Вот как мы проводим с тобой первую ночь после «Долины артишоков»... Ладно, я сейчас уеду, я все еще капитан твоей яхты. Я считаю, что ее надо перегнать в Плимут и поставить на осмотр, как-никак она совершила половину кругосветного путешествия. Затем ты дашь мне дальнейшие указания. Прежде чем уйти, я хотел бы повидать сына.

— В это время? О чем ты думаешь! Это безумно опасно! Как объяснить твоё присутствие, если проснется кормилица?

— Что-нибудь придумаешь, — сухо сказал Оливер. — Не забудь, что он и мой сын.

Мы стояли друг против друга, готовые расстаться. Вдруг в полной тишине кто-то постучал бронзовым кольцом в двустворчатую дверь, выходящую в холл.

Я бросила потерянный взгляд на несколько белых перышек, валяющихся на диване, которые не успела собрать. Они еще в большей степени компрометировали меня, чем присутствие Оливера. Кто там за дверью? Был ли это один из слуг, который на заре приступал к своим обязанностям? Или же громкие раскаты голоса Оливера разбудили кого-то?

Не шевелясь, мы оба смотрели на дверь. Она приоткрылась, в дверном проеме показалась крохотная ручка. Маленькая голая ножка нащупывала половицу. В пижаме из красной фланели перед нами предстал Сеймур. Он подбежал ко мне, смеясь, с пальцем во рту, прядь черных волос закрывала его хитрый глаз.

— Сеймур!.. Как тебе удалось выйти из комнаты?

— Я умею! — гордо ответил он.

— А где кормилица? Ты спустился по лестнице сам?

— Сам! — Мальчик взял меня за руку и посмотрел на Оливера. — Кто это?

Оливер неотрывно смотрел на своего сына. Он был бледен от волнения, лицо его сияло.

— Капитан вашей яхты, лорд Сеймур.

Он взял сына на руки и, направляясь к двери, прижался губами к его волосам.

Я последовала за ними.

— Удивительно! Сеймур раньше сам никогда не выходил из своей комнаты. Сегодня он сделал это в первый раз! Неужели он почувствовал твое присутствие?

— Это голос крови, — пробормотал Оливер, прижимая к себе малыша. — Это голос крови, ничем иным его появление объяснить нельзя.

Оливер опустил сына на пол.

— Капитан, ты придешь завтра? — спросил Сеймур.

— Обязательно приду. Мне необходимо получить ваши приказания.

— Договорились. До завтра, — и добавила: — Пожалуйста, не тяните с ремонтом «Счастливчика». Весной мы отправимся в далекое путешествие. На Борабору.

Оливер открыл дверь. Дождь лил как во времена потопа. Он шагнул сквозь стену воды и исчез в ночи.

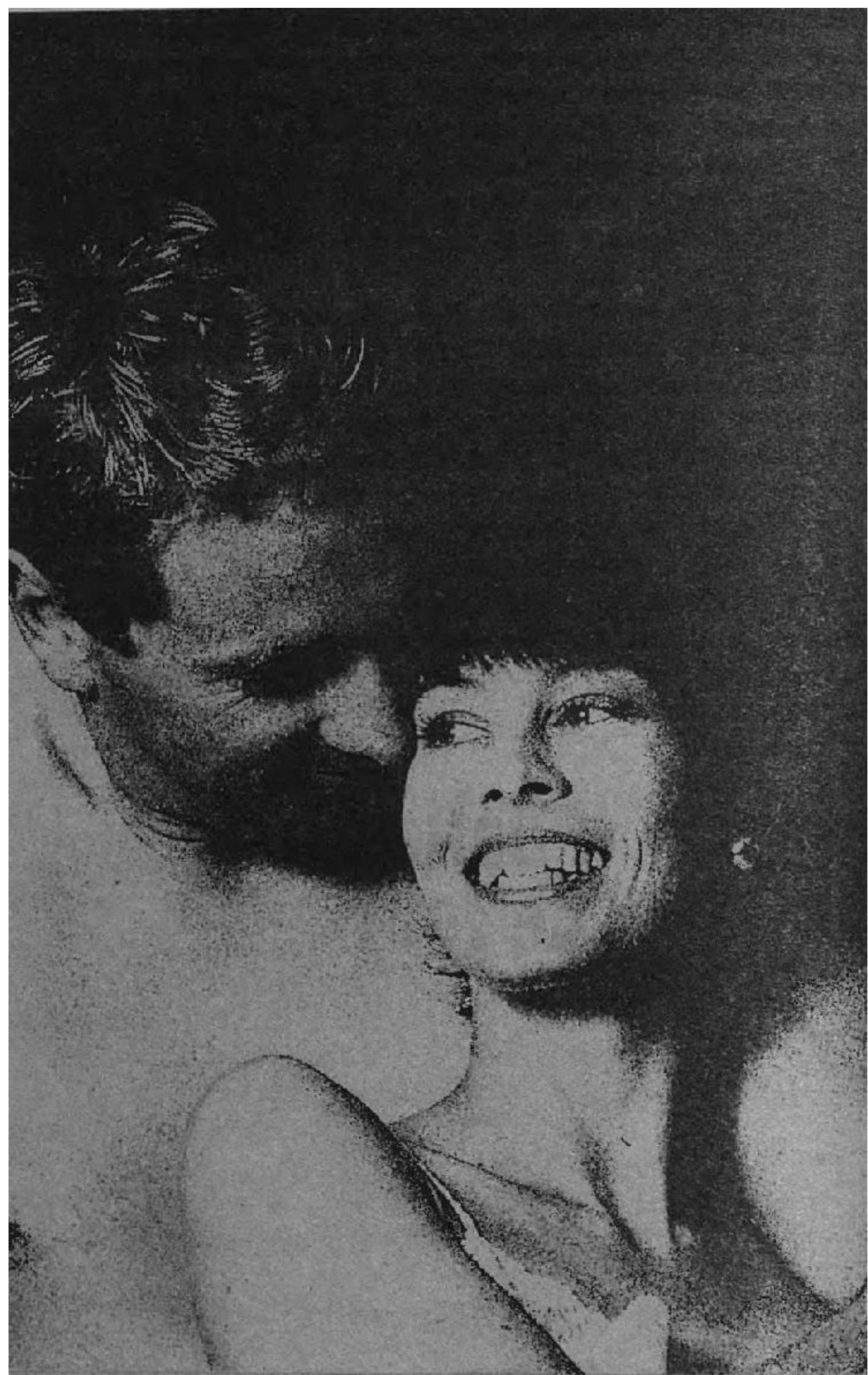

Жозеф Кессель

Дневная Красавица

Я не питаю особой склонности к объясняющим содержание предисловиям, и уж совсем неприятно мне было бы, если бы создалось впечатление, что я извиняюсь за эту книгу. Ибо нет книги, которая была бы мне дороже, чем эта, и звучание у нее, как мне кажется, самое человеческое. Неужели можно не понять этот язык?

Но поскольку недоразумение возникло, поскольку я знаю о нем, мне очень хочется его развеять.

Когда отрывки из «Дневной Красавицы» стали появляться в «Гренгуаре», читатели этой газеты откликнулись на них весьма живо. Некоторые обвиняли меня в излишней тяге к неприятностям и даже в порнографии. Отвечать им было бы бесполезно. Плохо, конечно, что книги оказалось недостаточно, чтобы их убедить, и я даже не знаю, кто от этого больше пострадал, я или они, но тут уж ничего не поделаешь. Пытаться запечатлеть драму души и драму плоти, не говоря в равной мере свободно о той и о другой, представляется мне невыносимым. Полагаю, что я отнюдь не вышел за рамки дозволенного писателю, который никогда не пользовался изображением сладострастия, чтобы заманивать читателей.

В самом начале моей работы над избранным сюжетом я осознавал, какому риску себя подвергаю. Однако когда роман был завершен, у меня не возникло ощущения, что можно неправильно истолковать намерения его автора. В противном случае «Дневная Красавица» не была бы опубликована.

Нужно уметь также презирать ложную стыдливость, как мы презираем дурной вкус. Нарекания социального порядка меня не задевают. А вот недоразумения, относящиеся к области духовного, задевают. Чтобы развеять их, я и решил написать предисловие, о котором первоначально не помышлял.

«Какой необычный случай», — не раз слышал я, а некоторые врачи даже написали мне, что им доводилось встречать Северину в жизни. Было ясно, что, по их мнению, «Дневная Красавица» представляет собой удачное описание некоего патологического случая. Мне же менее всего хочется, чтобы у читателей осталось такое впечатление. Изображение чудовища, каким бы великолепным оно ни получилось, меня не интересовало. Работая над этим романом, я попытался показать ужасный разлад между сердцем и плотью, между огромной, истинной, нежной любовью и неумолимым требованием чувственного инстинкта. За редким исключением этот конфликт носят в себе все, кому доводилось долго любить, — и мужчины, и женщины. Его замечают либо не замечают, он терзает либо дремлет, но он существует. Банальный, столько раз описанный антагонизм! Однако для того чтобы довести его до той степени интенсивности, при которой инстинкты начинают в полной мере обнаруживать свою неизбывную мощь и свою власть, необходима, на мой взгляд, ситуация исключительная. Я специально придумал такую ситуацию, интересную для меня не из-за самой, а лишь постольку, поскольку она давала мне уникальную возможность дотянуться безошибочным, хорошо заточенным острием до глубин всякой души, таящей в себе этот гибельный эмбрион. Я выбрал его, этот сюжет, подобно тому, как изучают больное сердце, надеясь получше узнать, что скрывается в здоровом сердце, как анализируют психические расстройства, стремясь понять движения ума.

Сюжетом «Дневной Красавицы» является не аномалия чувственности Северины, а независимая от этой аномалии ее любовь к Пьеру и трагедия этой любви.

Неужели я останусь одинок в моей жалости к Северине, в моей любви к ней?

Пролог

Чтобы попасть из своей комнаты в комнату матери, восьмилетней Северине нужно было пройти по длинному узкому коридору. Этот неприятный ей путь она всегда пробегала бегом. Но вот однажды утром Северине пришлось остановиться на полпути. Дверь ванной открылась, и оттуда вышел водопроводчик. Он был небольшого роста, коренастый. Его взгляд, сочившийся меж редких рыжих ресниц, остановился на Северине. И она, девочка в общем-то не робкая, вдруг испугалась, попятилась назад.

Это движение придало мужчине решимости. Торопливо оглянувшись, он обеими руками притянул Северину к себе. В нос ей ударил запах газа и грубой силы. Плохо выбритый подбородок оцарапал ей шею. Она стала отбиваться.

Рабочий беззвучно смеялся чувственным смехом. Его руки гладили под платьем нежное тело. Внезапно Северина перестала сопротивляться. Тело ее одеревенело, лицо покрылось мертвенной бледностью. Мужчина положил ее на паркет и бесшумно удалился.

Гувернантка нашла Северину лежащей на полу. Все предположили, что она поскользнулась и упала. Так стала думать и она сама.

Глава 1

Пьер Серизи проверял упряжь. Северина, надев лыжи, спросила:

— Ну что, ты готов?

На ней был синий мужской костюм из грубой шерсти, но и он не мог скрыть чистых, тугих линий ее нетерпеливого тела.

— Я так дорожу тобой, что никакая предосторожность не кажется мне чрезмерной, — ответил Пьер.

— Милый, я ведь ничем не рискую. Снег такой чистый, что падать — одно удовольствие. Ну, давай, решайся.

Легким движением Пьер вскочил в седло. Лошадь не шелохнулась, даже не вздрогнула. Это было сильное спокойное животное, широкое в боках, привыкшее скорее возить, нежели скакать. Северина крепко сжала ручки длинных, прикрепленных к упряжи постромок и слегка раздвинула ступни. Этот спорт был ей в новинку, и от сосредоточенности черты ее лица слегка исказились.

Из-за этого обнаружились некоторые мелкие недостатки ее внешности, почти невидимые в нормальном, оживленном состоянии, — чересчур квадратный подбородок, выступающие скулы. Однако Пьеру нравилось это выражение неистовой решимости на лице жены. Желая полюбоваться ею еще хотя бы несколько секунд, он притворился, что поправляет стремяна.

— Все, поехали, — крикнул он наконец.

Постромки в руках Северины натянулись, и она почувствовала, что начинает медленно скользить.

Сначала она заботилась только о том, чтобы сохранять равновесие и не выглядеть комично. Прежде чем выбраться на открытое пространство, им нужно было проехать вдоль единственной улицы маленького швейцарского городка. В это время там можно было встретить буквально всех. Пьер, сияющий, приветствовал знакомых по бару и по совместным занятиям спортом девушек в мужских спортивных костюмах, молодых женщин, возлежавших в ярко разукрашенных санях. Северина же никого не замечала, сконцентрировав все свое внимание на окружающем ландшафте, который указывал на приближение сельской местности: вот они проехали скромную церквушку на маленькой площади... каток... очень темную реку в обрамлении ослепительно белых крутых берегов, миновали последнюю гостиницу с окнами в поле.

За гостиницей Северина облегченно вздохнула. Теперь не страшно и споткнуться — ее падения все равно уже никто не заметит. Никто, за исключением Пьера. Но он... От прилива любви Северина сразу похорошела, ее чувство, словно мягкий живой зверек, шевельнулось у нее в груди. Она улыбнулась загорелому затылку и прекрасным плечам мужа. Он родился под знаком гармонии и силы. За что бы он ни брался, все у него выходило как-то ловко, аккуратно и естественно.

— Пьер! — позвала Северина.

Он обернулся. Яркое солнце ударило ему в глаза, заставив его прищурить большие серые глаза.

— Как хорошо! — проговорила молодая женщина.

Заснеженная долина тянулась мягко, будто специально закругляясь. В вышине, между

пиками гор, плавали облака, похожие на пухлое молочно-белое руно. Вниз по склонам скользили лыжники, своими легкими, незаметными движениями напоминая птиц. Северина повторила:

— Как хорошо!

— Это еще что, — ответил Пьер.

Он крепче сжал коленями бока лошади и пустил ее рысью.

«Ну, началось», — подумала Северина.

Ее тело охватила сладкая истома, постепенно перерастающая в ликующую уверенность в себе. Молодая женщина крепко держалась на ногах. Тонкие, удлинённые полозья, казалось, несли сами. Северине оставалось только подчиняться их движению. Ее мускулы расслабились. Теперь она с легкостью управляла своим гибким телом. Им навстречу иногда попадались неторопливые, нагруженные дровами сани, на которых сбоку, свесив ноги, сидели возницы с квадратными фигурами и обожженными лицами. Северина улыбалась им.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — время от времени кричал ей Пьер.

Молодой женщине казалось, что этот радостный, любящий голос вырывается из ее собственной груди. И когда она слышала его предупредительное «осторожно», разве она уже не чувствовала, что сейчас удовольствие станет еще более острым? Дорога вибрировала от благородного ритма галопа. Этот ритм захватил Северину. Скорость помогала легко удерживать равновесие, и Северина перестала заботиться о нем, полностью отдалась простой, охватившей все ее тело радости. В этот момент для нее больше ничего не существовало, кроме пульсаций собственного тела в такт скачке. Теперь уже не посторонняя сила увлекала ее за собой, а она сама управляла этим безудержным, ритмичным движением. Она царила над ним, раба его и властительница одновременно. А вокруг, куда ни кинь взгляд, всюду яркая, сияющая белизна... И этот ледяной ветер, текучий, как напиток, чистый, как родник.

— Быстрее, еще быстрее! — кричала Северина.

Но Пьеру не нужно было подсказывать, и конь тоже не нуждался в подбадривании. Втроем они составляли единое целое, некое единое счастливое животное.

Свернув с дороги, они сделали неожиданно крутой поворот. Северина не смогла удержаться и, отпустив поводья, оказалась почти с головой зарытой в снежном сугробе. Однако снег был такой мягкий, такой свежий, что она, даже не обратив внимания на потекший ей за воротник ледяной ручеек, испытала еще одно наслаждение. Не успел Пьер подскочить к ней на помощь, а она уже стояла на ногах, сияющая от счастья. И они продолжили свою гонку.

Когда дорога привела их к небольшому постоялому двору, Пьер остановился.

— Дальше пути нет, — сказал он. — Отдохни.

В этот ранний час в трактире не было ни одного посетителя. Пьер окинул взглядом зал и предложил:

— А может быть, нам лучше сесть снаружи? Солнце так греет.

Пока хозяйка устраивала их перед домом, Северина сказала:

— Я сразу заметила, что ресторанчик тебе не понравился. А почему? Он ведь такой чистый.

— Слишком чистый. Вылизан до того, что у него ничего не осталось. Вот у нас в любом, даже в самом крохотном кабаке какая-то есть своя особенность. Там иногда в едином вдохе ощущаешь сразу целую провинцию. А здесь все на виду: дома, люди. Ты не заметила? Нет

никакой тени, никакого тайного замысла, а значит, и никакой жизни.

— Очень мило с твоей стороны, — со смехом проговорила Северина, — то-то, я смотрю, ты каждый день повторяешь, что любишь меня за мою ясность.

— Правильно, но тут же ничего не поделаешь: ты моя слабость, — возразил Пьер и коснулся губами волос Северины.

Хозяйка принесла им серого хлеба с шероховатой поверхностью и пива. Все это очень быстро исчезло со стола.

Пьер и Северина ели с завидным аппетитом. Время от времени они бросали взгляды на узкое ущелье, извивающееся у их ног, на ели, бережно державшие на своих ветвях снежные подушки, вокруг которых небо и солнце создавали голубовато-пепельное свечение.

Неподалеку от них села птица. У нее было ярко-желтое брюшко и серые в черную полосу крылья.

— Какой великолепный жилет, — заметила Северина.

— Это синица, самец. У самок расцветка обычно бывает более блеклая.

— Выходит, прямо как у нас с тобой.

— Я не вижу тут...

— Ну-ну, милый, ты ведь знаешь, что из нас двоих ты явно самый красивый. Как я люблю тебя, когда ты смущаешься.

Пьер отвернулся в сторону, и Северина видела теперь только его профиль, в котором от замешательства появилось что-то детское. Именно это выражение на его мужественном лице больше всего трогало ее.

— Мне хочется расцеловать тебя, — сказала она.

Пьер, дабы справиться со смущением, комкал в руках снежок.

— А мне хочется залепить в тебя вот этим, — заявил он.

И не успел закончить фразу, как пригоршня рассыпчатого снега полетела ему в лицо. Он не замедлил отомстить. В течение нескольких секунд они ожесточенно кидали друг в друга снегом. Услышав шум опрокинутых стульев, на порог дома вышла хозяйка, и они, застеснявшись, прекратили сражение. Но старая женщина лишь по-матерински улыбнулась, и точно такая же улыбка появилась на лице Северины, когда она пригласила взъерошенную шевелюру Пьера, перед тем как он сел на лошадь. Возвращаясь обратно, они гнали по городку лошадь галопом и, давая волю переполнявшей их радости, кричали что есть мочи, призывая прохожих расступиться и дать им дорогу.

Северина и Пьер занимали в гостинице номер из двух смежных комнат. Войдя к себе, она тут же сказала мужу:

— Пьер, иди переоденься. И хорошенько разотрись. Утро выдалось очень прохладное.

Видя, как она дрожит с мороза, Пьер предложил ей помочь переодеться.

— Нет, нет, — вскрикнула Северина. — Говорю тебе иди.

По взгляду Пьера и по собственному ощущению неловкости она поняла, что запротестовала слишком резко, обнаружив, что причиной отказа была не только забота о муже. «И это после двух-то лет совместной жизни», — казалось, говорили его глаза. Северина почувствовала, что краснеет.

— Поторопись, — добавила она нервно. — А то из-за тебя мы оба сейчас простудимся.

Когда переодетый Пьер вернулся в комнату, она подошла к нему и сказала, прижавшись на мгновение к его груди:

— Милый, как все-таки прекрасно мы прогулялись. С тобой каждая минута жизни получается такой наполненной.

Теперь жена была в черном платье, под которым легко угадывалось прекрасное упругое тело. Несколько секунд они стояли не шевелясь. Они с удовольствием смотрели друг на друга. Затем он поцеловал ее в мягкий изгиб шеи у ключицы. Северина погладила его лоб. Пьер почувствовал в этом жесте какой-то прежде всего дружелюбный нюанс, который всегда немного обескураживал его. Он быстро поднял голову, чтобы отстраниться первым, и сказал:

— Пойдем вниз. А то мы уже опаздываем.

В венской кондитерской их ждала Рене Февре. Эта маленькая, живая, элегантная женщина, казалось, вся состоявшая из быстрых жестов и высоких интонаций, вышла замуж за одного из друзей Пьера, тоже хирурга. К Северине она прониклась глубокой и необузданной нежностью, которая победила сдержанность молодой женщины, и они быстро подружились.

Едва лишь заведев на пороге чету Серизи, Рене тут же закричала через весь зал, махая платком:

— Идите сюда, я здесь. Вы что думаете, мне очень весело сидеть тут одной среди разных англичан, немцев и югославов? Вам, наверное, хочется, чтобы я ощутила себя иностранкой.

— Ради Бога, извини нас, — ответил Пьер. — Наш чистокровный скакун занес нас слишком далеко.

— Я видела, как вы возвращались. Вы оба просто великолепны. А ты, Северина, так здорово смотришься в этом синем мужском костюме... Ну, что будем пить? Мартини? Коктейль с шампанским?.. А вот и Юссон. Он сейчас поможет нам выбрать.

Северина слегка нахмурила свои густые брови.

— Не приглашай его, — шепнула она.

Рене чересчур быстро — во всяком случае, так показалось Северине — ответила:

— Увы, моя дорогая, слишком поздно. Я уже подала ему знак.

Анри Юссон ловко и небрежно пробирался к ним, лавируя меж столами. Он поцеловал руку Рене, затем прильнул к руке ее подруги. Прикосновение его губ было Северине неприятно, словно за этим жестом таился какой-то двусмысленный намек. Когда Юссон выпрямился, она поглядела ему прямо в глаза. На изможденном лице Юссона от этого безмолвного вопроса не дрогнул ни один мускул.

— Я только что с катка, — доложил он.

— Где заставили зрителей замирать от восхищения? — спросила Рене.

— Нет. Выполнил всего несколько фигур, и все. Там была такая суতোлка. Я больше смотрел, как катаются другие: это довольно интересно, когда движения выполняются правильно. Тут возникают даже мысли о какой-то ангельской алгебре.

У него был лихорадочно возбужденный, богатый интонациями голос, который контрастировал с неподвижными и изнуренными чертами его лица. Юссон пользовался им сдержанно, словно не догадываясь о его великолепии. Пьер, любивший слушать, как говорит Юссон, спросил:

— А женщины хорошенькие были?

— Да, где-то с полдюжины, что в общем-то много. Но мне интересно, где они одеваются? Вот, например, мадам (он повернулся к Северине), вы, наверное, обращали

внимание на ту высокую датчанку, что живет в нашей гостинице... Представьте себе, на ней было полосатое оливковое трико с розовато-кремовым шарфом.

— Какой ужас! — вскричала Рене.

Юссон продолжал говорить, не отрывая глаз от Северины.

— Между прочим, этой девочке с ее бедрами и грудью лучше всего было бы вообще ходить голой...

— А вы, я бы сказал, не слишком требовательны, — заметил Пьер со смехом. — Это вы-то...

Он дотронулся до мохнатой шубы, в которую, несмотря на жару в помещении, был укутан Юссон и из которой выглядывали только длинные, худые, изящные кисти его озябших рук.

— Одежда у женщины — это своеобразный аксессуар ее чувственности, — заявил Юссон. — Если ты целомудренна, то одеваться, мне кажется, просто неприлично.

Северина сидела, повернув голову в сторону, но продолжала ощущать на себе его цепкий взгляд. Ее смущение было вызвано даже не столько словами Юссона, сколько тем упорством, с каким он предназначал их специально ей.

— Одним словом, ангелы катка вам не понравились? — спросила Рене.

— Я этого не сказал. Но дурной вкус раздражает меня, что уже приятно.

— То есть, чтобы вам понравиться, — произнесла Рене весело, но, как показалось Северине, менее естественным, чем обычно, тоном, — нужно одеваться безвкусно.

— Да нет, отнюдь, — сказал Пьер. — Я очень хорошо понял. Просто в некоторых сочетаниях цветов есть какая-то провокация. Напоминает злчное место, так ведь, Юссон?

— Сложные существа, эти мужчины, ты не находишь? — спросила Рене Северину.

— Слышишь, Пьер?

Он рассмеялся своим мужским и одновременно нежным смехом.

— О, я только стараюсь все понять, — ответил он. — Когда немного выпьешь, то это довольно легко.

— А вы знаете, — сказал вдруг Юссон, — что вас принимают за молодоженов, совершающих свадебное путешествие? Совсем неплохо для супругов, проживших два года вместе.

— И немного смешно, не правда ли? — спросила Северина явно агрессивным тоном.

— Отчего же? Я ведь только что признался, что зрелища, вызывающие у меня раздражение, мне отнюдь не неприятны.

Пьер испугался ярости, отразившейся вдруг на лице жены.

— Скажите-ка, Юссон, — поспешил он сменить тему, — вы сейчас в форме для заезда? Надо непременно выиграть у оксфордов.

Они заговорил о бобслее, о командах соперников. И в конце разговора Юссон предложил супругам Серизи поужинать вечером вместе.

— Это невозможно, — возразила Северина. — Мы уже приглашены.

На улице Пьер спросил ее:

— Юссон тебе так неприятен, что ты даже начинаешь лгать. Но почему? Смелый спортсмен, превосходно начитанный человек, не злословит...

— Не знаю. Терпеть его не могу. У него такой голос... как будто он постоянно ищет в тебе что-то такое, чего тебе не хотелось бы... А его глаза... ты заметил, они все время какие-то неподвижные? И еще этот его зябкий вид... Да и знакомы мы с ним всего две недели... —

Здесь она сделала резкую паузу. — Скажи, мы ведь не будем встречаться с ним в Париже? Ты молчишь... Уже успел пригласить. Ах, мой бедный, мой милый Пьер, ты неисправим. Ты такой доверчивый, так легко сходишься с людьми... Не возражай. Это одна из твоих прелестей. Ладно, я на тебя не очень сержусь: в Париже все проще. Я смогу не встречаться с ним.

— А вот Рене не будет так избегать его.

— Ты думаешь...

— Я ничего не думаю, но в присутствии Юссона она молчит. Это не случайно. Кстати, где мы будем сегодня ужинать? Не должны же мы страдать от собственной хитрости.

— Да у себя в номере и поужинаем.

— А потом? Может, сходим поиграем в баккару?

— Нет, милый, я тебя умоляю. Причем вовсе даже не из-за денег, которые ты можешь проиграть; просто ты же сам говоришь, что после этого у тебя во рту остается привкус золы. А кроме того, у тебя завтра соревнования. И мне хочется, чтобы ты выиграл.

— Ладно, пусть будет по-твоему, дорогая.

И он добавил как бы помимо собственной воли:

— Вот никогда бы не подумал, что можно повиноваться и испытывать от этого такое удовольствие.

Северина нежно смотрела на него своим чуть тревожным девичьи взглядом.

Вечером они пошли в театр. Труппа из Лондона давала «Гамлета». Хельсингерского принца играл молодой, но уже знаменитый актер-еврей.

Северина, хотя она и воспитывалась в Англии, к Шекспиру особой любви не питала. Но когда они возвращались домой, сидя в санях и глядя на мерцающие в лунном свете снежинки, она старалась не нарушать молчания Пьера. Она догадывалась, что он все еще пребывает во власти благородной печали, и, разделяя ее, любовалась ее отражением на красивом лице мужа.

— Мовельский и в самом деле гениален, — прошептал Пьер, — просто невероятно гениален. Любовь к плоти у него ощущается даже в безумии, даже в смерти. Нет искусства более заразительного, чем то, где речь идет о плоти. Ты не согласна со мной?

Северина медлила с ответом, и тогда он задумчиво добавил:

— Хотя да, ты не можешь этого знать...

В последние дни их пребывания в Швейцарии у Северины поднялась температура, она чувствовала себя больной и подавленной. И едва добравшись до Парижа, она слегла с воспалением легких.

Болезнь протекала исключительно тяжело. На протяжении всей недели, когда ее испещренную скарификатором кожу терзали банками, а ее кровью кормились пиявки, Северина задыхалась и находилась буквально в преддверии смерти. Иногда приходя в себя, молодая женщина различала рядом с кроватью силуэт матери и слышала со смутным удовлетворением звук чьих-то шагов в комнате, но не узнавала их. Потом снова погружалась в горячечное состояние.

Однажды утром, когда слабый свет подкрался, словно какое-то странное, не внушающее доверия животное, к ее постели, она вышла из этого состояния. У нее страшно болела спина, но дышалось ей уже гораздо легче. Рядом, на стуле, кто-то сидел. Наверное, это Пьер, подумала Северина. Имя мужа, как-то автоматически вернувшееся в ее сознание, вызвало у нее лишь смутное ощущение безопасности. Рука Пьера коснулась ее лба, погладила его. Северина отвернулась. Пьер решил, что это было бессознательное движение, но Северине и в самом деле не хотелось, чтобы он дотрагивался до нее. Она чувствовала себя так хорошо, ей настолько никто не был нужен сейчас, что она испытывала потребность забыть все, что было не ею.

Эта тяга к одиночеству, этот эгоизм обособления от всего вокруг проходили у нее очень медленно. Она часами могла созерцать свои похудевшие, синие от проступивших нежных вен запястья или еще сохранившие болезненно-сиреневый оттенок ногти. Когда Пьер что-то говорил ей, она не отвечала. Любовь мужа была ничем по сравнению с той любовью, которую она испытывала к своему собственному телу. Это было таким драгоценным, таким огромным и объемным! Северине казалось, что она явственно различает нежный ропот питающей его крови. И она сладострастно прислушивалась к тому, как с каждым днем прибывают силы.

Иногда по выражению ее замкнутого, словно хранящего тайну, лица можно было догадаться о каких-то странных видениях, теснящихся у нее в сознании. Если в такие минуты Пьер заговаривал с ней, Северина отвечала ему взглядом, наполненным одновременно и

нетерпением, и негой, и смятением.

Когда ей казалось, что она уловила в том или ином жесте мужа что-то похожее на желание, ею тут же овладевало чувство протеста и отвращения.

А Пьер в такие мгновения любовался лицом Северины. От перенесенной болезни она так похудела, что стала походить на хрупкого подростка. И из-за этого казалась воплощением юности и целомудрия.

Силы быстро вернулись к Северине, но это не доставило ей радости. По мере того как горячка оставляла ее тело, улетучивалась и появившаяся вместе с болезнью какая-то неопределенная, неведомая ей ранее чувственность. На ноги Северина встала с ощущением неуверенности в себе. Она бродила из комнаты в комнату, как бы пытаясь вновь научиться жизни.

Все в квартире, включая кабинет Пьера, Северина обставила по своему вкусу. До болезни она любила следить за порядком, созданным ее заботами, потому что благодаря ему в квартире было просторно и уютно, и еще потому, что он нес на себе печать ее власти. Конечно, она и сейчас гордилась своим домом, но эта гордость утратила отныне свою конкретность, обесцветилась. Теперь вся ее жизнь — легкая, обеспеченная, размеренная — показалась ей однообразной. Родители, которых она видела гораздо реже, чем гувернанток, годы пансиона в Англии, заполненные спортом и дисциплинами... Да, конечно, у нее есть Пьер, собственно, кроме него у нее вообще никого нет... Мысленно представляя себе столь милое ей лицо мужа, Северина мягко улыбалась, но дальше в своих мечтаниях не шла. Однако в ней сохранилось еще какое-то ожидание, смутное, упорное, властное, незаметно обходившее стороной образ Пьера, ожидание, которое тревожило ее и которое ей никак не хотелось признавать.

«Вот сыграю несколько раз в теннис, и все уладится», — говорила она себе, словно отвечая на какой-то невысказанный упрек.

Так думал и Пьер, когда видел ее задумчивой, апатичной.

Во время этого странного выздоровления был один день, который показался Северине более ярким, чем все остальные, — когда она впервые получила цветы от Юссона. Прочтя вложенную в букет записку, она сначала ощутила что-то похожее на потрясение. Она успела уже забыть о существовании этого человека, а вот теперь у нее было такое ощущение, словно она ждала, чтобы это имя вновь зазвучало в ее жизни. До самого вечера она думала о нем со смешанным чувством тревоги и неприязни. Но это нервное замешательство настолько соответствовало ее состоянию и настроению, что переросло в какое-то щемящее удовольствие.

За первым букетом последовали другие.

«Ведь он же видел, что я терпеть его не могу, — подумала Северина. — Я не благодарю его и Пьеру тоже запретила делать это. А он все продолжает...»

Она представила себе неподвижные глаза Юссона, его тонкие губы и вздрогнула от отвращения, которое медленно поднималось в ней откуда-то изнутри.

Между тем к ней каждый день заходила Рене Февре. Она входила торопливо, не снимая шляпы, заявляла, что у нее в распоряжении всего несколько минут, и просиживала часы. Северина охотно погружалась в поток ее речей. Пустая трескотня, оглушающая, одновременно успокаивала. Она переносила ее в незатейливый мир, где все разговоры сводились к платьям и разводам, к любовным связям и румянам... Временами, правда, Северине казалось, что какая-то горестная усталость старит лицо подруги и что в самой ее живости есть что-то

машинальное.

Как-то раз, когда они сидели вдвоем, Северине принесли визитную карточку. Она повертела ее немного в руках, потом сказала Рене:

— Анри Юссон.

Наступило молчание.

— Ты не примешь его, — внезапно вскричала Рене.

Этот резкий, напряженный тон был настолько не похож на ее обычную манеру говорить, что Северина чуть было не подчинилась не раздумывая. Но когда удивление ее прошло, она спросила:

— Отчего же?

— Не знаю, так... Мне помнится, он тебе не нравился. И потом, я должна еще так много рассказать тебе.

Не поведи себя Рене таким образом, Северина скорее всего постаралась бы не встречаться с Юссоном, но столь явное намерение подруги помешать этой встрече пробудило у нее одновременно и любопытство, и желание настоять на своем.

— Могу же я изменить свое мнение, — проговорила она. — И потом... все эти цветы, которые он мне посылал.

— А... он тебе посылал...

Рене порывисто встала, словно собиралась бежать, но ей никак не удавалось надеть перчатки.

— Что с тобой, дорогая? — спросила Северина, обеспокоенная этим смятением. — Со мной ты можешь быть совершенно откровенной. Ты что, ревнуешь?

— Нет, вовсе нет... Я бы сразу тебе сказала. Ты любишь, чтобы все было начистоту, и поняла бы меня. Нет, просто я боюсь. Он играет мной. Теперь я в нем разобралась. Это очень извращенная личность. Он получает удовольствие только от мозговых комбинаций. Он, например, сделал все, чтобы я начала презирать себя... и весьма преуспел в этом... А с тобой наоборот, у тебя он старается еще больше развить то отвращение, которое ты к нему испытываешь. Он находит в таких вещах огромное наслаждение. Будь осторожна, милая, он опасен.

Ничто в такой мере не могло подстегнуть решимости Северины, как эти слова.

— Ты сама сейчас посмотришь, — сказала она.

— Нет... нет, я не смогу.

После ухода Рене Северина встала с кушетки и попросила пригласить Юссона. Увидев ее сидящей за небольшим столиком и как бы защищенной вазой с густым букетом ирисов, сквозь которые ее было плохо видно, он улыбнулся. Его затянувшаяся улыбка, подчеркнутая неестественным молчанием, поколебала спокойствие Северины.

Она почувствовала себя еще неуютнее, когда Юссон, усевшись напротив нее, отодвинул цветы в сторону.

— Серизи нет дома? — спросил он внезапно.

— Естественно. А то бы вы его уже увидели.

— Я полагаю, что он не отходит от вас, когда бывает дома. И... и вам его не хватает?

— Очень.

— Прекрасно вас понимаю, я и сам получаю огромное удовольствие от одного только его вида. Он красив, весел, не склонен к опрометчивым поступкам, отличается верностью. Такой спутник жизни большая редкость.

Северина резко сменила тему. Любая похвала, изрекаемая этими устами, принижала, обесцвечивала образ Пьера.

— Благодаря одной подруге, которая навещает меня каждый день, я не слишком скучаю, — сказала Северина.

— Госпожа Февре?

— Вы видели, как она выходила из дома?

— Нет, я чувствую запах ее духов, какой-то немного умоляющий, как и она сама.

Он засмеялся, вызвав у Северины приступ отвращения.

— На секунду к вам возвратился ваш обычный вид, — заметил Юссон.

— Я так сильно изменилась? — спросила молодая женщина, слегка вздрогнув.

Она тут же рассердилась на себя за неуместное беспокойство, которое, как она почувствовала, прозвучало в ее вопросе.

Юссон ответил:

— Я нахожу, что у вас исчезло девичье выражение лица.

— Благодарю за комплимент.

— Обычно вы более откровенны наедине с собой...

Северина ожидала, что он как-нибудь объяснит свои слова. Но объяснения не последовало. Чтобы показать свое недовольство, Северина слегка привстала и сделала вид, что ей нужно поправить стоящие рядом с ней цветы.

— Вы, наверное, устали сидеть, — сказал Юссон. — Не надо стесняться меня. Вам следует прилечь.

— Уверяю вас, я привыкла...

— Нет, в самом деле, а то Серизи будет сердиться на меня. Ложитесь.

Он встал и отодвинул кресло, чтобы пропустить ее.

Северине захотелось ответить ему жестко и четко, как это ей обычно легко удавалось до болезни, но сейчас она не могла найти нужных слов. Не желая, чтобы это становящееся смешным противоборство излишне затянулось, она, раздраженная и смущенная, все-таки прилегла на кушетку.

— Если бы вы знали, насколько лучше вы смотрите в такой позе, — мягко возобновил беседу Юссон. — Вы, должно быть, полагаете и вам об этом не раз говорили другие, что вы созданы для движения. У людей поверхностный взгляд на вещи. Еще в первый раз, как только я вас увидел, сразу же представил вас лежащей. И я был прав! Какая внезапная мягкость! Какая исповедь тела...

Продолжая говорить, он подался немного назад, так, чтобы Северина не видела его лица. Остался лишь его голос, голос богатых возможностей, которого обычно он вроде бы и не замечал и который сейчас превратился у него в опасный музыкальный инструмент. Он проникал исподволь и растворял волю, воздействовал не столько на уши, сколько на нервные клетки. Внутренне сжавшись, Северина внимала ему и никак не могла найти в себе силы, чтобы заставить его замолчать. Ослабевшая от чрезмерных для нее усилий, плененная вкрадчивыми звуковыми волнами, молодая женщина испытывала такое чувство, будто, как и в период своего выздоровления, она опять погрузилась в то безликое сладострастие, которое окутывало ее тогда.

Вдруг на ее плечи легли две руки, жадное дыхание обожгло ей губы. В течение какой-то не поддающейся измерению доли секунды она вся находилась во власти острого удовольствия, которое, однако, тотчас же уступило место безграничному отвращению. Не

помня себя, она встала и торопливо, тихим, пришедшим откуда-то из глубины ее плоти голосом прошептала:

— Нет, вы не созданы для насилия.

Они долго глядели друг на друга. В эту минуту между ними исчезли буквально все барьеры. Каждый открывал в глазах другого чувства, инстинкты, являвшиеся, может быть, тайной за семью печатями даже для них самих. Так Северина прочитала в глазах Юссона восхищение, от которого ей стало не по себе.

— Вы правы, — проговорил он наконец. — Вы заслуживаете нечто намного более ценное, чем я.

Прозвучавшая в его голосе полная непритворного почтения нежность была сродни той нежности, что витает вокруг избранных Богом жертв.

После ухода Юссона чувства Северины были какими-то нейтральными, невыразительными и в них не было призыва к действию. Она поняла вдруг, что не испытывает больше к нему ни злости, ни отвращения, и не удивилась этому. Знала она и то, что никогда не уступит ему и что он тоже больше ничего не предпримет по отношению к ней. Тем не менее теперь она воспринимала его как своего сообщника.

Неожиданно ей пришло в голову, что стоило бы рассказать об этой сцене Пьеру. Она так привыкла все ему рассказывать, что у нее не появилось желания что-либо утаить от него на этот раз. Хотя при мысли об этом рассказе ею овладела тоска. Пьер казался ей настолько чуждым этому миру, в котором она только что побывала.

— Пьер, Пьер...

Северина заметила, что повторяет имя мужа как заклинание, словно надеясь, что благодаря этому он вот-вот предстанет перед ней сам. Но действие своеобразной анестезии продолжалось еще долго. Когда она услышала шаги Пьера, то не стала беспокоиться по поводу того, как ей лучше сообщить мужу о попытке Юссона. Он, наверное, сразу же заметит по ее лицу, что произошло нечто ненормальное, начнет расспрашивать, и она расскажет... Разве это так уж важно?

Однако, вопреки ее ожиданию, Пьер не стал влюбленно и внимательно вглядываться в лицо жены. Он лишь едва коснулся губами ее щеки. Такое поведение мужа вернуло Северину к реальности гораздо быстрее, чем это сделали бы настойчивые расспросы. У нее возникло ощущение, что она лишается постоянной опоры, которую даже перестала замечать, что почва уходит у нее из-под ног. Ее поразило лицо Пьера. Осунувшееся, безучастное, оно, казалось, принадлежало какому-то другому человеку. В его больших глазах, несмотря на все его старания казаться невозмутимым, застыли растерянность и тревога.

— Ты чем-то огорчен, милый? — спросила Северина.

Пьер вздрогнул и взял себя рукой за подбородок, словно пытаясь сдержать дрожание нижней челюсти.

— Не беспокойся, — сказал он. — Просто неприятности на работе...

Он попробовал улыбнуться, но почувствовал, что улыбка получилась жалкая. Раньше Пьер старался оградить ее от всех печальных подробностей своей тяжелой, сопряженной с кровью работы, никогда не посвящал ее в свои профессиональные дела, и Северина решила, что вряд ли он станет распространяться о причинах печали. Но на этот раз ноша, очевидно, была слишком тяжелой, и Пьер продолжил:

— Знаешь, это просто ужасно... Я никак не предполагал... Ничто не предвещало...

Такой веселый малыш итальянец...

Так как он не договорил, Северина очень тихо спросила:

— Умер, да? Во время операции?

Пьер хотел что-то ответить, но не смог унять дрожание губ. И тут все, что было в душе Северины смутного, несовместимого с Пьером, внезапно исчезло. Осталась одна только безграничная нежность, огромное материнское чувство, в котором, казалось, растворилось ее сердце. Она обхватила руками голову Пьера и зашептала какие-то произвольно вырывающиеся у нее слова утешения:

— Маленький мой, ты же не виноват. Не надо терзать себя. Когда ты мучаешься, я понимаю, что вся моя жизнь — это только ты.

Северина проснулась очень рано. Несмотря на то, что отдых оказался непродолжительным, она чувствовала себя такой свежей и проворной, что первым ее побуждением было поскорее вскочить с постели. Но ее остановило присутствие неподвижного тела, распростертого рядом с ней и ограничивающего свободу ее действий. Пьер был с ней... впервые после ее болезни они провели ночь вместе. Как же хорошо ей спалось — без снов, без сомнительных ощущений.

Значит, это он защищал ее? Неужели, отдавая себя, она избавилась от наваждения?

А ведь к Пьеру ее подтолкнуло только желание помочь ему как можно скорее одолеть свою печаль. Для нее же, как и раньше, вся невинная услада сводилась к сознанию, что она делает его счастливым. Когда он прижал ее к себе, у Северины промелькнуло в голове, не превратятся ли сейчас те смутные удовольствия, что томили ее во время выздоровления, в неведомый ей восторг. Но когда Пьер разомкнул объятия, то увидел, что взгляд Северины остался таким же девственным, как и прежде. Посетившее ее на мгновение неясное разочарование тут же исчезло, когда она увидела, как лицо Пьера, только что омраченное тяжелыми мыслями, вновь обрело свою мужественность, свою мягкость.

В полумраке рассвета она едва видела Пьера, но ей достаточно было его неподвижного силуэта и очертаний головы, чтобы ясно представить себе прекрасные черты мужа. Спящий Пьер дышал доверчиво, словно маленький мальчик. Глядя на него, Северина ощутила глубокое волнение. Два года их совместной жизни прошли день за днем у нее в памяти, напомнив ей яркий, ровно горящий костер. Какими же легкими сумел их сделать для нее Пьер! В его заботливости не было ни одного изъяна. С какой покорностью он, чья гордость во взаимоотношениях с другими была ей так хорошо известна, делал все ради ее счастья!

Тишина в спальне располагала к благодарности и угрызениям совести.

«Способна ли я оценить его любовь?» — мысленно спрашивала себя Северина. — Всегда ли старалась доставлять ему радость? Все, чтобы он ни делал для меня, я принимала как нечто само собой разумеющееся, как должное».

Она не без удовольствия адресовала себе эти упреки. Ничто так не подталкивает решительную натуру к действию, как признание собственных ошибок, когда созрело желание их исправить. А между тем к Северине пришло одновременно и понимание того, чем она обязана Пьеру, и сознание того, как велика ее власть над ним. Еще день назад ей и в голову бы не пришло, что ее голос и ее руки в состоянии так быстро вернуть покой впаавшему в уныние сердцу.

«Теперь я знаю, — подумала Северина, — он зависит от меня, как ребенок».

Она вспомнила, что Пьер называл ее иногда своим наркотиком. Она не воспринимала мрачную и властную тень этого слова, не любила само его звучание, настолько ей было отвратительно все, что отклонялось от здоровья и нормы. Она никогда не задумывалась о тех своеобразных знаниях, которые, вероятно, накопились у мужа до встречи с ней. Что им еще надо, если между ними царит такая нежность, такая простота?

Северина подумала об ослепительной улыбке Пьера, о его прохладных, решительных руках. На какое-то мгновение она испугалась, что и эта улыбка, и свежесть его рук находятся всецело в ее власти.

«Сколько же зла я могу ему причинить!» — подумалось ей.

К этому беспокойству не примешивалось никакого самодовольства. Возникшая у нее мысль позволила Северине лишь отчетливее осознать всю глубину и цельность своей любви. На всем свете у нее не было никого, кроме Пьера, единственного дорогого ей человека.

Ее уверенность была столь сильна, имела столь глубокие корни, что мимолетное опасение вызвало у Северины лишь улыбку. Что бы ни случилось, Пьер никогда не будет страдать по ее вине. Какая чудесная теплота разливается у нее в сердце при мысли об этом человеке с дыханием ребенка. Коль скоро в ее руках находятся и его боль, и его радость, она сумеет сделать так, чтобы каждый день был для него счастливым. И так будет всегда, до конца их неразлучной жизни. До последних дней своих пройдут они рука об руку, ничем не омрачая их. Северина сознавала, что она в ответе за это прекрасное пламя, горящее в их душах, но чувствовала в себе столько силы, чистоты и любви, что эта миссия показалась ей и великолепной, и не очень трудной.

Другая, возможно, вспомнила бы тут и про свои навязчивые сны после болезни, и про странные узы, не далее как вчера образовавшиеся между нею и Юссоном. Однако полученное Севериной воспитание, скорее физическое, нежели духовное, не очень подверженное недугам тело, уравновешенный характер, естественная предрасположенность к покою и веселью весьма успешно уберегали ее от самоанализа. Она обращала внимание лишь на поверхностный слой своих эмоций, контролировала лишь внешнюю часть самой себя. Поскольку Северина полагала, что в полной мере управляет собой, то она даже и не догадывалась о существовании ее основных, еще дремлющих сил и, стало быть, не имела над ними никакой власти. Так как эти скрытые резервы до сих пор служили опорой некоторым склонностям, которые ее разум считал нормальным, ее желания всегда отличались нетерпеливой, неукротимой силой, которой она уступила сразу и без колебаний.

Северине не терпелось продемонстрировать Пьеру новую, переполнявшую ее нежность, и, не удержавшись, она поцеловала его долгим поцелуем в лоб. Пребывая еще в том зыбком состоянии полусна, когда неуправляемое тело подчиняется инстинктам, Пьер прильнул к Северине. Несколько секунд он оставался сопряженным с этой темной и теплой вселенной, как воспринимается любимая женщина, прежде чем стать фактом сознания. Потом он прошептал еще полным грез голосом:

— Любовь моя, дорогая моя любовь.

Северина осторожно зажгла лампу, стоявшую на низком столике возле постели. Ей нужно было видеть чистое, бесхитростное, высшее счастье, которое отразилось в этих словах.

Свет, пробиваясь сквозь непрозрачный шелк, мягко распространился по комнате. Пьер не вздрогнул, не пошевелился, но то, что Северине хотелось увидеть, — биологическую таинственность лица в тот момент, когда оно еще принадлежит только теням и жизни, — успело улетучиться. К нему вернулось отчетливое восприятие окружающего.

— Как же я счастлив вновь обрести тебя... — сказал он. — Мне так не хватало тебя.

Вдруг Пьер открыл глаза.

— Да, вот так... — проговорил он, — маленький Марко... этот маленький итальянец. Он очень любил, когда я играл с ним.

На этот раз Северине достаточно было лишь погладить волосы Пьера, чтобы он тут же успокоился.

— Я уже не ощущаю боли, — сказал он вполголоса. — Я настолько переполнен тобой. И у меня уже не хватает отзывчивости на остальных.

— Молчи. Если бы все были такими, как ты, жизнь была бы намного лучше. Знаешь, — с чувством сказала Северина, — я столько сейчас думала о тебе.

— Так ты, значит, уже давно проснулась? Но ведь еще такая рань, только-только рассвело. Ты что, плохо себя чувствуешь? А я-то разоспался.

Северина нежно рассмеялась.

— Не пытайся поменяться ролями, — проговорила она. — Я только хотела сказать тебе, как ты мне дорог, и узнать, как сделать тебя счастливым...

Она замолчала, словно взяла фальшивую ноту. На лице Пьера отразились легкое изумление и сильное смущение.

— Я тебя умоляю... — пробормотал он. — Очень мило, просто чересчур мило с твоей стороны. Но только это ты мой ребенок.

— В любом случае, — продолжила свою мысль Северина, — нужно, чтобы я больше участвовала в твоей жизни. Я хочу знать все, что ты делаешь: твоих больных, твои операции. А то я ни в чем не помогаю тебе.

Вместо чувства признательности за эти слова Пьера охватило чувство вины. Подобно всем деликатным и сильным мужчинам, он был устроен таким образом, что, любя, воспринимал даже самую незначительную заботу о себе как проступок, совершенный им по отношению к Северине.

— Вчера вечером я распустился, — ответил он, — и вот ты уже беспокоишься обо мне. Мне прямо стыдно. Не волнуйся, родная, тебе больше не придется страдать из-за таких вещей.

Северина сделала едва заметное нетерпеливое движение. Как же это все-таки трудно — исполнить подказанное любовью настойчивое намерение. Прямо все оборачивалось против ее замысла. Она хотела быть полезной Пьеру, а получилось, что это он непрестанно оказывал ей свои услуги. Конечно, кроме его работы была еще и духовная жизнь, были любимые им книги, его мысли, которые она могла бы попытаться разделить с ним. Но здесь Северина, несмотря на все свои страдания, чувствовала себя бессильной. Для того чтобы заняться тем, к чему ее никогда не тянуло, ей не хватало культуры, способностей, увлеченности.

Чувствуя, как ею овладевает растерянность, и испытывая одновременно огромную потребность дарить и помогать, она прошептала:

— Ну что, скажи мне, любовь моя, я могу для тебя сделать?

То, как было это сказано, заставило Пьера с вниманием склониться к ней. Они пристально смотрели друг на друга, словно впервые открывая себя. И молодая женщина прочла в глубине его больших глаз трепещущую мольбу:

«Ах, Северина, если бы ты отдавала мне свое тело не только ради моего удовольствия, но и сама смогла бы познать наслаждение и раствориться в нем».

Во взгляде Пьера был такой сильный, такой страстный призыв, что Северина почувствовала такое волнение плоти, какого не испытывала еще никогда. То, что накануне она на какое-то мгновение ощутила с Юссоном, теперь она почувствовала снова, но уже вместе со счастьем нежности. Пусть вот сейчас Пьер схватит ее руками, — сила их ей была хорошо известна, и она столько раз видела его перекачивающиеся сильные бицепсы, — пусть крепко обнимет ее, и она, наверное, обязательно растает от наслаждения, которое он давно жаждет ей подарить. Однако оказавшись в объятиях Пьера, Северина уловила в его взгляде отблеск признательности. И опять, как и прежде, отдалась ему с материнским

чувством.

Потом Пьер и Северина долго лежали без движения.

О чем, о ком думал Пьер? Может быть, о любовницах, которые были у него прежде и которых он даже не любил, но, независимо от этого, они все же достигали с ним почти запредельного блаженства... А может быть, о несправедливости судьбы, наградившей лежавшую рядом с ним любимую и любящую его женщину, ради которой он отдал бы жизнь, бесчувственным телом, не способным на то абсолютное слияние, которого он жаждал с безудержной, фанатичной страстностью.

Северину охватывало печальное оцепенение от мысли, что она, обладая огромной властью над Пьером, так и не добилась, чтобы принадлежавшая ей душа раскрылась перед нею. Эта душа, сама того не ведая, отвергала ее, так же как ее тело отвергало его плоть.

Установившееся молчание было насыщено горечью поражения.

К счастью, между ними существовала пылкая, все сглаживающая дружба. Ни одно из их сближавших чувств не пострадало. Напротив, они испытывали еще большую потребность в общении, подтверждая, что все осталось как прежде. Сама того не замечая, Северина вложила свою руку в ладонь мужа. Он крепко сжал ее, без всякого чувственного волнения, просто как товарищ, как спутник, идущий вместе с ней по жизни. Она ответила ему тем же. Они осознавали, что их любовь была выше диссонанса, в котором они не были виноваты.

«Наслаждение, — подумалось им одновременно, — это всего лишь скоротечное пламя. А мы владеем более редким и более надежным сокровищем».

Наступил день, рассеивающий таинственные, чересчур глубокие разноречия инстинктов, этих лиан мрака. Пьер и Северина смотрели друг на друга и улыбались. Утренний свет, беспощадный ко всему увядающему, был милосерден к их юным лицам. Полные свежести, входили они в новый день.

— Еще так рано, — сказала Северина. — У тебя до работы еще есть время? Проводи меня в Булонский лес.

— Ты не боишься, что устанешь?

— Да я уже давно выздоровела, одевайся быстро.

Когда Пьер вышел из комнаты, Северина вспомнила, что еще не рассказала ему о Юссоне.

«Не буду ничего говорить, — решила она. — Мне не хочется, чтобы он расстраивался из-за пустяков».

Оттого, что она впервые что-то скрыла от Пьера, Северина почувствовала нечто вроде гордости за себя и поэтому же — еще больший прилив любви к мужу.

У Северины было такое ощущение, словно из нее изгнали злых духов. Незнакомка, стоявшая недавно на пороге смерти, поддавшаяся в период болезни и в период возвращения к жизни соблазнам, игре каких-то необычных, порочных образов, которые на несколько недель примешались к ее чистому существу — единственному, признаваемому Севериной, — и уже начали было разлагать элементы ее нравственности, теперь отделились от нее, как ей казалось, навсегда. Порожденная болезнью, тень рассыпалась в прах, как только к Северине вернулось здоровье и ее сознание начало нормально воспринимать окружающий разумный мир.

Она уверенно заняла в нем свое место. Питание, сон, нежная привязанность, здоровые удовольствия — все, как и прежде, служило Северине и помогало поддерживать душевное равновесие. Обновленные желания, возросший интерес к деталям бытия стимулировали ее жизненные силы. Она ходила из одной комнаты в другую, как будто ожидала каких-то открытий. Мебель, предметы сообщали ей о своей глубокой и полезной взаимосвязи. Она снова научилась управлять ими, управлять прислугой, управлять своими чувствами и своей жизнью.

На ее серьезном лице эти окрепшие силы и убыстрившееся внутреннее движение отражались лишь в виде сдержанного сияния. Еще никогда Пьер не находил ее столь соблазнительной, и она тоже никогда прежде не выказывала ему такой действенной нежности, так как единственным заметным следом, оставшимся у Северины от неприятного кризиса после болезни, было принятое ею решение делать все, что только возможно, для счастья мужа. Из первой слишком откровенной попытки ничего не вышло, но изначальное желание от неудачи не пропало. Оно проявлялось в модуляциях голоса, в неизменной ее кротости, которая одновременно и трогала Пьера, и беспокоила его. Ее заботливость смещала ось, по отношению к которой выстраивалась до сих пор его жизнь.

Однако его опасения рассеяли две черточки, в которых он узнавал прежнюю Северину: она выказывала все ту же почти суровую стыдливость, что и прежде, и она не изменила своей манеры одеваться.

Туалеты Северина обновляла с радостной готовностью, какую привносила теперь буквально во все, но, как и раньше, выбирала ткани и фасоны, рассчитанные на молодых девушек. Иногда Пьер сопровождал ее к портным и модисткам, чтобы разделить удовольствие Северины от этих визитов и еще чтобы цены, как бы высоки они ни были, не поколебали ее решимости. Но настоящим неразлучным спутником Северины в этих долгих походах была Рене Февре. Среди отрезков, манекенщиц, закройщиц, продавщиц эта молодая женщина обнаруживала свое истинное призвание. Она привносила в это дело определенную долю лиризма, неподдельную заинтересованность и безукоризненный вкус. Северина, менее предрасположенная к таким занятиям и всегда склонная побыстрее их закончить, очень ценила самоотверженную помощь Рене.

Но вот однажды вечером, когда ей нужно было отправиться на решающую примерку, она прождала подругу напрасно. Рене присоединилась к ней лишь позже, у портнихи, когда Северина уже успела надеть новое платье.

— Извини меня, — воскликнула Рене, — но если бы ты только знала...

Она едва взглянула на платье Северины, никак не выразив своего мнения, а потом,

когда закрыщица на минуту отошла, быстро зашептала:

— Я пила чай у Жюмьежей и узнала невероятную вещь. Анриетта, представь себе, наша подруга Анриетта регулярно ходит в дом свиданий.

Поскольку Северина никак не отреагировала на это сообщение, Рене продолжала:

— Не веришь? Сначала я тоже не поверила, но мне рассказали всякие подробности, из-за которых я, собственно, и опоздала. Тут не может быть никаких сомнений. Жюмьеж сам, когда телефонистка соединила его с Анриеттой, собственными ушами слышал ее беседу с содержательницей заведения. А ты ведь знаешь Жюмьежа. Он хоть и болтун, но не лжец. Ну и потом, это уже было бы преступлением... Естественно, все должно оставаться в тайне. Жюмьеж попросил никому не рассказывать.

— Ну, значит, это станет известно всем на свете, — безмятежно проговорила Северина. — А что все-таки ты думаешь о моем платье? Ведь мне его нужно надевать завтра вечером.

— Ой, извини, дорогая. У меня не такая крепкая голова, как у тебя. Ладно... Послушай, мадемуазель...

И она стала делать скрупулезные замечания портнихе, хотя Северина чувствовала, каких усилий воли стоило Рене это занятие, которое обычно поглощало ее целиком. Когда закончилась примерка, Рене спросила:

— Что ты собираешься сейчас делать?

— Еду домой. Пьер вот-вот вернется.

— Тогда я провожу тебя. Должна же я рассказать тебе об Анриетте. Я тебя не понимаю...

Едва они сели в машину, как Рене тут же возобновила разговор:

— Нет, в самом деле, я совершенно не понимаю тебя... О таких вещах рассказываю, а ты — хоть бы что.

— Да, но ведь я видела Анриетту от силы два раза. Ты же сама знаешь...

— Неважно, сто раз или два раза. Уже сам факт, один только факт, даже если бы речь шла о какой-нибудь совершенно незнакомой женщине, которая... которая... у меня слов просто нет... Ну ты представь себе хоть на минуту, а то, я смотрю, у тебя все мысли о твоём платье... Женщина нашего круга, победнее нас, конечно, но в общем-то такая же женщина, как ты или я, — и вдруг ходит в дом свиданий.

— Дом свиданий? — машинально повторила Северина.

Удивленная тоном подруги, Рене сначала опешила, а потом, через несколько секунд, понизив голос, сказала:

— Мне следовало бы подумать об этом раньше. Ты ведь далека от всего этого... Ты чиста, и тебе просто не понять этого ужаса. Лучше уж...

Однако неодолимая потребность выплеснуть свои эмоции не позволяла Рене молчать.

— Нет, ты все-таки должна знать, — вскричала она. — Вреда это тебе не причинит: нельзя же жить с закрытыми глазами. Послушай, даже с мужчиной, к которому не испытываешь ничего, кроме нежности («Она имеет в виду своего мужа», — подумала Северина и тут же упрекнула себя за то, что сама подумала о Пьере), и то некоторые вещи неприятны. А тут, моя дорогая, а тут, представь себе, каково вытерпеть, когда это происходит в одном из таких домов. Быть в полной власти первого попавшегося, какой бы он ни был — безобразный, грязный. Делать то, что он хочет, буквально все, что он хочет... Незнакомые мужчины, которые меняются каждый день. И мебель, принадлежащая всем и

всякому. Эти постели... Представь себе хоть на минуту, всего лишь на минуту, что ты занимаешься этим ремеслом, и ты увидишь...

Она говорила об этом долго, а поскольку Северина не отвечала, Рене все сгущала и сгущала краски, добавляя ужасов в картину, которую рисовала, чтобы вырвать наконец какой-нибудь крик из этого упорного молчания.

Рене так ничего и не добилась, но если бы сумерки не успели сгуститься, то выражение лица Северины испугало бы ее. С неподвижным, словно на него надели железную маску, лицом, почти не дыша, с отяжелевшими руками и ногами, отяжелевшими настолько, что, как ей казалось, они уже больше не смогут пошевелиться, Северина чувствовала, что умирает. Она не могла понять, что с ней происходит, только знала, что ей уже никогда не забыть ни этого полумертвого состояния, ни этой невыразимой тоски, от которой останавливалось ее сердце. Перед ее глазами все то полыхало, то вдруг затуманивалось, и тогда сквозь мглу она различала какие-то искривленные обнаженные фигуры. Ей хотелось закрыть глаза руками, потому что веки ее застыли так же, как и вся остальная плоть, но руки не повиновались.

— Хватит, хватит, — крикнула бы она Рене, если бы могла.

И тем не менее каждая произнесенная подругой фраза, каждая нарисованная той гнусная картина проникала в самое нутро Северины, и, пользуясь ее оцепенением, они оседали там, ужасно живые, где-то глубоко-глубоко...

Северина не помнила, как она вышла из машины и как вошла в квартиру. Смутное восприятие реальности и самой себя вернулось к ней лишь в комнате и вызвало у нее сильное потрясение. Когда она оказалась у себя, какая-то неведомая сила увлекала Северину прямо к большому зеркалу, перед которым она обычно одевалась. Она долго и неподвижно стояла, внимательно глядя на свое отражение, словно хотела слиться с ним. Только тут, в этой таинственной зеркальной стуже, она обрела себя вновь. От оцепенения и благодаря какому-то чисто физическому защитному импульсу она сначала подумала, что перед ней — посторонняя женщина. Однако мало-помалу до сознания дошло, что эта женщина приближается к ней, надвигается на нее, сливается с ней. Северина попыталась оторваться от зеркала, чтобы избежать полного слияния, которое претило ей. Но возобладало другое желание, с неумолимой силой удержавшее ее. Ей во что бы то ни стало нужно было изучить тянувшееся к ней лицо. Она не смогла бы объяснить, для чего именно ей это нужно, только чувствовала, что нет для нее сейчас ничего более важного, более неотложного, чем это разглядывание.

Видение было пронзительно четким. От этих белых, как меловая поверхность, щек, от этого выпуклого открытого лба над впалыми глазами, от этих непропорционально больших пунцово-красных, хотя и безжизненных губ веяло чем-то настолько звериным и ужасным, что Северина смогла выдержать представшее ее глазам зрелище всего одно мгновение. Она кинулась к двери, потом в другую комнату, чтобы как можно дальше убежать от той, застывшей, гладкой, отвратительной, которая смотрела из зеркала. Северина повернула защелку, но дверь не открывалась. Оказалось, что она была заперта на два оборота. Внезапно кровь бросилась ей в лицо.

— Значит, я хотела спрятаться, — громко сказала она.

Гордость заставила ее резко распахнуть дверь, и в порыве откровенности она прошептала:

— Спрятаться?.. От кого?

Но порога переступить не стала. А вдруг образ той женщины в зеркале, который — она

была в этом уверена — продолжал жить на поверхности зеркала, будет появляться и в других местах, а не только там, где он застал ее врасплох.

Северина вновь толкнула створку двери и, избегая смотреть на предметы, в которых могло отразиться ее лицо, подошла к креслу и упала в него. Она сжала ладонями пылающие, ноющие виски. Ладони были ледяные. Мало-помалу их прохлада успокоила странную горячку Северины, и наконец к ней вновь вернулась способность размышлять, ибо все, что происходило в ней до этого момента, сводилось к внутренней сумятице, инстинктивным движениям, импульсам, о которых она уже успела забыть. Воспоминание об увиденной маске обезумевшего животного тоже куда-то пропало.

Северина выбралась из этого хаоса на поверхность, не испытав иных чувств, кроме ощущения нестерпимого стыда. Ей казалось, что ее так густо полили грязью, что у нее не осталось ни сил, ни желания смывать эту грязь.

— Да что же это такое со мной? Что со мной происходит? — снова и снова стонала она, качая головой из стороны в сторону.

Она попыталась выстроить в единую цепь разрозненные и бесформенные обрывки воспоминаний о только что прожитых минутах. Но тщетно. Как бы она ни напрягала волю, какая-то глухая заслонка, более мощная, чем все ее усилия, какой-то запрет, идущий из глубины подсознания, куда ее разум не имел никакого доступа, мешали ей восстановить рассказ Рене.

Вдруг Северина встала, прошла в кабинет Пьера, где стоял телефон, сняла трубку и набрала номер своей подруги.

— Послушай, дорогая, — сказала она спокойным голосом, где уже не осталось никаких признаков смятения, — у меня в машине, кажется, было что-то вроде головокружения. Представь себе, я не помню, как мы с тобой расстались.

— Да обыкновенно. Я не заметила ничего особенного.

Северина глубоко вздохнула. Значит, она не выдала себя. Она не задумывалась, как и что могло бы ее выдать. Этого она просто не знала.

— Сейчас тебе уже лучше? — спросила Рене.

— Да, все уже прошло, — с живостью ответила Северина. — Я даже Пьеру ничего не скажу.

— Тебе следовало бы все-таки побережись. Эти весенние вечера так опасны. Ты довольно легко одеваешься...

Северина слушала, едва сдерживая нетерпение, но беседу не прерывала. Она ожидала, надеялась, что Рене разговорится. Может быть, она вернется к этой истории...

«Тогда бы я, наверное, поняла, что со мной произошло», — мысленно говорила себе Северина.

Она искренне полагала, что это — единственная причина, приковавшая ее к телефонной трубке.

Однако не успела Рене покончить со своими советами, как Северина услышала шаги Пьера, и ее вдруг снова охватил все тот же необъяснимый страх, который заставил ее запереть дверь в комнату. Если бы Рене заговорила сейчас об Анриетте, Пьер по лицу Северины обязательно догадался бы. И снова она не стала спрашивать себя, о чем именно он мог догадаться, так как сама не имела об этом ни малейшего представления, и быстрым лихорадочным движением повесила трубку.

— Ты только что пришла, дорогая? — спросил Пьер.

— Нет, уже минут десять, как...

Северина замолчала в полной растерянности. Она еще не успела снять ни пальто, ни шляпу. Она поспешно искала оправданий:

— Десять минут... То есть... Я даже не могу точно сказать... скорее всего, меньше. Я вспомнила, что мне нужно спросить об одной вещи у Рене... я позвонила ей, у меня не было времени, только ты не подумай...

Понимая, что каждое слово только усиливает ее чувство вины, совсем парализовавшее ее и неизвестно откуда произрастающее, Северина пробормотала:

— Одну минуту, я пойду разденусь.

Когда она вернулась, ее ясный, почти мужской ум уже справился с еще не известным ей врагом, скрывавшимся где-то глубоко, в самом потаенном уголке ее существа. Она осознала, что ее поведение странно, что оно граничит с безумием. Она ведь знала, что ни в чем не виновата. Откуда же тогда взялась эта потребность оправдываться? Откуда эта наводящая на подозрения растерянность?

Северина обняла мужа. Соприкосновение с ним, как и прежде, подействовало на нее успокаивающе, она тут же расслабилась, почувствовала себя в безопасности. Впервые за этот вечер, когда все происходило, словно повинясь чьей-то чужой, разнузданной, деспотической воле, Северина почувствовала себя свободной. У нее вырвался радостный и такой красноречивый вздох облегчения, что Пьер спросил:

— У тебя какие-то неприятности? Повздорила с Рене?

— Откуда, милый, у тебя такие предположения? Наоборот, я страшно довольна. Платье получилось чудесное, и мне хочется развлечься. Может, сходим куда-нибудь?

Северина заметила, что Пьер сразу погрузился. Она вспомнила, что это был единственный за всю неделю вечер, который у них был свободен и который они собирались провести в интимной обстановке дома. Она также вспомнила о своем до этого дня строго соблюдаемом решении делать все на радость мужу, но почувствовала неодолимую потребность сменить обстановку, чтобы с помощью новых впечатлений отгородиться от всех пережитых ужасов.

Вначале она преуспела в своем намерении. Шумный, ярко освещенный мюзик-холл, куда они направились, а потом дансинг дали ей необходимую психологическую разрядку. Однако стоило им покинуть танцевальное заведение, как знакомая тоска тут же опять пронзила каждую клетку ее тела. Шум мотора, мелькающие в салоне автомобиля светлые пятна и тени, неясно вырисовывающийся за стеклом силуэт шофера напомнили Северине ее поездку с Рене, когда та рассказала...

В лифте Пьер увидел бледное лицо Северины.

— Видишь, эти выезды утомляют тебя, — заметил он мягко.

— Не в этом дело... Уверяю тебя. Я расскажу тебе...

На какое-то мгновение Северине показалось, что она окончательно освободилась от наваждения. Она решила, что надо будет довериться Пьеру, и тогда все станет на свои места, наступит просветление. Опираясь на примеры из своей жизни, он, наверное, все объяснит и уймет наконец это сатанинское беспокойство.

Но почему ее вдруг опять бросило в жар, почему так заныли виски? Только ли в предвкушении близкой развязки? Или же виной тому было нечто иное, еще пока неясное, но от этого не менее тревожное и могущественное? Чтобы отогнать страх, Северина заговорила с Пьером сразу же, как только они вернулись домой.

— Меня тут очень расстроила одна история, которую мне по секрету рассказала Рене. Одна из ее подруг, Анриетта, ты ее знаешь, часто ходит в... дом свиданий.

Последние слова были произнесены таким срывающимся голосом, что Пьер удивился. Он спросил:

— И что дальше, дорогая?

— Но... это все.

— И это тебя так взбудоражило? Пойдем присядем.

Они все еще стояли в прихожей. Пьер повел Северину к себе в кабинет. Там она безвольно опустилась на диван. Ее била легкая, но столь частая дрожь, что отнимала у нее все силы.

Однако при этом внимание ее было напряжено, и она с нетерпением и отчаянием ждала, что же скажет Пьер. Уже не желание покоя владело ею, а непреодолимое любопытство, органическая, похожая на голод потребность узнать о вещах, которые она боялась даже вообразить.

— Ну говори же, объясни мне, — сказала она, и в голосе ее прозвучали мольба, страх и ярость.

— Бедненькая ты моя, ведь это же довольно банальная история. Жажда роскоши, не более того. У этой Анриетты муж зарабатывает мало? Так ведь? Чего ж тут удивляться, ей тоже хочется одеваться так же, как Рене, как ты. В результате... Я, как и все, встречал подобных женщин в местах, о которых идет речь.

— А ты туда часто ходил?

На этот раз Пьера испугала интонация Северины. Он взял ее за руку и сказал:

— Да нет, успокойся. Я и не подозревал, что ты будешь ревновать меня к прошлому, самому обычному прошлому любого молодого человека.

У Северины хватило смелости улыбнуться. Однако чего бы она только не сделала, чтобы утолить жажду, которая буквально иссушала ее.

— Я вовсе не ревную, — ответила она. — Мне просто хочется больше знать о тебе. Продолжай... продолжай...

— Ну что тебе еще сказать? Эти женщины — я имею в виду таких, как Анриетта, — обычно ласковые, покорные, пугливые. Вот и все, моя милая, и поговорим о чем-нибудь другом, потому что эти удовольствия относятся к разряду самых унылых на свете.

Если бы Северина страдала какой-нибудь формой токсикомании, она бы поняла природу овладевшего ею невыносимого наваждения. Она была так же близка к помешательству, как морфинист, у которого отобрали наркотик перед самым уколом. Все разъяснения Пьера лишь весьма отдаленно соответствовали тому, чего она от них ожидала. Они были начисто лишены пикантности, глубины. Северина почувствовала, как в ней накапливается злость против мужа; раздражение, которого она никак от себя не ожидала, зарождалось у нее где-то в кончиках пальцев и постепенно распространялось по всему телу, не щадя ни единого нерва, ни единой клетки, достигало груди, горла, мозга. Теряя голову, она прошептала:

— Ну говори же, говори.

Но Пьер слишком внимательно посмотрел на нее, и тогда она закричала:

— Молчи! Довольно... Я больше не могу... Следовало бы запретить... Пьер, Пьер, ты не знаешь...

Она больше не могла говорить из-за сотрясающих ее рыданий.

— Северина, милая, маленькая моя Северина.

Пьер гладил щеки жены, ее волосы, плечи с жалостью, которая даже превосходила его тревогу, потому что Северина ухватилась за него, словно он должен был спасти ее от страшной погони, и когда она судорожно отнимала руки от лица, на нем было страдальческое выражение обиженного ребенка.

Наконец среди ее жалоб Пьер смог различить связные слова:

— Не презирай меня, не презирай...

Он подумал, что Северина устыдилась своих слез — она никогда раньше не плакала, — и сказал с обожанием в голосе:

— Ну что ты, милая моя девочка, я люблю тебя сейчас еще больше. Какая же ты чистая, если тебя так сильно ранила вся эта история.

Северина резко отпрянула от Пьера и, поглядев на него, оторопело покачала головой.

— Ладно. Ты прав, — сказала она. — Пойду я лучше спать.

Она с трудом встала. Жест Пьера, хотевшего помочь ей, замер в воздухе. Он вдруг почувствовал, что стал чужим Северине. Однако, увидев, как она стоит, растерянная, с осунувшимся лицом, все же робко предложил:

— Хочешь, я тоже пойду лягу с тобой?

— Ни в коем случае.

Но, увидев, как побледнел Пьер, она добавила чуть позже:

— А вот если бы ты посидел рядом с моей кроватью, пока я не засну, мне было бы приятно.

Пьер не впервые дежурил у постели Северины, но никогда еще ему не приходилось делать это с таким тяжелым сердцем. В полутьме он угадывал, что Северина лежит с открытыми глазами и все время смотрит на него. Наконец Пьер не выдержал и склонился над ней. Он увидел, что взгляд ее застыл, как у мертвой.

— Что же все-таки случилось, милая? — спросил он.

— Я боюсь.

Она вся дрожала.

— Но я же рядом. Кого ты боишься? Чего?

— Если бы я знала.

— Ты веришь мне?

— О, Пьер, конечно!

— Тогда скажи себе, что завтра будет прекрасная погода. Видишь, сколько звезд на небе. Скажи себе, что завтра ты пойдешь играть в теннис, что оденешься во все белое и выиграешь три сета подряд. Закрой глаза, приложи все силы, чтобы представить это. Ну как, тебе уже лучше?

— Лучше, — ответила Северина, а между тем поселившаяся в ней ненавистница, — а ненавистница ли? — которая сопровождала каждую ее мысль какими-то таинственными образами, примешивала к видению летающих на солнце мячей странную улыбку Юссона.

После того памятного свидания Северина и Юссон не раз оказывались одновременно то в одном месте, то в другом, но она всякий раз упорно делала вид, что не узнает его. А Юссон без обиды терпел такое отношение к себе. Но когда однажды утром он увидел на корте идущую к нему Северину, то не удивился.

— Вы еще не начали играть? — спросила Северина.

— Еще нет, — ответил он, — и начну лишь тогда, когда у вас пропадет желание

беседовать со мной.

Как и предчувствовала Северина, в их общении не возникло ни малейшей неловкости. Вот только странная почтительность Юссона по отношению к ней, как тогда, после его фиаско, немного насторожила молодую женщину. И все же она сказала:

— А мы с Рене как раз вчера вечером говорили о вас. («Он видит, что я лгу», — трезво и безразлично оценила Северина.) Она сообщила мне новость, которая наверняка вас заинтересует. Речь идет об одной ее подруге, которая бывает в одном из этих домов...

— Это об Анриетте, так ведь? Как же, знаю... Знаю...

Говоря это, он не смотрел на Северину, но, казалось, долго прислушивался к ее дыханию, прежде чем продолжить.

— Случай не очень интересный. Здесь все сводится к деньгам. То есть он не интересен сам по себе, — поправился он ровным, без модуляций голосом, словно желая дать Северине немного привыкнуть к нему, — но для человека, который в состоянии извлечь из него пользу, он отнюдь не лишен пикантности. Перед нами женщина, которая в обычной для нее обстановке имеет право на уважение или, по крайней мере, на вежливое обращение, а тут ей можно навязывать любые свои желания. Самые охотливые и, как говорится, самые постыдные. О! Фантазия мужчин вообще-то, как правило, слишком далеко не заходит, но так обходиться со светской дамой — это много хуже или, если хотите, много лучше, чем изнасилование.

Северина слушала, держась очень прямо и лишь слегка наклонив голову. А Юссон между тем продолжал своим безразличным голосом:

— Я-то в эти дома уже почти не хожу. Я их достаточно насмотрелся. Но раньше я очень любил там бывать. В них царит атмосфера бедного порока. Там лучше понимаешь, для чего созданы человеческие тела. Есть в таком разврате что-то смиренное, причем это проявляется и у тех, кто этим живет, и у тех, кто им платит. Погонщик волов может, и не без основания, претендовать на такое же внимание, как, к примеру, я. Я говорю здесь, разумеется, о скромных заведениях, так как и в этом деле тоже роскошь может все испортить, о таких, скажем, как в доме 42 на улице Рюиспар, или в доме 9-бис на улице Вирен, или... впрочем, я мог бы перечислять их долго. Как я только что заметил, сам я в них уже больше не захожу, но пройти мимо мне бывает приятно. Вполне респектабельные с виду дома возле гостиницы «Вант» или возле Лувра, а внутри неизвестные мужчины раздевают женщин-невольниц и овладевают ими как им вздумается, ничего не боясь. Это дает пищу воображению.

Северина отошла от Юссона молча, не протянув ему на прощание руку. Их взгляды ни разу не встретились.

С того момента мириады неясных догадок и желаний, терзавших Северину, стали перерастать в устойчивое наваждение. Она не сразу осознала это, но перегородка, отделявшая ее видимую сущность от заповедных уголков подсознания, где шевелились слепые и всемогущие личинки инстинктов, уже была сломана. Уже установилась связь между упорядоченным миром, в котором она всегда жила, и миром, открывшимся ей под напором естества, силу которого она пока еще не решалась осознать. Уже началось взаимопроникновение, уже происходило взаимное сцепление ее прежней привычной личности и нового существа, накопившего за время своего долгого сна непомерную силу.

У Северины ушло двое суток на то, чтобы понять, чего же оно, это существо, от нее

требует, двое суток, в течение которых она продолжала делать те же жесты и произносить те же слова, что и прежде. Никто, даже Пьер, не заметил ее состояния трепещущего самоприслушивания, в котором Северина пребывала эти дни. А она... она уже ощущала вонзившуюся ей в плоть отравленную занозу, жгучую и беспощадную.

Все эти часы ее преследовал, пробуждая смуту в душе, один и тот же образ. Он появился не впервые: Северина предавалась двусмысленным играм с этим образом еще в самом начале выздоровления. За ней гнался в каком-то грязном квартале мужчина, лицо которого не выражало ничего, кроме тупого желания. Она бежала от него, но так, чтобы он не потерял ее из виду. Она углублялась в какой-то тупик. Мужчина настигал ее, она слышала скрип его ботинок, его дыхание. Тоскливое ожидание, предвкушение какого-то неведомого наслаждения. Но мужчине никак не удавалось найти ее в том углу, где она пряталась. И он уходил. А Северина тщетно, отчаянно, мучительно искала этого хама, уносившего с собой ее самую важную тайну.

В ее сознании возникали и другие картины из тех, что навязчиво стояли перед глазами, когда она поправлялась, и даже еще более низменные, еще более невнятные, но этот образ превратился в своего рода магистральную тему, вокруг которой располагались, мельтешили все прочие видения. Два дня и две ночи звала Северина мужчину из этого тупика, а затем однажды утром, когда Пьер, как обычно, ушел в больницу, она оделась попроще, спустилась на улицу и окликнула шофера.

— Отвезите меня на улицу Вирен, — сказала она, — а там поезжайте помедленнее и провезите меня по ней до самого конца. Я никак не могу вспомнить номер дома, но сам дом я узнаю.

Автомобиль ехал по набережным. Вскоре Северина увидела массивный контур Лувра. Горло ей сдавил такой тугий узел, что она поднесла к нему руки, словно собиралась развязать его. Они подъезжали.

— Улица Вирен, — громко оповестил шофер, притормаживая.

Северина повернула голову в сторону с нечетными номерами. Один фасад... другой... и вот еще до того, как машина успела проехать мимо, она догадалась, что это тот самый дом, который она искала. Он ничем не отличался от других, но в его подъезд только что проскользнул мужчина, и Северина, успевшая разглядеть лишь спину, все же узнала его. Массивное сложение, поношенная куртка, эти плечи, этот вульгарный затылок... Он шел к послушным женщинам... Он просто не мог ходить в другое место. Северина отдала бы голову на отсечение — настолько была велика ее уверенность. Смутная интуиция заставила ее мысленно разделить с мужчиной поспешность его шагов, невольную сконфуженность его рук и еще — грубое сладострастие, которое гнало его в дом.

Автомобиль доехал до конца короткой улицы. Шоферу ничего не оставалось, как сообщить об этом Северине. Тогда она попросила отвезти ее домой.

Теперь ее навязчивая идея получила реальную пищу. Мужчина, крадучись входивший в дом на улице Вирен, и мужчина, упустивший ее в тупике, слились в единое целое. Стоило ей только вспомнить про силуэт, исчезнувший в предосудительном доме, как от упоительного страдания начинало медленнее биться сердце. Она мысленно представляла себе его низкий лоб, мясистые волосатые руки, грубую одежду. Он поднимался по лестнице... звонил. Подходили женщины. Тут мысль Северины останавливалась, так как потом была сплошная мешанина из теней тел, яростных вздохов.

На какое-то время ей хватило этих образов, но затем от частого появления и

интенсивности они поблекли. И у Северины вновь возникла потребность увидеть тот дом. В первый раз она попросила отвезти ее туда, во второй — отправилась пешком. Ей было так страшно, что она не посмела даже остановиться на миг, чтобы прочесть надпись на табличке, прикрепленной возле двери, а лишь с глубоким волнением коснулась на ходу рукой старых стен, как будто и они были пропитаны унылым и неистовым развратом.

В третий приход Северина решила быстро прочесть неброские буквы на табличке:
ГОСПОЖА АНАИС — ЛЕВАЯ АНТРЕСОЛЬ.

А оказавшись там в четвертый раз, она вошла.

Северина даже не осознала ни того, как она поднялась по лестнице, ни того, как, войдя в открывшуюся дверь, столкнулась лицом к лицу с приятной, высокой и еще молодой блондинкой. У нее перехватило дыхание. Ей захотелось бежать, но у нее не хватило духу сделать это.

— Что вам угодно, мадемуазель? — услышала Северина.

— Это вы... это вы занимаетесь... — пробормотала она.

— Я госпожа Анаис.

— Тогда, тогда я хотела бы...

Северина взглядом заблудившегося животного окинула прихожую.

— Проходите, поговорим спокойно, — сказала госпожа Анаис.

Она проводила молодую женщину в комнату с темными бумажными обоями и большой кроватью под красным покрывалом.

— Ну что ж, моя милая, — тотчас приветливо начала госпожа Анаис, — вам хотелось бы намазать на ваш кусок хлеба немного масла. Я готова вам помочь. Вы миленькая и свеженькая, Такие девочки, как вы, здесь нравятся. Половину вам, половину мне. На мне ведь все расходы.

Не в силах ответить, Северина кивнула головой. Госпожа Анаис обняла ее.

— Немного волнуетесь, я смотрю, — сказала она. — Первый раз, не так ли? Увидите, это вовсе не так ужасно. Сейчас еще рано, ваших будущих подруг пока еще нет. А то бы они вам сказали. Когда начнете?

— Не знаю... я подумаю.

Вдруг Северина, словно испугавшись, что больше не сможет выйти отсюда, громко воскликнула:

— Во всяком случае, в пять часов мне нужно будет уходить!.. Мне нужно.

— Как пожелаете, моя милая. С двух до пяти — хорошее время. Вы будете Дневной Красавицей, а? Только придется быть пунктуальной, а то мы поссоримся. В пять часов вы будете свободны. Вас будет ждать дружок, не так ли? Или муженек...

«Или муженек... Или муженек... Или муженек...»

Это были последние слова, которые она услышала от госпожи Анаис перед тем, как внезапно покинула ее, и Северина упорно повторяла их снова и снова. Она не понимала их смысла, но они удручали ее.

Она прошла мимо колоннады Лувра, поглядела на его такой благородный фасад, простота которого на секунду принесла ей облегчение, но тотчас отвернулась в сторону: она уже не имела права смотреть на него.

В одном месте дорогу ей преградили два остановившихся трамвая. Один из них направлялся в Сен-Клу и Версаль. Северина вспомнила, как однажды, когда они с Пьером вышли из музея, он сказал ей, что любит этот маршрут, соединяющий прекрасные места обитания королей. Пьер... Пьер Леско, творец Лувра... Пьер, ее муженек...

Все смешалось в голове Северины: звонки трамваев, величественные сооружения, мадам Анаис, она сама. Она вслепую пересекла шоссе и, очнувшись, обнаружила, что стоит облокотившись на парапет моста, а под ней — Сена. Она немного отдышалась. Река несла весеннюю грязь. Внимание Северины привлек сомнительный цвет потока. Она постояла, потом прошла на набережную.

Открывшийся пейзаж и люди показались Северине такими незнакомыми, словно принадлежали к какой-то другой жизни. Эти камни, груды угля, железный лом, покрытые копотью плоские суда, по которым неуклюже перемещались молчаливые люди, эти стены, такие невообразимо высокие, такие прочные, и особенно эта вода, мутная, обильная, непроницаемая... Северина подошла ближе к реке, нагнулась и опустила в нее руку. Она тут же мгновенно отдернула ее, с трудом подавив крик.

Вода в заморозившем ее потоке оказалась холодной, как сама смерть. Северина только в эту минуту поняла, что она собиралась сделать, и ужаснулась: еще немного — и она тоже могла бы стать добычей реки, смешаться со всей этой плывущей по Сене грязью. Но что же такое она совершила, что захотела похоронить себя в этом густом ледяном потоке? Госпожа Анаис... разумеется, она ходила к этой женщине, разговаривала с ней. Но ведь Пьер, если бы она только рассказала ему о своем жестоком страдании и о том, какое неодолимое и тягостное наваждение притащило ее на улицу Вирен, он первый — она знала его и любила его за то — пожалел бы ее. Если по справедливости, то ее не презирать нужно, не сердиться на нее — ей сострадать нужно.

Северина почувствовала прилив щемящей боли от жалости к самой себе.

Разве наказывают человека за приступ безумия? А как иначе назвать то, что она сделала? Ее следовало бы полечить от неожиданно поразившего ее недуга, и тогда от этой ужасной недели не осталось бы и воспоминания. А исцеление, подумалось ей, исцеление уже пришло, потому что ей смертельно стыдно за свой безумный поступок, потому что уже одна лишь мысль о новой встрече с госпожой Анаис заставляла ее содрогаться от ужаса, потому что...

Поток мыслей, с отчаянной скоростью подгонявших друг друга, в мозгу Северины вдруг оборвался, резко сменившись абсолютной неспособностью о чем-либо думать, в сознании возник какой-то полный провал. Ей казалось, что чей-то ненасытный рот высасывает из нее душу, и та постепенно покидает тело. Она подняла глаза... Совсем близко, почти касаясь ее,

стоял мужчина; в своем горячем споре с собственной тенью она даже не услышала, как он подошел. У него была открытая мощная шея, широкие плечи. Скорее всего он работал кочегаром на одной из самоходных барж, причаленных поблизости от Нового моста: его синяя рабочая блуза и лицо были в пятнах сажи и машинного масла. От него пахло крепким табаком, смазкой, силой.

Пристальным тяжелым взглядом он уставился на Северину, может быть, совершенно не отдавая себе отчета в том, что она внушает ему желание. Вскоре ему предстояло плыть вниз по реке к Руану, к Гавру, а вот сейчас он остановился возле красивой женщины. Он понимал, что для него она слишком хороша, слишком хорошо одета, но он хотел ее и потому смотрел на нее.

Оказываясь на людях, Северина часто ощущала на себе алчные взгляды, но не испытывала от этого ничего, кроме досады и смущения. А вот с такой похотью, грубой, циничной, ничем не прикрытой, она еще никогда не сталкивалась; разве что у мужчины, который преследовал ее в сновидениях, да потом еще у того, которого она видела на пороге дома мадам Анаис. И вот теперь тот же мужчина — потому что это был именно он — стоял перед ней. Стоило ему только протянуть руку, и она ощутила бы его прикосновение, о котором в мыслях страстно молила. Но ведь он не отважится, он же не посмеет...

«А если бы я была на улице Вирен, то за тридцать франков...» — внезапно мелькнула в голове Северины до ужаса отчетливая мысль.

Она стала пристально вглядываться в лица, рассматривать тела, сосредоточившиеся в этой крохотной примитивной вселенной... Возчик, державший коренника за ноздри, чтобы притормозить на спуске, — он, казалось, нес в своей огромной ручище и саму лошадь, и бутовые камни, лежавшие в телеге; грузчик с низким лбом, будто вросший в землю; чернорабочие, нагруженные вином и сытной пищей, — все они, эти мужчины, о существовании которых Северина до сих пор даже не подозревала, мужчины, сделанные совершенно из другого теста, стали бы в доме госпожи Анаис за тридцать франков распоряжаться ее телом...

Кочегар с баржи сделал шаг назад. И ею овладел страх, причем страх тем более невыносимый, что выросал он не из реальности. Она опять устремилась в погоню за своим сновидением. Она испугалась, что и этот мужчина тоже вот-вот растворится в воздухе, как тот, другой, который был в тупике. Северина почувствовала, что во второй раз не сможет вынести его исчезновения, у нее просто не хватит сил. Она не сможет, нет, нет.

— Погодите, да погодите же, — простонала она.

Затем, погружая взгляд своих блестящих глаз в ничего не выражающие глаза кочегара, добавила:

— В три часа, улица Вирен, дом девять-бис, у госпожи Анаис.

Он тупо потряс головой с забитыми углем волосами.

«Он не понимает или уже не хочет, — подумала Северина с ужасом, понятным лишь тому, кто хоть раз находился во власти кошмара. — А может быть, у него нет денег».

Не спуская с него глаз, она порылась в своей сумочке и протянула ему стофранковую купюру. Мужчина оторопело взял бумажку, стал внимательно рассматривать ее. Когда он поднял голову, Северина уже быстро поднималась вверх по склону, ведущему от берега к набережной. Кочегар пожал плечами, сжал полученную купюру в кулаке и побежал к баржам. Он и так уже потерял слишком много времени. Его баржа отчаливала ровно в полдень.

Начавшийся перезвон старинных колоколов в старом Париже, возвестивший, что уже двенадцать часов, заставил Северину поторопиться. Пьер как раз заканчивал свое дежурство в больнице. Нужно было встретиться с ним прежде, чем он уйдет оттуда. Как и все остальные решения, которые Северина принимала в последние дни, это решение явилось неожиданным для нее, но тут же показалось ей подсказанным законом всесильной необходимости.

Маятник, приведенный в движение внешней силой, тотчас устремляется обратно. Так было и с сердцем Северины: оно рванулось навстречу Пьеру тем сильнее и безогляднее, чем больше и решительнее она предавала его забвению всего лишь несколько мгновений назад.

Северина вовсе не надеялась, что Пьер защит ее от того, что уже свершилось. Она была твердо уверена, что никто и ничто не сможет помешать ей быть в назначенное время на улице Вирен. Она не пыталась оправдать себя, ссылаясь на случай, когда встретила на берегу того мужчину. Теперь, когда решение было принято, она чувствовала, что, воспользовавшись любым предлогом, нашла бы этого мужчину на любом перекрестке вроде бы знакомого, как ей раньше казалось, города, но вдруг оказавшегося населенным какими-то корявыми, скотоподобными, своенравными людьми, которым она отныне должна будет принадлежать. Но пока жертва, исполненная то ли ужаса, то ли блаженства, еще не была принесена, и она со всех ног бежала к Пьеру, чтобы он в последний раз увидел ее такой, какой любил, потому что приближался миг, когда прежней Северины не станет.

— Доктор Серизи уже ушел? — с тоской в голосе спросила Северина у привратника больницы.

— Он выйдет с минуты на минуту. А вот и он, уже идет переодеваться.

Пьер, окруженный тесной толпой студентов, пересекал двор. Все они были в белых халатах. Северина смотрела на молодое лицо своего мужа, к которому были обращены еще более молодые лица. Она никогда не испытывала особого благоговения к интеллектуальным людям, но эта группа студентов излучала такую жажду познания, от нее исходило столько нравственной чистоты и так ясно было, что центром этой чистоты и разума является Пьер, что Северина не осмелилась окликнуть его.

— Я подожду его здесь, — сказала она тихим голосом.

Но Пьер, повинувшись инстинкту своей любви, повернул голову в сторону жены и, хотя она стояла в тени подъезда, узнал ее. Она видела, как он что-то сказал молодым людям, которые были рядом с ним, и пошел к ней. Пока он шел, Северина жадно вглядывалась в него, самого дорогого ей человека, как будто видела его в последний раз. У Пьера было непривычное выражение лица, оно еще сохраняло печать времени, проведенного в иной стихии, в мире, который принадлежал только ему, его учителям, его ученикам... Следы любимой тяжелой работы, следы терпеливой доброты, выражение лица, какое бывает у хорошего мастера, стоящего за верстаком, — вот что отметила Северина, глядя на него, на его белый халат, такой пронзительно белый, что тут же невольно возникала мысль о священном красном цвете крови.

— Не сердись на меня за то, что я отрываю тебя от дел, — проговорила Северина с влюбленной и виноватой улыбкой, — но мы никогда не обедаем вместе, и вот я оказалась тут поблизости... понимаешь...

— Сердиться на тебя?! — воскликнул Пьер, тронутый столь ей несвойственными нетерпением и робостью. — Сердиться на тебя, дорогая, когда ты доставила мне такую радость... Я так горд, что могу показать тебя своим товарищам. Ты не заметила, как они

глядели на тебя?

Северина чуть опустила голову, стараясь скрыть бледность.

— Подожди меня минуту, — сказал Пьер. — У меня есть полчаса. Эх, жаль! Патрон пригласил меня пообедать сегодня у него, а то с какой радостью я остался бы с тобой.

Погода стояла теплая. Северина потянула Пьера в сторону небольшого сада, зеленеющего возле собора Нотр-Дам. Весна здесь проявляла себя более скромно, чем в других районах города. Солнце, изредка прорывавшееся сквозь апрельские облака, отражалось в водосточной трубе или тонуло в таинственной субстанции какого-нибудь витража. На скамейках сидели и беседовали старые рабочие. Были видны остров Сен-Лу и спокойная набережная левого берега.

Северина взяла мужа под руку, и они несколько раз обошли вокруг сада. Пьер о чем-то говорил, но Северина слушала только звук его голоса, который он невольно приглушал. Что-то медленно, зловеще ломалось в ней. Когда Пьеру уже пора было уходить, она не стала провожать его до ограды.

— Я хочу побыть здесь еще немного, — сказала она. — Иди, милый.

Она горячо, судорожно обняла его и глухо повторила:

— Иди, мой милый, иди.

Затем она с трудом добралась до скамьи и там, присев между двумя женщинами с вязаньем, беззвучно расплакалась.

Ей не хотелось ни есть, ни куда-то идти. Она сосредоточилась и вслушивалась в себя. Так прошло два часа. Потом, не взглянув на часы, Северина отправилась из сада прямо на улицу Вирен.

Госпожа Анаис, увидев ее, не стала скрывать своей радости.

— Я, право, и не рассчитывала на вас, моя милая, — сказала она. — Сегодня утром мы расстались так внезапно, и я подумала, что вы испугались. А пугаться тут нечего — сами убедитесь.

Засмеявшись ласковым здоровым смехом, она провела Северину в небольшую комнату, выходящую окнами на темный двор.

— Оставьте ваши вещи здесь, — весело скомандовала госпожа Анаис, открывая стенной шкаф, в котором Северина увидела два пальто и две шляпы.

Северина повиновалась без слов, потому что челюсти у нее как будто приросли одна к другой. Между тем она лихорадочно думала только об одном: «Мне же нужно ее предупредить... Сказать, что тот мужчина, который придет, он придет ради меня... чтобы только он один». Но ей не удавалось выдать из себя ни звука, и она продолжала слушать госпожу Анаис, чье искреннее воодушевление одновременно и успокаивало ее, и ужасало.

— Знаете, моя милая, когда я не нужна, то обычно сижу здесь. Тут, правда, не очень светло, но за моим столиком для рукоделия, который возле окна, видно достаточно хорошо. Когда девочки свободны, они тоже помогают мне. Матильда и Шарлотта — обе они очень славные. Я вообще могу работать только с людьми воспитанными и веселыми. Нужно, чтобы работа шла весело и чтобы не было историй. Именно поэтому пять дней назад я уволила Югетту. Красивая девочка, надо сказать, а вот беседу вести совсем не может. Зато вы, моя милая, вы, я смотрю, настоящая дама, изысканная... А кстати, как вас звать?

— Мне... мне не хотелось бы говорить этого...

— Глупышка, никто у вас свидетельство о рождении и не требует. Выберите себе имя сами. Чтобы оно было милое, кокетливое... В общем, чтобы оно нравилось. Ладно, здесь

голову ломать не надо. Мы с девочками придумаем такое имя, что будет вам впору, как перчатка.

Госпожа Анаис прислушалась. Из другого конца коридора донесся смех.

— Матильда и Шарлотта, — сказала она, — сейчас занимаются с господином Адольфом, это один из лучших наших клиентов. Он коммивояжер, много зарабатывает... и такой забавный. Почти все наши посетители — люди приличные. Вам наверняка понравится у меня. А теперь выпьем чего-нибудь за ваш приход. Что вы предпочитаете? В моем погребеке есть ликеры на любой вкус. Смотрите.

Из другого шкафа, стоявшего напротив того, куда Северина повесила свое пальто, мадам Анаис вынула несколько бутылок. Северина наугад показала на одну из них, проглотила содержимое рюмки, даже не почувствовав вкуса, тогда как госпожа Анаис растягивала удовольствие и долго вдыхала аромат анисового ликера. Когда же она наконец выпила его, то сообщила:

— Пока мы будем называть вас Дневной Красавицей. Вы не против? Нет? Вы вообще покладистая. Правда, немножко робкая, но это вполне естественно. Главное, значит, уходить в пять часов. Так ведь? А остальное устраивает... Вы его любите? (Северина слегка подалась назад.) О, я не настаиваю, выпытывать секреты я не собираюсь. Скоро вы сами захотите ими со мной поделиться. Я ведь не начальница, а товарищ, настоящий друг. Я понимаю жизнь... Разумеется, мое место мне нравится больше, чем ваше, но тут уж ничего не поделаешь — это общество создавали не мы с вами. Ну поцелуйте же меня, моя милая Дневная Красавица.

Хотя в голосе госпожи Анаис звучало искреннее дружелюбие, Северина вдруг резко отстранилась от нее. Нахмутив брови, напрягшись и сильно побледнев, она повернула голову в сторону комнаты, откуда несколько минут назад доносились взрывы смеха. Теперь там царило молчание, нарушаемое приглушенными звуками. Северине показалось, что под эти звуки начинает подстраиваться биение ее сердца. Она пристально посмотрела на госпожу Анаис, и в глазах ее отразилась животная тоска. На лице госпожи Анаис появилось что-то похожее на смущение. Она тоже повернулась в сторону комнаты, которой добросовестно торговала, потом ее глаза встретились с глазами Северины. Женщины обменялись понимающим взглядом, о котором всегда впоследствии сожалеют, потому что он выдает слишком глубоко спрятанную истину.

— Ну полно, полно, — сказала наконец госпожа Анаис, тряхнув белокурыми локонами. — Я же вам только что сказала — это общество создавали не мы с вами.

Они услышали немного хриловатый, но жизнерадостный голос:

— Хозяйка, хозяйка, вы нам нужны.

— Наверняка Шарлотте захотелось пить, — сказала госпожа Анаис.

Она вышла с ободряющей улыбкой на устах.

Как только Северина осталась в комнате одна, все тело ее напряглось, а в голосе лихорадочно заметались мысли. Бежать... бежать... Нет, сейчас она убежит... Она больше ни минуты не может оставаться здесь... Ей никак не удавалось увязать свое присутствие в этом месте с чем-нибудь реальным, возможным. Она забыла про кочегара с баржи, про Пьера, про госпожу Анаис. Она не знала, какая цепь событий привела ее сюда, и эта тайна наполняла ее безумным желанием свободы. Однако Северина не шелухнулась.

Из комнаты голос мужчины с упреком произнес:

— Новенькая, а вы ее еще не привели. Нехорошо.

Затем вошла госпожа Анаис, взяла Северину за руку и увлекла за собой.

— А вот и Дневная Красавица! — воскликнула молодая женщина с черными как смоль волосами.

Северина оказалась в той самой комнате, которую утром ей уже показывала госпожа Анаис. Теперь она ее не узнала, хотя и не обнаружила в ней ничего такого, что делало бы ее похожей на похотливое логово разврата. В меру помятая постель, висящий на спинке стула жилет, аккуратно поставленные рядышком ботинки — все свидетельствовало о том, что распутство здесь ограничено рамками буржуазной упорядоченности. Да и мужчина в кресле, который, блаженно смеясь, ласкал, словно из чувства долга, груди крупной молодой брюнетки, тоже не соответствовал представлению Северины о завсегдатаях подобных обителей почти мистической, как ей казалось, извращенности.

Мужчина был без пиджака. Широкие подтяжки подчеркивали округлость его брюшка. На жирной и слабой шее сидела лысеющая голова с добродушным самодовольным лицом.

— Привет, моя красивая, — сказал он, помахав слишком маленькими ступнями в ярких носках, — выпей-ка с нами и с нашей старой подругой Анаис бокал шампанского. Разумеется, после того завтрака, который я слопал, водочка пошла бы лучше, но Матильда (он указал на довольно щуплую женщину, которая, сидя на кровати, заканчивала одеваться) хочет шампанского. Она хорошо поработала, а я человек не черствый.

Господин Адольф проводил взглядом госпожу Анаис, которая пошла за вином.

Ее крепкая, хорошо сложенная фигура вызвала у него вздох сожаления.

— Тебе что, хочется еще? — спросила Шарлотта, которую продолжал ласкать коммивояжер.

— Ах, клянусь, хоть вы меня и утомили, но ради нее я бы забыл про усталость.

Матильда ласково заметила:

— Забудь об этом, это нехорошо. Госпожа Анаис слишком приличная. Займись-ка лучше новенькой. А то видишь, она даже не решается сесть.

— Дневная Красавица, миленькая, — сказала госпожа Анаис, возвратившаяся с бутылкой и бокалами, — помогите мне немного с приборами.

— А у нее и в самом деле вид юной девушки, — заметила Шарлотта. — Из-за костюма, наверное, правда же?

Она подошла к Северине и очень приветливо сказала ей на ухо:

— Знаешь, надо носить платья, которые снимаются как рубашки. С этим ты будешь терять уйму времени.

Коммивояжер услышал последнюю фразу.

— Нет, нет, — закричал он, — малышка права. Этот костюм здорово ей идет. Подойди-ка покажись поближе.

Он притянул Северину к себе и прошептал возле ее шеи:

— Тебя, наверное, раздевать — одно удовольствие.

Но тут вмешалась госпожа Анаис, обеспокоенная выражением, внезапно появившимся на лице Северины:

— Дети мои, шампанское станет теплым. За доброе здоровье господина Адольфа!

— Такое и у меня мнение, я его разделяю, — сказал тот.

Северина слегка заколебалась, когда тепловатый и слишком сладкий напиток коснулся ее губ. Она вдруг мысленно увидела молодую женщину с обнаженными плечами — саму себя, сидящую возле красивого нежного мужчины по имени Пьер, и эта женщина выбирает

самое сухое вино, но даже самое холодное вино всегда кажется ей недостаточно холодным. А сейчас Северина чувствовала себя обреченной делать то, что от нее ожидают, и допила свой бокал. Бутылка быстро опустела, за ней — еще одна. Шарлотта долгим поцелуем поцеловала Матильду в губы. Госпожа Анаис без конца заливалась своим добропорядочным смехом. Шутки господина Адольфа претендовали на эффект остроумной непристойности. Молчала одна лишь Северина, которая никак не могла опьянеть. Неожиданно господин Адольф схватил ее за талию и посадил к себе на жирные ляжки. Она увидела совсем рядом его влажные глаза, услышала, как его голос размягченно прошептал:

— Дневная Красавица, теперь твой черед. Мы будем вместе счастливы.

И снова выражение лица Северины стало таким, каким ему не следовало бы быть в доме на улице Вирен, и снова госпожа Анаис предотвратила вспышку гнева, который женщина по прозвищу Дневная Красавица не могла позволить. Она отвела Адольфа в сторону и сказала ему:

— Я сейчас уведу на минуту Дневную Красавицу, но потом не будь с ней слишком резким, а то она совсем новенькая.

— У тебя?

— Не только у меня, но и вообще. Она никогда не работала в домах.

— Значит, я буду первый? Ну спасибо, Анаис.

Северина вновь оказалась в комнате со шкафом и столиком для рукоделия.

— Ну что, моя маленькая, думаю, вы довольны, — проговорила госпожа Анаис. — Не успели войти, как вас уже выбрали. И потом — мужчина щедрый, воспитанный. Не волнуйтесь, господин Адольф не слишком требовательный. Просто будьте покладистой, и пусть он сам занимается вами — ему больше ничего и не надо. Туалетная комната налево, но входите одетой; вот так, как есть. Он приметил вас благодаря вашему английскому костюму. И будьте немного поулыбчивей. Нужно, чтобы они всегда думали, что женщине хочется так же, как и им.

Северина, казалось, не слышала ее. Втянув голову в плечи, она дышала с трудом. Этот прерывистый шум был теперь у нее единственным проявлением жизни. Госпожа Анаис мягким, но решительным жестом подтолкнула ее к двери.

— Нет, — сказала вдруг Северина, — нет, это бесполезно. Я не пойду.

— Э, милая моя, вы что это, вы где, по-вашему, находитесь?

Хотя чувствительность Северины была притуплена, она содрогнулась всем телом. Она никогда бы не подумала, что в любезном голосе госпожи Анаис может прозвучать такая твердость и что ее ясное лицо вдруг может стать таким властным, даже жестоким. Но дрожь, пробежавшая по телу Северины, возникла не от страха и не от негодования, а из-за нового ощущения, примитивного и восхитительного, которое пронзило ее всю до кончиков пальцев. Она всегда жила со спокойной гордостью в душе, что никто и никогда не смеет ее ни в чем ущемить. И вот только что содержательница борделя прикрикнула на нее, словно на какую-то провинившуюся служанку.

Но Северина, чтобы испытать до самого дна сильнодействующий напиток унижения, повиновалась.

Господин Адольф этот короткий промежуток времени даром не терял. Он сложил свои брюки и артистично расположил подтяжки на круглом столике. За этим занятием Дневная Красавица его и застала. Увидев коммивояжера в длинных пестрых трусах, она столь явно попятилась назад, что господин Адольф поспешил встать между нею и дверью.

— А ты, милочка, и в самом деле дикарка, — сказал он с удовлетворением. — Но видишь, я умею жить, я выпроводил остальных. Вдвоем у нас будет больше задушевности.

Коммивояжер подошел к Северине, и она увидела, что он ниже ее ростом. Господин Адольф взял ее за подбородок и спросил:

— Так, значит, это правда, что ты впервые делаешь это не с возлюбленным? Что, денежки понадобились? Нет? Ты хорошо одета, но это еще ни о чем не говорит. Тогда... может быть... мы любим немножечко порок?..

Отвращение Северины было таким сильным, что она вынуждена была отвернуться, чтобы не поддаться искушению и не ударить что есть силы по этому чересчур бледному лицу.

— Ты стыдишься, подумать только, ты стыдишься, — шептал господин Адольф, — но ты получишь удовольствие, вот увидишь.

Он хотел снять с Северины жакет, но она резким движением увернулась от него.

— Это и в самом деле не липа! — воскликнул господин Адольф. — Ты возбуждаешь меня, милая, ты возбуждаешь меня.

Он попытался было обнять Северину, но удар в грудь заставил его отступить. На какую-то долю секунды он опешил, но желание раздосадованного мужчины, который платит, произвело в нем перемену. Он схватил женщину за запястье и, приблизив к ней побледневшее от ярости лицо, выговорил:

— Ты уж часом не сумасшедшая ли, а? Я люблю немного пошутить с потаскушками вроде тебя, но это уж слишком.

И в этот момент жуткое сладострастие, подобное тому, которое она ощутила несколько минут назад, но только еще более жгучее, лишило Северину всякой силы к сопротивлению...

Она выскочила из дома, едва успев привести в порядок одежду, не слушая обвинений и упреков госпожи Анаис. Удовольствие от испытанного ею унижения мигом рассеялось, как только к ней прикоснулся тот, кто вызвал его. Господин Адольф взял ее лишенной признаков жизни.

Северина бежала по влажным сумеречным набережным, по шумным широким улицам, которые она не узнавала, по площадям, громадным, как ее отчаяние, заполненным кишашими гусеницами, столь же бесчисленными, как и те, что терзали ее мозг, бежала прочь от улицы Вирен, от господина Адольфа, от того, что натворила, и, главное, от того, что ей еще предстояло сделать.

Она не хотела больше думать об этом — настолько ей казалось недопустимой сама мысль, что вот сейчас она возвратится к себе домой и найдет там все на своих местах. Она шагала все быстрее и быстрее, не думая о направлении, словно важно было лишь количество сделанных шагов, словно она хотела увеличить все труднее преодолеваемое пространство между нею и ее квартирой. Так она шла, то пробираясь сквозь плотную толпу, то плутая по безлюдным переулкам, как затравленный зверь, бегом своим пытающийся унять боль в ранах. Наконец усталость остановила ее. Она прислонилась к какой-то стене, спрятавшись в тени. И тут ее сознание опять наполнили удручающие картины. Снова пытаясь освободиться от них, она зашагала дальше. На этот раз изнеможение одолело ее очень быстро. И тогда она предалась воспоминаниям о прожитом дне. Северина все перебирала и перебирала их, так как они по крайней мере защищали ее от необходимости принять какое-то решение.

Но мало-помалу они перестали заполнять ее сознание. Фантастическими пятнами у нее перед глазами проплыли подъезд дома, взгляд консьержа, улыбка горничной, зеркала,

отражающие лицо, зацелованное воспаленными губами господина Адольфа. Немедленно бежать назад, к госпоже Анаис, и попросить у нее приюта на всю жизнь, на все ночи и дни.

— Дневная Красавица... Дневная Красавица, — произнесла Северина.

Разве это имя давало ей право возвращаться домой?

Внезапно она устремилась к автомобилю с медленно мигающими лампочками и прокричала шоферу свой адрес, добавив:

— Быстро, быстро. Речь идет о моей жизни.

Наконец она сумела уяснить главную причину своей тревоги. Как она ни пыталась заслониться от образа Пьера, он все же проник в ее сознание, и Северина поняла, что для нее сейчас не имеют значения ни унижения, ни страх, что главное — обязательно вернуться домой раньше Пьера и сделать так, чтобы он не страдал.

— Начало седьмого, — прошептала она с дрожью, входя в свою комнату. — В моем распоряжении всего полчаса.

Она стремительно сбросила с себя всю одежду, несколько раз вымыла все тело, до боли растирая его. Она была бы рада сменить кожу.

Что касается верхней одежды и белья, то она с трудом устояла перед искушением развести огонь и сжечь их, как после какого-то преступления.

Пьер увидел жену уже в пеньюаре. Когда он обнял ее, Северина, похолодев от ужаса, вспомнила:

— Волосы, я же совсем забыла про них.

Она была уверена, что от них исходит запах, узнаваемый среди сотен других, запах улицы Вирен, и была удивлена, когда Пьер сказал ей своим обычным голосом:

— Ты уже почти готова, милая. Я тоже сейчас потороплюсь.

Северина вспомнила, что за ними вот-вот должны приехать друзья, чтобы вместе поужинать, а потом отправиться в театр. На какой-то миг она даже обрадовалась этому, но тут же поняла, что ей претит мысль о возвращении вместе с Пьером, мысль о той прелестной полуночной нежности, которая крепко соединяла их, когда они оставались одни.

— Я себя не очень хорошо чувствую, дорогой, — поколебавшись, сказала она. — Думаю, сегодня утром в сквере я слегка простудилась. Я предпочла бы остаться дома, а тебе стоило бы съездить... Пожалуйста, поезжай, милый. Вернуа очень любезны с нами. Да и пьесу тебе хочется посмотреть. Ты сам говорил, и мне было бы жаль, если бы ты из-за меня отказался от спектакля.

Ночь была для Северины долгим и жестоким испытанием. Несмотря на бесконечную физическую и душевную усталость, она не могла заснуть. Она боялась возвращения Пьера. Пока он еще ничего не заметил, но где уверенность, что, когда перед сном он войдет к ней в комнату (а он всегда так делал), чудо продлится и дальше. Ведь не может же быть, чтобы на ней, в ней, около нее не осталось ни единого следа от этого чудовищного дня. Не раз Северина резко вскакивала с кровати и смотрела в зеркало, пытаясь обнаружить на лице какие-нибудь изменения. В таком маниакальном самоистязании проходили часы.

Наконец Северина услышала, как открылась дверь комнаты. Она притворилась, что спит, но все мускулы ее были так напряжены, что, если бы Пьер подошел к ней, притворство тут же обнаружилось бы. Он побоялся разбудить ее и бесшумно удалился. Первой реакцией Северины было мрачное изумление. Неужели это так просто — скрыть столь невероятное потрясение от человека, который знает ее лучше, чем кто бы то ни был? Она не стала задерживаться на этой мысли, которая, поначалу успокоив ее, почти одновременно стала

причинять боль. Должно быть, это всего лишь отсрочка, даруемая темнотой. Кара настигнет ее, как только наступит день. Взглянув на нее завтра, Пьер наверняка все поймет.

— И тогда, тогда... — стонала она, садясь и опираясь спиной на смятые подушки, как больная, которой не хватает воздуха.

Неспособная различить, от какой боли она будет страдать больше, — от той, что ощутит сама, или от той, что причинит Пьеру, — Северина закрыла глаза, словно темнота в комнате была недостаточной, чтобы скрыть ее отчаяние.

Это чередование ужаса и бессилия сделало Северину почти бесчувственной: вскоре у нее не осталось больше ни стыда, ни сожаления. Она просто стала ждать утра и приговора. Утро настало, но ничего не произошло. Северина снова сделала вид, что спит, и Пьер опять поверил.

Однако время шло, и свет наступившего дня заронил в душу Северины искорку надежды. Она еще до конца не верила в возможность избежать разоблачения, но у нее возникло желание постоять за себя. Целое утро она без передышки названивала по телефону, приглашая к себе гостей и сама напрашиваясь на обеды и ужины, договариваясь о встречах в разное время дня и стремясь занять хотя бы часть своих ночей. Прочитав свои записки, она облегченно вздохнула. В течение всей недели у нее не будет ни единой минуты, чтобы побыть с мужем наедине.

Пьер скорее всего удивился такой неистовой жажде развлечений, но Северина, как бы прося прощения, бросила на него такой жалобный взгляд, что он, не зная, чему приписать эту горячую мольбу, был потрясен и обезоружен ею. Теперь они возвращались домой только тогда, когда Северина, вконец обессиленная, едва не засыпала на банкетке в ночном ресторане. Дома она тотчас проваливалась в тяжелый сон и спала так долго, что утром это позволяло ей избежать встречи с Пьером. День съедался тысячами возложенных ею на себя обязанностей. Ну а вечером повторялись те же суета и усталость, что и накануне. Постепенно Северине удалось притупить свои страхи, и даже воспоминания она стала принимать менее болезненно. Водоворот событий бесконечно удалял, стирал в почти нереальную пыль тот день, когда она посетила дом на улице Вирен. Она надеялась, что скоро у нее исчезнет необходимость постоянно воздвигать преграды между собой и Пьером.

И тут с Севериной произошло то, чего редко удается избежать людям, которых ведет по жизни слишком сильный инстинкт. Как игрок, подавленный на время крупным проигрышем, начинает, оправившись от шока, снова мечтать об обитом зеленым сукном столе, снова стремится увидеть знакомые лица, держать в руках карты, слышать привычный игорный жаргон; как любитель приключений, решивший немного отдохнуть от опасностей, вдруг вновь поддается искушению одиночества, борьбы и необъятных пространств; как курильщик опия, вроде бы освободившийся от своей мании, вдруг со сладким ужасом опять ощущает вокруг себя запах дымящегося наркотика, так и Северина незаметно оказалась окруженной воспоминаниями об улице Вирен. Подобно всем своим братьям по запретным желаниям, она думала даже не столько об удовлетворении желания, сколько о прелюдии этого удовлетворения, о подступах к нему.

Лицо госпожи Анаис, прекрасные груди Шарлотты, двусмысленная атмосфера покорности, царящая там, сам запах квартиры, который, как Северине казалось, она принесла в своих волосах домой, — все это неотступно преследовало ее плотскую память. Сначала эти воспоминания заставляли ее содрогаться от отвращения, потом она примирилась с ними и, наконец, стала получать от них удовольствие. Присутствие Пьера и

щмящая любовь к нему несколько дней оберегали ее. Однако судьба Северины была отмечена особой печатью, и написанное на роду не могло не сбыться.

Глава 6

Госпожа Анаис, проводив очередного клиента, предалась размышлениям насколько верны ее наблюдения. Шарлотте с Матильдой нужно было подыскать подругу. Какими бы приятными они ни были, дому не доставало разнообразия. Кроме того, такое расточительство — пустующая комната. И все же госпожа Анаис не торопилась с поиском замены Дневной Красавице. Та очень подходила ей и своим воспитанием, и своей сдержанностью. А может быть, госпожа Анаис никак не могла забыть тот взгляд, который на какой-то миг соединил их.

Шарлотта и Матильда лежали на постели голые и отдыхали. Волосы Матильды были светлее плеча, на котором они разметались, и Шарлотта нежно поглаживала их.

— Я помешала вам, дети мои, — сказала госпожа Анаис, — но мне нужно поговорить с вами о делах. Нет ли у вас кого на примете для работы у меня?

Первой ответила Матильда, как всегда, в своей боязливой манере, словно чувствовала за собой какую-то вину, неведомую ей самой, но, вероятно, известную другим.

— Вы же знаете, мадам, я ни с кем не вижусь. Вся моя жизнь проходит только здесь и дома.

— А у вас, Шарлотта? Может, среди ваших прежних подруг?

— Мне это не совсем удобно. Когда я уходила из прежнего заведения, то сказала, что меня берут на содержание. Так что если я вдруг встречу с кем-то из них, то, разумеется, от своих слов отрекаться не буду.

Госпожа Анаис вздохнула, чтобы показать, что стыдится своей слабости, и спросила:

— Я все думаю... Дневная Красавица... Может быть, она еще вернется... Вы как считаете?

— Э нет, дудки! — чувственно потянулась Шарлотта.

Госпожа Анаис направилась было к двери, но Матильда остановила ее. Это было существо пассивное и романтическое, она обожала беседы, дающие пищу для размышления.

— Я сразу тогда подумала, что мы ее больше не увидим, — сказала она. — Думаю, это женщина не нашего круга. У нее есть какая-то тайна.

— Тайна! Тайна! — вскричала Шарлотта. — Тебе везде мерещится кино. У нее кто-то был. Потом бросил ее, а она нашла себе другого — вот и все.

— То, что ты говоришь, не вяжется с тем, что мы о ней знаем. Она сказала, что ей нужно уходить в пять часов, значит, кто-то у нее тогда был. Нет, какая-то тайна у этой женщины все-таки есть.

Госпожа Анаис внимательно слушала разговор. Эта тема обсуждалась каждый день почти в одних и тех же выражениях, но госпожа Анаис надеялась, что какая-нибудь новая, брошенная наугад фраза даст ей наконец более или менее приемлемое объяснение. Она медленно проговорила:

— Сама я тоже не могу сказать ничего определенного, но думаю, что вы обе не правы... Потому что... Дневная Красавица вернется.

Этому предчувствию суждено было сбыться несколько минут спустя: первым человеком, который позвонил в дверь, была Северина.

— А, это вы, — произнесла госпожа Анаис своим самым спокойным, но одновременно

и самым холодным тоном, — и по какому поводу?

Капельки пота, дрожавшие на висках Северины, свидетельствовали об усилии, какое ей пришлось приложить, чтобы удовлетворить преследовавшую ее отвратительную и разрушительную потребность. Усилие это было так огромно, что, позвонив в дверь, она растратила весь запас энергии и уже больше ничего не желала. Однако когда она увидела, как ее встречает госпожа Анаис, от ее апатии не осталось и следа. Неужели ей откажут в комнате, о которой она мечтала, словно о каком-то рае? Где же ей еще утолить этот голод, который, как ей казалось, уже угас, но который пробудился вновь, еще более неутолимый, чем прежде?

— Я хотела... хотела узнать, — прошептала Северина, — не могла бы я...

— Опять вернуться на свое место? И потом снова исчезнуть на столько, на сколько вам заблагорассудится, даже не давая о себе знать? Нет, моя милая, мне не нужна любительская работа. Для этого есть улица.

Чего бы только ни сделала сейчас гордая Северина, чтобы вновь увидеть приветливое выражение на лице у госпожи Анаис. Все ее тело умоляло, упрашивало не отправлять ее на поиски другого пристанища. Этот дом она уже знала, здесь она уже оставила, как в мягкой грязи, свой след.

— Прошу вас... ну прошу вас... — пробормотала она. Госпожа Анаис подтолкнула ее в комнату отдыха и откровений и сказала:

— Можете считать, что вам повезло, поскольку вы имеете дело со мной. Другая на моем месте выставила бы вас за дверь, но вы мне симпатичны, я вам в некотором роде прихожусь крестной матерью, и вы этим пользуетесь.

Она смотрела на Северину с наигранной нежностью.

— Ну скажите, милая моя Дневная Красавица, — спросила она, — разве с вами тут плохо обращались? Разве вы не чувствовали себя здесь как у себя дома?

Северина, еще не в состоянии произнести ни слова в ответ, с пугливой улыбкой кивнула головой. И в самом деле, когда она увидела столик для рукоделия, он ей показался каким-то привычным, родным.

— Можно? — спросила она, поднося руку к шляпе.

Не дожидаясь разрешения госпожи Анаис, она положила шляпу в стенной шкаф. Только после этого лицо ее приняло спокойное выражение.

— Разумеется, — отчетливо произнесла госпожа Анаис, — но при условии, что вернулись вы для того, чтобы работать серьезно.

Тут Северина сделала последнюю попытку сохранить что-нибудь от своей свободы.

— Да, да, но только не каждый день, а через день, — смиренно попросила она. — Уверяю вас, я не могу...

— Согласна, — проговорила госпожа Анаис, сделав небольшую, но многозначительную паузу. — Очень скоро вы сами попроситесь приходите каждый день.

Затем неожиданно радостным голосом, так, что Северина даже вздрогнула, позвала:

— Шарлотта! Матильда! Дневная Красавица пришла.

Обе подруги тут же прибежали, голые и недоверчивые.

На их лицах было написано изумление, а Северина при виде их почувствовала, как у нее задрожали колени. Эти раздетые тела, одно возле другого, бесстыдно разные по колориту, наполнили ее сознание какой-то необыкновенно приятной истомой.

Она ласково, будто с сожалением спросила:

— Вы не простудитесь?

— Мы привыкли, — ответила Шарлотта. — Не говоря уж о том, что в квартире еще и топят. На этом госпожа Анаис не экономит.

Двусмысленная улыбка обнажила ее ослепительно белые зубы, и она добавила:

— Попробуй, сама убедишься. Ощущение бесподобное, правда же, Матильда?

И вот она уже начала раздевать Северину, которая не оказывала никакого сопротивления. Когда проворные теплые руки сняли с нее всю одежду, взор ее затуманился от смущения.

И тут в комнате воцарилось молчание. Несмотря на немалый профессиональный опыт окружающих Северину женщин, они испытали в этот момент какое-то странное волнение, даже как бы застеснялись. В ее тонком, здоровом и крепком теле чувствовалась какая-то необыкновенная чистота и настоящая порода.

Госпожа Анаис спохватилась первой. Гордость за свой дом была в ней столь же сильна, как и заинтересованность в доходе, а тут удовлетворенными оказались оба чувства.

— Лучшей фигуры просто не бывает, — почтительно заметила она.

Шарлотта запечатлела горячий поцелуй на плече Северины, и в этот момент зазвенел звонок. Северина побледнела, но посетитель оказался поклонником Шарлотты.

— Раз уж вы хотите чувствовать себя здесь как дома, — сказала госпожа Анаис, — Матильда покажет вам вашу комнату. А у меня есть дела. Если позвонят, не забудьте надеть платье. Выглядеть надо прилично.

Комната, предназначенная для Дневной Красавицы, была меньше той, где она оставалась с господином Адольфом, но во всем остальном ничем от нее не отличалась: те же темные бумажные обои на стенах, те же темно-красные, почти черные гардины, кресло, покрывало на постели и те же предметы туалета за ширмой.

— Уже пора зажигать свет, — прошептала Северина.

Однако она не стала этого делать и подошла к окну. Улица Вирен была серой, узенькой, но по ней ходили туда-сюда свободные мужчины и женщины. Матильда, подошедшая к окну вслед за Севериной, тоже посмотрела на прохожих и робко спросила:

— Вы тоскуете здесь, мадам Дневная Красавица?

Северина обернулась, словно захваченная врасплох. Она забыла о присутствии Матильды, сейчас этот нерешительный голос, эта тень, чуть более светлая, чем полумрак комнаты, и такая неподвижная, что даже не чувствовалась нагота девушки, почему-то наполнили ее душу бесконечной печалью.

— О! Я не спрашиваю вас о причине, — быстро добавила Матильда, неверно истолковав движение Северины. — У каждого свои секреты, ведь правда? Я не говорю о себе, потому что я, понимаете... потому что Люсьен, мой муж, он обо всем знает. Это не моя вина и не его. Он болен, ему нужно жить в деревне. Что ж тут поделаешь?

Не дождавшись ответа, который позволил бы ей продолжить разговор, она прошептала:

— Вы меня простите, я своими историями, наверное, нагоняю на вас тоску. Госпожа Анаис и Шарлотта правы, потребность все высказать... Делиться с вами — это еще ничего, а вот с клиентами...

«Ей хочется, чтобы кто-нибудь объяснил, почему она принадлежит всем, когда любит одного-единственного», — рассеянно подумала Северина. История Матильды ее нисколько не интересовала. Это жалкое существование легко вписывалось в законы плохо отлаженного мира. Вот кто бы ей самой объяснил, почему она, такая богатая, у которой есть Пьер,

находится в этом месте.

— А Шарлотта? — резко спросила Северина.

— О, она совсем другое дело. Она была манекенщицей, поэтому ей было не так трудно освоиться здесь. И потом ей нравится делать это почти с каждым, даже со мной. А мне это неприятно, но я не умею перечить. Так что приходится делать то, что она хочет.

Матильда немного помолчала, потом неуверенно сказала:

— Знаете, мадам Дневная Красавица, мне вас жалко. Я ведь видела в прошлый раз...

До вечера было далеко, но в комнате уже царил полумрак и все красные пятна обивки казались черными, как ночью. В этой темноте Матильда не могла видеть, как бешеный гнев исказил черты Северины, но полный злости голос заставил ее вздрогнуть.

— Убирайтесь, — проговорила Северина, — немедленно... Вы не имеете права.

Собрав всю свою волю, Северина не позволила себе разрыдаться. Неожиданно она прижала к себе Матильду и повелительным тоном сказала:

— Не обращай внимания... Я немного ненормальная. И раз у нас есть время, покажи мне, как это вы делаете с Шарлоттой.

«Зачем? Ну зачем? — то и дело повторяла Северина, стиснув зубы так сильно, что они не разжались даже от тряски в такси, которое везло ее домой. — Зачем вся эта проституция, которая мне совершенно не в радость?» Она с отвращением вспомнила пассивные движения Матильды, слезы этой несчастной, ее преклонение перед Севериной, которое ей было в тягость и доводило ее просто до иступления. Предоставленная затем в распоряжение пожилому мужчине, она даже не почувствовала той дрожи унижения, которая заставила ее принять ласки господина Адольфа. Правда, в тот момент, когда госпожа Анаис делила с ней ничтожную плату за ее тело, удовольствие, которому Северина даже не пыталась найти название, все же слегка коснулось ее. Но не слишком ли ничтожная награда в сравнении со взглядом Пьера, навстречу которому она ехала?

На этот раз Северина уже не пыталась уйти от этого опасного испытания, не бросилась в паническое бегство. Ею теперь управлял опыт, полученный в первый раз. Но ужас был все так же велик. По мере приближения к дому он овладевал ею все больше и больше. Однако даже это испытание страхом Северина предпочитала попыткам анализировать свою абсурдную, чудовищную, неразрешимую извращенность: она бы сошла с ума, если бы продолжила это безысходное дознание. Сейчас ей предстояло защищать свое единственное достояние, и она полагала, что знает, как это сделать.

Выйдя из ванной, Северина оделась. Она не привыкла притворяться, да и характер ее был мало приспособлен к этому, но инстинкт самосохранения подсказывал ей, что вторично уже не следует прибегать к однажды уже использованному средству. Поэтому она не стала предлагать Пьеру куда-нибудь поехать и у нее хватило сил оставаться естественной до самого ужина. Но как она ни старалась, кусок не лез ей в горло. Пьер расспрашивал ее о чем-то своим любящим голосом, который действовал на нее, как сильный раздражитель. Она отвечала невпопад. Она была еще слишком неискушенной в несправедности, чтобы с блеском сыграть избранную роль, и в то же время уже слишком хорошо все понимала, чтобы положиться на свою животную интуицию, как она делала это двумя неделями раньше. Во всех ее словах и жестах видны были замешательство и поспешность человека, чувствующего за собой вину.

На лице Пьера застыло выражение смутного беспокойства. Назвать это настоящей

тревогой было бы нельзя, но во всем его поведении появилась настороженность, близкая к подозрению. Заметив это, Северина разволновалась еще больше. К счастью, ужин уже закончился.

— Ты будешь работать? — спросила она Пьера.

— Да, приходи, — нервно ответил он.

Северина совсем забыла, что, когда Пьер писал какую-нибудь статью, она обычно устраивалась с книгой у него в кабинете. Это вошло в привычку с тех пор, когда она решила, что будет уделять мужу больше внимания.

Воспоминание о том раннем утре, полном таких прекрасных и таких чистых обещаний, подействовало на Северину удручающе, но нарушить традицию она не осмелилась. Едва оказавшись в кресле, в котором она обычно сидела, Северина поняла, что даже неудачный предлог, которым она могла воспользоваться, чтобы остаться одной, был бы лучше этой фальшивой интимности. Строгая обстановка комнаты, благородная атмосфера библиотеки, приглушенный свет, серьезное лицо Пьера — как вынести эту очную ставку с приблизившимися, бросившимися ее осаждать образами улицы Вирен? Замешательство, в котором барахталась Северина, было столь ужасным, что она даже не замечала взглядов, которые время от времени бросал на нее муж. Вдруг она услышала, как он поднимается из-за стола. Она поспешно уткнулась глазами в книгу и побледнела. Страницы оказались перевернутыми вверх ногами, и изменить что-либо было уже поздно. Пьер сделал вид, что ничего не заметил, и освободил Северину от лишних объяснений.

— Тебе хочется помечтать в одиночку, — сказал он. — Иди лучше спать.

Никогда еще Северина не замечала в нем этой властности. С боязливой покорностью она встала.

Пьер выждал некоторое время, чтобы справиться с голосом, и спросил:

— Разве ты не поцелуешь меня перед сном?

Эти слова окончательно уничтожили Северину. Она, конечно, и сама хотела, чтобы что-нибудь помешало Пьеру вопреки обыкновению прийти посмотреть, спит ли она, но он не пришел и так. Значит, он о чем-то догадывается, значит, он, может быть, уже знает, что...

Северина рухнула на кровать и впилась зубами в подушку, чтобы сдержать вой, готовый вот-вот вырваться из горла. Потом все ее существо наполнила страстная мольба, огромная, как ее отчаяние, чтобы ей еще раз, в самый последний раз удалось ускользнуть от опасности, и тогда она навсегда прекратит эти гнусные, эти безумные опыты.

Порыв был столь живым, столь всепоглощающим, что он успокоил ее.

Она начала раздеваться. И тут, по мере того как она снимала с себя одежду, в ее памяти стали возникать, шевелиться смутные линии двух тел. Удовольствие, которое она получила от этого, было поначалу прозрачно чистым. Оно замутилось, когда Северина узнала бесстыдство Матильды и Шарлотты. Она недолго думала, но этого оказалось достаточно, чтобы Северина поняла, что тот обет, с помощью которого она пытается переломить судьбу, невыполним. Она никак не хотела согласиться с этим, и, чтобы избежать угрожающего ее рассудку диалога с собой, чтобы не броситься в конце концов к Пьеру и не признаться ему во всем, проглотила снотворное, которым пользовалась еще во время болезни.

После лекарства ее сон был крепким, но недолгим. Северина проснулась с восходом солнца. Болела голова. Мысли ее напоминали прелые листья, перекатываемые ветром с места на место. Когда она немного пришла в себя, борясь со своей тяжелой расслабленностью, в комнату вошел Пьер. При его появлении, как раз в тот момент, когда к

ней стало возвращаться понимание происшедшего, глаза Северины расширились от ужаса, словно ей только что вынесли приговор. Этот взгляд рассеял колебания Пьера, и он решился на разговор.

— Северина, так больше не может продолжаться, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты боялась меня.

Она все так же пристально, не мигая смотрела на него. Он продолжил немного быстрее:

— Ты слишком искренняя, чтобы играть в эту игру. Что с тобой, милая? Ты можешь сказать мне все. Ничто не может причинить мне больше страданий, чем твоё поведение в последнее время. Пощади, откройся мне... Ты не хочешь довериться мне, а ведь я хочу помочь тебе... Послушай... может быть, — видишь, я разговариваю с тобой так же нежно, как и всегда, хотя и не спал ночь, размышляя об этом, — может быть, ты полюбила другого? Ты не изменяешь мне, я уверен в этом. Кстати, какое неподходящее для нас слово, но, может быть, тебя влечет к другому, ты страдаешь и...

Взрыв пронзительного, как-то странно прозвучавшего смеха остановил его. Потом последовали отчаянные протесты Северины.

— К другому!.. И ты мог... Я люблю тебя и не смогла бы любить никого, кроме тебя, мой милый, жизнь моя... Я твоя... Разве у меня не могут расшалиться нервы?.. Да я готова умереть за твоё счастье...

Теперь во взгляде Северины уже не было растерянности. Влажный и сияющий, он светился таким смиренным обожанием, что Пьер больше не сомневался в своей ошибке. И все показалось ему удивительно простым. Северина была права. Ведь недавно она была буквально на волоске от смерти, и такое испытание не могло пройти бесследно для её организма. Он был просто глуп и теперь чувствовал себя счастливым.

— Мне следовало бы всегда помнить выражение твоего лица, когда ты ждала меня у подъезда больницы, — проговорил он.

Северина возбужденно прервала его:

— Я буду ждать тебя там каждый день, вот увидишь... и даже... погоди... я через минуту оденусь и провожу тебя.

Ему не удалось убедить её отказаться от намерения проводить его и от решения постоянно приходить ждать его у больницы. Она дошла с ним также и до той клиники, где он оперировал ежедневно после обеда. А когда рабочий день Пьера закончился, она уже встречала его в комнате ожидания.

Северине хотелось бы превратиться в служанку Пьера, но при этом она не смогла решиться принять его в постели, когда он, тронутый таким её пылом, сказал ей о своём желании.

Плотское влечение придало лицу Пьера какую-то красивую суровость, но, лежа ночью без сна, Северина почему-то невольно переносила это вождение мужа на гнусные физиономии, мелькавшие на фоне подозрительных декораций из темных обоев и красных пятен, которые превращались в пятна ночи. Сейчас у неё не было желания видеть их, но она знала, что очень скоро снова ощутит эту безудержную потребность. Если она не будет соблюдать своих обязательств, то дверь дома госпожи Анаис навсегда захлопнется перед ней. Опасение, что её убогий разврат перестанет получать необходимую пищу, погнало её туда сразу же, как только она попрощалась с Пьером на пороге клиники, до которой она проводила его и в этот день.

С этого времени у Северины началась настоящая интоксикация: привычка стала

преобладать над удовольствием. Отныне на улицу Вирен ее нес уже не прежний неудержимый и бесконтрольный порыв, а какая-то вялая покорность судьбе, где с каждым разом оставалось все меньше и меньше подлинных импульсов. В этот период она уже не испытывала той радости, какая была вначале, но ей было приятно снова и снова приходить в жарко натопленную квартиру, ощущать сомнительный уют своей комнаты. Она без всякой досады, словно колыбельную песню, выслушивала нескончаемые разговоры госпожи Анаис и своих подружек. Она и сама стала участвовать в них. Чтобы удовлетворить любопытство девушек, Северина сочинила себе прошлое, которое в какой-то степени перекликалось с историями Матильды и Шарлотты. У нее был любовник, который соблазнил ее, когда она была девушкой. Она боготворила его, он ее бросил. Теперь ее содержал другой, много хуже прежнего, но она его жалела. Отсюда ее осмотрительность и невозможность задерживаться у госпожи Анаис подольше.

Теперь Дневной Красавице приходилось много работать. Дом жил в основном благодаря постоянным клиентам. И все они набросились на новенькую. Северина терпела оказываемое ей предпочтение без волнения и без удовольствия. Она часто с ностальгией вспоминала свои первые страхи непокорного животного, но теперь даже господину Адольфу, иногда выбиравшему ее, не удавалось их возродить. Она удивлялась, как этот бесцветный человек сумел пробудить в ней такие сильные ощущения.

Ей пришлось учиться всем хитростям ремесла, которым она занималась, даже самым изощренным. Эта учеба, случалось, возмущала ее, вызывала у нее ощущение, как будто она превратилась в некую непристойную машину, и она содрогалась от извращенного унижения. Однако разнузданность плоти имеет свои быстро достигаемые пределы, если нет взаимной страсти, способной раздвинуть их до бесконечности. Северина обнаружила это и вновь перестала что-либо чувствовать. Ее стыдливость поизносилась, страх исчез. Она могла принадлежать мужчине на глазах у других, Шарлотта или Матильда, а то и обе сразу могли подключиться к упражнениям, пикантной привлекательности которых она не понимала, — теперь Северине все было безразлично. И лишь одно сохранилось у нее — вялая дрожь в тот момент, когда госпожа Анаис звала ее, чтобы клиент сделал свой выбор, а она, покорная, шла к нему. Чем она наслаждалась в эту пору — так это своей покорностью.

Временами, когда Северина вспоминала о своей бывшей гордости, ей начинало казаться, что на месте ее осталось незаполненное, пустое пространство. От такого же непонятого душевного вакуума мучился и Пьер. Ему не удавалось вновь обрести ту абсолютную простоту и ту чудесную легкость, которые ему давала некогда близость Северины. Восторг от сознания, что страхи, грозившие разрушить его жизнь, оказались напрасными, некоторое время уберегал его от собственной проницательности.

Однако вскоре Пьера стало удивлять неестественное и затянувшееся смирение жены. Внезапные перемены настроения можно было объяснить расшатанностью нервов, но как понимать эту боязливую и жалобную нежность, эту торопливую готовность услужить, это полное отсутствие интересов у молодой женщины, которая еще месяц назад так привлекала его своим волевым характером и своей настолько естественной гордостью, которая казалась такой же неотъемлемой ее частью, как, например, сердце?

Пьер не мог найти ни одного сколько-нибудь приемлемого ответа на мучившие его вопросы. Он больше не сомневался в любви Северины, мало того, никогда еще его уверенность в ее любви не была такой сильной, но она не приносила ему радости, а только

усиливала беспокойство. Временами ему невольно вспоминался тот день, когда он впервые увидел Северину растерянной: она рассказала ему тогда об истории с Анриеттой... о домах свиданий. Но он тут же отбрасывал эти мысли.

Северина была не из тех, на кого могли подействовать чувственные образы, да еще такого рода. Пьер мучился, каждое утро надеялся вновь увидеть на лице Северины черты властности, которых так недоставало для его счастья, но неизменно видел рядом с собой покорное существо, единственной заботой которого было угождать ему. Северина отдавала себе отчет в том, что любовь ее, вопреки всему, принимает форму рабской покорности, но ничего не могла с собой поделать. Она взирала на Пьера из глубины той ямы, куда упала, и он казался ей недостижимым, это угнетало ее. И в то же время он стал ей еще более дорог. Чувствуя себя страшно постаревшей, она боготворила его молодость и чистоту. Но чем больше она любила его, тем больше мучилась из-за тех страданий, которые сама же и доставляла ему.

Забыть об этой безысходной ситуации Северине удавалось лишь на улице Вирен. Стоило ей переступить порог дома госпожи Анаис, как образ Пьера тут же исчезал. Это был верный признак ее любви к нему. Любовь, обрекавшая ее на невыносимые муки, толкала Северину к госпоже Анаис уже не три раза в неделю, а каждый день.

Ежедневная проституция не приносила ей ничего, кроме усталости и тоски. Дома же ее ожидал Пьер со своими переживаниями. Вконец измученная постоянными потрясениями, Северина не раз мысленно спрашивала себя, возвращаясь домой по ставшей ей родной набережной, как долго еще холодная вода Сены сможет удерживать ее от чуть было не предпринятого однажды шага. Как знать, может быть, речникам в один прекрасный день и пришлось бы извлекать из воды ее окоченевший труп, если бы за свои долгие и неоплатные муки она не получила в конце концов награду.

Вознаграждение пришло к ней однажды вечером, когда Северина, по обыкновению оскверненная и разочарованная, уже готовилась попрощаться с госпожой Анаис.

Она направилась к гардеробу за своей шляпой, и тут в дверь позвонили. По тому, как госпожа Анаис их позвала, обитательницы заведения догадались, что работа будет малоприятной. Они не ошиблись. Ждавший их клиент был пьян. Одетый в блузу, какие носят рабочие Центрального рынка, он поглядывал то на свои грязные башмаки, то на обстановку явно понравившейся ему комнаты. Его крепкие рабочие руки лежали на коленях.

— Вот эту, — сказал он, кивнув головой в сторону Дневной Красавицы, — и стаканчик рома.

Пока он пил ром, Северина раздевалась. Он молча наблюдал за ее движениями. Взял он ее без единого слова. Тело у него было тяжелое. У него вообще все было более плотным, чем у других мужчин. Северина, почувствовав вдруг грубое исступление этого тела, его животное сладострастие, застонала еще неведомым ей стоном. На ней удовлетворялось уже не какое-нибудь мелочное желание, а желание всех тех троих мужчин, погоня за которыми бросила ее в эту постель. Мужчина из тупика, мужчина с неприличным затылком, кочегар с баржи уголяли на ней свою потребность в лице того, кто давил на нее сейчас своей огромной массой, терзая ее узловатыми ручищами. Северину захлестнула такая волна наслаждения, какой она еще не знала. Ее лицо отражало изумление и страх. Она слегка заскрежетала зубами, а потом внезапно на лице у нее появилось такое выражение покоя, блаженства и юной свежести, что любой другой мужчина, добычей которого она стала, был бы потрясен.

А этот положил на ночной столик не раз клеенную и переклеенную купюру и ушел.

Северина еще долго продолжала лежать без движения. Она знала, что ей нужно быстрее уходить, но это ее мало заботило. Ей казалось, что отныне она уже ничего не будет бояться. Она только что обрела такое благо, на которое другие не могут претендовать. Наконец-то она после долгого, жуткого бега достигла цели, и вот теперь оказалось, что финиш является стартом. Ее духовная радость превосходила физическую. Что-то, значит, оправдывало те усилия, которые казались ей отвратительным в своей бесполезности безумием. Она обрела то, что искала вслепую, и все это, полученное ценой ада, наполняло ее какой-то странной, огромной гордостью.

Шарлотта сочувственно спросила ее:

— Тебе было не слишком неприятно с этим животным?

Северина ничего не ответила, лишь заливисто засмеялась. Женщины дома Анаис в изумлении переглянулись. Только теперь они заметили, что до этого Дневная Красавица никогда не смеялась.

Пьеру в тот вечер тоже пришлось удивляться Северине.

— Мы поедем ужинать за город, иди живо лови машину, — приказала она радостным, не допускающим возражения голосом.

Северина не пыталась выявить те элементы, которые лежали в основе ее чувственного откровения. Ей не хотелось исследованием нарушать целостность своего открытия. Она даже не спрашивала себя, каким образом смогла бы засверкать та восхитительная молния, что пронзила ее. Узнав, что эта молния существует, что она хранится у нее в лоне, Северина была уверена, что теперь она будет сверкать всегда. Однако ни одному из тех, кто выбирал Северину в течение последующих дней, не удалось ее зажечь; молодая женщина, нетерпеливая, возбужденная, безуспешно пыталась получить наслаждение, которое, будучи один раз пойманным, вновь бежало от нее.

Северине стало ясно, что для наслаждения ей требуются особые условия, но какие именно, сказать она не могла. Вскоре ей представился случай проанализировать собственные ощущения и разобраться в самой себе.

Однажды в середине дня в заведении госпожи Анаис появился высокий молодой человек со свертком под мышкой.

— Я не расстаюсь с ним, — заявил он тотчас же, — он слишком дорог мне.

У него был очаровательный голос, он весело выговаривал каждый слог, будто впервые открывая для себя, что из них образуются слова, и как бы удивляясь тому, что все они имеют одно значение, хотя вполне могли бы иметь сотню иных.

Подобно большинству женщин, госпожа Анаис недолго любила иронию. Однако его ирония не вызывала у нее подозрений, так как он был бесконечно любезен. Кроме того, молодой человек был строен, широкоплеч, со вкусом одет, а на лице его без труда отражались ум, нежность и какая-то детскость.

— Я приглашаю дам, не так ли? — спросила госпожа Анаис.

— Надеюсь, если быть последовательным. Скажите им, что меня зовут Андре. Я придаю этому большое значение, так как предвижу, что они будут обращаться ко мне на «ты», а дружеское отношение перерастает в близость. Девушки не должны быть уродливыми, ибо я, мадам, не выбирал ваш дом. Я пришел к вам, ткнув пальцем в колонку привлекательных объявлений. Так что меня привел сюда случай. А он никогда не ошибается, и если...

Госпожа Анаис, засмеявшись, прервала его.

— Будь вы менее любезным, я бы немного испугалась вас, — сказала она.

Потом Матильда и Шарлотта долго еще вспоминали время, проведенное вместе с Андре. Разговоры Андре были очаровательно шаловливы. Девушки понимали далеко не все из того, что он говорил, но чувствовали, что он очень умен. И то, что этот молодой человек не смотрит на них только как на машины для получения удовольствия, а щедро делится с ними тем, что, как они догадывались, было у него самого лучшего, трогало их — как-то смутно, но сильно.

Лишь Северина оставалась глуха к этой беседе, хотя единственная из всех была способна постичь и присущую молодому человеку оригинальность воображения, и безукоризненный ход его мысли. Даже Матильда, шокированная такой холодностью, сказала ей на ухо:

— Будьте же немного помягче с этим мальчиком. Такие, как он, нечасто сюда приходят. Андре подумал, что Матильда не осмеливается высказать какое-то пожелание.

— Милые мои подружки, вы у меня ничего не просите. И я этому рад, причем вовсе не из скупости, а из тщеславия. Даже если бы я был богатым человеком, мне все равно не хотелось бы ощущать себя богатым. Но вот сегодня у меня есть немного денег, и я хочу обратить их в вашем обществе в самое дорогое вино.

Госпожа Анаис вопросительно посмотрела на женщин. В их глазах тоже отражалась нерешительность.

— Спасибо, — проговорил Андре с еще большей признательностью. — Но, может быть, вы предпочитаете, чтобы я отнес свои гроши в другое место? Или вы откажетесь обмыть мою первую книгу?

— Ты пишешь книги? — воскликнула Шарлотта недоверчиво, так как она часто спрашивала себя, из какого же теста сделаны люди, чьи имена написаны на обложках книг, выставленных в киосках.

Андре снял с камина свой пакет и развязал его. Там было пять книг с одним и тем же названием.

— Надо же, все верно, — сказала Шарлотта. — Андре Мийе — это ты?

Андре улыбнулся с такой наивной гордостью, что она показалась наигранной.

— Я не знала, — простодушно продолжала Шарлотта. — Ты бы уж тогда дал мне одну книжку.

— Да это... это же первые экземпляры.

— Ну и что, мой милый?

У Андре не хватило духа сказать, что он собирался их продать.

Нежность и искренность, с какими были сказаны эти слова, тронули его. Он протянул Шарлотте один экземпляр. Отдавая книгу, он встретил робкий взгляд Матильды. Устоять перед ним он не смог. После этого у него возникло опасение, как бы госпоже Анаис и Северине не показалось, что он относится к ним с пренебрежением.

Покачав головой, Андре поглядел на единственный оставшийся у него экземпляр, сунул его в карман, а на остальных сделал сердечные надписи всем четырем женщинам.

Подали шампанское. Никогда еще у госпожи Анаис не пили его так радостно и непринужденно.

Однако вот зазвонил звонок. Странное смущение и печаль заставили Шарлотту и Матильду опустить головы.

— Пойду открою, — словно извиняясь, сказала госпожа Анаис.

Андре, удивленный возникшим молчанием, — ибо не в состоянии был понять, какую жестокою милость он оказал этим несчастным душам, — поочередно посмотрел на Матильду, Шарлотту и Северину. Глаза последней, более блестящие, выражали радость избавления.

— Во всяком случае вы останетесь со мной, — сказал Андре.

И тут Дневная Красавица почувствовала, что ничто на свете не заставит ее согласиться на объятия этого молодого человека, милого и чистого.

Тихим голосом, так, что слышал только он один, она прошептала:

— Извините меня, прошу вас.

По выразительному лицу Андре пробежала дрожь. Впоследствии он часто вспоминал эту просьбу, сдержанность которой не вязалась с прозвищем этой женщины и с ее положением. Но в тот момент, услышав ее слова, он едва заметно поклонился и повернулся к Шарлотте. Та страстно обняла его.

— Бедняжка, вам не повезло, — сказала госпожа Анаис Северине. — А я-то готова была биться об заклад, что он выберет вас. Ну да... А теперь вас ждет господин Леон, и у него всего четверть часа.

Дневная Красавица знала господина Леона, всегда торопящегося торговца, который владел небольшим кожевенным заводом неподалеку от улицы Вирен. Северина уже и прежде не раз была объектом его благосклонности и сохранила о нем невеселые воспоминания. Однако на сей раз этот коротышка, пропитанный запахом необработанной кожи, с его жадным стремлением воспользоваться ею за такой короткий промежуток времени, заставил Северину затрепетать от веселой тоски и сладострастного жара в груди, которые она уже отчаялась испытать вновь.

После нескольких мгновений забытья она удалилась в комнату, где обычно сидела госпожа Анаис. Той в комнате не оказалось, и Северина слышала ее смех за перегородкой, откуда доносился и благородный голос Андре. Северина села за столик для рукоделия и, подперев подбородок еще влажными от наслаждения ладонями, прислушивалась к потаенному голосу своего тела.

Когда она вновь обрела способность воспринимать окружающее, лицо ее выражало спокойствие и решительность. Теперь она знала.

Она знала, что отвергла Андре потому, что он принадлежал к тому же классу — физическому и духовному, что и мужчины, окружавшие ее в нормальной жизни, к тому же классу, что и Пьер. С Андре она бы обманула мужа, которого нежно, безмерно любила. Она пришла на улицу Вирен искать не нежности, не доверия, не ласки (этим щедро одаривал ее Пьер), а того, что он не мог ей дать, — восхитительных животных наслаждений.

Элегантность, воспитание, стремление нравиться противоречили чему-то такому в ней, что желало быть сломанным, покоренным, грубо укрощенным, дабы расцвела ее плоть.

Северина не впала в отчаяние, осознав фатальное расхождение между нею и тем, кто был для нее всей жизнью. Напротив, она испытала бесконечное облегчение. После стольких недель мучений, когда она чуть было не сошла с ума, Северина наконец поняла себя, и тот ужасный двойник, который управлял ее поведением, теперь постоянно рассасывался в ней. Сильная и спокойная, она вновь обрела внутреннюю целостность. Коль скоро судьба так распорядилась, что она не могла получать от Пьера то удовольствие, которое доставляли ей грубые незнакомцы, то что она могла поделать? Стоило ли отказываться от наслаждения,

которое у других женщин совпадает с любовью? Выпади ей такое счастье, разве пошла бы она по этому ужасному пути? Кто же может упрекать ее за то, что заложено природой в клетки, из которых она состоит и за которые она не может нести ответственности? Она, как и всякая божья тварь, имеет право познать священные спазмы, которые заставляют весной содрогаться землю влажной дрожью.

Это открытие преобразило Северину или, заставив прекратить жалкие слепые поиски, вернуло ей прежнее лицо. Она вновь обрела уверенность в себе и прежнюю внутреннюю энергию. Она чувствовала себя даже более безмятежно, чем прежде, поскольку ей удалось обнаружить и засыпать ров, наполненный чудовищами и блуждающими болотными огоньками, долгое время являвшийся чем-то вроде ненадежного и опасного фундамента ее жизни.

Да и пояись у Северины хоть малейшее беспокойство при мысли о том пути, на который она сознательно вступила, глаза Пьера, глаза, которых она до последнего времени так боялась, тут же убедили бы ее в том, что она права. Эти глаза с трогательной радостью наблюдали за воскресением Северины, и у них было достаточно времени, чтобы в полной мере насладиться им, так как молодая женщина, соблюдая осторожность, не торопила события. Незаметно, постепенно она отказалась от своего смирения, от своей боязливой бдительности. Каждый день она делала один шаг назад, но только один, не больше. Каждый день она навязывала Пьеру одно свое новое желание, но не более одного. Она ясно видела, что он сгорает от желания повиноваться ей, но чувствовала, что если вдруг резко изменит свое поведение, то разбудит в Пьере новые подозрения и тревогу. А этого она не хотела, как не хотела отказываться и от своих визитов к госпоже Анаис.

Она добивалась равновесия между этими двумя главными полюсами своей жизни, добивалась для себя полноценного существования.

Благодаря великому и стойкому терпению, она достигла этого. Было ли это лицемерием? Все происходило настолько естественно, что Северина не считала свое поведение двуличным. Никогда еще она не чувствовала себя более полно, более непорочно принадлежащей Пьеру, как по возвращении с улицы Вирен, где она оставляла своих злых духов. Два часа, ежедневно проводимые у госпожи Анаис, образовывали непроницаемый, изолированный промежуток времени. В течение этих двух часов Северина просто забывала, кто она такая. Тайна ее тела жила обособленно, вдали от всего остального, подобно тем необычным цветам, что раскрываются на несколько мгновений, а потом возвращаются в состояние девственного покоя.

Вскоре Северина даже перестала замечать, что ведет двойную жизнь. Ей казалось, что жизнь эта была предопределена уже задолго до ее рождения.

Последняя особенность этой привычки заключалась в том, что физически она снова стала женой Пьера. У нее уже не было ощущения, что она отдает мужу недостойную плоть, так как чувствовала, что, проходя путь от улицы Вирен до своего дома, она вся обновляется. В его объятиях она вела себя, как и прежде, по-матерински, поскольку опасалась, как бы каким-нибудь слишком страстным или хотя бы слабым движением не обнаружить перед ним недозволенных знаний Дневной Красавицы.

В первые мгновения, увидев Марсея, Северина едва обратила на него внимание. Он пришел вместе с Ипполитом. Вначале молодую женщину заинтересовал последний. Еще до того, как она вошла в комнату, где находился Ипполит, ее заинтриговала атмосфера тревоги, воцарившаяся в доме с его приходом.

— Будьте понежнее с Ипполитом, — посоветовала госпожа Анаис девушкам, не глядя ни одной из них в глаза.

— Можете быть спокойны, — занервничала Шарлотта. — А я-то думала, что от него уже избавились.

Госпожа Анаис пожала плечами и вздохнула:

— Это человек с причудами. Может быть, мы никогда больше его не увидим, а может, он останется здесь на всю неделю. Словом, будьте с ним любезны, и вы не пожалете.

В коридоре Северина поинтересовалась:

— Кто он?

— Никто не знает, — прошептала Матильда.

— Богатый?

— Скажешь тоже! — воскликнула Шарлотта. — Он никогда не платит.

— Так в чем же дело?

— Все за него улаживает госпожа Анаис. Мы сначала думали, что он был ее любовником, оказалось, что нет. Полагаю, он хаживал к ней когда-то и с тех пор она у него в руках. Хорошо еще, что он бывает нечасто. Два визита за полтора года. Иначе ноги бы моей здесь не было.

— И моей тоже, — сказала Матильда.

Они подошли к двери большой комнаты и остановились в нерешительности. Северина продолжала расспросы:

— Он пылкий? Грубый?

— Этого не скажешь, верно ведь, Матильда? Скорее спокойный и даже не злой. Трудно объяснить почему, но он нагоняет страх.

Северине понадобилось несколько секунд, чтобы разделить мнение подруг. Ипполит оказался верзилой, он был гораздо плотнее, шире в плечах и выше других мужчин. Ничего специфического в его лице вроде бы и не было: жирное, толстое, оно просто выглядело необычно широким. А может быть, причина крылась в сильном контрасте между величественной неподвижностью и дикой животной сущностью, которая заклинивала его челюсти, похожие на капкан для хищных зверей, и превращала его кулаки в две булавы из костей и мяса? Или в особой манере скручивать и заклеивать языком сигарету? Или, наконец, в крошечной золотой сережке, которую он носил в правом ухе? Ответить на эти вопросы Северине было бы столь же трудно, как и Шарлотте, но в жилы ее медленно проникал страх. Как зачарованная смотрела она и не могла оторвать взгляда от этого загорелого, огромного, идолоподобного мужчины.

Взгляд его был устремлен куда-то в ему одному известную точку, явно находящуюся за пределами комнаты. Ипполит заметил замешательство и страх трех женщин. Не соблаговолив что-либо сказать по этому поводу, он только лениво произнес с оттенком глубочайшего пренебрежения:

— Как поживаете, детки?

После чего замолчал. Было заметно, что он не очень любит разговаривать и что молчание — непереносимая стоячая вода для большинства людей — вовсе не смущает его. Зато у Шарлотты появилась потребность нарушить его.

— А вы, господин Ипполит? — спросила она с наигранной веселостью. — Вы ведь не показывались у нас уже несколько месяцев.

В ответ он не проронил ни слова, только глубоко затянулся сигаретой.

— Разденьтесь, а то тут жарко, — предложила Матильда, которой тоже было не по себе от долгого молчания Ипполита.

Ипполит жестом приказал ей подойти, и она помогла ему снять пиджак. Под сорочкой из тончайшего шелка обозначились мышцы рук, плеч и груди. Тугие, как сталь, они предназначались для неведомого тяжелого труда.

— Я вам кое-кого привел, — объявил Ипполит. — Это мой друг.

Интонация, с какой он произнес последнее слово, заметно отличалась от его обычного, высокомерно-небрежного тона. Весомое и звучное, оно, казалось, было единственным из всего словарного запаса человечества, которому Ипполит придавал какое-либо значение.

Северина повернула голову в сторону молодого человека, сидевшего немного поодаль от Ипполита, как бы в его тени. Она сразу заметила, что его глубоко посаженные, ярко блестящие глаза прикованы к ней, но ее внимание вновь привлек Ипполит, который сказал:

— У нас мало времени. Шампанским я вас угощу в другой раз. Новенькая, ну-ка подойди сюда.

Северина направилась к Ипполиту, но была остановлена неожиданно теплым, протяжным голосом молодого человека.

— Оставь ее мне, — проговорил он.

Шарлотта с Матильдой нервно зашевелились: им казалось совершенно невыносимым, что кто-то осмелился встать на пути Ипполита. Но тот усмехнулся с грубоватой мягкостью, положил свою чудовищную лапу на хрупкое плечо компаньона и сказал:

— Развлекайся, малыш, какие твои годы!

Северина чувствовала, что физически ее сильнее притягивает Ипполит, причем во время этого циничного обмена она даже не испытывала чувства облегчения, так как худощавый молодой человек внушал ей, может быть, еще большее беспокойство.

— Значит, ты мне и в самом деле понравилась, раз уж я попросил тебя у моего друга, — сказал он, когда Северина привела его к себе в комнату.

Такой фразы обычно бывало достаточно, чтобы остудить все чувства Северины, которая жаждала молчания, торопливости и грубого обращения. Она удивилась тому, что это сдержанное желание взволновало ее. Она повнимательнее пригляделась к молодому человеку, которому ее уступил невозмутимый Ипполит. Обильно набриолиненные, блестящие волосы, дорогой, но слишком яркий галстук, чересчур приталенный пиджак, наконец, кольцо с крупным бриллиантом на безымянном пальце — все здесь было сомнительного свойства, равно как и внешность: плотная кожа лица, глаза, беспокойные и одновременно непреклонные...

Северина вспомнила, что под рукой Ипполита его узкие плечи не дрогнули. Ею овладело какое-то щемящее чувство.

— Говорю тебе, ты мне нравишься, — повторил молодой человек, не разжимая зубы.

Северина отметила, что у него не было намерения сделать ей комплимента, что он

просто жаловал ей нечто вроде подарка и теперь раздражается оттого, что не видит с ее стороны никаких признаков благодарности. Она подставила ему приоткрытые губы. Он с хорошо рассчитанным пылом соединил с ними свои. Потом отнес Северину на постель. Какой невесомой чувствовала она себя в его не слишком мускулистых руках! На самом деле друг Ипполита только казался слабым. Пальцы его красивых тонких рук обладали жесткостью стилета. Его тонкие бедра заставили Северину застонать от боли, когда он сжал ее ими, и тут же ее пронзила сладкая судорога, более острая, чем самые сильные из всех прежних блаженств.

Молодой человек достал из дорогого портсигара сигарету, зажег ее и спросил:

— Как тебя звать?

— Дневная Красавица.

— А дальше?

— Просто Дневная Красавица.

Он с безразличием иронично скривил губы и сказал:

— Ну-ну, если ты решила, что я из полиции...

— А тебя как зовут? — спросила Северина, впервые испытывая чувственное удовольствие от обращения на «ты».

— Мне нечего скрывать. Меня зовут Марсель, а еще Ангел.

Северину охватил легкий озноб, настолько это двусмысленное прозвище соответствовало циничной чистоте лица, зарывшегося в подушку возле ее головы.

— А еще, — поколебавшись, продолжал Марсель, — а еще... Не стесняться же мне в самом деле, а еще — Золотая Пасть.

— Почему?

— Гляди.

Только теперь Северина заметила, что он старался не открывать нижней губы, все время держал ее как бы приклеенной к десне. Он пошевелил ею, и Северина увидела, что все зубы под ней были золотые.

— Выбили одним ударом, — усмехнулся Марсель, — а кроме того...

Он не стал продолжать, за что молодая женщина была ему признательна. Она только содрогнулась от ухмылки, которая вдруг исказила его губы.

Марсель быстро оделся.

— Ты уже уходишь? — неожиданно для самой себя спросила Северина.

— Да, мне нужно, один приятель...

Вдруг он с удивлением и немного раздраженно прервал себя:

— Вот те на, я чуть было не начал перед тобой оправдываться.

Он ушел, даже не посмотрев на нее, но на следующий день пришел снова, уже один. Поскольку Северина была занята, к нему вышли Шарлотта и Матильда.

— Не беспокойтесь, — сказал Марсель. — Я хочу Дневную Красавицу.

Он стал терпеливо ждать. Время для него, как и для Ипполита, не имело обычного измерения. Он обладал способностью животных давать дышать своему телу, не вмешиваясь в его безупречную работу. То, что при этом происходило в его голове, ни названием, ни формой не напоминало мысли.

Шум шагов Северины тут же рассеял его бдительное оцепенение. Она радостно направилась к нему, но Марсель резким жестом ее остановил.

— Ну наконец-то, — проговорил он.

— Я не виновата, что тебе пришлось ждать.

У него было желание пожать плечами. Речь действительно шла об ожидании! Но как признать женщине, почему сердиться, когда не желаешь признаваться в этом даже самому себе.

— Хорошо, — сказал он грубо. — Тебя ни о чем не спрашивают.

Он поцеловал ее в губы. И так как он не пытался больше скрывать свою золотую челюсть, то Северина одновременно почувствовала и тепло губ, и холод металла. Вряд ли она когда-нибудь забудет вкус этой смеси.

Марсель пробыл у Дневной Красавицы очень долго. Казалось, он хотел одним махом утолить истомившую его жажду. И Северина где-то в самой глубине сердца почувствовала неясную дрожь. Его объятия доставляли ей слишком большое удовольствие, ей было слишком приятно лежать, прижавшись к нему. Несколько раз она поймала себя на том, что ей хочется погладить невидимое в темноте тело Марселя. Наконец она не выдержала и слегка дотронулась до его плеча. Но тут же отдернула руку, коснувшись какого-то разрыва кожи. Марсель презрительно свистнул.

— Нет у тебя привычки к шрамам, — сказал он. — Что ж, сейчас выработаем.

Он взял запястье Северины и провел ее пальцами вдоль своего тела. Все оно — руки, бедра, спина, живот — было покрыто шрамами от резаных ран.

— Но откуда это у тебя?.. — вскричала Северина.

— Может, ты еще попросишь меня перечислить все мои судимости? Мужчинам вопросы не задают.

Нравоучительная строгость собственного голоса явилась для Марселя своего рода сигналом.

— Ладно, пока, — сказал он.

Северина не смотрела, как он одевается. Она не хотела видеть его шрамы и рубцы, опасаясь, как бы вид этих загадочных мужских отметин не сделал еще более тесными и так уже слишком крепкие узы, связывавшие их.

Силу своей привязанности она смогла оценить только в последующие дни, когда Марсель не показывался в доме. По охватившей ее неотступной тревоге, по странной непреодолимой истоме Северина чувствовала, как ей недостает Марселя. Она боялась, что разонравилась ему, но больше всего ее пугало, как бы не оказалось, что ему нечем заплатить госпоже Анаис, как бы эта причина не развела их в разные стороны.

Вот почему через неделю, снова увидев его красивое, искаженное недоброй гримасой лицо, Северина предложила:

— Если у тебя нет денег, то я могу...

— Замолчи, — закричал он.

Марсель шумно задышал, потом произнес с оскорбительной надменностью:

— Я хорошо знаю, что если б только захотел... Но понимаешь, меня и так содержат уже трое... Но чтобы еще и ты... нет, я не хочу... Поняла?.. А деньги, вот они, деньги — смотри!

Он бросил на стол мятую пачку. В ней были стофранковые купюры вперемешку с мелкими бумажками.

— Я даже не знаю, сколько там, — пренебрежительно сообщил он. — А когда закончатся эти — найдутся другие.

— В таком случае...

— Что в таком случае?

— Почему ты не приходил?

Он почувствовал, как в нем поднимается волна протеста — его обычная реакция на вопросы Северины, и отрезал:

— Довольно, поговорили. Я сюда не для беседы пришел.

Однако в его голосе угадывался скрытый надрыв.

После этого он не пропускал ни одного дня. Поначалу раздраженный и молчаливый, он постепенно становился мягче, как бы уже не пытаясь бороться с захватившим его увлечением. И с каждым разом он все сильнее затрагивал чувства Северины, и с каждым разом ей становилось все труднее освободиться от воспоминания о нем. Так мало-помалу разрушалась каменная стена, до сих пор строго разделявшая две жизни Северины. Брешь в этой стене возникла, несомненно, еще задолго до того, как она заметила ее, но Северина решила, что своим существованием эта брешь обязана следующим обстоятельствам.

В тот день Марсель только что ушел, и пережитые с ним ощущения заставили Северину позабыть о времени; вдруг она вспомнила, что вечером ей предстояло ужинать с Пьером и его друзьями, что Пьер, скорее всего, уже вернулся и тревожится, не обнаружив ее дома. Но, утомленная и еще не остывшая от поцелуев Марселя, она не стала преодолевать свою леность, подсказавшую ей, что возвращаться домой не следует. Она одевалась очень медленно, чтобы ее опоздание стало непреодолимым препятствием, затем позвонила Пьеру, сообщив ему, что примерка задержала ее дольше, чем она предполагала, и что она придет сразу в ресторан.

Вот так впервые из общества госпожи Анаис, ее пансионерок и клиентов Северина сразу попала в свое обычное окружение. Она почувствовала легкий укол в сердце, когда ожидавшие ее мужчины, увидев ее, поднялись, и перед глазами у нее промелькнуло мимолетное, но отчетливое видение Ипполита, заставлявшего Матильду снять с него пиджак.

Пьер с Севериной были приглашены двумя молодыми хирургами. Один из них, тот, у которого волосы были потемнее, слыл мужчиной, пользующимся неизменным успехом у женщин. Его движения несли отпечаток чувственного смысла, а лицо выражало то непреклонность, то уступчивую решимость, и женщинам было трудно этому противостоять. С ощущением ироничной беспечности Северина вспомнила об этом, когда он пригласил ее на танго. Всегда почтительный к Северине, этот друг Пьера на сей раз, должно быть, уловив какие-то исходящие от нее флюиды, в течение всего танца дерзко прижимался к ней. Эта нескромность, совершенно не смутившая Северину, произвольно вызвала на ее лице выражение презрения. Насколько все-таки желание этого человека, известного своей резкостью, соответствовало его хорошему воспитанию, настолько оно было беднее и немогуще того, объектом которого каждый день после обеда становилась Дневная Красавица! В одном-единственном произвольном жесте Марселя, в одном только прикосновении его похожих на стальные клещи рук было больше деспотизма, больше обещаний, чем во всех усилиях этого соблазнителя светских дам. Какие бы попытки он ни делал, ему была недоступна дикость того, другого, изукрашенного шрамами, который небрежно совал в карман плату за любовь, которой он соизволил кого-либо осчастливить.

В этот момент нечистый ангел с золотым ртом был Северине ближе, чем эти окружавшие ее мужчины, и с губ ее в адрес партнера по танцу готовы были сорваться слова, которые она в мрачном порыве бросила однажды вечером Юссону: «Вы не способны изнасиловать».

Образ Марсея не покидал ее весь вечер. Она все еще оставалась связанной с ним через платье, которое было на ней и которое он снимал с нее, через кожу, которую он ласкал и которую она не стала очищать. Северина чувствовала, что в этот вечер была очень красива, ощущала извращенный восторг от того, что в ней смешались две Северины, и, выходя из ресторана, она обняла Пьера с пылом, который был предназначен не ему одному.

Однако она сильно испугалась, когда почувствовала, что муж отстранился от нее, и на протяжении всего обратного пути почти физически осязала нечто бесформенное и тяжелое, разделявшее их. Всего из-за какой-то секундной оплошности она поставила под угрозу весь свой долгий прилежный труд. Она вновь причинила боль Пьеру.

В полной мере неистовую силу своей любви Северина ощущала лишь в часы расслабленности или опасности. Она вдруг осознала, что ходит теперь к госпоже Анаис не ради сладострастия, а ради Марсея, и что ее тайная жизнь, столь удобно ограниченная стенами дома на улице Вирен, вторгается в другую, посвященную Пьеру, и что это мутный поток, если его не остановить, грозит унести с собой все. Необходимо было любой ценой восстановить плотину. Опасная трещина возникла из-за Марсея, из-за того, что она так привыкла к нему. Ей надо его забыть. Это будет жертвой, но Северина смирялась с ней, глядя на профиль Пьера, вырисовывающийся в тени.

Итак, она решила подправить ход судьбы.

Госпожа Анаис восприняла решение Северины с удовлетворением, к которому подмешивалась тревога.

— Вам не хочется его видеть, и я вас одобряю, — сказала она. — Мне ничего не известно об этом парне, но я бы предпочла, чтобы он находился где-нибудь в другом месте, а не у меня. Вот только как он воспримет это? Друг Ипполита... ну в конце концов я скажу ему, что вы больны. Может быть, ему надоест ждать.

Четыре дня спустя, когда Северина выходила из дома свиданий, дорогу ей преградил силуэт, который она узнала, даже еще не увидев самого человека, по отбрасываемой им тени. Тень эта была огромной, и молодой женщине показалось, что она затмила собой весь вечерний свет.

— Я провожу тебя немного, — мирно проговорил Ипполит.

От неожиданности Северина утратила способность реагировать. Но когда коротенькая улица Вирен, представлявшаяся Северине чем-то вроде прихожей госпожи Анаис, осталась позади, когда они оказались на площади Сен-Жермен-л'Осеруа, молодая женщина пробудилась словно от какого-то внезапного внутреннего вскрика. Еще бы, ведь она вышла за пределы улицы Вирен и попала туда, где была воплощением добродетели и нравственного здоровья, туда, где вновь становилась женой Пьера, — и вдруг она идет в сопровождении посетителя дома госпожи Анаис, да еще какого посетителя!

Чтобы не позволить этому ограниченному четыремя стенами существованию бросить тень на ее обычную жизнь, она отказалась от своего самого знойного наслаждения, и вот эта другая жизнь протягивает к ней свои щупальца, причем не только в виде игры воображения, а приняв вполне реальный облик этого ужасного Ипполита.

Испуг, вызвавший у Северины дрожь, был связан даже не столько с появлением Ипполита, сколько с неотвратимостью судьбы, которую она попыталась было перекроить на свой лад. Минуту спустя страх уступил место инстинкту самосохранения. Напряженная до предела, готовая взывать о помощи, Северина ринулась к проезжавшему мимо такси. Но тут

же споткнулась. На ее плечо легла рука Ипполита, и Северина ощутила тупую безнадежность, какую испытывают каторжники при первых попытках двигаться с цепью на ногах. Тяжесть этой руки тут же истощила всю энергию молодой женщины.

— Без глупостей, — произнес Ипполит, не повышая голоса. — Я должен поговорить с тобой, и я с тобой поговорю. Тебе хочется в укромное местечко? Идем.

Он направился к небольшому винному погребку на площади. Хотя он давно убрал руку и даже не глядел на Северину, она послушно следовала за ним.

Тесный зальчик был пуст. Только какой-то рабочий пил за стойкой белое вино. Причем делал он это с таким явным удовольствием, что Ипполиту тоже захотелось немного выпить. Он дождался, пока его обслужат, и повернулся к Северине.

— Хорошенько выслушай меня, — произнес он наконец, — и не заставляй меня повторять дважды. Если тебе захочется узнать, чего стоит мое слово, спроси на Монмартре или на Центральном рынке, кто такой Ипполит Сириец. Так вот, говорю тебе, если хочешь, чтобы у тебя не было неприятностей (от этого безобидного слова на Северину повеяло холодом), не шути с Марселем.

Он медленно допил вино и с видимым усилием задумался — выразить свою мысль ему было нелегко.

— У тебя вид честной и хорошей девушки, — проговорил он наконец, — и я хочу тебе кое-что объяснить. Марсель — это парнишка, который спас Ипполиту жизнь. Ты можешь себе это представить? Теперь он для меня больше, чем сын. Вот только есть у него один недостаток — падок на женщин. В прошлом году без меня он уже... Ладно, хватит об этом. Когда он попросил тебя, мне следовало бы догадаться, что он снова влипнет, да разве же все предусмотреть. Вначале он преодолевал себя... Даже делая глупости оставался мужчиной. А потом расслабился... Он такой непосредственный, этот малыш. Можешь не думать, что он поверил выдумке о твоей болезни. Если бы я его не удержал, сегодня вечером с тобой говорил бы не я, а он. Я решил, что лучше мне сходить. А то он чересчур горячий.

Ипполит снова погрузился в тягостную задумчивость. Северина подумала даже, что он вовсе забыл о ней.

— Короче, ты меня поняла, — произнес он наконец.

Он снова положил ей руку на плечо, поглядел на нее неподвижным взглядом и заключил:

— Можешь идти, да поживее. А то я сегодня не в духе.

В окне погребка Северина еще раз увидела его громадный, размытый силуэт, склонившийся над пустым бокалом.

Хотя молодая женщина была уже на улице, она резко отвела взгляд в сторону. Этот силуэт влиял на нее парализующее. Однако нужно было действовать без промедления, Северина чувствовала это всем своим обезумевшим от страха нутром. Еще один день — и она попадет во власть этих двух мужчин, и неизвестно, кого из них она должна больше бояться, а за ними ей виделись другие, такие же опасные, готовые повиноваться и Ипполиту, и Марселю.

Северина быстро вернулась на улицу Вирен.

— Я ухожу, — объявила она госпоже Анаис.

— Вы виделись с вашим другом? Он берет вас с собой в отпуск? — спросила госпожа Анаис, никак не предполагая, что Северина задумала окончательно порвать с ее заведением.

— Да, да, — немногословно ответила молодая женщина, чтобы не пускаться в

объяснения.

Даже если предположение госпожи Анаис и не предопределило решения Северины, то оно по крайней мере избавило ее от дальнейших колебаний. Северина почувствовала слепое желание бежать, еще когда разговаривала с Ипполитом. Однако просто бежать из дома на улице Вирен было недостаточно. Северина не хотела, не могла больше дышать тем же воздухом, что и ее преследователи. Нужно было сделать так, чтобы от Марсея и Ипполита ее отделяло большое расстояние. Начиналось лето. Конечно, у Пьера была привычка брать отпуск позднее. Он станет говорить о больнице, о клинике, о графике отпусков. Но Северина чувствовала, что выпавшие на ее долю испытания достаточно подготовили ее к тому, чтобы уговорить мужа. В который раз любовь заставляла ее во время своих самых грустных тревожений прибегать к самой искренней нежности.

Как Северина и предполагала, ей удалось довольно легко убедить Пьера, сославшись на плохое самочувствие и на желание побыть с ним наедине. Спустя неделю после предостережений Ипполита чета Серизи села в поезд и отправилась к пустынному пляжу неподалеку от Сен-Рафаэля.

Но даже уже стоя на перроне, Пьер и Северина продолжали нервничать: он — потому, что внезапный отъезд расстроил его рабочие планы, она — оттого, что боялась неожиданного появления тонкой, как золотая нить, недоброй улыбки Марсея или гигантской тени Ипполита. Первые же толчки тронувшегося поезда оставили позади, развеяли все их заботы. Северину и Пьера обволокла дивная уединенность купе, движущегося навстречу ночи. Их глаза зажглись одним и тем же молодым желанием. Они чувствовали, что в их любви столько же свежести, как и во время их первой поездки, но только больше глубины. Северину особенно радовало приближение спокойных, наполненных нежностью дней, которым, как ей казалось, не будет конца.

Эти дни оказались самыми прекрасными в ее жизни. Недели, которые она только что пережила, угрозы, еще недавно тяжелым камнем давившие на нее, только усиливали ее желание счастья. А оно было у Северины могучим, разносторонним и уже давно служило ей не иссякая. Море, пляж, солнце, аппетит, сон — из всех этих слагаемых жизни она извлекала максимальное наслаждение. Погода стояла прекрасная, небо переливалось всеми оттенками лазури. Воздух был похож на драгоценное, легкое масло. Он ласкал тело Северины, и она уже даже не вспоминала, что это именно то тело, которого касалось столько рук: теперь оно принадлежало ей и целомудренно расцветало.

Пьер тоже был счастлив. Оттого, что отдыхал, оттого, что его окружала природа, которую он любил, и, главное, оттого, что постоянно видел с собой цветущую, непорочную молодую женщину, которая была его высшим счастьем. Они вместе плавали. Когда они брали лодку, их весла гребли в одном и том же ритме. На песке они возились, словно два маленьких сорванца. Только при такой жизни Северина чувствовала себя по-настоящему близкой Пьеру. В Париже их разделяли его больные, его книги, его статьи, тогда как тут эти неистовые и чистые физические упражнения, в которых она была почти так же искусна, как и он, сплачивали их, вносили в их отношения теплоту братского союза.

Как же Пьер был ей дорог и желанен в течение всех этих бесподобных дней! Как же она жалела себя, презирала себя за то, что подвергала риску такую гармонию!

После чрезмерной дозы наркотика или в результате сильного морального потрясения некоторые виды интоксикаций внушают своим жертвам такой ужас, что они содрогаются при одном воспоминании о прошлых уладах и полагают, что навсегда освободились от них.

Так же обстояло дело и с Севериной. Купаясь в чистой радости и переживая счастье обновленной любви, она сочла бы сущим безумием любые помыслы о доме на улице Вирен. Не ощущая больше покалываний иглы, гнавшей ее к тому темному пристанищу, она с отвращением думала о том, что когда-то обрекала себя на подобное рабство. Она вовремя освободилась. От ее пребывания в стенах дома госпожи Анаис не осталось никаких следов. Никто, даже Ипполит, не сможет больше разыскать Дневную Красавицу. Ее безопасность находилась в ее собственных руках. Да и как было ей не почувствовать себя неуязвимой в июльскую жару, на берегу покорного моря, под надежной защитой Пьера?!

Однако эти защитные средства обернулись против нее самой. Она слишком быстро успокоилась, рано поверила в свою силу. Отдаленность от Парижа способствовала тому, что вещи, выглядевшие в городе кошмарными видениями, обрели нормальные человеческие пропорции. Когда Северина со своим реалистическим умом стала воспринимать квартиру госпожи Анаис как обычную квартиру, Матильду — как несчастную девушку, Марселя — как заурядного сутенера, и когда даже Ипполит превратился для нее в нечто вроде циркового борца с неразвитой речью, она сочла себя окончательно спасенной. Именно в тот момент у нее из рук выпал самый надежный ее щит — мистический ужас. Теперь защищаться от наваждения она могла только с помощью разума.

Враг, притаившийся во мраке чувственных закоулков, вновь обрел плоть и кровь.

Однажды с утра зарядил дождь. Впоследствии Северина не раз думала о том, что, будь в тот день хорошая погода, всего еще можно было бы избежать, как будто силы, увлекавшие ее за собой, не обладали бесконечным терпением, как будто они не поджидали годами удобного момента, чтобы наброситься на свою очаровательную и жалкую жертву.

Из-за дурной погоды Пьер с Севериной вынуждены были сидеть в четырех стенах. Пьер воспользовался этим, чтобы отшлифовать текст своего выступления на хирургическую тему. А Северина стала машинально перелистывать тонкие иллюстрированные журналы, купленные в Париже перед отходом поезда, ни разу не раскрытые ими в дороге и с самого их приезда в беспорядке валявшиеся на столе. Она просмотрела два из них и раскрыла третий. Статьи и иллюстрации к ним были самыми заурядными. Северина решила взглянуть на объявления. И тотчас ее глаза остановились на строчках, смысла которых она поначалу даже не поняла. Потом буквы образовали слова, и смысл их дошел наконец до ее сознания:

Улица Вирен, 9-бис

Госпожа Анаис

в окружении трех своих граций

принимает ежедневно

в своем интимном пансионе.

Элегантность, обаяние,

особое обслуживание.

Северина перечитала объявление несколько раз. Ей показалось, что там проскользнуло ее имя. Потом она вспомнила, что на улице Вирен знали только ее прозвище; она бросила испуганный взгляд на Пьера — он увлеченно работал — и стала разглядывать почти успокоившееся море и начавшее светлеть небо.

— Пойдем на воздух, — неожиданно предложила она, — вот-вот появится солнце.

Но ни купание, ни бег по пляжу не вытеснили из памяти навязчивого, набранного жирным шрифтом объявления. Ложась спать, она вновь взяла журнал и, согнув его так,

чтобы Пьер не заметил, устремила на объявление потускневший взгляд. Это был призыв содержательницы, сигнал сбора у постели Дневной Красавицы... Как все-таки имя госпожи Анаис в напечатанном виде отличалось от того, каким оно воспринималось в разговоре. И как по-иному выглядели, как были унижены ее дом, женщины, наконец, сама Северина, этими эпитетами, более непристойными в своей пошлости, нежели самые гнусные выражения...

«Интимный пансион... три грации... особое обслуживание».

Северина почувствовала во рту странный, роковой привкус знакомого и одновременно нового наркотика. Ее охватил постыдный и в то же время благотворный жар. Она подсчитала, что отпуск Пьера приближается к концу, и испытала чувство жалости — не к себе, а к нему.

Как все же Марсель узнал о возвращении Дневной Красавицы? Он так никогда и не сказал ей этого, но стоило Северине прийти на улицу Вирен и пробыть там всего час, как она услышала его голос. У нее закружилась голова. В общем-то она предполагала увидеть Марсея, но то, что он пришел так быстро, убедило ее в упорстве этого человека и в его информированности. У нее не было времени подумать об этом подольше. В дверь яростно заколотили. На пороге стоял Марсель, бледный, дрожащий от накопившегося за многие дни гнева.

— Ты, значит, одна, — произнес он почти беззвучно. — Ну ладно! А то я даже предпочел бы, чтобы с тобой был еще и мужчина.

Северина непроизвольно, сама того не заметив, отступила к самой стене.

— Мне пришлось уехать, — прошептала она, — я тебе объясню.

Марсель ухмыльнулся всей своей золотой челюстью.

— Объясню! погоди, сейчас я буду тебе кое-что объяснять.

Он снял опоясывающий его узкие бедра ремень, закрыл дверь на ключ. Северина следила за его движениями тупым, непонимающим взглядом. Но тут ремень взметнулся в неистовой руке, со свистом рассек воздух.

Откуда только в Северине взялась ловкость и сила, чтобы увернуться от удара и схватить ремень? Из каких запасов извлекла она ту дикую энергию, чтобы укротить Марсея в тот момент?

— Не шевелись, — произнесла она, — а то ты меня больше никогда не увидишь.

А потом они долго стояли друг против друга, разделенные пространством комнаты. Тишину заполняло их прерывистое дыхание. Постепенно они успокоились, и так же постепенно рассеялся жуткий образ, который заставил Северину сконцентрировать всю свою энергию: гнусная рана поперек лица Марсея и смотрящий на нее Пьер. Вместе с этим образом исчезла и ее сила. Но Северина больше в ней не нуждалась. Марсель, опустив голову, произнес:

— Ты не похожа на других женщин. Что бы Ипполит ни говорил...

Он поднял глаза, услышав приглушенный стук. Это Северина упала на пол. Он бросился к ней, отнес ее на кровать. В полубессознательном состоянии она подняла руки, чтобы защититься.

— Не бойся, не бойся, дружочек, — повторял Марсель невнятно...

В тот день он не прикоснулся к ней. Его лицо падшего ангела выражало чувство более глубокое, чем желание.

На следующий день он постарался взять себя в руки и вошел к Северине со своей

обычной ухмылкой. Но когда он обнял ее, то по какому-то едва заметному напряжению его мышц она почувствовала, что он боится сделать ей больно и старается доставить удовольствие. Но именно поэтому на этот раз она получила его меньше. И оно непрерывно уменьшалось, по мере того как...

Незадолго до побега Дневной Красавицы Марсель предложил ей в один из ближайших вечеров куда-нибудь сходить. Она, естественно, категорически отказалась. Поскольку тогда он еще дорожил своим престижем, то лишь пожал плечами и больше к этой теме не возвращался. Теперь же он стал вновь настойчиво повторять свое предложение. Ему хотелось, чтобы между ним и этой его любовницей, в которой он смутно различал нечто непривычное и чуждое ему, возникли более утонченные узы, чем повседневные встречи в публичном доме.

Северина же со своей стороны подчинялась фатальному стремлению к примитивным, лишенным духовности наслаждениям, которые, притупляясь, заставляют человека, дабы обрести их вновь, искать все новые и новые искусственные средства. Пытаясь укрепить свою привязанность к Марселю, она все чаще задумывалась об окутывающей жизнь молодого человека опасной тайне.

Однако ее воображение быстро исчерпало эту тему. Поэтому настойчивость Марселя, желавшего куда-нибудь сходить вместе с ней, стала восприниматься ею все более и более благосклонно. Ей думалось, что, прикоснувшись к его другой, темной жизни, она обретет вновь, пусть хотя бы на некоторое время, тот страх, который составлял глубинную основу ее сладострастия. К тому же этот вечерний выход она представляла себе с тем большей легкостью, что считала его неосуществимым. Ну разве могла она пойти куда-нибудь поздно вечером без Пьера? Однако подсознательно Северина искала такого случая, и случай представился, как он всегда представляется тем, чья скрытая сущность его поджидает. Как-то раз Пьеру в связи с операцией в провинции пришлось на целые сутки отлучиться из Парижа.

Марсель и Ипполит ждали Северину в погребке винного торговца около церкви Сен-Жермен-л'Осеруа. Они молчали, как всегда, когда находились вместе, но в тот вечер они не чувствовали той абсолютной безопасности, которая обычно питала их молчание. То, что Марсель будет с женщиной, мало волновало Ипполита. Их подружки знали свое место и не мешали мужчинам говорить между собой или мечтать. Но ему не нравилось, что этой женщиной была Дневная Красавица. Как может Марсель оказывать ей такую милость и на целый вечер приглашать ее в их компанию после того оскорбления, которое она нанесла ему, уехав без его разрешения? Он даже не сумел хорошенько ее наказать — Ипполит был уверен в этом. И он страдал, видя в поведении друга признак слабости, которая ему самому была не свойственна, и от которой у него на глазах ломались многие, в ком он любил храбрость и порядочность.

— Ну не несчастье ли, — проворчал Ипполит, — а ведь я же сам и привел его к Анаис. Затем, поскольку непроницаемое прошлое научило его мудрости, он свернул сигарету и стал размышлять о том, что пора бы поесть, так как он уже проголодался.

Северина пришла раньше назначенного часа. Этот признак уважения немного смягчил гиганта. Понравился ему и небрежный тон, с которым Марсель сказал Дневной Красавице:

— А ты в шляпе ничего.

Однако сам молодой человек по овладевшей им в этот момент хмельной радости почувствовал, что не будь сейчас рядом Ипполита, тон этот ему бы не удался.

— Куда пойдём ужинать? — спросил тот.

Марсель назвал несколько известных ресторанов на бульварах. Северина категорически отвергла их один за другим.

— Помолчи, — приказал ей Ипполит. — Марсель, я думаю, разговаривает со мной, а не с тобой. — Потом, обращаясь к другу, добавил: — Ну, ладно, хватит трепаться. Нам предстоит серьёзная работенка, идем к Мари. Там все в норме.

Когда Ипполит принимал решение, ему не требовалось, чтобы кто-либо с ним соглашался. Вот и сейчас он молча расплатился и вышел. Остальные последовали за ним, хотя Марсель глазами все же посоветовался с Севериной. Но животная бдительность Ипполита перехватила этот взгляд.

— Проходи вперед, Дневная Красавица, — приказал он.

Оставшись наедине с Марселем, он сказал тихим голосом, в котором угроза странным образом соединялась с мольбой:

— Если ты не хочешь, чтобы я вышел из себя, веди себя как мужчина... По крайней мере при мне.

Ресторан, предложенный Ипполитом, находился в самом начале улицы Монмартр. Они отправились туда пешком. Северина, словно в дурном сне, шагала между этими двумя молчаливыми мужчинами, которые вели ее неизвестно куда по опустевшим рядам Центрального рынка. Если бы Марсель был один, она не пошла бы с ним туда, но стоило ей услышать бесшумные шаги Ипполита, как воля тут же оставляла ее. Однако интерьер ресторана, куда они наконец попали, немного успокоил ее. Подобно тем, кто незнаком с тайной жизнью Парижа, Северина полагала, что коль скоро ее спутники находятся на обочине общества, то и вся их жизнь протекает в разбойничьих притонах. Между тем маленький ресторанчик оказался чистеньким и гостеприимным.

У входа — сияющая поверхность стойки. Обстановку довершила дюжина столов с расставленной на них чистой посудой.

— Вот Мари-то обрадуется, — сказал стоявший за стойкой мужчина в шерстяном джемпере, приветливо глядя на них.

В тот момент, когда он вежливо приветствовал Северину, из расположенной в глубине зала небольшой двери выкатилось окутанное запахами чеснока и пряностей некое подобие колобка в ночной кофточке и нижней юбке, которое как раз и оказалось хозяйкой ресторана.

— И не стыдно вам, бандиты! — вскричала она, пылко целуя двух друзей. — За четыре дня ни разу не заскочить к Мари!

Ее голос, ее южный говорок трогали своей теплотой, молодостью, и Северина улыбнулась, когда женщина посмотрела на нее, — настолько добрыми были ее восхитительные глаза, огромные, несмотря на заплывшее от жира и оттого слишком рано деформировавшееся лицо.

— Здравствуй, милашка, — сказала ей Мари. — Ты с кем из них?

— Подожди, я представлю, — степенно промолвил Ипполит. — Господин Морис, друг (это был мужчина за стойкой). Госпожа Морис (это была Мари).

Кивнув на Северину, он сказал:

— Госпожа Марсель.

— Так я и думала, — по-матерински сказала Мари. — Уж этот Марсель.

Она стала серьезной и доверительно спросила:

— Что будете есть, детки? Мою фаршированную капусту, разумеется? А потом?

Ипполит уставился в меню. Морис предложила аперитив.

Марсель прижал к себе Северину, которая почти нежно подалась к нему, потому что в этом зале была какая-то сильная, мужская атмосфера с оттенком чего-то запретного.

Мужчины входили, обменивались рукопожатиями с Морисом, Ипполитом, Марселем и приветствовали Северину. Некоторые из них были с женщинами. Женщины не задерживались у стойки, а шли к столику, на который им взглядом или отрывистым словом указывал спутник, и скромно присаживались. У всех мужчин, как бы сильно ни отличались они друг от друга сложением, одеждой или говором, был некий не поддающийся определению общий признак, делавший их людьми досуга. Праздность присутствовала в их жестах, словах, в манере держать голову, в проворных и одновременно ленивых взглядах. Их разговоры в основном сводились к скачкам и к каким-то делам, упоминавшимся лишь полупонамеками.

В плохо проветриваемом помещении становилось жарко. Обильная, сытная, не в меру сдобренная специями пища и крепкие вина поднимали температуру, изрядно добавляя внутреннего огня. И хотя обстановка за всеми столами была, как любил выражаться Ипполит, «в норме», грубоватые манеры сотрапезников, их напряженные плечи и склоненные затылки вызывали у Северины ощущение, что она присутствует на какой-то подпольной, опасной пирушке. Она ни на кого не смотрела и не прислушивалась ни к медлительным речам за соседними столами, ни к разговорам Ипполита с Марселем. Северина пребывала в каком-то смутном, не лишенном чувственного уюта ожидании — совокупность этих незнакомых, подозрительных, блатных (она наконец поняла это часто произносимое Марселем слово) жизней действовала на нее, как сильное приворотное зелье.

Никто из присутствовавших не уходил, за исключением женщин, одна за другой покидавших ресторан.

«Трудиться? На каком поприще?» — мысленно спрашивала себя Северина, сладко вздрагивая от наплыва неясных образов, в своем жалком сладострастии намного превосходивших те образы, которыми переполняла ее сознание улица Вирен.

— Пора, — сказал вдруг Ипполит. — Последний стаканчик опрокинем в другом месте.

Марсель поколебался немного, потом шепнул ему:

— Я не могу... Дневная Красавица.

— Скажи-ка, Морис, — спросил Ипполит, повышая голос, — если бы тебе в каком-нибудь месте угрожала опасность, ты бы взял с собой свою жену?

— Она бы сама попросилась.

Ипполит встал. За ним встали Марсель и Северина. На улице Ипполит снисходительно подставил Дневной Красавице свою руку.

— А ты все-таки молодец, — сказал он. Затем, пожав плечами, обратился к Марселю: — Так, ну а теперь о неприятном.

Смертельный страх вселился в сердце Северины, и возник он не столько из-за неизвестной угрозы, сколько из-за какой-то безумной и все усиливающейся близости с людьми из чужого ей мира. Однако странным образом близость Ипполита и своеобразный характер той среды, которую она только что покинула, не позволяли этому страху вылиться наружу.

Место, куда Ипполит привел их, оказалось маленьким ночным баром напротив

овощного рынка. Вот тут действительно попахивало вертепом. Перепачканные столы, отбросы на скользких плитах пола, абсолютно пустой зал и какое-то необычное освещение, тусклое и в то же время режущее глаза, действовали на нервы. За окном лоснящиеся лошади медленно тянули груженные неведомо какой добычей повозки, на которых дремали возницы в больших сапогах и с огромными кнутами в руках. Что-то варварское витало в воздухе.

Ипполит и Марсель пили водку и, казалось, совсем потеряли интерес ко всему остальному. Заметив на пороге бара группу людей, Северина вдруг ухватилась за рукав своего любовника, который показался ей в эту минуту единственной защитой против какой-то неведомой, но жуткой опасности.

— Спокойно, — процедил сквозь зубы Марсель... — Я хорошо сделал, что пришел. Их трое.

Люди мирно присели к их столику, и один из них, самый маленький, с изрытым оспой лицом, бросил быстрый взгляд в сторону Северины.

— Ты можешь говорить, — сказал Ипполит, — это женщина Марселя.

Голова у Северины была пустая и тяжелая, но даже если бы мысли ее были ясными, она все равно ничего бы не поняла из начавшегося разговора, из каких-то отрывистых и загадочных фраз. Она сидела между Ипполитом и рябым. Вдруг Северина услышала, как маленький пробормотал:

— Вор.

Потом она увидела, как Марсель поднес руку к карману пиджака и три его противника сделали то же самое. Но на руку Марселя опустилась ладонь Ипполита.

— Только без историй, мальш, — ласково сказал он ему. — Это жулье того не стоит.

Он слегка отодвинул от себя стол, схватил рябого за запястье и извлек его руку из кармана. Пальцы рябого судорожно сжимали револьвер. Ипполит приставил оружие к своему животу и сказал:

— Ну что, стреляй.

Казалось, что рябой вот-вот выстрелит. Потом взгляд его дрогнул, не выдержав взгляда Ипполита. Тогда гигант приказал ему:

— Ладно, давай. У тебя с собой, я знаю.

Словно загипнотизированный, рябой вытащил из другого кармана пакет и отдал его Ипполиту.

— Вес подходящий, — сказал Ипполит. — Мы вас больше не задерживаем.

Троица направилась к выходу. Марсель крикнул им вслед:

— А что касается «вора», как ты выразился, то я не буду действовать исподтишка. Мы с тобой еще встретимся.

— Горячий он у тебя, этот твой мужчина, — с гордостью сказал Ипполит Дневной Красавице.

У Северины немного закружилась голова и в глазах появился ослепительный свет, но не от страха. Ее расширившиеся глаза стали красивее и смотрели теперь в глаза Марселя. Он понял, что она не осталась равнодушной к его храбрости, к тому, что он первый был готов начать смертельную драку.

— Ничего, он еще получит от меня то, что заслужил, этот рябой, даже если мне придется искать его в Вильпараизо, как того...

Ипполит резко прервал его:

— Тебе что, не терпится покрасоваться, будешь сейчас рассказывать про свои подвиги?

Давайте идите-ка лучше спать. У меня еще есть дела.

Он повернулся к Северине.

— Ты хорошо держалась, — сказал он. — Хочешь немного?

Она не поняла, что он ей предлагает, но на всякий случай отказалась.

— И правильно делаешь, — сказал Ипполит. — Это нужно только чокнутым.

Оставшись наедине с Марселем, Северина спросила:

— Что это такое он мне предлагал?

— Кокаин, — с явным отвращением ответил ее любовник. — Взял полфунта у рябого, ты сама видела. Теперь он его пристроит, так что в этом месяце будем при деньгах.

Северина не захотела идти ни к Марселю домой, ни даже выходить за пределы квартала. Ей казалось, что квартал, включающий улицу Вирен, винный магазин, ресторан Мари и бар, откуда они только что вышли, был единственным подходящим для нее местом. Однако, перевозбудившись от всего того, что ей только что пришлось пережить, она испытывала к Марселю острое желание и позволила ему отвести себя в расположенную по соседству какую-то подозрительную гостиницу и там, в гнусном номере, испытала самое чудесное в своей жизни наслаждение.

Едва наступил рассвет, Северина была уже на ногах.

— Мне нужно идти, — сказала она.

В первый момент Марсель отреагировал, как подсказали ему вернувшиеся за ночь его обычные инстинкты.

— Ты что, смеешься? — с угрозой в голосе спросил он.

— Нужно, — повторила Северина.

Он почувствовал, что, как и в тот день, когда она вырвала у него ремень, молодую женщину поддерживает какая-то неведомая и неодолимая сила.

— Ладно, — недовольно проворчал он, — я провожу тебя.

— Нет.

И опять непреклонный взгляд существа, защищающего свою жизнь, заставил Марселя уступить. Он довел Северину до такси и позволил ей уехать. Пока были видны фонари автомобиля, он словно зачарованный смотрел ей вслед.

Потом грубо выругался и пошел за советом к Ипполиту.

Только у себя в постели Северина смогла наконец подумать о том, что бы произошло, если бы у Ипполита реакция оказалась не такой быстрой или если рябой коротышка все-таки выстрелил бы. И вот тут она задрожала, словно от приступа лихорадки.

Пьер вернулся из поездки несколько часов спустя с осунувшимся от усталости лицом.

— Не оставляй меня одну, — умоляющим голосом попросила Северина. — Я не могу жить без тебя.

Марсель не появлялся на улице Вирен несколько дней. Северина не беспокоилась — она больше ничего от него не ждала. Когда она увидела его вновь, он сразу же сказал ей:

— Сегодня вечером куда-нибудь ходим.

Она отказалась, теперь уже совершенно спокойно. У нее было такое ощущение, словно она находится рядом с чужим и безобидным человеком. Марсель, впрочем, не стал бушевать. Он спросил ее почти нежно:

— Можешь ты мне сказать, почему не хочешь?

— Всем же известно, что я не свободна.

— Так стань свободной. Даю слово мужчины, что у тебя будет все, что тебе нужно.

— Невозможно, — ответила Северина.

— Значит, ты любишь его?

Северина промолчала.

— Ладно, — прошептал Марсель и вышел.

Ей казалось, что она окончательно укротила его. И все же, покидая дом госпожи Анаис, она обернулась несколько раз, чтобы убедиться, что ни Марсель, ни Ипполит за ней не следят. Не заметив ничего подозрительного, она вернулась домой.

В тот же вечер Ипполит и Марсель сидели в баре на площади Бланш и молча пили. К ним подошел какой-то невзрачный юноша.

— Я знаю все, господин Ипполит, — объявил он почтительным голосом. — Я проник туда под видом электрика.

И он сообщил адрес, этаж и настоящее имя Дневной Красавицы.

Ипполит отпустил своего шпиона и сказал Марселю:

— Ну вот теперь иди туда, куда тебе будет угодно, и делай что захочешь.

Если бы он знал, какую недобрую службу сослужит его хитрость единственному дорогому ему в этом мире человеку, Ипполит, который в общем-то не был кровожадным, убил бы невзрачного молодого человека, явившегося доложить ему о результатах своей слежки, еще раньше, чем тот начал говорить.

В порядочности ли тут дело или в каком-то более сложном чувстве, против которого он тщетно пытался бороться? Так или иначе, но в течение нескольких дней Марсель не решался воспользоваться оружием, которое у него было против Северины.

А между тем, пока он колебался, к Северине подкралась еще одна тень.

Как-то раз в четверг около четырех часов пополудни (все эти детали глубоко запечатлелись в памяти Северины) госпожа Анаис собрала своих пансионеров и предупредила:

— Постарайтесь выглядеть получше. Это очень приличный господин. Он хочет, чтобы присутствовали все трое.

У Северины, шедшей за своими подружками, не возникло никакого предчувствия. Расправив свои красивые плечи, она вошла спокойным шагом в большую комнату. У окна стоял мужчина. Видна была лишь его спина. Однако вид этой узкой, костистой спины заставил Северину попятиться назад. Еще секунда, и она распахнула бы дверь, чтобы убежать, спрятаться где-нибудь в надежном месте. И тогда госпожа Анаис никогда бы больше ее не увидела. Но Северина не успела этого сделать. Новый клиент улицы Вирен круто обернулся, и Северина, мгновенно ослабевшая, осталась стоять, не в силах ни сдвинуться с места, ни дать выход ужасному стону, вдруг наполнившему все ее существо.

Выцветшие узкие глаза Анри Юссона остановились на ней. Этот взгляд длился лишь одно мгновение, но у Северины возникло ощущение, словно она попала в сети, откуда уже никакая сила не поможет ей высвободиться. Какой же легкой была чудовищная масса Ипполита по сравнению с быстро скользящим острием этого взгляда!

— Здравствуйте, уважаемые дамы, садитесь, прошу вас, — сказал Юссон.

— Какой милый, правда же, Матильда? — воскликнула Шарлотта.

Звук слившихся воедино двух голосов, столкновение двух ее жизней окончательно подкосили Северину. Она безвольно опустилась, как бы соскользнула, на стул, сцепила пальцы, словно пытаясь удержать застывшими в смертельной судороге ладонями те малые частицы рассудка и жизни, которые у нее еще оставались.

— Вы не хотите, сударь, чего-нибудь выпить? — спросила госпожа Анаис.

— Разумеется... Все, чего пожелают эти дамы... А как, кстати, их зовут? О, замечательно, мадемуазель Шарлотта, мадемуазель Матильда и... Дневная Красавица? Дневная Красавица... Звучит оригинально и свежо.

Он стал использовать неисчерпаемые музыкальные ресурсы своего голоса, свое не оставляющее в покое ни одной нервной клетки обаяние. Руки Северины расцепились и безвольными жгутами повисли вдоль тела.

Появились напитки. Шарлотта пожелала сесть к Юссону на колени. Тот любезно уклонился.

— Позже, мадемуазель, — сказал он. — Пока я хочу просто насладиться вашим обществом и беседой с вами.

Он говорил о тысяче самых незначительных вещей, но при этом не было в его речи ни одного выражения, в котором не чувствовалось бы тонкого расчета: с каждым словом фразы его становились все более хлесткими и каждая отрывала у Северины кусочек души. Она не испытывала ни страха, ни стыда, а только недомогание, более неприятное, чем любое из

поддающихся определению ощущений. С безошибочным чутьем хорошего психолога он провоцировал Шарлотту на двусмысленные ответы и грубые приступы смеха. Он растянул эту эффектную игру на целый час, на протяжении которого почти даже и не смотрел в сторону Северины. Но когда смотрел, веки его начинали слегка вибрировать, и Северина с ужасом догадывалась, как много в этих слабых подергиваниях таится сладострастия.

«Как далеко способен он пойти ради удовлетворения этого сладострастия?» — думала она, вполне отдавая себе отчет, в какие укрытые от света теснины заводит погоня за этим божеством.

Юссон заплатил за напитки, положив несколько банкнот на камин, и сказал:

— Я прошу вас поделить это между собой. До свидания, сударыни.

Северина, уничтоженная, не шевелясь смотрела, как он покидает комнату. Но стоило ему выйти, как она, плохо соображая, что делает, бросилась догонять его. Она должна знать, удостовериться... она должна... Юссон прощался в прихожей с госпожой Анаис. Собирался ли он и в самом деле уходить, ждал ли появления Северины? Скорее всего, он и сам не знал, представляя своим изощренным инстинктам самим вести его к замысловатым наслаждениям, которые он получал исключительно в момент созерцания выражений на лицах собеседников.

— Остановитесь, — пролепетала Северина, протягивая руки к Юссону. — Нужно...

— Ну что вы, Дневная Красавица, — сказала госпожа Анаис, — это вы-то, с вашими изысканными манерами! Что подумает о вас уважаемый господин?

Юссон выждал несколько секунд, чтобы не упустить ни капли удовольствия от этой сцены. Потом сказал:

— Я хотел бы остаться наедине с госпожой... Абсолютно наедине.

— Хорошо. Но что это, Дневная Красавица, с вами происходит? — воскликнула госпожа Анаис. — Проводите уважаемого господина в свою комнату.

— Не сюда, не сюда...

— Да нет же, прошу вас, не надо ничего менять в ваших привычках ради меня, — сказал Юссон с легкой дрожью в голосе.

Когда дверь за ними закрылась, у Северины началось что-то вроде истерики.

— Как вы могли? Как вы осмелились? — кричала она. — Только не говорите мне, что это случайно. Вы знали, что я здесь... Ведь это вы указали мне адрес. Зачем?.. Ну зачем?

Она не дала ему возможности ответить, потому что ее вдруг пронзила догадка.

— Вы не собираетесь, надеюсь, добиться меня таким способом, — торопливо продолжала она. — Я буду кричать, я выскочу на улицу... Не приближайтесь. Вы мне отвратительны, как никогда не было отвратительно ни одно человеческое существо.

— Это ваша кровать? — мягко спросил Юссон.

— А! Вот чего вы добивались. Да, это моя комната, да, это моя кровать. Что вы хотите еще узнать? Что я делаю, как я это делаю? Фотографии? Вы худший из всех, кого я здесь видела.

Она остановилась, потому что он слушал ее с явным наслаждением.

Юссон подождал немного, потом, видя, что Северина решила молчать, взял ее ладонь и как-то нежно погладил ее тонкими пальцами. Сильная усталость, а вместе с ней какая-то признательность, печаль, жалость старили его лицо.

— Все, что вы сказали, справедливо, — вполголоса заметил он, — но только кто может понять меня лучше, чем вы, и простить?

Этот ответ буквально подкосил Северину. Она села на кровать. Ее растерянный вид... красное покрывало... внесли свежую струю в казалось бы уже исчерпанное наслаждение. Юссон молча упивался этим зрелищем, а потом понурился, сломленный еще более глубокой усталостью, еще более горькой печалью и жалостью.

На какое-то мгновение Северина и он застыли, глядя друг на друга, как два несчастных животных, страдающих от неизлечимой и непонятной им болезни.

Юссон встал. Он старался двигаться бесшумно, словно опасался разбудить некую злую силу, призвавшую их обоих в это место. Однако Северина еще не получила той гарантии, которая могла вернуть ее к жизни.

— Минутку, еще одну минутку, — взмолилась она.

Ее страстная мольба вновь заставила дрожать чувствительные веки Юссона. Вся во власти тревоги, она не обратила на это внимания. Она продолжала сидеть на кровати; платье от порывистого движения чуть задралось, пальцы судорожно цеплялись за красное покрывало.

— Скажите мне... ради Бога... Пьер... он ничего не узнает? — шепотом спросила она.

При всей развращенности ему и в голову бы не пришла мысль о подобном доносе. Но разве мог он отказаться от этой долгой сладострастной неги, которую предлагала ему сама Северина? Чтобы задержать страдальческое выражение у нее на лице, он сделал уклончивый жест.

И тут же выскочил из комнаты, чувствуя, что не сможет больше ни секунды выдержать принятой им позы, но вместе с тем ему совсем не хотелось лишиться самого нежданного и самого ядовитого из всех сорванных им в этот день плодов.

Северина услышала, как хлопнула тяжелая дверь, ведущая на лестничную площадку. Она вскочила, побежала к госпоже Анаис, схватила ее за руку и стала шептать, как сумасшедшая:

— Я ухожу, я ухожу. Забудьте меня... Если кто-нибудь придет справляться обо мне, вам неизвестно, кто я такая. Если меня заставят вернуться, вы не признаете меня. Каждый месяц вы будете получать по тысяче франков. Вы хотите больше? Нет? Спасибо, госпожа Анаис... Если бы вы только знали...

Почти невозможно описать часы, проведенные Севериной в ожидании Пьера. Нетерпение, с каким она жаждала его увидеть, уравновешивалось столь же сильным страхом. Может быть, он уже знает? Скорее всего, у Юссона есть адрес его клиники, и, выйдя от госпожи Анаис... Северина вспомнила, что Юссон и Пьер состоят в одном спортивном обществе. Конечно, Пьер ходит туда очень редко, но вдруг он пойдет туда именно сегодня?

Паника, достигшая предела, похожа на ревность: и в том и в другом случае малейшая вероятность превращается для страдающего человека в уверенность. Предположения, одно за другим возникавшие в воспаленном мозгу Северины, тут же превращались в факты. Она не сомневалась, что катастрофа уже произошла. От этого всепоглощающего неразумного страха у Северины с самых первых мгновений мученичества возникла и укрепилась, словно какая-то абсолютная истина, уверенность в том, что Юссон все расскажет. Какие принципы, какая мораль смогут его удержать? Разве она уже не испытала на себе ненадежность этих тормозов? Разве не отбросил он всякую снисходительность к ней в их взаимоотношениях, когда признал в ней своего двойника по извращенности? Ну разумеется, он расскажет. Когда? Все будет зависеть от того беса, которого он носит в себе. Как она носит своего... Никому, кроме нее, несчастного создания с сухими воспаленными глазами, не дано измерить глубину того ожесточения и того бессилия, с которыми она размышляла о своем безжалостном сладострастии. Она не испытывала ни угрызений совести, ни даже сожалений. Она слишком явно ощущала в каждом из своих растерянных жестов чью-то нечеловеческую власть, которая перетаскивала ее тело из одной рытвины в другую, каждый раз погружая его все глубже и глубже. И позволь ей судьба заново пройти любой отрезок этой знойной, грязной дороги, она повторила бы все ее этапы. Она чувствовала это, она знала. Так что в своей беспредельной тоске она была лишена даже жгучей сладости раскаяния, даже, например, такого разнообразия, как ненависть к Юссону. Он ведь тоже шел путем, проложенным специально для него какими-то окаянными, смертоносными божествами.

Вот-вот на нее должно было обрушиться чудовищное наказание за поступок, который она в общем-то совершила, но совершила не нарочно, а оступившись, как оступаются при головокружении. Осознание этой несправедливости усиливало ужас Северины, поскольку оно вынуждало ее не только мучительно размышлять о том, что станет с ней и с Пьером, но и задумываться еще о некоем сумрачном мире, который изготовил специально для нее приворотное зелье и бросал против нее, своих гномов и исполинов.

Инстинкт, заставлявший Северину защищать свою любовь даже в самых абсурдных обстоятельствах (а именно так она воспринимала происходящее), был у нее настолько силен, что, угадав приближение Пьера, она сумела придать выражение бодрости своему осунувшемуся лицу. Но выйти ему навстречу не решилась. Она различала звуки, связанные с каждым его движением, и они глухими ударами отзывались у нее в груди. Шаги его были спокойными. Вот он снял шляпу, остановился в прихожей перед зеркалом... все как обычно. Но, может быть, это только для того, чтобы сдержать слишком неистовые или слишком горькие чувства? Затаив дыхание, Северина смотрела на дверь, в которую он вот-вот должен

был войти. Она увидит сразу. С каждой секундой Северина все больше и больше укреплялась в самых худших предчувствиях. Зачем Юссону ждать? Ей хорошо была знакома сила ничем не сдерживаемых порывов... Ей казалось, будто в висках шевелятся какие-то крупные насекомые. Но вот они прекратили свой шелест. Ручка пришла в движение, повернулась.

Если бы Северина не чувствовала, насколько временно то сиюминутное избавление, которое посетило ее в этот момент, то благословила бы доставшиеся ей муки. Жизнь вернулась к ней и разлилась по всему телу, словно зажатая струя воды в фонтане, вновь обретшая свободный порыв. Пьер улыбался ей. Пьер целовал ее. До завтрашнего дня можно ничего не бояться. На глаза ее навернулись слезы счастья, чистые и нежные.

Ночь они провели вместе. Когда Пьер заснул, Северина слегка привстала. Она не хотела забываться сном. Разве приговоренный к смертной казни не лелеет последние мгновения любимых воспоминаний? Северина слушала дыхание Пьера.

«Он мой, он пока еще принадлежит мне, — говорила она себе. — Но скоро он уйдет...»

Его красивое тело, красивое лицо, его прекрасное, до предела наполненное ею сердце — все исчезнет. Склонившись над волосами Пьера, Северина почти бессознательно шептала:

— Мой милый, мой маленький мальчик, когда узнаешь, постарайся не слишком страдать. Почему? Ну почему? Я люблю тебя еще сильнее, чем прежде. А без всего того, что было, я бы и не знала, как сильно я люблю тебя. Поэтому не надо слишком страдать. Я не могла бы, я бы не могла...

Голова ее упала на подушку. Она оплакивала Пьера, оплакивала себя, оплакивала человеческий удел, разделивший плоть и душу на два несовместимых обломка, оплакивала злосчастье, которое все носят в себе, но не прощают другим. Потом она вспомнила их совместную жизнь. Память воскрешала мельчайшие, навсегда, как ей казалось, забытые подробности. И каждая из них заставляла ее дотрагиваться до плеча Пьера, до его головы и повторять словно заклинание:

— Не надо страдать слишком сильно... Делай со мной что хочешь, но только поменьше страдай.

За этими воспоминаниями, горестными мыслями и молитвами ее и застал рассвет. Однажды, еще после самого первого ее визита к госпоже Анаис, Северине пришла в голову мысль, что этот неясный утренний свет несет с собой конец всякой надежде. Она с грустью припомнила тот наивный страх. Какая же она была тогда несмышленная, если предположила, что ее можно было разоблачить без каких-либо улик. Ведь все зависело от нее самой. И тогда, и сейчас... Есть человек, который может, произнеся одно-единственное слово, облить гнуснейшей грязью любую самую нежную жизнь. И слово это будет произнесено. Юссон не сможет устоять перед наслаждением, от которого покрываются чувствительной рябью его веки.

Ее мысли прервались. Пьер проснулся. Какой короткой была эта ночь.

Северина сделала все, чтобы муж ушел в больницу как можно позже. Путь туда казался ей усеянным опасностями. На каждом перекрестке она видела Юссона, застывшего в ожидании, или если не его самого, то какого-нибудь его гонца. И все же Пьера пора было отпускать.

— Ты сегодня обедаешь, конечно, дома? — спросила она, прощаясь с ним. — Тебе ничто не помешает?.. Обещаешь?..

И утро потекло, капля за каплей, секунда за секундой, в ритме сердцебиения Северины. Любое уходящее в прошлое мгновение могло стать мгновением, когда Пьер все узнает. А время, отделяющее ее от него, состояло из стольких мгновений. Юссон... Пьер... Пьер... Юссон... Она вглядывалась то в одно лицо, то в другое, и то лицо, которое она любила, бледнело перед тем другим лицом, увеличенным и застывшим. Работа мысли свелась у нее к этой обостренной навязчивой идее, которая, впиваясь в мозг, приводит к сумасшествию. Северина поняла, что долго ей этих приступов не выдержать. Нужно, чтобы Пьер больше никогда не покидал ее. Уехать вместе? Он откажется. Разве она уже не использовала свое самое лучшее оружие? Самое лучшее? Рано или поздно все равно пришлось бы вернуться, и Юссон ведь никуда не исчезнет.

Когда наступил полдень, Северину охватила еще большая тревога, чем накануне. Уходящее время непрерывно сокрушало данную ей передышку. Опасность надвигалась, как гроза, и каждый час приближал выбранный Юссоном момент. От мысли об этом все расплывалось у нее перед глазами, предметы плыли, утрачивая свои контуры. Она почувствовала, что теперь даже присутствие Пьера уже не поможет ослабить затягивающуюся вокруг ее горла петлю.

И все же Северина продолжала бороться с невидимым, но близким противником.

— Мне грустно, — сказала она мужу, когда после всех переживаний удостоверилась, что он все еще не знает. — Тебе будет не очень сложно предупредить на работе, что ты не придешь, потому что не можешь оставить меня одну?

Она была очаровательна, как маленькая и очень больная девочка. И он не смог ей отказать.

На протяжении дня он часто с удивлением ловил на себе обволакивающие, настойчивые и жадные взгляды жены. Пылкости этим взглядам добавляло ощущение жалкой хрупкости дарованной передышки. И что это была за передышка! От каждого телефонного звонка у несчастной останавливалось сердце, и она первой бросалась к трубке. В конце концов она не выдержала и сама объяснила ему:

— Разговоры помогают мне развеяться, — робко объяснила она.

Потом пришла почта. Пока Пьер, прежде чем вскрыть конверты, рассматривал их, Северина пребывала в полубморочном состоянии.

— Ничего нового? — наконец решила она спросить по прошествии нескольких минут, которые использовала для того, чтобы изобразить на лице спокойствие и придать голосу уверенность.

— Ничего, — ответил Пьер, совершенно не подозревая, от какого невыносимого груза он ее освободил. И эту ночь они тоже провели в одной постели. Даже в своей квартире Северина постоянно чувствовала подстегивающую ее опасность и немного покоя вкусила лишь благодаря контакту с мужчиной, которого ей предстояло потерять. Уснуть она не смогла и все прислушивалась и прислушивалась к счастливому, ровному дыханию Пьера, которое, как она предполагала, ей, скорее всего, уже больше никогда не удастся услышать.

Вот скоро рассветет, наступит тот роковой день, когда ему все станет известно, и она уже не сможет удержать его... Разве что она сама... В какой-то миг она почти решила. Не лучше ли будет, если он узнает от нее? Но она быстро поняла, что это ей не под силу. Значит, он уйдет в город, где тот, другой, конечно же, будет его искать. Они встретятся... И тогда... Голова ее запрокинулась назад, и Северина застыла в неподвижности.

Ее забытье длилось недолго, очнуться ей помог все тот же непреодолимый ужас, который только что стал причиной обморока. Поскольку у нее есть еще несколько часов, нужно использовать их, сейчас она поразмыслит и будет бороться. Она встретится с Юссоном, она станет умолять его... Нет... Напротив... Это была бы ее самая глупая ошибка... Он только насладится ее страхом, как там, у госпожи Анаис, когда, валяясь в постели проститутки, она слезно умоляла не выдавать ее... Нет... Напротив... Нужно, чтобы он понял, что она ничего не боится. Тогда может быть... И Северина — настолько непереносимо было ее безвыходное отчаяние — уцепилась за эту надежду.

Юссон позвонил им в то же утро. Он знал, что Пьер ушел в больницу. Значит, к телефону подойдет Северина. Им руководило исключительно любопытство. Неужели Северина все еще считает его способным на ту гнусность, в которой она заподозрила его в момент замешательства?

«Если она поверит, что я умею хранить тайны, я постараюсь укрепить ее в этой вере. А если нет, я ее успокою».

Однако поведение Северины не дало ему возможности сделать ни того, ни другого. Уверенная, что Юссон хотел поговорить с Пьером, и настроенная на тот единственный метод борьбы, мысль о котором ей только что пришла в голову, она сухо ответила:

— Мужа нет дома.

И повесила трубку.

Это проявление отчаяния Юссон принял за высокомерие, для укрощения которого одного лишь унижения ей оказалось мало.

«Что ж, она еще попросит у меня пощады», — подумал он.

Час спустя после телефонного звонка Юссона горничная сообщила Северине, что ее хочет видеть какой-то молодой человек.

— Он не назвал своего имени, — добавила она, — и у него какой-то странный вид... полон рот золотых зубов...

— Пусть войдет, — сказала Северина.

В любой другой ситуации появление Марселя в ее доме просто уничтожило бы Северину. Но в том состоянии, в котором она находилась теперь, оно лишь слегка удивило ее. Мысли Северины были заняты исключительно Юссоном, и эта навязчивая идея сделала ее безразличной ко всем остальным событиям. Марсель... Ипполит... У них были естественные реакции, легко предсказуемые, легко предотвратимые, легко поддающиеся удовлетворению, если уж на то пошло. А вот тот, другой, изможденный, зябкий, утоляющий свое сладострастие не от власти над плотью, а от унижения душ...

— Здравствуй, Марсель, — со странной ласковостью в голосе сказала Северина.

От такого приема все резкие слова, которые он готов был произнести, застряли у него в горле. Непринужденность Северины, ее печальный вид усилили до крайности смущение, которое он почувствовал сразу же, как только вошел в гостиную. Он смотрел на Северину нерешительно, одновременно испытывая и почти уже улетучившийся гнев, и все возрастающее восхищение. Теперь он наконец смог определить, к какому кругу принадлежит эта женщина, чьи привычки, манеры и речь всегда рождали в нем смутное и сладостное ощущение своей зависимости от нее.

— Ну так что, Марсель? — с той же странной ласковостью спросила Северина.

— Ты не удивляешься тому, что я здесь, не спрашиваешь меня, как я тебя нашел?

Она сделала такой усталый жест, что ему стало нехорошо. Он любил ее еще больше, чем

предполагал, потому что уже не думал о себе.

— Что ж все-таки случилось, Дневная Красавица? — спросил он, в то время как еле заметное движение его тонкого и опасного тела несло его ей навстречу.

Северина опасливо посмотрела на дверь и сказала:

— Не называй меня так. Не надо.

— Я буду делать все, как ты захочешь. Я пришел не затем, чтобы вредить тебе (он искренне забыл про шантаж, на который уже было решено). Я хотел только узнать, почему ты ушла и как я смогу снова тебя увидеть. Потому что (тут на его лице появилось неукротимо-волевое выражение), я говорю тебе это, я должен тебя видеть.

Северина покачала головой с нежным удивлением. Она не очень хорошо понимала, как можно еще думать о будущем:

— Но все ведь кончено, все, — ответила она.

— Что... все?

— Он ему расскажет.

Она с таким растерянным видом опустила плечи, что Марсель испугался. С самого начала их разговора у него возникло ощущение, что она не вполне в своем уме.

Он резко сжал пальцы Северины, чтобы извлечь ее из зловещей задумчивости, в которую та погрузилась.

— Выражайся яснее, — сказал он.

— Случилось большое несчастье, Марсель, мой муж все узнает.

— Да, в самом деле, ты же замужем, — медленно произнес молодой человек, причем невозможно было понять, чего больше было в его голосе — ревности или почтительности. — Это он?

Марсель кивнул на фотографию. Этот портрет Пьера Северина любила больше всех остальных. Момент был схвачен очень удачно, особенно хорошо получились глаза — живые, полные искренности и молодого задора. Северина уже давно не смотрела на него с таким вниманием, снимающим равнодушие привычки. Вопрос Марселя опять превратил этот образ в живой и осязаемый. Она вздрогнула и застонала.

— Это невозможно, скажи мне, что это невозможно... чтобы нас разъединили.

Потом, нервничая, добавила:

— Уходи, уходи, он сейчас вернется. Он и так скоро все узнает.

— Но послушай, я могу помочь тебе.

— Нет, нет, никто мне уже не поможет.

Она подталкивала его к двери с таким исступлением, что он даже не пытался сопротивляться и только произнес:

— Я буду ждать от тебя новостей. Гостиница «Фромантен» на улице Фромантена. Спросишь Марселя, этого достаточно. Если не придешь, можешь быть уверена — через два дня я приду сам.

Прежде чем выйти за порог, он заставил ее повторить адрес.

Еще один день, еще одна ночь.

Северина ела, слушала, отвечала на вопросы лишь благодаря какому-то выработавшемуся автоматизму, не отдавая себе отчета в том, как это происходит. Захвативший ее водоворот, как выяснилось, носил ее поначалу только по самой поверхности. Теперь же она чувствовала, как ее затягивает в воронку, туда, где спирали, едва зародившись, тут же смыкаются. А рядом с ней плавали, словно картонные маски, лица Юссона и Пьера.

После третьей бессонной ночи Северина дошла до такого нервного истощения, что иногда ей даже хотелось, чтобы все как можно скорее закончилось. Однако когда Пьер, еще сидя в постели, просмотрел почту и прошептал: «Странно, после шести месяцев молчания!» — Северина мысленно произнесла мобилизовавшую все ее существо молитву, в которой просила, чтобы письмо было не от Юссона.

Между тем оно было именно от него, и Пьер вполголоса прочитал:

«Дорогой друг,

Мне нужно с Вами поговорить. Я знаю, что Вы очень заняты. Поэтому чтобы Вам не отклоняться от Вашего обычного маршрута и поскольку я сам окажусь как раз в тех же местах, то буду ждать Вас завтра в сквере около Нотр-Дама в половине первого. Вы ведь в это время выходите из больницы, если я не ошибаюсь. Мое нижайшее почтение госпоже Серизи...»

— Письмо датировано вчерашним днем, значит, это на сегодня, — сказал Пьер.

— Ты не пойдешь, ты не пойдешь, — почти закричала Северина, прижимаясь к Пьеру, словно ей хотелось связать его своим телом.

— Милая, я не могу так поступить. Я знаю, что ты не любишь его, но это не основание.

Северине было хорошо известно, что в таких ситуациях Пьер оставался непреклонен и никогда не уступал ее желаниям: он поддерживал свободные и корректные отношения со всеми уважаемыми им людьми. И Северина безвольно отдалась потоку ужасных мыслей.

Это смирение длилось все то время, пока Пьер находился в квартире. Когда же она почувствовала, что вокруг нее воцарилась могильная тишина, когда она увидела и услышала — а она и в самом деле видела и слышала, — как Юссон начинает свой рассказ, она забежала по комнате, размахивая руками и выкрикивая, как настоящая сумасшедшая:

— Я не хочу... Я пойду... На колени... Он скажет... Пьер... На помощь... Он скажет: Анаис... Шарлотта... Марсель...

При упоминании последнего имени возвратившийся рассудок немного смягчил блеск ее глаз:

— Марсель... Марсель... Улица... улица Фромантена.

Когда она вошла в его маленькую, не внушавшую доверия комнату на Монмартре, он был еще в кровати. Первой реакцией Марселя было затянуть Северину в постель. Но она даже не заметила этого, а приказала властно, как сама судьба:

— Одевайся.

Он хотел, чтобы она объяснила, в чем дело, но Северина остановила его:

— Я все тебе расскажу, но только скорее одевайся.

Когда он был готов, она спросила:

— Который сейчас час?

— Одиннадцать.

— У нас есть время до половины первого?

— Время на что?

— На то, чтобы дойти до сквера Нотр-Дам.

Марсель смочил салфетку, провел ею по лбу и вискам Северины, налил в стакан воды.

— Выпей, — сказал он. — Я не знаю, что с тобой случилось, но, если ты будешь продолжать в таком духе, надолго тебя не хватит. Как, немного лучше?

— У нас есть время? — нетерпеливо спросила она, так как ей никак не удавалось сориентироваться, успевают они или нет: она не понимала и не слышала ничего, что не

имело отношения к преследуемой ею цели.

Одержимость Северины оказалась заразительной. Марсель даже не попытался спорить с ней. Да и куда бы он только не пошел за Севериной с закрытыми глазами, после того как, отчаявшись найти ее, вдруг увидел ее перед собой — потерянную, молящую о защите. Ведь речь могла идти только об этом — он почувствовал все интуицией сутенера. Все подталкивало его сейчас к тому, чтобы повиноваться Северине: его любовь, природная вспыльчивость и дикий закон его среды, по которому мужчины, живущие за счет женщин, должны расплачиваться с ними своей отвагой и кровью.

— Мы будем там на час раньше, чем нужно, — сказал Марсель. — Что от меня требуется?

— Там посмотрим... Мы опаздываем.

Он понял, что Северина успокоится только тогда, когда окажется в том месте, куда стремится всем своим существом.

— Иди вперед, — сказал он.

Он быстро пошарил под подушкой, сунул руку в карман, потом нагнал Северину в коридоре. Сначала она не обратила внимания на то, что Марсель не подошел к такси, выстроившимся в ряд на площади Пигаль, а направился к крохотному гаражу на прилегающей улице. И только когда он начал там о чем-то говорить с каким-то человеком в промасленном комбинезоне, она запротестовала. Но Марсель грубо оборвал ее:

— Не лезь не в свои дела. Еще здесь ты будешь меня учить.

Потом, обращаясь к человеку в комбинезоне, добавил:

— Так я жду тебя, Альбер. Не в службу, а в дружбу.

Несколько минут спустя они сели в выдавший виды «форд». Альбер, который теперь был в пиджаке без воротника, сидел за рулем. Он высадил их перед сквером со стороны острова Сен-Луи, как попросила Северина, зная, что Пьер будет идти от паперти Нотр-Дам.

— Оставайся здесь и жди сколько потребуется, — приказал Марсель, выходя из машины.

Альбер в ответ проворчал:

— Так рисковать я согласен только ради тебя и Ипполита.

Северина и Марсель вошли в сквер.

— Ну рассказывай, — потребовал он.

Северина посмотрела на часы — еще не было двенадцати. Время для объяснений у нее было.

— Понимаешь, в самый мой последний день у Анаис к ней пришел один человек. Он друг моего мужа. И вот сегодня в половине первого он собирается все ему рассказать.

— Потому что не смог тебя заполучить?

— Если бы только это.

— Сволочь, — ругнулся Марсель. Потом холодным тоном сказал: — Ты не хочешь, чтобы он тебя заложил, я понимаю. Только вот если бы ты сказала мне об этом раньше, все было бы гораздо проще.

— Я узнала это только сегодня утром.

Марсель был взволнован тем, что Северина сразу же, не рассуждая отправилась за помощью к нему.

— Будь спокойна, я все утрою, — заверил он ее.

Он увлек Северину к скамейке, скрытой деревьями, и теперь со стороны паперти Нотр-Дама заметить их было совершенно невозможно. Марсель закурил сигарету, они помолчали.

— А потом? — спросил Марсель. — Да, что потом? Если все пройдет нормально, ты будешь только со мной? Разумеется, я не говорю о твоём муже.

Северина решительно кивнула. Кто же когда-нибудь выручал ее так, как он?

Марсель курил, не произнося больше ни слова. Время от времени он измерял взглядом расстояние между их скамейкой и железными воротами, открывавшимися в сторону паперти, прикидывал, как далеко от них стоит машина с работающим на медленных оборотах мотором, звук которого время от времени доносился до них. Северина, обессиленная, не способная ни о чем думать, ждала. Никогда еще она так ясно не чувствовала, что не принадлежит себе.

— Двадцать пять минут первого, — сказал Марсель и встал. — Сейчас тебе нужно будет смотреть в оба и сразу, как только он появится, показать его мне.

Северина обернулась, ее стала тряссти дрожь. В сотне шагов от них, в аллее, ведущей к воротам, через которые должен был пройти Пьер, стоял Юссон. Марсель тут же угадал причину этой дрожи.

— Он здесь? — спросил он. — Покажи.

Северина не смела. На лбу у Марселя она заметила складку, которую уже однажды видела в тот вечер, на рынке.

— Говори же, — яростным шепотом приказал он. — Ты не понимаешь...

— Нет, нет, пошли отсюда, — пролепетала Северина.

Но не сдвинулась с места. Из тени собора в сад входил Пьер. Юссон направился к нему.

— Вон тот, худой, который подходит к моему мужу, — шепнула она.

И потом с диким надрывом в голосе, с каким спускают с поводка собаку-убийцу, добавила:

— Иди, Марсель.

Он слегка пригнулся. В его напряженном затылке было нечто такое, что повергло Северину в смятение, и она, растерявшись, бросилась бежать. Инстинктивно она побежала в сторону, противоположную той, куда направился Марсель. Так что, сама того не желая, она проскочила в тот же вход, откуда они с Марселем пришли. Альбер и его машина были на месте.

— Залезай, — скомандовал он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на ненависть.

Они прислушались. До них донеслись неясные крики. Они увидели, как туда, где кричали, побежали люди. Альбер продолжал ждать.

Шум усилился. Мимо них пробежал полицейский. Альбер с силой нажал на акселератор.

Когда Юссон писал письмо Пьеру, то не без основания предполагал, что тот будет крайне удивлен и расскажет о нем Северине. Он нисколько не сомневался в том, что Северина позвонит ему или даже придет к нему домой. Он надеялся насладиться поражением ее упрямого высокомерия, а потом прекратить игру, которая начала уже утомлять его и которой он уже стыдился.

Однако утро прошло, а никаких известий от Северины так и не последовало. Он позвонил ей. Ее не оказалось дома. Юссон заколебался: стоит ли идти в сквер к Нотр-Даму? Естественно, он заготовил правдоподобную тему для беседы с Пьером, но молчание Северины заронило в его душу предчувствие какой-то смутной опасности. Однако именно

это предчувствие как раз и заставило его принять окончательное решение.

Подобно многим достаточно благородным, но страдающим от какого-нибудь тайного порока людям, Юссон стремился искупить этот порок, всячески развивая хорошие качества. И коль скоро предстоящая встреча с Пьером вносила в его душу изрядную долю беспокойства, он решил, что не отменит ее.

Из-за этих раздумий он пришел в сад всего за несколько минут до назначенного времени. Едва он двинулся по маленькой аллее, откуда был виден левый берег, как тут же заметил Пьера и направился к нему.

Марсель рванулся как раз в этот момент.

Даже если бы решение Марселя не было таким твердым, уже один только крик Северины, страстный, смертоносный, идущий из недр плоти, заставил бы его ударить. Этот крик настраивал душу на боевой лад, подогревал кровь — именно этого опасался Ипполит, когда говорил о Марселе. А поскольку удача уже несколько раз сопутствовала ему в трудных делах, сейчас уже ничто не могло остановить его.

Он бежал, держа пальцы на раскрытом в кармане ноже со стопором. Голова у него была ясная, и Марсель размышлял: «Он упадет, я прыгну на газон, и, раньше чем меня хватятся, Альбер рванет вперед». Он верил в свою силу, в ловкость и в сноровку своего шофера. Но в расчетах он не учел возможность вмешательства Пьера и настороженности того, кого он наметил своей жертвой.

Видя, что прямо на Юссона несется какой-то человек, Пьер, шедший им навстречу, сделал предупреждающий жест. Юссон резким движением инстинктивно обернулся и уклонился от удара. Перед его лицом что-то сверкнуло. Марсель, ловкий, как животное, тут же обрел равновесие и опять занес нож. Но Пьер бросился вперед. Рядом со своим лицом он увидел чье-то искаженное металлической ухмылкой лицо. Удар достался ему. Поразил его в висок.

Марсель еще мог бы убежать. Но он понял, что ударил мужа Северины. Замешательство длилось всего секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы его погубить. Пьер зашатался, Юссон схватил руку, которая держала потускневшее оружие. Марсель попытался вырваться, но в тощем теле его противника жила редкая сила. К тому же на подмогу уже спешили прохожие, уже раздавались свистки полицейских. Марсель прекратил сопротивление. У его ног лежал неподвижный человек.

После всех окольных путей, поворотов и бесконечных остановок Альбер окончательно остановился на площади Бастилии.

— Ну а теперь давай сматывайся, — сказал он Северине.

Та не поняла.

— Вылезай, — с угрожающими нотками в голосе приказал Альбер. — Сегодня не тот день, чтобы слишком высовываться.

Северина вяло повиновалась и, лишь когда он уже готов был тронуться с места, спросила:

— А Марсель?

Альбер посмотрел на нее со злостью, но ее искреннее непонимание было столь очевидным, что он только проворчал:

— Читай вечером газеты! И подумать только, что все это ради тебя!

«Форд» быстро исчез из виду.

— Я должна возвратиться домой, — громко сказала Северина.

Двое прохожих, обернувшись и улыбаясь женщине, которая разговаривала сама с собой, вывели Северину из оцепенения. Ее способность воспринимать действительность прервалась в тот самый момент, когда она увидела, как Марсель готовится к прыжку. Тряска в машине и бесцельная езда окончательно ее истомили. Северине показалось, что она ехала целую вечность в этом подозрительном автомобиле с этим немым, вцепившимся в руль человеком. Между тем теперь нужно было снова пускаться в путь, не зная, куда он приведет. Бросая Марселя вперед, она надеялась выстроить стену, вырыть ущелье, воздвигнуть нечто непреодолимое между собой и будущим. А тут она вдруг почувствовала, что ни одно живое существо не в состоянии вырваться из непреложного сцепления событий. С трудом, на ощупь продираясь сквозь плотную, как хаос ее мыслей, мэку, она пыталась связать то, что она прожила, с тем, что ей предстояло прожить.

Марсель убил, в этом она не сомневалась. Это не вызывало у нее никаких эмоций. Мужчины, их поступки, как и ее собственные поступки, выглядели абстрактными знаками, переходящий смысл которых ей нужно было расшифровать. Марсель убил Юссона. Юссон должен был рассказать Пьеру то, что тому не следовало знать. Отсюда все ее страхи. Юссон больше ничего не скажет. Следовательно, ей больше нечего бояться. Значит, она может повидаться с Пьером. Даже должна. Уже пора обедать.

Когда Северина пришла домой, у нее даже не хватило сил, чтобы удивиться тому, что Пьер еще не вернулся. Она прилегла на постель и тут же заснула. Даже громкий звонок, раздавшийся часа в два в безмолвной квартире, не смог ее разбудить. Она не слышала, как горничная постучала и потом вошла.

— Мадам, мадам, — стала горничная звать все громче и громче, пока Северина наконец не открыла глаза, — там пришел доктор, он хочет сказать что-то очень серьезное о господине Серизи.

Первая мысль, которая пришла Северине в голову после короткого забытья, вернувшего ее к прежним переживаниям, была о том, что Юссон успел все рассказать и что Пьер не хочет возвращаться домой.

— Я не хочу никого видеть, — сказала она.

— Нужно, мадам, — настаивала горничная таким тоном, что Северина тут же направилась в гостиную.

Практикант из больницы был очень бледен.

— Мадам, — сказал он, — произошел несчастный случай, который просто никто не в состоянии объяснить.

Он замолчал, подыскивая слова и надеясь, что его прервут, но его не прервали. Суровое выражение, застывшее на лице Северины, внушало ему страх.

— Успокойтесь, ничего непоправимого, — быстро сказал он. — Вот... Серизи ударили ножом в висок.

— Кого?

Северина бросилась к практиканту так стремительно, что тот едва осмелился повторить:

— Серизи.

— Моего мужа? Пьера? Вы ошибаетесь.

— Я работаю с ним уже целый год, мадам, — с печалью в голосе сказал практикант, — и я люблю его, как все его у нас любят... Да, его ударил какой-то тип, который, кстати, арестован. Вашего мужа тут же привезли к нам в отделение. Разумеется, пока он еще без сознания, но сердце... в общем, у него много шансов поправиться. Мы предупредили профессора Анри, нашего патрона. Я думаю, сейчас он уже там. Я провожу вас, мадам.

Даже подойдя вплотную к Центральной больнице, Северина все еще отказывалась верить, что в этой самой больнице, где Пьер прооперировал столько тел, он сам вдруг оказался всего лишь телом, препорученным заботам белых халатов. Она узнала подъезд, где ждала Пьера в тот день, когда впервые отправилась на улицу Вирен, и это воспоминание только усилило ее неверие в происходящее. С такой степенью точности заколдованный круг замыкается только в дурных снах.

Однако она увидела профессора Анри, и защищающее ее облако рассеялось. Она несколько раз ужинала у него вместе с Пьером и теперь вспомнила, с какой трогательной радостью Пьер, разговаривая с ним, старался повторять слово «патрон» — единственное слово, в котором как нельзя лучше сочетались симпатия и глубокое уважение. От этого всплывшего в памяти слова вместе с неповторимой интонацией Пьера она чуть не упала в обморок: ведь раз профессор здесь, раз он идет к ней... Северина не успела додумать свою мысль. Врач уже держал ее руки в своих ладонях. Это был нервный человек маленького роста, сумевший остаться удивительно молодым. Эта молоджавость придавала ему уверенности и позволяла избегать излишней осторожности в обращении с людьми.

— Милая моя, не теряйте самообладания, — сказал он. — Я отвечаю за его жизнь. Что касается остального, то здесь что-то определенное можно будет сказать только завтра.

— Я могу его видеть?

— Разумеется. Но он еще не пришел в себя. Завтра картина немного прояснится.

Практикант провел Северину к Пьеру. Она вошла уверенным шагом, но хотя воображение ее и было готово ко многому, сейчас она смогла дойти лишь до середины комнаты. Ей помешали приблизиться отнюдь не забинтованный лоб и не восковой цвет кожи Пьера. Помешала какая-то неестественная неподвижность его конечностей и лица, это не походило ни на сон, ни на смерть, — бессильная, вялая неподвижность, от которой все тело Северины пронизала долгая дрожь, вызванная не только жалостью и ужасом, но и чувством мучительного сожаления и еще — Северина потом не признавалась себе в этом

никогда — чувством отвращения. Неужели вот эта инертная, дряблая масса с обвисшим ртом, с опавшими, а не просто опущенными веками и есть прежде всегда такое подвижное и решительное лицо ее мужа? Было почти физически тяжело смотреть на эту расслабленную плоть, еще утром лучившуюся щедростью молодости.

Северина не могла знать, что угрожает Пьеру, но в его чертах она прочитала, что наказание, на которое она его обрекла, обрело еще более жестокую форму, отчего ее бросало в холод.

— Я больше не могу, — прошептала она. — Мне нужно выйти.

За дверью ее ждал человек.

— Извините меня, — сказал он, — что я расспрашиваю вас в такую тяжелую минуту, но мне поручено расследование. Ваш муж пока еще не в состоянии говорить, может быть, вы могли бы что-нибудь объяснить.

Северина оперлась о стену. Ее вдруг поразила мысль, до этого не приходившая ей в голову. Она — сообщница Марсея, и ее арестуют.

— Ну, господин следователь, — воскликнул практикант, — откуда же мадам знает! Вам же господин Юссон сказал, что метили в него и что доктора Серизи ударили случайно.

Он отвел комиссара в сторону и сказал ему тихо:

— Я понимаю, это ваш долг, но все-таки пощадите эту несчастную женщину, не беспокойте ее хоть какое-то время. Они так друг друга любят, она же еле держится на ногах.

Северина посмотрела вслед комиссару, с трудом понимая, что пока ее оставили на свободе. Потом робко спросила:

— Вы говорите о Юссоне, вы его видели?

— Да я же, кажется, уже сказал вам, мадам...

Северина смутно припомнила, что по дороге в больницу практикант что-то рассказывал ей, но тогда ее сознание оказалось неспособным что-либо воспринимать. Она попросила его повторить. Только тут она с ужасающей ясностью установила для себя последовательность событий, начиная с того самого прыжка Марсея. Северина прокусила себе губу, чтобы не застонать: «Это я, я направила удар».

И, словно чувство ответственности за все произошедшее вдруг усиливало опасность, которой подвергался Пьер, она прошептала:

— Он умрет.

— Нет, нет, я вас умоляю, успокойтесь, — сказал практикант. — Вы же слышали, что сказал патрон. Серизи выкарабкается, это бесспорно.

— Почему же он не шевелится?

— После такого удара это естественно. Но жить он будет, в этом я вам клянусь.

Северина почувствовала, что хотя это заверение и было искренним, но оно не снимало всех ее тревог. Но какое имело значение, сколько продлится выздоровление и будет ли слишком неприятным лечение, если Пьер все-таки будет жить.

Остаток дня она провела у постели больного. Он был по-прежнему неподвижен. Иногда Северина, охваченная испугом, склонялась над ним, слушала его сердце. Оно тихо билось. Тогда она успокаивалась и запрещала себе думать о странном бездействии его мышц.

Когда начало смеркаться, профессор Анри пришел сменить повязку и осмотреть рану. Северина невольно подняла глаза на это темное отверстие. Через него вытекала самая дорогая для нее кровь и, может быть, что-то еще более драгоценное. Она видела оружие, которое проделало эту дыру. Раздеваясь, Марсель всегда клал под подушку револьвер и нож с

бежевой роговой ручкой. Северина держала его в руках, поглаживая стопор.

У нее застучали зубы.

— Лучше будет, если вы пойдете домой и попытаетесь уснуть, — сказал профессор. — За Серизи будет хороший уход, я гарантирую. А вам... вам понадобятся силы завтра. Завтрашний день многое решит... Речь здесь идет не о жизни, но... В общем, посмотрим. Идите отдохните.

Она повиновалась с каким-то тайным удовлетворением. Однако домой не пошла. У нее возникло глухое, неодолимое желание, которого она испугалась лишь в тот момент, когда назвала шоферу адрес Юссона. Некий закон мощного тяготения нес ее к этому человеку, с которого все началось, которым, казалось, все должно было и кончиться, к единственному человеку, который знал о ней все.

Едва Северина увидела Юссона, как тут же поняла, что тот ждал ее прихода.

— Я знал, — отсутствующим голосом произнес он.

Он провел ее в гостиную, полную роскоши и покоя. Хотя лето было в самом разгаре, в камине полыхали дрова.

Юссон сел напротив огня, опустил вниз длинные кисти рук.

— Ничего нового, так ведь? — спросил он таким же отрешенным голосом. — Я только что звонил в больницу. Там сейчас определяется цена моего спасения.

Северина молчала, но у нее уже возникло и постепенно начало усиливаться необычное ощущение внутреннего благополучия. Юссон был сейчас единственным человеком, общество которого она могла выносить, и он произносил те единственные слова, которые она была способна воспринимать.

Юссон смотрел то на огонь, то на свои руки, которые постоянно подносил к огню. Такое было ощущение, что он хочет их там расплавить. Он продолжал:

— Когда он упал, у меня тут же появилась уверенность, что он не умрет. В воздухе витало нечто худшее.

Он с трудом поднял глаза на Северину и спросил:

— Вы были настолько уверены, что я расскажу?

Молодая женщина ответила лишь легким взмахом ресниц.

— Как вы его любили, — немного помолчав, сказал Юссон. — Человеку вроде меня такое неведомо... И я допустил эту ошибку. Я не предполагал, на что может толкнуть подобное чувство...

Северина внимательным взглядом выразила согласие. «Ему не дано было понять того, что было во мне хорошего, — подумала она. — А Пьеру не дано было понять плохого... Если бы он догадался, то, может быть, удержал бы меня или стал бы лечить. Но, если бы он догадался, он не был бы Пьером».

— А тот, с ножом, — сказал внезапно Юссон, — тоже ведь какая страсть.

Он вздрогнул, придвинулся еще ближе к огню. Его голова дрожала от печали, по силе своей превосходившей печаль всех действующих лиц этой драмы.

— И только у меня одного, — прошептал он, — не оказалось никакой благородной причины. Вы все трое смертельно ранены, а я ускользнул. Почему? Во имя чего? Ради того, чтобы иметь возможность возобновить свои маленькие опыты?

Он слабо усмехнулся и задумчиво продолжал:

— Как хорошо нам сегодня вдвоем. На всей земле никто — даже самые алчущие любовники — не испытывают в этот вечер такой потребности друг в друге, как мы с вами.

— Скажите, — спросила Северина, — когда вы увидели Марсея, вы сразу поняли, что это я послала его?

Юссон мягко поправил:

— Послали мы.

Потом он погрузился в состояние беспредметной мечтательности. Прервал его мысли шум ровного дыхания. Северина уснула на диване, на котором сидела.

«Скольких бессонниц, скольких мучений стоит ей этот сон, — подумал Юссон. — А завтра...»

Он вспомнил об опасениях профессора Анри, о расследовании, которое начнется. Каким образом эта несчастная с лицом сломленного ребенка сумеет сохранить крохи еще оставшегося у нее в голове здравомыслия?

Он, конечно, поможет, но только от чего он может ее уберечь?

Юссон подошел к Северине. Во сне она выглядела такой чистой, такой невинной. Неужели эта та самая женщина, которую он видел распростертой на красном покрывале там, куда сам же и направил ее однажды солнечным утром? Да и сам он, разве в это мгновение он был тем же человеком, который на жалкую мольбу Дневной Красавицы ответил безнравственным уклончивым жестом, тем жестом, который, по сути, и проделал позже дыру в виске Пьера? Его собственная тайна, в которую он столько раз вглядывался с неумной и тщетной алчностью, покоилась на целомудренном лице Северины.

Он нежно коснулся ее волос, сходил за одеялом, выбрал самое мягкое и тихо накрыл ее.

Северина проспала до девяти часов утра. Проснулась она с ощущением, что ее физические силы восстановлены. Однако вскоре она пожалела об этом отдыхе. Он обострил ее переживания, усилил тревогу о здоровье Пьера. Все, что привело ее к Юссону, показалось ей жалким и ничтожным. То была слабость, невроз. Воспоминания об их беседе, вчера казавшейся такой содержательной, теперь заставили ее устыдиться.

Вошел Юссон. Он испытывал такую же неловкость. Он тоже смог поспать. Тени исчезли. Жизнь сделала еще один шаг. И от этого его глазам предстала совершенно иная картина. Поступки и слова, продиктованные созерцанием глобальных зловещих законов, капитальные поступки и слова превратились в докучливых свидетелей уже не соответствующей им чувствительности.

— Я позвонил в больницу, — сказал он. — Его жизнь вне опасности, он даже пришел в себя, но...

Северина больше не слушала. К Пьеру вернулось сознание, а ее не было рядом, чтобы встретить этот первый проблеск. Как он, наверное, ждет ее!

Она всю дорогу только и думала о том, как улыбнется Пьер, когда увидит ее, как он потянется к ней; конечно, жест его будет слабым, почти незаметным, но она поймет его, мысленно его продолжит и закончит за него. Измотавшая ее гонка приближается к концу. Он выздоровеет, она заберет его с собой. И снова будут дни в тени больших деревьев, игры на пляжах, песни горцев над гладкими снегами. Он улыбнется ей, слегка протянув к ней руки.

Глаза у Пьера были раскрыты, но он не узнал Северину. По крайней мере, так ей показалось. Как же еще можно было объяснить отсутствие не только какого-либо жеста, но и какого-либо выражения, той тончайшей вибрации, которая при приближении милого существа начинает волновать даже совсем безжизненную, умирающую плоть. Пьер не узнавал ее, и для Северины это было ужасным ударом. И все же менее ужасным, чем тот,

который обрушился на нее всего несколькими секундами позже. Она склонилась над Пьером и на самом дне его глаз заметила мерцание, дрожащий огонек — призыв и бесконечную мольбу. Так он мог обращаться только к ней, но если он ее узнал, то почему это страшное молчание, эта окоченелость?

Северина откинулась назад, посмотрела на сестру, на практиканта. Те опустили глаза.

— Пьер, Пьер, маленький мой, — закричала, скорее завывала она, — хоть одно слово, один вздох, я тебя...

— Успокойтесь, я вас умоляю, успокойтесь, ради него, — с трудом прошептал практикант. — Я думаю, он слышит.

— Но что с ним такое? — простонала Северина. — Нет, не говорите ничего.

Что могут знать эти люди, даже самые ученые? Она, только она, которая знает каждую извилинку этого лица, сможет разгадать его ужасную тайну. Подавляя страх, Северина вернулась к постели, обхватила голову мужа, притянула к себе. Но руки, утратившие вдруг силу, опять положили ее — на подушку. Ничто не дрогнуло в этих чертах, таких же вялых, как и накануне.

Ее привел в чувство взгляд Пьера. Эти светлые глаза, которые она видела смеющимися или серьезными, задумчивыми или влюбленными, были живыми. Чего же тогда она боится? Он просто слишком слаб, чтобы шевелиться, чтобы разговаривать.

— Любимый, ты поправишься, — сказала она. — Твои друзья тебе ведь объяснили это, и твой патрон тоже.

Она остановилась и спросила с тревогой в голосе:

— Ты меня слышишь, Пьер? Поддай знак, чтобы я знала... маленький знак.

От нечеловеческого усилия глаза больного потемнели, но лицо не дрогнуло. И Северина начала догадываться, что означали недомолвки врача.

Северина долго оставалась склоненной над этими глазами, единственным средством общения глубокого и нежного ума. Чтобы не разрыдаться, она вышла.

В коридоре вышедший с ней практикант сказал:

— Не нужно отчаиваться, мадам. Только время покажет, насколько это необратимо.

— Но скажите же мне, что он не останется таким, как сейчас. Это невозможно. Это хуже...

— Во время войны, — неуверенно сказал молодой врач, — были случаи полного излечения паралича.

— Паралич, паралич, — глухо повторила Северина.

— Теперь, когда вы все знаете, позвольте дать вам один совет, — добавил практикант. — Не разговаривайте с ним, пожалуйста, слишком много. Сделайте так, чтобы он как можно меньше осознавал... Конечно, с Серизи это трудно, и тем не менее нужно постараться немного его усыпить. Самый живой мозг, когда приходит болезнь...

— Я не хочу, — почти грубо прервала его Северина. — Нет, он не неполноценный. У него все цело. Если вы не верите, оставьте его мне. Я все сумею.

При виде столь мощной решимости, столь мужественной любви молодому врачу захотелось пожать Северине руку как товарищу, более отважному, чем он сам.

Теперь Северина не покидала палаты Пьера. Днем и ночью она принадлежала этим глазам, которые сверкали, как затерянные сигнальные огни. Ее собственная жизнь казалась несущественной. Что может сравниться с жестокой драмой, разыгрывавшейся в замкнутом пространстве, в точных и неподвижных границах тела, неспособного передать движения

живущего в нем духа? Но зато какую невероятную победу, как ей показалось, она одержала, когда однажды утром вроде бы увидела дрожание губ Пьера. То была едва различимая вибрация, но Северина была уверена, что не ошиблась. В течение дня вибрация повторилась.

На следующий день Пьер смог изобразить губами несколько слогов, его пальцы начали делать слабые вмятины в одеяле. Нечто похожее на бескрайнюю песню наполнило душу Северины. Она уже не сомневалась в грядущем полном выздоровлении Пьера, и сдержанность врачей ее раздражала. Неделю спустя она вырвала у них разрешение перевезти его домой. Рана затягивалась. Что же касается остального, то тут она полагалась только на себя. К тому же если весь низ тела по-прежнему оставался инертным, то торс и руки уже двигались, разумеется, беспорядочно, но все же это были движения. Кроме того, Пьер начал довольно непринужденно выражать свои мысли, а две предпринятые попытки читать показали, что он может и это.

Северина никогда бы не подумала, что такая простая вещь, как возвращение в свою квартиру полуживого человека, способна доставить ей столько светлой радости. Она не хотела замечать, что губы Пьера, прежде чем выговорить какое-нибудь слово, предпринимают тысячу усилий, что для того чтобы двинуть рукой, он начинает делать движение не в ту сторону. Все должно было прийти в норму, потому что он находился в своей комнате, потому что он улыбнулся, увидев свои книги, улыбнулся тем более трогательно, что у него получилась полуулыбка. Теперь необходимо было только терпение. Северина знала, что оно у нее есть — бесконечное, нежное, готовое победить все.

Она совершенно забыла, что внутри той женщины, которая ухаживает за Пьером, нашла себе пристанище другая — проститутка и убийца. Ей пришлось вспомнить об этом на следующий же день.

Не в силах скрыть замешательство, к Северине обратилась ее горничная, кроткая девушка, которая служила в доме с самого начала их семейной жизни.

— Я не хотела беспокоить мадам, — сказала она, — пока мадам оставалась в больнице и в первый день возвращения... Мадам видела газеты?

— Нет, — сказала Северина, и это было правдой.

— В самом деле, мадам? — продолжала с облегчением горничная. — Если бы мадам видела портрет убийцы...

Северина не прерывала ее, но слушать уже перестала. Прислуга узнала Марсея на фотографии в газете.

Северине показалось, что комната, мебель, эта продолжающая что-то говорить женщина (до нее смутно донеслось: «золотой рот») вдруг стали совершать равномерные колебательные движения. Колебания захватили и ее саму. Ей пришлось сесть.

— Мадам потрясена так же, как и я, — заключила горничная. — Я не хотела никому ничего рассказывать, не поговорив с мадам, но теперь я предупрежу следователя.

Как же Северина пожалела об этом злосчастном возвращении: в Центральной больнице, вдали от людей и от своего прошлого, она имела что-то вроде права убежища. Что за безумное ослепление заставило ее поверить в то, что она ушла от невидимых щупалец? Они сжимают ее снова. Разве ей мало уже выпавших на ее долю страданий? Какая им нужна еще дань?

— Правда же, мадам, ведь надо предупредить его? — спросила горничная.

— Разумеется, — прошептала Северина, не отдавая себе отчета в том, что говорит.

Она тут же поняла, что последует дальше: направленное против нее расследование, обвинения в сообщничестве, тюрьма и Пьер, наполовину сбросивший свой саван плоти и вдруг узнавший все те тайны, ради сокрытия которых она заставила его заплатить такую дорогую цену. Какая злая насмешка!

— Подождите... Нет, не надо! — вскричала она.

Удивление прислуги, ее недоверчивый вид вернули Северине немного хладнокровия.

— Да, ваше... наше свидетельство... — заставила она себя исправиться, — оно ничего не потеряет за каких-нибудь два... три дня. Сейчас пока я не могу отойти.

— Как мадам будет угодно, но меня и так уже мучают угрызения совести оттого, что я столько ждала.

И снова у Северины появилось ощущение, которое, как она наивно полагала, уже не должно было к ней вернуться, — ощущение затравленного зверя. Снова она чувствовала себя преследуемой, попавшей в тупик, зависимой. Причем на этот раз ее преследовал не один человек, а целая свора, выдрессированная обществом для этой цели. А кто же будет ухаживать за Пьером, улыбаться ему, развлекать его, кормить?

Теперь она не хотела для себя ничего, кроме этого скромного удела, и вот ей отказывают и в этом.

В голову пришла мысль о смерти, и в этот момент она действительно устремилась бы всей душой навстречу холодной избавительнице. Но тут ей показалось, что в комнате Пьера, послышался какой-то шум.

«Я пойду до конца, — прошептала Северина, — и им не удастся причинить ему вреда».

Она позвонила Юссону и попросила его приехать.

— Это мой сообщник, — размышляла она. — Он это знает. Он поможет мне.

С первых же слов Северины Юссон весь обратился в слух.

— Дело более серьезное, чем вы думаете, — сказал он. — Видно, что вы не читали газет. Полицейские взяли след.

— Мой?

— Почти... Рот этого парня делает его заметным... Так что у Анаис кое о чем рассказали. Установить, что Марсель приходил каждый день к одной и той же женщине и ради нее одной, оказалось не так уж трудно. По фотографиям, которых мне не удалось избежать, Анаис и другие узнали и меня. Напрашивалась мысль, что между моим визитом и вашим исчезновением существует какая-то связь. Короче, был сделан вывод, что Марсель бросился на меня из-за какой-то женщины из дома свиданий. С другой стороны, один полицейский и прохожие утверждают, что в момент покушения видели, как какая-то женщина побежала и села в машину, которую другие прохожие в свою очередь заметили стоявшей перед сквером с включенным мотором с двенадцати до половины первого... Пресса переполнена такого рода деталями. Здесь есть все необходимое, чтобы подхлестнуть любопытство: нападение среди бела дня... Марсель и все его прозвища... таинственный автомобиль и особенно эта женщина... Нет ни одной газеты, которая не вынесла бы в заголовок имени Дневной Красавицы.

— А что еще, что еще? — спросила Северина.

— Вот в основном и все из того, что направлено против вас. В вашу пользу говорит то, что, несмотря на поиски, ни машины, ни ее шофера не нашли, а главное — это молчание Марсея. Молчание героическое, потому что, дав показания, он почти снял бы с себя вину. Но он не проговорился, это чувствуется. Но если улики в общем собираются правильно, то

психологический след ведет совершенно не в ту сторону. До настоящего времени полиция, юстиция, пресса убеждены, что Дневная Красавица... вы извините меня...

— Говорите же... Что мне до всего этого.

Он пришел в восхищение от того, что ради любви к Пьеру она отбросила все, относящееся к ней самой (хотя тот парень, сутенер, не рискует ли он, ради любви к ней, быть приговоренным к каторге?), и продолжал:

— Для всех Дневная Красавица является публичной женщиной, а поскольку вы не оставили на улице Вирен никаких сведений о том, кем являетесь в действительности, то маловероятно — разве только что-нибудь непредвиденное, — чтобы кому-то удалось установить связь между ней и вами. Но вы же понимаете, что, если ваша прислуга скажет хоть слово, если хотя бы одна ниточка приведет сюда, все будет раскрыто.

— Но я буду отрицать... я скажу, что она лжет... что это месть... и я...

— Сейчас тот самый момент, — сказал Юссон, беря ее ладони в свои руки, — когда вы должны сохранять самообладание. Одной вашей горничной, может быть, и не поверят, но вас узнает Анаис, узнают другие.

— Шарлотта... Матильда... — прошептала Северина, — и... все эти мужчины.

Она стала ронять имена, словно внимая некоей ужасной молве и превращаясь всего лишь в ее эхо: Адольф... Леон... Андре... Луи и другие, еще и еще.

— И все это будет в газетах, — медленно произнесла Северина, — и Пьер прочтает, потому что он уже может читать, я так этому радовалась!

Она вдруг усмехнулась, причем усмешка ее странным образом вдруг напомнила усмешку одного наполненного золотыми зубами рта, и сказала:

— Она ничего не скажет.

Северина захотела высвободить ладони, которые Юссон все еще держал, но он сжал их сильнее и сказал:

— Марсель сейчас в тюрьме, а вы сами не можете...

В самом деле. Она хотела, и она тоже...

— Понимаете, — продолжал Юссон, — а что, если дать много денег?

— Нет. Она у меня работает уже давно. Я ее знаю. Я предпочитала, чтобы меня окружали честные люди.

— Но тогда...

Юссон отпустил руки Северины и ушел, не попросив провести его к Пьеру.

После традиционного визита профессора Анри Северина позвала горничную. Сказала, что врач рекомендовал ей подольше не выходить из дома, и попросила не давать показания или, по крайней мере, отложить их.

Все, чего ей удалось добиться от горничной, которая, как Северина чувствовала, явно подозревает ее, было обещание ничего не предпринимать в течение недели.

В предшествующие преступлению дни Северина думала, что ничто не сможет превзойти ее муки. Однако теперь убедилась, что в страдании пределов не существует. Каждый час приносил ей непредсказуемые терзания, она все больше понимала, насколько велика потребность Пьера в ней.

Жалкая улыбка, радость, загорававшаяся у него в глазах, когда он видел ее, были когда-то, в больнице, подарками для нее, а теперь превращались в ужасные удары. Что с ним будет, когда ее арестуют? Когда узнает он, почему и как она с помощью подобранного в доме

терпимости любовника не только надругалась над его любовью, но и отняла у него могучую силу и молодость? Ну как было бы хорошо, если бы Юссон сразу рассказал ему о своем открытии!

Тогда, чтобы выстоять, у Пьера были здоровое тело и любимая работа. А она... она бы умерла или, если бы у нее не хватило на это духа, могла бы уйти к Марселю. Грязь беспутного существования погребла бы ее в своих недрах. На улице Вирен она слышала рассказы про женщин, затянутых этой трясинной, погрузившихся в пучину деградации: когда-то у них была интересная, красивая жизнь, а потом — алкоголь, наркотики...

Алкоголь, наркотики... она бы тоже к этому пришла: она почувствовала это по той тяге к ним, которая появилась у нее в тяжелые последние дни. Но она не имела права помышлять о них. Когда она была с Пьером, ей приходилось казаться веселой и безмятежной, а с ним она была теперь постоянно. Он не настаивал на присутствии Северины, он даже не просил об этом, но когда она выходила из комнаты, от скованного неподвижностью лица Пьера исходила мольба, устоять перед которой было невозможно.

Она уходила в соседнюю комнату, только чтобы почитать газеты. Они изобиловали подробностями о ней, где в разных дозах присутствовали фантазии и правда. Все остальное было известно, а вот загадка Дневной Красавицы вызывала всеобщий интерес. Репортеры спрашивали госпожу Анаис и обитательниц ее пансиона. Наконец один журналист появился и у Серизи.

Северина подумала было, что она уже разоблачена, но молодой человек пришел всего лишь справиться о самочувствии раненого. Этот визит заставил Северину обратить внимание на то, что состояние Пьера не улучшается. А вечером профессор Анри сказал ей непривычным для него мягким тоном:

— В целом Серизи останется теперь таким на всю жизнь. Умственные его способности сохранятся в полном объеме. Возможно некоторое улучшение речи, движений шеи, рук. Но от таза и ниже его тело мертво.

— Спасибо, доктор, — сказала Северина.

У нее появилось желание смеяться, смеяться без конца, до конвульсий. Вот куда она завела Пьера...

Днем позже он попросил газеты — профессор разрешил ему читать.

Его руки долго блуждали, пока им удавалось взять то, что ему хотелось; Северине приходилось переворачивать ему страницы газет. Поскольку там только и говорилось что о Дневной Красавице, Пьер заинтересовался этой женщиной, из-за которой его совершенно беспричинно ударили ножом. Он не мог много говорить, но его выразительный взгляд, обращенный к Северине всякий раз, когда он читал это имя, невыносимо ее терзал. Скоро вот эти же глаза, больше чем когда-либо наполненные мыслью о ней, увидят ее фотографию под знаменитым прозвищем. Отсрочка приближалась к своему концу. Она уже знала, когда наступит час расплаты. Во вторник утром судебному следователю станет известно все. А была уже пятница.

В воскресенье горничная вошла в комнату и сказала Северине, что ее просят к телефону.

— Это какой-то господин Ипполит, — сказала она с отвращением. — У него тоже странный голос.

Северина не сразу взяла трубку. Что еще предстоит ей услышать? И насколько еще сократится отпущенная ей передышка? Но она побоялась дать толчок новой катастрофе.

Ипполит потребовал, чтобы она немедленно пришла на причал озера в Булонском лесу.

Он тяжелым взглядом провожал бежавшую по воде мелкую рябь. Плечи его слегка сутулились, что две недели назад показалось бы Северине совершенно невероятным, а щеки были цвета мышьяка. Когда Северина приблизилась к нему, огромное тело его слегка вздрогнуло, уголки губ тронула уничтожающая гримаса. Однако это длилось лишь одно мгновение, а потом лицо его снова приняло прежнее выражение.

— Садись, — сказал он безжизненным голосом, показывая на взятую напрокат лодку.

Северина решила, что он собирается ее убить, и великий покой снизошел на нее. Ипполит сделал несколько гребков. Он не прилагал никаких усилий, но его мощь даже в состоянии покоя была такова, что они быстро оказались на середине озера. Он снял руки с весел и сказал усталым тоном:

— Здесь можно говорить. В баре нас бы продали. А здесь...

Их лодка затерялась среди остальных лодок.

— Марсель дал мне знать, чтобы я увидел тебя, — продолжал Ипполит, — и чтобы тебе передал, что ты можешь не беспокоиться. Он тебя не выдаст. Это он так решил. Я скажу тебе — я бы сразу тебя выдал. У него хороший адвокат, это я ему выбрал. С Дневной Красавицей, сидящей на скамье подсудимых, он мог бы в ус не дуть. Ничего преднамеренного — драма ревности, и больше ничего. Это выглядело бы красиво. Да я даже не посмотрел бы на него — выдал бы тебя. Но он велел передать мне, что тогда расскажет о тех двух парнях, которых он убил. Он так бы и сделал.

Ипполит сжал челюсти.

— Можно сказать, тебе повезло. Альбер избавил тебя от неприятностей, молчу и я. Марсель через меня велел тебе передать, чтобы ты его ждала. Он сбежит с каторги; он вернется — ему помогут. Он хочет, чтобы ты осталась его женщиной. Ты меня слышишь?

Северина простонала:

— К чему все это? Послезавтра Жюльетта пойдет к судебному следователю и меня арестуют.

— Какая еще Жюльетта?

— Моя горничная. Она видела Марселя у меня.

Ипполит погрузился в глубокое раздумье. Если он не вмешается, непредвиденное свидетельское показание поможет раскрыть, кто такая Дневная Красавица. Честь и интересы Марселя были бы спасены. Но вот только согласится ли он на нейтралитет Ипполита? И не отомстит ли он? В течение долгих минут Ипполит взвешивал эти противоречивые шансы, а также свой долг друга; Северина даже и не догадывалась, что в эти минуты решалась ее судьба.

— Она может пойти к следователю, — сказал наконец Ипполит, — но это ничего не изменит, если, конечно, я захочу, чтобы что-нибудь изменилось. Анаис и ее женщины у меня в руках. Тебе надо будет только все отрицать, и тебе поверят скорее, чем твоей служанке. Но она не пойдет, так будет лучше.

— Вы собираетесь?.. — прошептала Северина.

— Не бойся. Я бью редко, и только когда это нужно. Я с ней поговорю. Этого хватит. Как я бы поговорил с другим, с тем, которого Марсель упустил.

Перед тем как причалить, он спросил:

— Ты не хочешь ничего передать Марселю?

Северина посмотрела Ипполиту прямо в лицо.

— Пусть он знает, что после моего мужа нет на свете мужчины, которого бы я любила больше него.

Ипполит покачал головой и сказал:

— Я читал, что твой муж наполовину погиб. А я-то говорил, что ты везучая. Все пошло наперекосяк. Ладно, а по поводу Жюльетты можешь не беспокоиться. Иди спокойно к своему больному, бедная девочка.

Возвратившись домой, Северина увидела профессора Анри, сидящего возле Пьера.

— Я воспользовался воскресеньем, чтобы побыть немного с Серизи, — сказал врач. — Я объяснил ему, как обстоят его дела. Недели через две вам нужно будет отвезти его на юг. Солнце — друг мышц.

— Ты доволен? — спросила Северина.

Она постаралась говорить как можно веселее, но то, что она только что пережила, обесцветило ее голос. Странная вещь, она даже не почувствовала облегчения. Между тем она верила слову Ипполита (Жюльетта и в самом деле на следующий же день покинула ее, не согласившись принять никаких денег), но эта безопасность, в возможность обретения которой она уже перестала верить, вместо того чтобы наполнить ее сердце радостью, создавала внутри у нее какую-то бесформенную, не имеющую названия пустоту.

— Ты доволен, правда же? — повторила Северина.

Поскольку Пьер не отвечал, она обратила внимание на то, что уже сгустились сумерки, которые мешали ей увидеть реакцию лица, плохо справляющегося со своими мышцами. Она зажгла свет, села у безжизненных ног и, как обычно, стала смотреть в глаза мужа.

И тут Северина испытала более жестокое страдание, чем все те, которые одно за другим терзали ее несчастное сердце. Смущение... хуже, стыд — вот что Северина обнаружила в дрожащем, детском и преданном взгляде, стыд Пьера за свое разрушенное тело, стыд за то, что ей теперь всю жизнь придется ухаживать за ним.

— Пьер, я счастлива с тобой, — пролепетала она.

Он попытался кивнуть головой и прошептал непослушными губами:

— Бедная... бедная... юг... коляска... прости.

— Замолчи, пожалей меня, замолчи.

Это он-то просит у нее прощения, он, который теперь всю жизнь будет считать себя обузой и желать себе смерти — она знала его, — чтобы избавить ее от себя.

— Нет, нет, не смотри на меня так, — закричала вдруг Северина. — Я не могу...

Она прислонилась лбом к груди, когда-то такой горячей, такой сильной; как вся эта борьба и благополучное ее завершение оборачиваются против Пьера! Чем более чистой будет она выглядеть в его глазах, тем больше он будет страдать от ее забот, ее... ее... которая...

Пытаясь собраться с мыслями, она все сильнее прижималась к Пьеру и вдруг почувствовала, как он непослушными руками пытается гладить ее волосы. И эти невыносимо доверчивые руки инвалида заставили Северину принять решение. Она была в состоянии вынести все. Но только не это. И она рассказала все.

Чем объяснить такой поступок? Одним только нежеланием являть собой подкрашенную добродетель тому, кого она любила бесконечной любовью? Потребностью — менее благородной — в исповеди? Подспудной надеждой получить прощение и жить затем без груза страшной тайны? Кому под силу сосчитать все импульсы, которые после ужасных злоключений приходят в движение, сплавляются воедино в сердце и заставляют его

выплескивать истину на дрожащие губы?

Прошло три года. Северина и Пьер живут на берегу моря, в уютном, тихом местечке. Но после того как Северина призналась ему, она больше ни разу не слышала звука его голоса.

Давос, 20 февраля 1928 года

Франсуаза Саган
Сказочные облака

Глава 1

На фоне ярко-голубого неба Ки-Ларго чернел иссохший остов какого-то ветвистого тропического дерева, напоминающий страшное насекомое.

Жозе вздохнула, закрыла глаза. Настоящие деревья, вроде того одинокого тополя на краю луга, у самого дома, были сейчас далеко. Она ложилась под ним, упиралась ногами в ствол, смотрела на сотни трепещущих на ветру листочков, наклонявших общими усилиями самую верхушку дерева, которая, казалось, вот-вот оторвется, вот-вот улетит. Сколько ей тогда было? Четырнадцать? Пятнадцать? Иногда она ладонями сжимала голову, припадала к тополю, прикасалась губами к бугристой коре и шептала клятвы, вдыхая неповторимый букет из травы, юности, страха перед будущим и уверенности в нем. В то время она не могла вообразить, что когда-нибудь покинет этот тополь и, вернувшись десятилетие спустя, обнаружит, что он срублен под самый корень, что от него остался лишь сухой пенек с пожелтевшими зарубками от топора.

— О чем ты думаешь?

— О дереве.

— Каком дереве?

— Ты его не знаешь, — сказала она и рассмеялась.

— Само собой.

Не отрывая глаз, она почувствовала, что внутри нее что-то сжалось. Это случалось всякий раз, когда Алан начинал говорить таким тоном.

— Когда мне было девять лет, я любила один тополь.

Она задумалась, почему ей пришло в голову представить себя моложе, чем это было на самом деле. Наверное, чтобы уменьшить ревность Алана. Раз ей было только девять, вряд ли он спросит: «Кого, кого ты любила?»

Наступила тишина, но она чувствовала, что ответ его не удовлетворил, что он о чем-то напряженно размышляет, и на смену ее безмятежной дреме пришло напряженное внимание. Парусина шезлонга облегла ее спину, с затылка никак не могла скатиться капля пота.

— Почему ты вышла за меня замуж? — спросил он.

— Я тебя любила.

— А сейчас?

— Я тебя и сейчас люблю.

— За что?

Это было прологом: первые реплики соответствовали трем звонкам в театре, они напоминали своеобразный, установленный по обоюдному согласию ритуал, который предшествовал сцене самоистязания Алана.

— Алан, — тоскливо произнесла она, — давай не будем.

— За что ты меня полюбила?

— Ты казался мне спокойным, надежным американцем. Я считала тебя красивым.

— А теперь?

— Теперь я не считаю, что ты спокойный американец, но ты остаешься красивым.

— Безнадежно закомплексованный американец, не так ли? Не будем забывать про мою мамулю, про мои доллары.

— Да, черт тебя побери, да! Я тебя придумала. Ты это хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты меня любила.

— Я тебя люблю.

— Не любишь.

«Когда же наконец вернутся остальные? — думала она. — Возвращались бы поскорее. В такую жару вздумали рыбу ловить. Как только они придут, пойдем ужинать, Алан слегка переберет виски, лихо погонит машину, а ночью заснет мертвым сном. Он крепко прижмется ко мне, почти раздавит и, может быть, часок-другой в своем забытии будет мне мил. А на следующее утро он расскажет мне все свои ночные кошмары, ведь у него такое богатое воображение».

Жозе приподнялась и взглянула на белый причал. Никого. Она снова опустилась в шезлонг.

— Их еще нет, — язвительно произнес Алан. — Жаль. Тебе скучно, не так ли?

Она повернулась к нему лицом. Он пристально смотрел на нее. Он и вправду походил на молодого героя вестерна. Светлые глаза, обветренная кожа, прямой взгляд, простодушие, пусть даже напускное. Алан. Да, было время, она его любила. Но и теперь, когда как следует всматривалась в него, продолжала питать к нему слабость. Однако все чаще и чаще отводила от него глаза.

— Ну что, продолжим?

— Тебя это забавляет?

— Что ты почувствовала, когда я сделал тебе предложение?

— Я была рада.

— И все?

— Мне показалось, что я спасена. Ведь я... Мне было тогда нелегко, ты же знаешь.

— Почему нелегко? Кто был в этом виноват?

— Европа.

— Кто именно в Европе?

— Я уже рассказывала тебе.

— Повтори еще раз.

«Уйду, — вдруг подумала Жозе. — Я должна понять, что это неизбежно. Пусть делает, что хочет. Пусть застрелится. Он уже не раз угрожал. И его горе-психиатр тоже говорил, что такое может случиться. Пусть свихнется, как и его чертов отец. Пусть их всех сведет в могилу этот идиотский алкоголизм. Да здравствует Франция и Бенжамен Констан^[1]!»

В то же время, как ни хотел этого Алан, она не могла представить его мертвым, мысли о его возможном самоубийстве вызывали у нее отвращение: «Ему для этого нужен будет какой-нибудь предлог, а я не хочу им быть».

— Это похоже на шантаж, — сказала она.

— Ну да, конечно, я знаю, о чем ты думаешь.

— Я не могу уважать тебя, пока ты меня так шантажируешь, — произнесла она.

— А что прикажешь делать?

— Да ничего.

Плевал он на то, уважает она его или нет. Впрочем, это мало ее задевало — она себя ценила не столь высоко. И это в двадцать семь лет! Всего три года назад она жила в Париже, одна или с кем хотела, дышала полной грудью. А теперь вот чахнет в этом искусственном, будто из папье-маше, мирке, возле молодого неуравновешенного мужа, который сам не знает, чего хочет. Она нервно рассмеялась. Он приподнялся, прищутив глаза. Ему не

нравился такой смех, хотя иногда он был способен проявить тонкое чувство юмора.

— Не надо так смеяться.

Но она не останавливалась, продолжала тихо и уже как-то умиротворенно посмеиваться. Она думала о своей парижской квартире, о ночных улицах, о безумствах юности. Алан встал.

— Пить не хочешь? Смотри, как бы тебя не хватил солнечный удар. Принести тебе апельсинового сока?

Он опустился возле нее на колени, положил голову на ее руку, посмотрел в глаза. То была его тактическая уловка: когда он видел, что ревность ее не трогает, он становился нежным. Она провела ладонью по его красивому лбу, обогнула пальцами овал твердых губ, продолговатые глаза и в который раз спросила себя, что же сводит на нет спокойную мужественность этого лица.

— Принеси мне лучше бокал бакарди, — сказала она.

Он улыбнулся. Он любил выпить, и ему нравилось, когда она пила вместе с ним. Ее об этом предупреждали. Сама она была довольно равнодушна к алкоголю, однако порой ей хотелось набраться до бесчувствия.

— Значит, два бакарди, — сказал он.

Он поцеловал ей руку. На них умиленно посмотрела седовласая американка в цветистых шортах. Жозе не улыбнулась ей в ответ. Она смотрела на Алана, удалявшегося легкой поступью избалованного жизнью человека, и, как это случалось всякий раз, когда он куда-то уходил, к ней подступила легкая грусть. «Но ведь я его больше не люблю», — прошептала она и поспешила закрыть рукой лицо, будто солнце могло уличить ее в неискренности.

Наконец-то возвратившиеся друзья застали их лежащими на песке: Жозе, положив голову на плечо Алана, с жаром обсуждала с ним какой-то роман. Возле них валялось несколько пустых фужеров, и Брендон Киннель указал на них взглядом. Весьма неглупая женщина, Ева Киннель красотой не отличалась; и она, и ее муж были людьми дружелюбными. Жозе ей нравилась, Алана она, как и Брендон, побаивалась. Киннели жили в полном согласии, за понятным исключением тайного безответного чувства, которое Брендон питал к Жозе.

— Ну и денек! — сказала Ева. — Провести в море целых три часа и поймать какую-то жалкую барракуду...

— Зачем бороздить океаны? — произнес Алан. — Ведь счастье — на песчаном берегу.

Он поцеловал волосы Жозе. Она подняла голову, увидела, что Брендон глядит на пустые фужеры, и мысленно послала его ко всем чертям. Алан был в ударе. Она приятно провела время на дивном пляже, и что с того, если в том ей помогли несколько бокалов бакарди?

Жозе прикоснулась к загорелой ноге мужа.

— Счастье — на песчаном берегу, — повторила она.

Брендон отвернулся. «Кажется, я сделала ему больно, — подумала она. — Он, наверное, любит меня. Странно, я об этом совсем не думала». Она протянула ему руку.

— Помогите мне подняться, Брендон, от этого солнца у меня кружится голова.

Она сделала ударение на «солнце». Он протянул ей руку. Многие задавались вопросом, почему Брендон Киннель, походивший на рассеянного морского волка, взял в жены Еву, которая напоминала какую-то букашку. Видимо, это произошло по двум причинам: она была умна, а он робок. Он помог Жозе подняться, та покачнулась и, чтобы не упасть, прильнула к нему.

— А как же я, Ева? — спросил Алан. — Вы хотите на всю ночь оставить меня одного на пляже? Вы же видите, что я пьян, как и Жозе. Мы оба наклюкались. Разве она не призналась, что нам было хорошо?

Он лежал на песке и смотрел на них ухмыляясь. Жозе на мгновение отпустила руку Брандона, потом решительно на нее оперлась.

— Если тебя от двух рюмок повело, то я тут ни при чем. Я трезва как стеклышко и хочу есть. Я пошла с Брандоном ужинать.

Она повернулась к нему спиной, забыв о Еве. Впервые за последний год ей пришла в голову мысль о том, что кроме Алана на земле есть другие мужчины.

— Он бывает просто невыносим, — прошептала она так, что ее нельзя было не услышать. — Всегда все портит.

— Вам надо уйти от него, — сказал Брандон.

— Он без меня совсем опустится, то есть я хочу сказать...

— Он уже опустился.

— Пожалуй.

— Но он очень мил, не так ли?

Она хотела возразить, но, поведя плечами, произнесла:

— Наверное, вы правы.

Они не торопясь направились к ресторану. Жозе продолжала опираться на руку Брандона. Это прикосновение невыносимо, до судорог сковывало его движения, и он даже подумывал, не освободить ли ему свою руку.

— Мне не нравится, что вы пьете, — сказал он слишком громко и чересчур властно. Поняв это, он смутился. Жозе подняла голову.

— Матери Алана тоже не нравится, когда он пьет. Как, впрочем, и мне. Но вам-то что до этого?

Он высвободил руку с покорным облегчением. В кои веки ему представилась возможность наедине перекинуться с ней словом, а он умудрился ее оскорбить.

— Да, конечно, это меня не касается.

Она посмотрела на него. Он шел, слегка размахивая руками, у него было лицо честного, надежного человека. Когда-то она думала, что выходит замуж именно за такого мужчину.

— Вы правы, Брандон. Простите меня. Но вы, американцы, все помешаны на здоровье. В Европе не так. Я, например, живу с Аланом, но я не могу сказать себе: «Надо от него избавиться», — будто речь идет не о муже, а об аппендиците.

— И все же вам придется это сделать, Жозе, и если я когда-нибудь понадобится...

— Я знаю, спасибо. Вы с Евой очень добры.

— Не только мы с Евой, но и я один.

Он покраснел как рак. Жозе ничего не ответила. А ведь в Париже она любила поиздеваться над мужчинами. «Я постарела», — подумала она. В ресторане почти не было свободных мест. Далеко позади едва виднелись Алан и Ева, которые медленно шли за ними.

И вот они снова у себя дома. В их жилище было три длинные комнаты, облицованные светлым бамбуком и украшенные африканскими масками, соломенными поделками и рыболовными гарпунами, — короче, всем тем, что мать Алана считала экзотикой. Хотя Алан очень долго жил здесь в одиночестве, в доме не было его личных вещей. Книги и пластинки они привезли из Нью-Йорка. Никогда прежде Жозе не встречала людей, которых так мало интересовало прошлое. Он смотрел на все лишь ее глазами, причем так очевидно и

откровенно, что порой ей хотелось рассмеяться. Нарочитость их отношений заходила так далеко и он так безнадежно терял свое лицо, что у нее голова шла кругом: ей казалось, что она смотрит плохую пьесу или фильм с неумными режиссерскими претензиями. Но режиссером этой пьесы, этого фильма был не кто иной, как ее муж, и она не могла не страдать вместе с ним, предвкушая неизбежный провал.

Он ходил взад-вперед по комнате, все окна были открыты, и их лица овевал теплый флоридский бриз, в котором смешались легкие запахи моря, бензина и не желающего спадать зноя. Она смотрела, как он вышагивает, и думала, что никогда прежде так остро не ощущала свою непричастность к окружающей обстановке и даже к чьей-то жизни. Никогда она не чувствовала себя такой уязвимой — будто вся она была обнаженным нервом.

— Брандон в тебя влюблен, — наконец произнес он.

Она улыбнулась. Они подмечали все одновременно. Еще два дня назад она бы посмеялась над его словами и объяснила их манией ревнивца. Двумя днями позже она посчитала бы его безнадежным слепцом. Но коль скоро они в одно и то же время пришли к этому выводу, она понимала, что не может все обратить в шутку, как поступила бы с любым другим мужчиной.

— Но какие у Брандона могут быть шансы? — задумчиво произнесла она.

Алан остановился, облокотившись на подоконник.

— Никаких, — заключила она.

— Ну почему, — возразил он. — Красивый, солидный и надежный мужчина. Это, пожалуй, единственный в Ки-Ларго человек, который мог бы составить мне конкуренцию. Его жена умна и умеет себя вести. Он вполне способен отправить меня в нокаут за нанесенное тебе оскорбление. Это истинный джентльмен. Я так и слышу, как он говорит: «Простите, сэр, но есть такие вещи, которые терпеть нельзя, а леди Жозе — выше всяких подозрений...» — и так далее.

Он рассмеялся.

— Что ты молчишь? Считаешь, что такого быть не может?

— Напротив, я не вижу в этом ничего невозможного.

— Ты и переспать с ним могла бы?

— Могла бы. Но это мне вовсе не улыбается.

— Ничего, еще захочется.

Он отошел от окна, и в который раз она отметила его склонность к театральности. Он всегда принимал красивую позу, чтобы произнести реплику, потом снова начинал передвигаться по сцене, казалось, каждое слово он старается подчеркнуть определенным жестом.

Жозе лежала на обитом парусиной диване, заложив руки за голову и прикрыв глаза. Ей хотелось спать, она спрашивала себя, как долго сможет выносить такую жизнь. Тем не менее в глубине души все происходящее ее забавляло. Ведь сегодня она впервые твердо сказала себе: «Пора со всем этим кончать».

— Как бы Брандон по тебе ни вздыхал, ты не должна делать вид, что ничего особенного не происходит, — продолжал Алан. — Нечего сказать, элегантно ты его подхватила на пляже, оставив со мной бедную Еву. Ты бы видела, как понуро она смотрела вам вслед.

— Я об этом не подумала. Ты полагаешь...

Она хотела сказать: «Ты полагаешь, это ее задело?» — но не договорила. И так было ясно, что он ответит «да». Он не упускал случая вызвать у нее угрызения совести. Она не

сдержалась.

— Я не причинила ей боли. Ева мне доверяет, как и Брандон. Они не догадываются, что я, как рабыня, должна проводить время лежа на спине в покорном ожидании мужчины. Они-то нормальные люди.

— Ты хочешь сказать, что я таковым не являюсь?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, и ты гордишься собой, не так ли? Не устаешь лелеять свои причуды. Для тебя было бы трагедией спуститься на землю и вести себя, как подобает мужу...

«Боже мой, — вдруг подумала она, — я читаю мораль, точь-в-точь как авторы нравоучительных газетных статей. И это я, с моим презрением к здравому смыслу, назидая его, словно отец семейства! Я становлюсь настоящей занудой. А он и рад».

Он и в самом деле подошел к ней улыбаясь.

— Помнишь, Жозе, однажды ты мне сказала: «Людей надо принимать такими, какие они есть, я никогда никого не хотела изменить, никто не имеет права судить других». Разве не помнишь?

Он улегся у ее ног и говорил тихо, так тихо, что непонятно было, читает ли он молитву, от которой зависит его счастье, или хочет смутить ее. У нее перехватило дыхание. Да, именно эти слова она произнесла как-то зимой в Нью-Йорке. Они вышли на улицу после долгой беседы с матерью Алана. Жозе переполняли жалость, нежность и добродетель. Они гуляли по Централ-парку, и Алан казался таким потерянным, таким доверчивым...

— Да, — сказала она. — Я это говорила. Я так думала. И продолжаю так думать. Алан, — произнесла она чуть тише, — ты меня не щадишь.

— Ты хочешь сказать, что я жесток?

— Да.

Она закрыла глаза. Он добился своего, заставил ее признаться, что причинил ей боль, к этому он и стремился — задеть ее за живое. Любым способом уколоть. Он поднял ее на руки, опустил, лег рядом, прижался головой к ее плечу. С мольбой в голосе он шептал ее имя, ласкал ее, ему очень хотелось, чтобы она заплакала. Но она сдержала слезы. Тогда он овладел полуодетой Жозе, но взаимное удовольствие вызвало у него нечто похожее на обиду. Чуть позже он раздел ее и, уже спящую, перенес в спальню. Заснул он, судорожно сжав ее руку в своей. Когда она проснулась на следующее утро, Алан лежал поперек кровати. Он так и не успел раздеться.

Машина затарахтела. Это был «шевроле» цвета спелого граната.

— Ты забыл шляпу!

Он махнул рукой в знак того, что шляпа ему не нужна.

— Сегодня будет страшная жара, — настаивала Жозе.

— Пустяки. Садись. Брандон даст мне свою шляпу. У него голова крепкая.

В этот день они собирались вместе рыбачить. Жозе не выпалась и чуть ли не со злорадством предвкушала тот миг, когда кто-нибудь — Брандон, Ева или она сама — не вынесет этой пытки и взорвется. Если повезет, это может произойти сегодня.

Как всегда в последние дни, понурые Киннели ждали их у причала. Ева держала корзину с бутербродами, она махнула им свободной рукой, попытавшись сделать это весело и непринужденно. Брандон слабо улыбнулся. Рядом покачивался большой катер, на котором их ждал матрос.

Вдруг Алан пошатнулся и потянулся к затылку. Брандон шагнул к нему и поддержал за руку.

— Что с вами?

— Это солнце, — сказал Алан. — Надо было взять шляпу. Голова кружится. — Он сел на каменный парапет и низко опустил голову. Остальные стояли в нерешительности.

— Если тебе плохо, — сказала Жозе, — давай останемся. Глупо выходить в море, когда так палит солнце.

— Нет-нет, ты так любишь рыбалку. Отправляйтесь без меня.

— Я отвезу вас домой, — сказал Брандон. — Вы, видимо, немного перегрелись. Вам лучше не садиться сейчас за руль.

— Так вы потеряете целый час. И потом, вы, Брандон, превосходный рыбак. Пусть лучше меня отвезет Ева, море ее утомляет. Она меня полечит, почитает что-нибудь.

Наступило молчание. Брандон отвернулся, и Ева взглянула на него, подумала, что поняла своего мужа.

— Пожалуй, так будет действительно лучше. Мне надоели акулы и прочие морские твари. И потом, вы же скоро вернетесь.

Голос ее был спокоен, и Жозе, готовая было возразить, смолчала. Но внутри у нее все кипело. «Так вот чего добивался этот кретин! Притом ничем не рискуя — ведь он видит, что на катере с моряком укрыться негде. А тут еще на все согласная Ева и вечно краснеющий Брандон... И что, в конце концов, он хочет доказать?» Она резко повернулась ко всем спиной и взошла на мостик.

— Ты уверена, Ева... — робко произнес Брандон.

— Ну конечно, дорогой. Я отвезу Алана. Удачной вам рыбалки. Не слишком удаляйтесь от берега — поднимаются волны.

Моряк нетерпеливо насвистывал. Брандон нехотя перебрался на катер и облокотился на перила рядом с Жозе. Алан поднял голову и наблюдал за ними. Он улыбался и выглядел вполне здоровым. Катер медленно отходил от причала.

— Брандон, — вдруг сказала Жозе, — прыгайте. Немедленно прыгайте на берег!

Он посмотрел на нее, взглянул на пристань, которая была уже в метре от борта, и, перешагнув через перила, прыгнул, поскользнулся, потом поднялся на ноги. Ева вскрикнула.

— Ну, что там еще? — спросил моряк.

— Ничего. Отплываем, — ответила Жозе, стоя к нему спиной.

Она смотрела Алану в глаза. Он уже не улыбался. Брендон нервно отряхивался от пыли. Жозе отошла от борта и уселась на носу катера. Море было бесподобным, тягостная компания осталась на берегу. Давно ей не было так хорошо.

Корзина с провизией осталась, конечно же, на набережной, и Жозе разделила трапезу моряка. Рыбалка выдалась удачной. Попались две барракуды, с каждой пришлось побороться с полчаса, Жозе устала, хотела есть, была счастлива. Моряк, по всей видимости, питался лишь анчоусами да помидорами, и, посмеявшись, они решили, что не прочь были бы проглотить по приличному куску мяса. Он был до черноты опален солнцем, очень высок, немного неуклюж, взгляд его имел удивительное сходство с выражением глаз добродушного спаниеля.

На небо набежали тучи, начинало штормить, до пристани было не близко, и они решили возвращаться. Моряк забросил удочку, Жозе уселась на раскладной стул. Пот лил с них градом, оба молча смотрели на море. Через некоторое время клюнула какая-то рыба, Жозе запоздало подсекла, вытащила пустой крючок и попросила моряка насадить новую приманку.

— Меня зовут Рикардо, — сказал он.

— Меня — Жозе.

— Француженка?

— Да.

— А мужчина на берегу?

Он сказал «мужчина», а не «ваш муж». Остров Ки-Ларго пользовался, должно быть, репутацией веселого местечка. Она засмеялась.

— Он американец.

— Почему он остался?

— Перегрелся.

До этого они ни словом не обмолвились о странном отплытии. Он опустил голову, у него были очень густые, подстриженные волосы. Он быстро насадил приманку на огромный крючок, закурил сигарету и сразу передал ее Жозе. Ей нравилась здешняя спокойная непринужденность в общении между людьми.

— Вы предпочитаете ловить рыбу в одиночестве?

— Я люблю время от времени уединяться.

— А вот я — всегда один. Мне так лучше.

Он стоял за ее спиной. У нее промелькнула мысль, что он, видимо, закрепил штурвал и при таком ветре это не очень-то осмотрительно.

— Вам, наверное, жарко, — сказал он и прикоснулся к ее плечу.

Жозе обернулась. Его спокойный задумчивый взгляд доброй собаки был красноречив, однако в нем не было угрозы. Она взглянула на его руку, лежавшую на ее плече: большую, грубую, квадратную. Сердце ее застучало. Жозе смущал этот внимательный, спокойный, абсолютно невозмутимый взгляд. «Если я скажу, чтобы он убрал руку, он уберет ее, и этим все закончится». В горле у нее пересохло.

— Я хочу пить, — тихо произнесла она.

Он взял ее руку. Каюту от палубы отделяли две ступени. Простыня была чистой, Рикардо — грубым в своем нетерпении. Потом они обнаружили на крючке несчастную

рыбу, и Рикардо хохотал, как ребенок.

— Бедняжка... про нее совсем забыли...

У него был заразительный смех, и она тоже рассмеялась. Он держал ее за плечи, ей было весело и не приходило в голову, что она впервые изменила Алану.

— Во Франции рыба такая же глупая? — спросил Рикардо.

— Нет. Она помельче и похитрей.

— Мне бы хотелось побывать во Франции. Париж посмотреть.

— И взобраться на Эйфелеву башню, да?

— Познакомиться с француженками. Я пошел заводить мотор.

Они не спеша возвращались. Море утихло, небо приобрело тот ядовито-розовый оттенок, который оставляют после себя несостоявшиеся грозы. Рикардо держал штурвал и время от времени оборачивался, чтобы улыбнуться ей.

«Такого со мной еще не случалось», — думала Жозе и улыбалась ему в ответ. Перед самым причалом он спросил, соберется ли она еще раз ловить рыбу, она ответила, что скоро уедет. Он некоторое время неподвижно стоял на палубе, и, уходя, она лишь раз на него оглянулась.

На пристани ей сказали, что ее муж и чета Киннелей ждут ее в баре Сама. Гранатовый «шевроле» стоял рядом. Жозе приняла душ, переоделась и приехала в бар. Она взглянула на себя в зеркало, и ей показалось, что она помолодела лет на десять, а лицо ее вновь, как это иногда бывало в Париже, приобрело лукаво-смущенное выражение. «Женщина, которую довели, становится доступной», — сказала она зеркалу. Это была одна из любимых поговорок ее самого близкого друга, Бернара Палига.

Они встретили ее вежливым молчанием. Мужчины, слегка суетясь, поспешили встать, Ева вяло ей улыбнулась.

Пока ее не было, они играли в карты и, похоже, умирали от скуки. Она рассказала о двух пойманных барракудах, ее поздравили с удачным уловом, потом вновь наступила тишина. Жозе не пыталась ее нарушить. Она сидела, опустив глаза, смотрела исподлобья на их руки и машинально считала пальцы. Когда она поняла, что делает, это ее рассмешило.

— Что с тобой?

— Ничего, я считала ваши пальцы.

— Слава Богу, настроение у тебя хорошее. А вот Брендон все это время был чернее тучи.

— Брендон? — удивилась Жозе. Она совсем забыла про игру Алана. — Брендон? А что случилось?

— Ты же заставила его прыгать с отплывающего катера. Ты что, не помнишь?

Все трое, как ни странно, выглядели обиженными.

— Конечно, помню. Просто я не хотела, чтобы Ева оставалась так долго наедине с тобой. Мало ли что могло случиться.

— Ты пугаешь роли, — сказал Алан.

— У нас же не треугольник, а четырехугольник — значит, можно провести две диагонали. Не так ли, Ева?

Ева в замешательстве смотрела на нее.

— Но даже если, испытывая муки ревности, ты не обратил бы внимания на Еву и думал только о том, как мы с Брендоном милуемся, ловя рыбешку, она изнывала бы от скуки. Поэтому я и отправила Брендона на берег. Вот так. Что будем есть?

Брендон нервно раздавил в пепельнице сигарету. Ему было горько, что она столь

насмешливо, пусть даже шутя, говорила о чудесном дне, который они могли бы провести вместе. На какое-то мгновение ей стало жалко его, но она уже была не в силах остановиться.

— Милые у тебя шуточки, — сказал Алан. — Как-то они понравятся Еве?

— Самую милую шутку я оставлю на десерт, — сказала Жозе.

Она уже не пыталась сдерживать себя. Ее вновь переполняли буйная радость, жажда острых ощущений и опрометчивых, безрассудных поступков — все то, что отличало ее так долго. Она чувствовала, как в ней вновь зарождается почти забытое внутреннее ликование, свобода, беспредельная беспечность. Она встала и ненадолго вышла в кухню.

Они обедали в напряженной тишине, которую прерывали лишь шутки Жозе, ее впечатления о разных странах, рассуждения о тонкостях кулинарии. В конце концов она заразила Киннелей своим смехом. Только Алан молчал и продолжал сверлить ее глазами. Он не переставая пил.

— А вот и десерт, — вдруг сказала Жозе и побледнела.

Подошел официант и поставил на стол круглый торт с зажженной свечой в центре.

— Эта свеча означает, что я впервые тебе изменила, — сказала Жозе.

Они осоловело смотрели то на Жозе, то на свечу, как бы пытаясь разгадать ребус.

— С моряком, что был на катере, — не вытерпела она. — Его зовут Рикардо.

Алан поднялся на ноги, застыл в нерешительности. Жозе взглянула на него и опустила глаза. Он медленно вышел из бара.

— Жозе, — сказала Ева, — это глупая шутка...

— Это вовсе не шутка. И Алан это хорошо понял.

Она достала сигарету. Руки у нее дрожали. Брандону понадобилось не меньше минуты, чтобы найти свою зажигалку и предложить ей огня.

— О чем это мы говорили? — спросила Жозе.

Она чувствовала себя опустошенной.

Жозе хлопнула дверцей машины. Она не спешила идти к дому. Киннели молча смотрели на нее. Свет в окнах не горел. Однако «шевроле» был на месте.

— Он, наверное, спит, — неуверенно сказала Ева.

Жозе пожала плечами. Нет, он не спал. Он ждал ее. Что-то сейчас будет. Она терпеть не могла семейных скандалов, любых проявлений грубости, в данном случае — грубой брани. Но ведь она сама этого хотела. «Дура я, дура, — в который раз подумала она, — клейма ставить негде. Что мне стоило промолчать?» В отчаянии она обернулась к Брандону.

— Я этого не вынесу, — сказала она. — Брандон, отвезите меня в аэропорт, одолжите денег на дорогу, и я улечу домой.

— Вам не следует так поступать, — сказала Ева. — Это было бы... трусостью.

— Трусость, вы говорите трусость... А что такое трусость? Я хочу избежать бесполезной сцены, вот и все. А трусость — это что-то из лексикона бойскаутов...

Жозе говорила вполголоса. Она отчаянно искала выход из положения. Ее ждут упреки человека, который имеет на них право. Эта мысль всегда была ей невыносима.

— Он наверняка ждет вас, — сказал Брандон. — Ему, должно быть, очень плохо.

Они шептались втроем, будто напуганные заговорщики, еще некоторое время.

— Ладно, — наконец сказала Жозе, — чего тянуть, я пошла.

— Хотите, мы немного здесь подождем?

Выражение лица Брандона было трагическим и благородным. «Он простил меня, но его сердце давно любящего человека кровоточит», — подумала Жозе, и на губах ее

промелькнула улыбка.

— Не убьет же он меня, — сказала она и, видя, как напуганы Киннели, уверенно добавила: — Куда ему!

И прежде чем удалиться, она помахала им на прощание рукой, показав всем видом, что смирилась со своей судьбой. В Париже все было бы иначе. Она провела бы всю ночь с друзьями, повеселилась бы на славу, вернулась домой на рассвете, и ей, усталой, любой скандал был бы нипочем. А здесь она битый час проговорила с людьми, которые явно ее осуждали, и это привело Жозе в крайне подавленное состояние. «А ведь этот сумасшедший и вправду может меня убить», — мелькнула у нее мысль. Однако в это она не верила. Ведь, по сути, он должен быть доволен — у него появился великолепный предлог, чтобы помучить себя. Он теперь будет бесконечно интересоваться подробностями, будет...

«Боже, — вздохнула она, — что я здесь делаю?»

Ее потянуло к маме, домой, в родной город, к друзьям. Она вознамерилась перехитрить судьбу, уехать, выйти замуж, прижиться на чужбине, она думала, что сможет начать жизнь сначала. И этой теплой флоридской ночью, возле двери бамбукового дома ей захотелось стать десятилетней девочкой, покапризничать, попросить кого-нибудь ее утешить.

Она толкнула дверь, вошла, постояла в темноте. А может, он и вправду спит? Может, ей повезет и она незаметно прокрадется на цыпочках до самой постели? Надежда на такой исход переполнила ее, совсем как в те дни, когда она возвращалась из школы с плохими отметками и прислушивалась, замерев у входной двери, к звукам, доносящимся из дома. Если родители принимали гостей, то она была спасена. Ощущения были абсолютно теми же, и у нее пронеслась мысль, что оскорбленного мужа она боялась не больше, чем некогда родителей, которым, в сущности, плевать было на кол по географии, даже если он поставлен их единственной дочери. Быть может, у чувства вины, у страха за последствия есть некий предел, который достигается уже годам к двенадцати? Она протянула руку к выключателю и зажгла свет.

Алан сидел на диване и смотрел на нее.

— Это ты, — прозвучали его нелепые слова.

Она прикусила губу. Он мог бы начать иначе, но не стал. Он был бледен, рядом — ни одной пустой бутылки.

— Что ты делаешь в темноте? — спросила Жозе.

Она тихо опустилась на стул. Знакомым жестом он провел рукой по губам, и ей вдруг захотелось обнять его за шею, утешить, поклясться, что она солгала. Однако она не двинулась с места.

— Я звонил своему адвокату, — спокойным голосом сказал Алан. — Я сказал ему, что хочу развестись. Он посоветовал мне отправиться для этого в Рено или другое подобное место. Там это не займет много времени. Суду мы сможем представить дело так, будто мы оба виноваты, либо я один, как хочешь.

— Хорошо, — сказала Жозе.

Она была подавлена и в то же время чувствовала облегчение. Но она не могла оторвать от него глаз.

— После того, что случилось, я думаю, так будет лучше, — сказал Алан.

Он поднялся и поставил на проигрыватель пластинку.

Она машинально, как бы сама себе, кивнула головой. Он повернулся к ней так стремительно, что она вздрогнула.

— Ты разве так не думаешь?

— Я сказала «да», то есть я кивнула головой в знак согласия.

Комната наполнилась музыкой, и Жозе привычно задумалась, чья она. Григ? Шуман? Она всегда путала два их известных концерта.

— Я и матери тоже звонил. Вкратце рассказал о случившемся и сообщил о своем решении. Она его одобрила.

Жозе молчала. На лице у нее было написано: «Меня это не удивляет».

— Она даже сказала, что рада видеть меня наконец настоящим мужчиной, — добавил Алан еле слышно.

Он стоял к ней спиной, и она не видела его лица, но угадывала его. Жозе подалась было к нему, но потом передумала.

— Настоящим мужчиной!.. — задумчиво повторил Алан. — Представляешь? Эти слова сразу меня встряхнули. Скажи честно, — он вновь к ней обернулся, — ты считаешь, что покинуть единственную женщину, которую ты когда-либо любил, покинуть ее потому, что она провела полчаса в объятиях ловца акул, это значит повести себя как настоящий мужчина?

Он задал ей этот вопрос без всякого подвоха, как задал бы его старому другу. Голос его был лишен гнева или иронии. «В нем все же есть что-то такое, что мне по душе, — подумала Жозе, — какое-то безрассудство, которое мне нравится».

— Не знаю, — ответила она, — думаю, что это не так.

— Ты ведь искренне это говоришь, да? Я и сам знаю, что искренне. Ты способна во всем быть беспристрастной. За это, кроме всего прочего, я тебя и люблю так... так глубоко.

Жозе поднялась. Они стояли рядом и всматривались друг другу в глаза. Он положил руки ей на плечи, она прижала щеку к его свитеру.

— Я тебя не отпущу. Но я не прощаю тебя, — сказал он. — Никогда не прощу.

— Знаю, — сказала она.

— Нарыв я не вскрыл, с чистой страницы жизнь не начинаю, не зачеркиваю прошлое. Нет, я не тот мужчина, каким меня хотела бы видеть мать. Ты понимаешь?

— Понимаю, — сказала она. Ей хотелось разрыдаться.

— Мы оба измучились. К тому же я потерял голос. Нужно было орать в телефонную трубку, чтобы в Нью-Йорке меня слышали. Представляешь, я кричал: «Мне изменила жена! Повторяю: жена мне изменила!» Смешно, не правда ли?

— Да, — сказала она, — смешно. Я хочу спать.

Он отпустил ее, снял с проигрывателя пластинку, вложил ее в конверт, потом опять повернулся к ней.

— Тебе было с ним хорошо? Скажи, хорошо?

Стоял конец сентября. Они должны были уже возвращаться в Нью-Йорк, но ни он, ни она об отъезде не упоминали. Алан ненавидел многолюдное общество. Что до Жозе, то она предпочитала затворническую жизнь с мужем той ревности, которую будило в Алане ее самое безобидное слово, самый невинный взгляд, если они не предназначались непосредственно ему.

В этом смысле он добился своего: мало-помалу и Америка, и Европа расплывались в тумане, и в ее жизни оставалось лишь озабоченное, все более темное от загара, все более изможденное лицо Алана. Киннели тоже не спешили с отъездом. Однако они встречались

теперь реже. После случая с Рикардо Алан демонстрировал нарочитое презрение к Брандону. «Если бы этот идиот не прыгнул, как щенок, по твоему повелению...» — твердил он, но Жозе даже не пыталась доказать ему смехотворность подобных рассуждений. Вообще она устала говорить о Рикардо, отвечать на тысячи вопросов о мужских достоинствах моряка, кричать «нет», когда муж спрашивал, вспоминает ли она о нем. Она ни о чем больше не вспоминала. Ей осточертело солнце, она горько сожалела, что Алан не пропадает с восьми утра до шести вечера на работе. Она мечтала о северных странах и теплых шерстяных свитерах и коротала дни за чтением детективных романов в сумерках своей климатизированной спальни. В остальном она оставалась спокойной, улыбочивой, праздною. Ей казалось, что в один прекрасный день она умрет в этой Флориде, и ни она, ни кто другой не узнает почему. Алан не оставлял ее в покое, интересовался ее прошлым, Парижем, но все разговоры неизменно кончались Рикардо, сквернословием, оскорблениями и любовью на бамбуковой кровати. Все шло как по расписанию. Она, замирая, следила за появлявшимся возле нее Аланом, как мышь следит за удавом, хотя она походила скорее на пресыщенную мышь, если такие бывают.

«А ведь тебе все это нравится», — сказал он однажды после особенно затянувшейся семейной сцены, и она ужаснулась. Так и вправду можно забыть о независимом существовании, свыкнуться в конце концов с ролью безвольного предмета болезненной страсти и даже полюбить эту роль. Мысли об этом мучили ее ночи напролет, и Жозе призналась себе, что она, словно замороженная, не способна что-либо предпринять. Но Алан был не прав, такую жизнь она не любила. Нет. Она хотела бы жить с мужчиной, не являясь для него наваждением. Она давно забыла, как первое время испытывала дурацкую гордость от того, что чувствовала себя предметом этого наваждения.

Однажды вечером, собравшись с духом, она стала умолять Алана отпустить ее недели на две одну, куда угодно. Он сказал «нет».

— Я не могу без тебя жить. Если хочешь меня бросить, бросай. Откажись от меня или терпи.

— Я брошу тебя.

— Не сомневаюсь. Но пока ты не решилась на это, я не хочу просто так подвергать себя двухнедельной пытке. Пока ты моя, и я пользуюсь этим.

Он не унывал, и ей не удавалось его возненавидеть. Она боялась бросить его. Ей было страшно. За свою жизнь она не сделала ничего настолько выдающегося, чтобы позволить себе роскошь стать причиной смерти или падения мужчины. Даже его отчаяния. Конечно, она портила ему жизнь, как выражался Брандон, но что особенно страшного она до сих пор совершила? «И все же я была с ним очень счастлива», — думала она. Но это мало значило в общем итоге. Более-менее благопристойная жизнь, надежные друзья, дни беззаботного веселья — ничто не могло перевесить идею фикс тридцатилетнего мужчины.

— Чем, по-твоему, все это должно кончиться? — спросила она. — Ведь счастья-то нет.

— Иногда есть немного, — сказал он (и это была правда). — Во всяком случае, мы пройдем весь путь до конца. Я доведу тебя и себя до полного иступления, я тебя не покину, у нас не будет передышки. Два человеческих существа должны жить в таких страстных объятиях, чтобы и вздохнуть было невозможно. Это и зовется любовью.

— Два человеческих существа, развращенных деньгами. Вот если бы тебе пришлось работать...

— В этом нет необходимости, слава Богу. А если бы мне пришлось работать, я стал бы

рыбаком и брал бы тебя на свой катер, чтобы вместе ловить рыбу. Ведь ты любишь рыбаков...

И все начиналось сначала. Все начиналось заново, но это было совсем не похоже на прежние ее ссоры с кем бы то ни было.

Отрешенность — вот что придавало Алану тот авторитет, который перекрывал все его пороки. Он был отрешен от самого себя вплоть до готовности уйти из жизни, что одним зимним вечером он уже пытался сделать. Он не лелеял, не ублажал себя, как это делают другие, он имел о себе самом весьма смутное представление. Он говорил ей подкупающе искренне: «Я хочу тебя, и если ты уйдешь, ничто меня не утешит, даже удовольствие от горьких слез». Он внушал ей страх, ибо ему была безразлична собственная физическая привлекательность, в то время как она любила нравиться, он был равнодушен к своему достатку, а она любила тратить деньги, он был равнодушен к своему бытию, а она любила жизнь. Лишь к ней он не был безразличен. К ней он относился с такой ненасытностью, такой патологической жадностью...

— Тебе бы лучше быть педерастом, — говорила она. — Причиной тому могла бы служить твоя мать. А физические данные и деньги — средством достижения цели. На Капри ты бы пользовался бешеным успехом.

— А тебя бы оставил в покое, да?.. Но я всю жизнь любил только женщин. И потом... У меня постоянно были женщины. Пока не появилась ты. До тебя я по-настоящему никого не любил. Твое тело было, по существу, первым в моей жизни.

Она не без растерянности смотрела на него. Она любила до Алана других мужчин, в особенности другие тела. В ночном Париже, на южных пляжах; и это оставило в ней сладостный след, который она не могла скрыть от него и который он ненавидел. Она считала более непристойным то, что он чуть ли не бахвалился своим леденящим душу благополучным прошлым. Впрочем, нет, он им не бахвалился. На самом деле у него отсутствовало само понятие о прожитой жизни, не было о ней определенного, устоявшегося представления. Будто тяжело больной или предельно искренний человек, он измерял жизнь кризисами и острыми ощущениями. И она не могла постичь его тайну, не могла вообразить, как сказать ему: «Слушай, дорогой, будь мужчиной, тебе надо лечиться». А если он в самом деле столь наивно искренен, то как убедить его, что так нельзя, что без мелких уступок совести, без более или менее невинного плутовства в обществе не обойтись? Это было тем более трудно, что, убежденная в необходимости этого плутовства, она не была уверена в его обоснованности. Люди, которые говорили о совершенстве, внушали ей куда больше отвращения, чем те, кто не задумывался о том, насколько безупречны их поступки. Впрочем, Алан хранил об этом молчание.

Лучшие минуты они всегда переживали посреди ночи, когда после взаимного любовного остервенения, которое шло по четко установленному сценарию, наступала истома. Она смягчала Алана, возвращала ему младенческую непосредственность, с которой он, по всей видимости, так и не расстался. Жозе пыталась исподволь втолковать ему нечто важное, внушить ему, уже засыпающему, свои мысли, чтобы он воспринял ее слова уже в той, зазеркальной жизни, в которую он вынужден был отправляться хоть на несколько часов. Она говорила ему в эти минуты о нем самом: о его силе, отзывчивости, очаровании, неординарности, она пыталась заставить его взглянуть на самого себя, заинтересоваться своим «я». Он робко и восторженно спрашивал: «Ты находишь?» — и засыпал, прижавшись к ней. Однажды, мечтала она, он проснется совсем другим, влюбленным в себя,

независимым, и она по малейшему признаку заметит это. Он зевнет и будет искать сигареты, даже не взглянув на нее. Иногда, чтобы понаблюдать за ним, она притворялась спящей. Но едва проснувшись, он порывисто протягивал руку, чтобы удостовериться, что его Жозе рядом, успокоившись, открывал глаза и поднимался на локте, чтобы посмотреть на спящую жену.

Однажды она встала раньше обычного, чтобы полюбоваться зарей, и, не обнаружив ее в постели, он закричал так истошно, что она в страхе бросилась к нему. Они молча взглянули друг на друга, и она вновь легла.

— Ты не мужчина, — сказала она.

— А что значит быть мужчиной? Если имеется в виду смелость, то ведь я не из пугливых. Мужской энергии у меня хоть отбавляй. К тому же, как и все мужчины, я — эгоист.

— Настоящий мужчина не должен зависеть от кого бы то ни было, ни от матери, ни от жены.

— Мне не нужна мать. Я влюблен в тебя. Почитай Пруста. И если тебе необходима опора, ты всегда найдешь ее во мне, как в настоящем мужчине.

— Сейчас мне не нужна опора, мне нужен глоток свежего воздуха.

— Такого, например, как в открытом море? Тебе нужен Рикардо?

Она направлялась к выходу и приостановилась в дверях, обожженная палящим солнцем. Иногда силы покидали ее, и она плакала, как школьница, слизывая со щеки слезинки. Потом она возвращалась. Алан ставил одну из любимых ими пластинок, начинал говорить о музыке, которую хорошо знал, и ей приходилось отвечать ему. Время шло.

Однажды, в самом конце сентября, они получили телеграмму. Матери Алана предстояла операция. Они собрали вещи и не без сожаления покинули дом, в котором были так счастливы.

Белая палата была заставлена маленькими прозрачными коробочками, в которых увядали тусклые орхидеи. Аш устремила на невестку свой знаменитый взгляд хищной птицы. Жозе уже не помнила, какой журналист был автором этого сравнения, но вот уже десять лет в трудные минуты мать Алана выпяливала глаза и сжимала ноздри. Уловив ее настроение, Жозе вздохнула.

— Как дела? Сегодня утром я видела Алана. Он неплохо выглядит. Но весь — комок нервов.

— По-моему, он всегда был таким. У нас все в порядке. А как вы? Операция, кажется, не слишком серьезна?

Покорность судьбе сменила взгляд хищной птицы.

— Операции, которые предстоят другим, всегда кажутся не очень серьезными. Причем так считают даже самые близкие люди.

— И даже хирурги, — тихо сказала Жозе. — Это меня успокаивает.

Наступило молчание. Элен Аш не любила, когда ей портили отрепетированную сцену. В сегодняшней сцене она должна была передать своего беззащитного сыночка на попечение невестки, прежде чем отправиться на смертельно опасную операцию. Она положила ладонь на руку Жозе, и та рассеянно залюбовалась перстнями, которые украшали пальцы свекрови.

— Какой чудесный сапфир, — сказала она.

— Все это скоро будет ваше. Да, да, — продолжала она, не давая Жозе возразить, — скоро, очень скоро. Эти камни помогут вам быстрее утешиться после смерти несносной старой женщины.

Она ждала, что ее будут успокаивать, говорить, что она совсем не стара, что ей жить да жить, что у нее отзывчивое сердце. Но она услышала совсем другое.

— Нет, нет, только не это, — сказала, вставая, Жозе. — Хватит с меня, довольно. Я не намерена вздыхать и охать над вами. У вас случайно нет в семье старого дядюшки, которому нужно, чтобы его постоянно жалели? А у меня — есть.

— Жозе, крошка моя, у вас сдают нервы...

— Да, — сказала Жозе, — у меня тоже сдают нервы.

— Это после Флориды...

— А что Флорида? Там печет солнце, только и всего.

— Только и всего?

Тон, которым это было сказано, удивил Жозе. Она пристально взглянула на Элен, та опустила глаза.

— Однажды вечером Алан позвонил мне. Вы можете открыться мне, крошка моя, мы же женщины.

— Он говорил о Рикардо?

— Я не знаю, как его зовут. Алан был в ужасном состоянии, и... Жозе...

Но та не дослушала фразы и ушла. Лишь на залитых солнцем, шумных улицах Нью-Йорка, на неизменно бодрящем воздухе она пришла в себя.

«Рикардо, — улыбаясь, прошептала она. — Рикардо... Это имя меня с ума сведет». Она попыталась вспомнить его лицо и не смогла. Алан подписывал бумаги вместо матери, это была единственная работа, на которую он соглашался, и Жозе решила пройти длинную

улицу пешком.

Она вновь вбирала в себя знакомые запахи этого города, спрессованный толпой воздух, вновь ей казалось, что она выше ростом, будто идет на высоких каблуках, и она благословила небеса, когда вдруг увидела Бернара. Они ошарашенно уставились друг на друга, прежде чем яростно обняться.

— Жозе... А я думал, тебя нет в живых.

— Я всего лишь вышла замуж.

Он залился смехом. Несколько лет назад, в Париже, он был от нее без ума. И она вспомнила, как он сказал ей «прощай», потерянный, исхудавший, с помутневшим взором, в стареньком плаще. Он поправился, посмуглел, стал улыбчив. Ей вдруг показалось, что она вновь обрела своих друзей, свое прошлое, самое себя. Она рассмеялась.

— Бернар, Бернар... Как я рада тебя видеть! Что ты здесь делаешь?

— У меня вышла книга в Америке. Знаешь, я наконец-то получил премию.

— И теперь многого ждешь от жизни?

— Весьма. Я стал богатым человеком. Мужчиной, созданным для женщин. Короче, настоящим писателем. Тем, кто кое-что сотворил.

— Ты что-то сотворил?

— Да нет. Всего лишь написал книгу, которая «пошла». Однако я об этом помалкиваю и почти не думаю. Пойдем выпьем чего-нибудь.

Он повел ее в бар. Она смотрела на него и смеялась. Он рассказывал о Париже и общих друзьях, о своем успехе, и она, как прежде, была очарована грустью и жизнерадостностью, удивительно сочетавшимися в этом человеке. Он всегда был для нее братом, хотя и тяготился этой ролью, а она однажды попыталась его утешить. Но это было так давно, до замужества. Она погрузилась и замолчала.

— Ну, а ты-то как? Как твой муж? Он американец?

— Да.

— Он мил, порядочен, спокоен нравом, обожает тебя?

— Я так полагала.

— Он противный, неуравновешенный, жестокий тип, без стыда и совести, грубый?

— Тоже нет.

Он рассмеялся.

— Послушай, Жозе, но ведь я привел два самых характерных случая. Я не удивлен, что ты отыскала себе редкую птицу, сделай милость, расскажи о нем.

И она вдруг разрыдалась. Она долго плакала, прижавшись к плечу потрясенного и сконфуженного Бернара. Она плакала об Алане, о себе, о том, что они друг для друга значили, чего уже не вернешь и чему скоро придет конец. Ибо благодаря этой встрече она поняла то, что вот уже полгода отказывалась понимать: она ошиблась. И она слишком уважала себя, была слишком горда, чтобы еще долго терпеть последствия этой ошибки. Чересчур нежный кошмар был близок к завершению.

Тем временем Бернар беспорядочно водил по ее лицу своим носовым платком и невнятно шептал угрозы подлому мерзавцу.

— Я от него уйду, — наконец сказала она.

— Ты его любишь?

— Нет.

— Тогда не плачь. Хватит слов. Выпей что-нибудь, иначе твой организм будет

окончательно обезвожен. А знаешь, ты похорошела.

Она засмеялась, потом обеими руками сжала его ладонь.

— Когда ты уезжаешь?

— Через неделю с небольшим. Ты поедешь со мной?

— Да, не оставляй меня в эти дни, ну хотя бы не оставляй слишком часто.

— Я должен выступить по радио между двумя рекламными сюжетами, посвященными обуви, — вот, пожалуй, и все мои дела. Я как раз хотел побольше побродить пешком. Ты мне покажешь Нью-Йорк.

— Да, конечно. Приходи ко мне сегодня вечером. Увидишь Алана. Ты ему скажешь, что так продолжаться больше не может. Он, наверное, тебя послушает и...

Бернар привскочил.

— Ты как была сумасшедшей, так и осталась. Это ты должна все ему сказать, а не я. Неужели не понятно?

— Я не смогу.

— Послушай, развестись в Америке не проблема.

Она попыталась подробнее рассказать об Алане. Но Бернар превратился в осмотрительного француза, он говорил о здравом смысле, о том, что надо беречь нервы, о немедленном разводе.

— Но у него же никого, кроме меня, нет, — сказала она в отчаянии.

— Подумай, какую чушь ты несешь, — начал было Бернар. Однако, не договорив того, что хотел, продолжал: — Извини. Во мне заговорила былая ревность. Я приду вечером. Не волнуйся, я рядом.

Еще два года назад эти слова рассмешили бы ее. Теперь же они ее ободрили. Что ни говори, успех, верил он в него или нет, остепенил Бернара. Жозе, не потеряв прежнего очарования, попросила у него защиты; они расстались, весьма довольные друг другом.

Алан стоял перед зеркалом и завязывал галстук. В темном костюме он был необыкновенно хорош собой. Жозе уже завершила свой туалет и ждала его. Это была одна из причуд Алана: он смотрел, как она одевается, подкрашивается, путался под ногами, мешал, якобы желая помочь, потом сам начинал медленно, как бы красуясь перед ней, переодеваться. И всякий раз она любовалась его обнаженным торсом, узкими бедрами, мощной шеей. Скоро, очень скоро она уже не будет ему принадлежать. С каким-то затаенным стыдом она думала, что ей, наверное, будет особенно не хватать этой мужской красоты.

— Где мы обедаем?

— Где хочешь.

— Да, я совсем забыла тебе сказать. Я встретила старого друга, француза Бернара Палига. Он пишет романы, и здесь выходит его книга. Я пригласила его на обед.

На минуту воцарилось молчание. Она задумалась, почему ей так необходимо было знать, как отнесется к ее затее Алан, ведь через десять дней она его покинет. Но теперь, когда он был рядом, отъезд казался ей столь же невозможным, сколь неизбежным представлялся всего два часа назад.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

— Я забыла.

— Это твой любовник?

— Нет.

— У тебя с ним ничего не было? Он что, кривой?

У Жозе перехватило дыхание. Она чувствовала, как ее душит ярость, и вдруг ощутила на своей шее биение артерии. Она собралась спокойно и решительно сказать: «Я развожусь с тобой». Потом подумала, что так покинуть человека нельзя, ибо это будет похоже на месть, и что она причинит ему боль.

— Нет, он не кривой, — сказала она. — Он очень милый, и я уверена, что он тебе понравится.

Алан на мгновение замер, не успев завязать галстук, который вился у него между пальцев. Удивленный мягкостью ее голоса, он взглянул на отражавшуюся в зеркале Жозе.

— Извини, — сказал он. — От ревности я дурею, становлюсь грубым, а это уже грустно и этому нет прощения.

«Только не добрей, — подумала Жозе, — не меняйся, не лишай меня моего оружия, причины для ухода. Только не это». У нее могло не хватить духу бросить его, но это было необходимо сделать. Теперь, когда она уже решилась, когда ясно представила жизнь без него, у нее постоянно кружилась голова от тех слов, которые ей предстояло сказать мужу. Ведь пока она их не скажет, ничего не изменится.

— Вообще-то у меня была с ним связь, она длилась дня три, не больше.

— А, — сказал Алан, — так это тот самый писатель из провинции, как так его зовут?

— Бернар Палиг.

— Как-то вечером ты мне об этом рассказывала. Ты приехала к нему сообщить, что его жене плохо, и осталась у него в гостинице.

— Да, — сказала она, — именно так.

Перед ней вдруг вновь предстала серая городская площадь в Пуатье, выцветшие обои гостиничного номера. Она вдохнула неизвестно откуда взявшийся запах провинциальных улочек и улыбнулась. Скоро она вновь все это обретет, отлогие холмы Иль-де-Франса, воздух парижских бульваров, золотое Средиземноморье — все, что до сих пор оставалось позади.

— Не помню, чтобы я тебе об этом говорила.

— Ты мне много о чем говорила. Если мне что и не известно, так это то, что ты сама забыла. Я из тебя все вытянул.

Он повернулся к ней лицом. Давно она не видела его в отлично скроенном темно-синем костюме. Этот безукоризненно одетый человек с детским лицом и жесткими глазами показался ей вдруг чужим.

«Алан», — услышала она свой внутренний голос, но не шелохнулась.

— Если человек не хочет, из него ничего не вытянешь, — сказала она. — Не нервничай и попытайся быть вежливым, чтобы не оскорбить Бернара.

— Твои друзья — это мои друзья.

Они не отрывали друг от друга глаз. Она рассмеялась.

«Вражда... Вот к чему мы пришли, мы стали враждовать», — подумала она.

— Да, но я-то тебя люблю, — подчеркнуто вежливо сказал Алан, как бы угадав ее мысли. — Пойдем подождем твоего друга в библиотеке.

Он поднял согнутую в локте руку, и она машинально на нее оперлась. Как долго эта рука служила ей опорой? Год, два? Она уже точно не помнила, и вдруг ей стало страшно потерять эту опору. А если ей уже никто больше не подаст руки? Чувство безопасности... Этот мужчина-неврастеник олицетворял для нее безопасность! Нарочно не придумаешь.

Бернар явился в назначенный час, они выпили по коктейлю, вежливо поговорили о

Нью-Йорке. Жозе казалось, что она будет присутствовать на встрече двух миров, ее миров, но все оказалось куда обыденнее — она пила неразбавленное виски в компании хорошо воспитанных мужчин одного роста, которые когда-то были или оставались к ней равнодушны. Алан улыбался, и в глазах Бернара, которые поначалу были полны снисхождения, быстро загорелись злые искорки. Жозе уже не замечала красоты Алана, и это ее как-то по-особому радовало. Она не видела, что стаканы давно опустели, и лишь отчаянная мимика Бернара заставила ее обратить внимание на мужа. Тому никак не удавалось извлечь сигарету из полупустой пачки.

— Наверное, пора ужинать, — сказала она.

— Еще стаканчик, — любезно предложил Алан, обратившись к Бернару, но тот отказался.

— Мне бы хотелось выпить с вами еще, — настаивал Алан, — очень хотелось.

Тучи сразу сгустились. Бернар поднялся.

— Спасибо, не хочу. Я и вправду голоден.

— Я прошу вас выпить со мной, у меня есть тост, — сказал Алан. — Вы не можете мне отказать.

— Но если Бернар не хочет больше пить... — начала было Жозе, но Алан не дал ей договорить.

— Ну что, Бернар?

Они стояли друг против друга.

«Алан сильнее, но он пьян, — пронеслось в голове Жозе. — Впрочем, я не помню, как сложен Бернар... Самое время заняться сравнительной анатомией». Она взяла бокал из рук Алана.

— Я выпью с тобой. А Бернар нас поддержит. За что пьем?

— За Пуатье, — сказал Алан и залпом выпил свой коктейль.

Бернар тоже поднял свой почти пустой бокал.

— За Ки-Вест, — сказал он. — Отвечу любезностью на любезность.

— За этот милый вечер, — сказала Жозе и рассмеялась.

Они ужинали в Гарлеме и возвратились лишь на рассвете. От Централ-парка шел туман, из которого возникали громады небоскребов, и казалось, что утренняя прохлада дарит пожелтевшим листьям вторую молодость.

«До чего красивый город», — тихо произнес Бернар.

Жозе согласно кивнула головой. Весь вечер она находилась между двумя мужчинами. Они сами ее так посадили за столик, по очереди с ней танцевали, совсем как механические куклы. Алан пил умеренно и не возобновлял своих намеков. Бернар чувствовал себя несколько раскованней, но она не могла припомнить, чтобы они хоть раз что-либо сказали друг другу. «Собачья жизнь, — подумала она, — собачья, да и только. Но, наверное, многие бы мне позавидовали». Алан опустил стекло, чтобы выбросить окурок, и в салон такси хлынул осенний воздух.

— Холодно, — сказал он. — Везде холодно.

— Только не во Флориде, — сказала Жозе.

— Даже во Флориде. Бернар, дорогой мой, — вдруг произнес Алан, и тот даже вздрогнул, — дорогой Бернар, давай забудем, что рядом с нами эта молодая женщина. Забудем, что в вас сидит самодовольный французик, а во мне — маменькин сынок.

Бернар пожал плечами. «Странно, — подумала Жозе. — Он знает, что я уйду от Алана,

что мы вместе возвратимся в Париж, и именно он оказывается обиженным».

— Вот так, — продолжал Алан. — Мы об этом забыли. А теперь немного потолкуем. Шофер! — крикнул он. — Отвезите нас в какой-нибудь бар.

— Я хочу спать, — сказала Жозе.

— Потом выспишься. Мне надо поговорить с моим другом Бернаром, у него чисто латинское понимание любви, и он может просветить меня по поводу моих семейных дел. И потом, у меня жажда.

Они очутились на Бродвее, в маленьком пустом баре под названием «Бокаж»^[2], и это слово заставило Жозе улыбнуться. Какое представление мог иметь хозяин бара о роце в Нормандии? Ему, видимо, понравилось само звучание двух французских слогов. Алан заказал три порции горячительного и пригрозил выпить все три, если они закажут что-либо другое.

— Итак, мы забыли о Жозе, — сказал он. — Я вас не знаю, я — незнакомый пьянчужка, которого вы повстречали в баре и который надоедает вам своими излияниями. Я буду звать вас Жан, это типичное французское имя.

— Что ж, зовите меня Жаном, — сказал Бернар.

Его пошатывало от усталости.

— Дорогой Жан, что вы думаете о любви?

— Ничего не думаю, — ответил Бернар. — Решительно ничего.

— Неправда, Жан. Я читаю ваши книги — ну, по крайней мере одну прочел. Вы много размышляете обо всем, что связано с любовью. Так вот, я влюблен. Влюблен в женщину. В мою жену. Я люблю ее безжалостно, ненасытно. Что прикажете мне делать? Ведь она хочет бросить меня.

Жозе посмотрела на мужа, потом на сразу проснувшегося Бернара.

— Если она покидает вас и вы знаете почему, мне нечего добавить.

— Я сейчас объясню, как все себе представляю. Любовь, ее ищут. Жертвуют многим, чтобы найти. И вот один из двух обрел ее. В данном случае речь идет обо мне. Моя жена была на вершине блаженства. Она, словно ручная серна, подходила ко мне, чтобы отведать из моей ладони этот нежный, неистощимый плод. Это была единственная серна, которую я соглашался кормить.

Он залпом выпил свой бокал, улыбнулся Жозе.

— Я надеюсь, вы простите мне эти сравнения, мой дорогой Жан. Многие американцы в душе — поэты. Короче, моя жена пресытилась, ей захотелось чего-то другого, а может, она не выносит, чтобы ее кормили насильно. Но я все еще храню этот плод, ощущаю его тяжесть на своей ладони. И хочу, чтобы она его вкушала. Что же делать?

— Вы могли бы вообразить, что она тоже держит плод в руке и... Впрочем, ваши сравнения меня раздражают. Вместо того чтобы воображать себя щедрым дарителем, вам не мешало бы осознать, что и у нее есть чем одарить другого, попытаться понять ее, что ли...

— Вы женаты, мой дорогой Жан?

— Да, — сказал «Жан» и как-то сразу сжался.

— Ваша жена любит и кормит вас. Вы не бросаете ее, хотя она вам и наскучила.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены.

— Вы не бросаете ее по той причине, которую называете жалостью, не так ли?

— Это вас не касается, — сказал Бернар. — Речь идет не обо мне.

— Речь идет о любви, — сказал Алан. — И это надо отметить. Бармен!..

— Прекрати пить, — сказала Жозе.

Она произнесла это почти шепотом. Ей было не по себе. Она и вправду питалась любовью Алана, в ней она находила смысл жизни, а может, и основное занятие, хотя она и боялась признаться себе в этом. Однако она и в самом деле больше так жить не могла. Она не хотела, чтобы ее «насильно кормили», как он выразился. Алан продолжал:

— Итак, вам надоела ваша жена, мой дорогой Жан. Некогда вы любили Жозе или, точнее, полагали, что сможете ее любить, она вам уступила, и вы разыграли грустную, сентиментальную комедию, исполнили ее в унисон. Ибо ваши скрипки хорошо сыграны и настроены, разумеется, на минорный лад.

— Может быть, и так, — сказал Бернар.

Он взглянул на Жозе, и они не улыбнулись друг другу.

В это мгновение она дорого бы заплатила, чтобы страстно любить его, ведь тогда она смогла бы хоть как-то возразить Алану. Бернар понял ее мысли и покраснел.

— А вы, Алан? Взгляните на себя со стороны. Вы любили женщину и отравили ей жизнь.

— Это не так мало. Вы считаете, что кто-то способен ее жизнь наполнить?

Мужчины повернулись к ней. Она медленно встала.

— Я просто в восторге от вашего спора. Раз вы про меня забыли, я удаляюсь. Продолжайте в том же духе, а я пойду спать.

Не успели они подняться, как она оказалась на улице и остановила такси. Она назвала шоферу мало знакомую ей гостиницу.

— Поздно, — прошептал шофер с видом знатока, — уже поздно ложиться спать.

— Да, — согласилась она, — слишком поздно.

И вдруг она явственно увидела себя, двадцатисемилетнюю женщину, которая совершает побег в нью-йоркском такси от любящего ее мужа, пересекает предрассветный город и многозначительно произносит: «Слишком поздно». Она подумала, что ей придется еще не раз восстанавливать в памяти случившееся, инсценировать его, смотреть на себя как бы из зрительного зала; она подумала, что в этом такси она могла бы дать волю слезам или страху, вместо того, чтобы рассеянно гадать, не зовут ли приросшего к сиденью шофера, к примеру, Сильвиус Маркус.

И лишь когда она заказала авиабилет в Париж, зубную пасту и щетку — все это на вечер того же дня, — когда она легла спать, свернувшись калачиком в незнакомом гостиничном номере, куда едва проникал дневной свет, она начала дрожать от холода, усталости и одиночества. Она привыкла спать, прижавшись к лежащему рядом Алану, и в течение получаса, которые потребовались ей, чтобы заснуть, прожитая жизнь представилась ей как грандиозная катастрофа.

Дул ужасный ветер. Он ломал ветки деревьев, которые свободно парили какое-то время в воздухе, прежде чем упасть на землю и зарыться в пыль, жухлую траву или замереть в придорожной грязи. Жозе стояла на пороге дома и смотрела на лужайку, желтеющие поля и обезумевшие каштаны. Раздался громкий треск, и от дерева отделилась толстая ветвь, трепеща листьями, она совершила воздушный пируэт и упала к ногам Жозе. «Икар», — сказала Жозе и подобрала ее. Было холодно. Она вошла в дом, поднялась к себе. Комната была выложена декоративной плиткой; стол, заваленный газетами, и огромный шкаф — вот почти и вся находившаяся в ней мебель. Она положила ветку на подушку кровати и с минуту ею любовалась. Выгнутая, будто сведенная судорогой, тронутая желтизной ветка походила на подбитую чайку, на похоронный венок, она была воплощение скорби.

За две недели, проведенные в нормандской деревушке, которую терзала неистовая осень, Жозе решительно ничего не предприняла. Вернувшись в Париж, она сразу же сняла этот старый одинокий домик; агент по сдаче внаем недвижимости с трудом поверил в свою удачу.

Она никого не поставила об этом в известность. Жозе хотела прийти в себя, хотя теперь это словосочетание воспринималось ею с едкой иронией. Ведь ей некуда было идти и тем более незачем углубляться в себя. Видимо, это выражение часто встречалось в прочитанных ею романах. Здесь властвовал ветер, он приходил и уходил когда хотел, брал и отпускал что ему заблагорассудится, а дома, по вечерам, ее согревал огонь, от которого веяло запахами земли и одиночества. Короче, это была настоящая деревушка.

Будь Жозе постарше или менее начитанна, ее вряд ли привлекла бы мысль о заброшенной деревне, где можно отдышаться и поразмышлять о будущем. Но, по сути дела, ничто пока не было ни разрушено, ни потеряно, даже время, и несмотря на мучительные уколы памяти, все вчерашние невзгоды пощадили ее душу и тело. Она могла оставаться здесь долго, пока не надоест. Или возвратиться в Париж, чтобы начать все сначала. Попытаться найти плод, о котором говорил Алан, обрести подобие покоя, работать или развлекаться. Она могла бродить пешком, подставляя лицо ветру, слушать пластинки или читать. Она была свободна. Чувство свободы вызывало известное удовлетворение, но не восторг. Опорой ей служил неисправимый оптимизм — то была неизменная черта ее характера.

Жозе не помнила, чтобы когда-нибудь испытывала безысходное отчаяние. Правда, случалось, она бывала подавлена, иногда до оупения. Четыре года назад, например, она рыдала, когда умер ее старый сиамский кот. Она хорошо помнила, как ее сотрясали волны неутешного горя, ей казалось, что кто-то со скрежетом скоблит у нее внутри, и это было больно до слез. Она помнила, как неотступно возникала перед ее взором уморительная мордочка кота, как ей хотелось вновь увидеть его спящим возле камина, ощутить его трогательное доверие к хозяйке.

Да, именно это было самое ужасное: исчезновение того, кто всецело тебе доверял, кто во всем на тебя полагался. Видимо, поэтому так невыносимо тяжело терять ребенка. Возможно, еще труднее было бы пережить гибель ревнивого мужа. Алан... Что он сейчас делает? Штатается по нью-йоркским барам? А может, каждый божий день мать водит его за ручку к психиатру? Или, чего проще, он находит утешение в объятиях какой-нибудь милой американочки? Ни одно из этих предположений ее не устраивало. Она хотела бы точно

знать, что с ним стало.

Она ни с кем не общалась, кроме пожилой пикардийки^[3], которая ухаживала за садом, занималась хозяйством и ночевала в доме, ибо Жозе боялась оставаться на ночь одна. Изредка Жозе ходила на сельскую площадь — чтобы поговорить по-французски и купить газеты, которые она перелистывала, не читая. Оказавшись после двухлетнего отсутствия в Париже, она никак не могла в это поверить, не находила себе места. В течение трех дней она слонялась по улицам, ночуя в гостиницах, оглушенная нахлынувшими на нее воспоминаниями. Ничего не изменилось: ее старая квартира по-прежнему выглядела нежилой, у прохожих было то же выражение лиц. Она ни с кем не встречалась, никому не звонила. А потом ее вдруг охватило такое страстное желание оказаться в деревне, что она взяла напрокат автомобиль и бежала. Родители были уверены, что она все еще во Флориде. Бернар и Алан, видимо, искали ее в Нью-Йорке, а она читала в своем заброшенном домике Конан Дойла. Все это было смешно. И лишь у неистового ветра, казалось, были серьезные намерения, лишь у него вроде бы была некая цель, высокое предназначение. Когда он успокоится, ключница подберет с лужайки поломанные им ветки и сожжет их. В окно проникнет сладкий запах дымящейся травы, он оторвет ее от приключений Шерлока Холмса, в который раз окунет в тихую грусть, которую будили в ней и аромат ночной земли, и прикосновение к шероховатому, чуть пахнувшему нафталином постельному белью — все, что напоминало такую близкую и такую далекую, благоухающую, словно цветок, молодость. В дверь скреблась собака. Она жила на ферме, очень любила Жозе и проводила часы, положив голову ей на колени. К сожалению, она изредка брызгала слюной. Жозе открыла дверь и в коридорное окно заметила почтальона. Он впервые здесь появился.

Она прочла телеграмму: «Жду нетерпением Париже. Целую Бернар». Она села на кровать, рассеянно провела рукой вдоль засохшей ветки, у нее промелькнула мысль, что неплохо бы заказать пальто такого же цвета. Собака, не отрываясь, смотрела на нее.

Бернар пожал плечами, довольный собой.

— Душа моя, я же тебя знаю. Тебе хотелось побыть одной в деревенской глуши. Как это сделать? Снять домик. Ты всегда выбираешь кратчайший путь, поэтому ты взяла справочник агентства по сдаче внаем недвижимости и сняла дом на месяц. Чтобы отыскать тебя, я проделал то же самое. Вот только непонятно, почему ты предпочла не первый предлагаемый в справочнике дом, а второй?

— В первом телефон был занят, — мрачно ответила Жозе.

— Я так и думал. Когда мне сказали, что какая-то сумасшедшая сняла на октябрь в Нормандии неотопливаемый домик, я сразу понял, что попал на твой след. Я даже хотел приехать за тобой.

— Почему же не приехал?

— Не осмелился. Твой отъезд застал нас врасплох. Мы с Аланом всю ночь колесили по Нью-Йорку, пытаюсь тебя отыскать. Хороши же мы были после такой прогулки... Потом он догадался позвонить в «Эр-Франс», но опоздал примерно на час.

— Что же вы предприняли?

— Мы сели в следующий. Я имею в виду самолет. Я так и не выступил по радио. Да что там — едва успел собрать чемодан.

— Он во Франции?

Жозе встала. Бернар вновь усадил ее.

— погоди бежать. Алан живет здесь уже недели две. Он остановился, естественно, в гостинице «Риц». Нанял Шерлока Холмса с Лемми Косьоном, чтобы разыскать тебя.

— Шерлока Холмса, — повторила она, — как странно, я как раз читала...

— Я не столь хитер, как Шерлок Холмс, но зато я знаю твои привычки. Поэтому умоляю тебя, сделай что-нибудь. Разведись или уезжай в Бразилию. Но только избавь меня от Алана. Он не отстает от меня ни на шаг. Пока он питает ко мне почти дружеские чувства, но стоит тебе на меня взглянуть, и он меня возненавидит. Я этого долго не вынесу.

Он откинулся на спинку дивана. Они беседовали в маленькой гостинице на левом берегу Сены, в которой Жозе когда-то довольно долго жила. Вдруг она взяла его за плечи и встряхнула.

— Ты что же, жаловаться мне вздумал? Скажите пожалуйста, две недели!.. Я с ним полтора года промыкалась.

— Да, но ты кое-что за это имела, а я — нет!

Она с минуту колебалась, потом залилась смехом. Этот смех заразил Бернара, и некоторое время они корчились на диване, охая, давясь и проливая слезы.

— Ты неподражаема, — задыхался Бернар. — Неподражаема! Тебе только не хватало обвинить меня в своем замужестве! Это меня-то, влюбленного в тебя по уши!.. Ха!.. Меня, вот уже две недели вынужденного водить твоего супруга за ручку... Невероятно!..

— Замолчи, — сумела произнести Жозе. — Хватит гоготать! Мне надо все как следует обдумать. Я хотела заняться этим в деревне... Если бы ты видел меня там! Я ни о чем не думала, дрожала от холода... Там был милый пес, который брызгал на меня слюной... Ха-ха!

Упоминание о собаке вновь заставило их хохотать до упаду, они выбились из сил, покраснели как раки и наконец утихли. Бернар по-братски поделился с Жозе своим носовым

платком.

— Что же мне делать? — сказала Жозе.

Алан теперь был в том же городе, что и она, быть может, совсем рядом, и эта мысль заставляла тяжело биться ее сердце, которое ощущалось как нечто громоздкое, ценное, но неподвластное.

— Если ты хочешь развестись, подай в суд, вот и все дела. Не убьет же он тебя!

— Я не за себя боюсь, за него. Не могу.

— Теперь я лучше тебя понимаю, — сказал Бернар. — Станный он человек. Когда я оставляю его одного, то при одной лишь мысли о том, что он где-то рядом одиноко бродит по Парижу, меня бросает в дрожь. Он пробудил во мне материнский инстинкт, о котором я и не подозревал.

— Как, и ты?.. А я-то думала...

— Но, по-моему, для брака этого слишком мало, — строго сказал Бернар. — Впрочем, решай сама. А пока я приглашаю тебя на коктейль к Северину. Алана там не будет. А мне пора уходить. Если хочешь повидать его, то он в «Рице». Там его пожирает глазами дюжина престарелых англичанок.

Жозе в задумчивости прислонилась к двери, потом решительно принялась за чемоданы. Это занятие должно отвлечь ее часа на два, так что до самого коктейля можно будет ни о чем серьезном не думать. А у Северина она обязательно отыщет собеседника, который ее утешит. «Я вправду трусиха, — думала она. — Я ведь сама должна решать, как жить дальше». Жизнь ее походила на веселую потасовку. Она вспомнила о том, как только что хохотал Бернар, и улыбнулась себе в зеркало. Потом в памяти ее всплыла сказанная им скороговоркой фраза: «Меня, влюбленного в тебя по уши...» Она повесила в шкаф свое платье, старательно расправив все складки. Это было очень милое платье, которое ей шло. Да, ее любили. Да, она ничего не ждала от этой любви. Она лишь кормилась из ладоней любящих ее людей. Себя она не очень-то жаловала.

Коктейли Северину удавались на славу. В этот день было приглашено немало богатых особ, несколько неподражаемых чудаков, два зарубежных актера, ряд знаменитых литераторов и художников, старые друзья дома. Среди них были и гомосексуалисты, но их число не выходило за разумные рамки. Жозе с удовольствием окунулась в этот пустой, эфемерный, декадентский мирок, который в то же время был самым живым, самым свободным и веселым из всех существующих на земле столичных мирков. Она со многими была знакома, и они приветствовали ее так, будто расстались вчера, радостно вскрикивали, и если в этой радости и была доля притворства, то совсем небольшая; потом они бросались целовать ее по-французски в щеки, по обычаю, который возник, как утверждал Северин, во времена Освобождения.

Северину было пятьдесят, он слишком начитался Хаксли и выдавал себя за светского льва. Его квартира была увешана фотографиями ослепительно красивых женщин, которых никто не знал и о которых он хранил удивительное молчание. Желая казаться бодрячком, он всегда слишком громко смеялся, но под утро, что называется, увядал; однако его искренняя доброта, обходительность и неиссякаемый запас виски обеспечивали ему добрых друзей. К их числу принадлежала и Жозе. Шестикратно чмокнув ее в щеки и предложив руку и сердце, как этого требовал здешний ритуал, он отвел ее в сторону, усадил под светильником и строго посмотрел в глаза.

— Ну-ка, ну-ка, покажись.

Жозе покорно откинула голову назад. Это была одна из самых утомительных причуд Северина: он любил читать по лицам.

— У тебя было много переживаний.

— Нет, нет, Северин, все в порядке.

— Ты все такая же скрытная. Исчезаешь на два года, потом появляешься, мило улыбаясь, как ни в чем не бывало, и молчишь. Где твой муж?

— В «Рице», — сказала Жозе и засмеялась.

— Он любитель подобных гостиниц? — спросил, нахмутив брови, Северин.

— С десяток твоих гостей — я думаю, не меньше — остановились в той же гостинице.

— Это совсем другое дело. Ведь они не женаты на моей лучшей подруге.

Жозе опустила, потом подняла голову, яркий свет резал ей глаза.

— Твоя лучшая подруга хочет пить, Северин.

— Я сейчас, мигом. Никуда не уходи. Держись подальше от этой недостойной толпы, ты провела два года в Америке и одичала. А они не умеют говорить с дикарями.

Он громко рассмеялся и исчез. Жозе с умилением посмотрела на «недостойную толпу». Гости страстно о чем-то спорили, хохотали, темы менялись с той же быстротой, с какой сходились и расходились собеседники, все говорили по-французски. Провести целых два года с Аланом на затерянном в океане островке, слушать чинные размышления Киннелей, два года видеть лишь одно лицо — все это не могло пройти даром. Париж представлялся отрадной гаванью.

— Видишь вон ту женщину, — сказал Северин, вновь усаживаясь рядом, — узнаешь ее?

— Погоди, погоди... Нет, не узнаю.

— Элизабет. Помнишь? Она работала в редакции. Я был от нее без ума.

— Боже мой! Сколько ей сейчас?

— Всего лишь тридцать. А выглядит на все пятьдесят, не правда ли? Это самое головокружительное падение, которое я наблюдал за время твоего отсутствия. Ведь прошло всего два года. Она втюрилась в полоумного художника, всем пожертвовала ради него, теперь нигде не работает, пьет. А этот тип избегает с ней встречаться.

Дама по имени Элизабет посмотрела в их сторону, будто услышала, что они говорили о ней, и слабо улыбнулась Северину. Лицо ее отличалось одновременно худобой и одутловатостью, взглядом она напоминала больное животное.

— Тебе весело? — крикнул Северин.

— У тебя в гостях мне всегда весело.

«Это страсть, — подумала Жозе, — лицо страсти, отекающее, испитое, обрамленное двумя нитками жемчуга. Боже, как я люблю людей...»

Она с удовольствием проговорила бы несколько часов кряду с этой внезапно состарившейся женщиной, заставила бы ее исповедаться, чтобы все о ней узнать, все понять. Она хотела бы все знать о каждом из присутствующих, о том, как они засыпают, какие видят сны, чего боятся, что доставляет им удовольствие, а что — боль. С минуту она всех их горячо любила, с их честолюбием и тщеславием, боязливой готовностью дать отпор и чувством одиночества, которое безудержно трепетало в каждом из них.

— Ей суждено умереть, — сказала она.

— Она уже раз десять пыталась. Но пока ничего не вышло. И всякий раз он возвращался, распускал слюни и ухаживал за ней три-четыре дня. Так зачем ей, по-твоему, всерьез

кончать с собой? Смотри, видишь, это мои музыканты. Они мастерски исполняют чарльстон.

Чарльстон вернулся в Париж из двадцатых годов, несколько растеряв свою жизнерадостность, как утверждали ворчуны, которые, тем не менее, от души веселились. Пианист занял свое место, и оркестр дружно грянул «Swanee», что заставило всех немного приумолкнуть. Постоянная готовность Северина устраивать всевозможные, порой неуместные развлечения пользовалась такой же славой, как и его виски. Худощавый молодой человек подсел к Жозе, представился и тотчас добавил:

— Извините, я ненавижу болтать, поэтому помолчу.

— Но это же глупо, — весело сказала Жозе. — Если не любите беседовать с людьми, не ходите на коктейли. А если вы хотите выглядеть оригиналом, то здесь это не пройдет. У Северина надо веселиться.

— Это я-то хочу быть оригиналом? Да мне плевать на это, — сердито сказал молодой человек и надулся.

Настроение у Жозе было превосходное. В гостиной стоял густой дым, оглушительно гремела музыка, все кричали, чтобы перекрыть грохот усердствовавшего оркестра, а столы уже были заставлены пустыми бокалами. Ей даже захотелось, чтобы приехал Бернар и сообщил какие-нибудь новости об Алане.

— Умоляю вас! — что есть мочи выкрикнул Северин. — Будьте так добры, минуту внимания! Робин Дуглас, как и обещал, сейчас кое-что нам споет.

Публика расселась без особого энтузиазма, и Северин выключил почти все светильники. Кто-то, слегка оступившись, приблизился к Жозе и уселся рядом. Певец грустно объявил «Old Man River» и под чье-то «браво» начал петь. Поскольку он был чернокожим, все сразу уверились в его таланте и слушали затаив дыхание. Он пел довольно медленно, слегка бляя, и обиженный на весь мир молодой человек пробурчал себе под нос что-то насчет истинной негритянской задушевности. Жозе, которая объездила с Аланом Гарлем вдоль и поперек, особого восхищения не испытывала и даже зевнула. Она откинулась на спинку кресла, взглянула на соседа справа. Сначала она увидела черный, тщательно начищенный и поблескивающий в полумраке ботинок, потом безукоризненно отглаженную складку брюк и, наконец, спокойно лежавшую на этих брюках руку. Руку Алана. Теперь она ощущала, что он смотрит на нее; стоило ей только повернуть голову, и их взгляды встретились бы, но ее сдерживал внутренний трепет. Да, хоть это было смешно и глупо, Жозе боялась, что после того, как она его бросила, он заявит о своих правах и закатит скандал, может, даже здесь, у Северина, которого он видит в первый раз.

Она замерла.

Возле нее ровно дышал чужой на этом вечере, испытывавший, подобно ей, скуку от посредственности пения иноземец, ее любовник, с которым вот уже месяц она была в разлуке. Рядом, в темноте, безмолвно, возможно не осмеливаясь к ней обратиться, сидел Алан. На мгновение ее так потянуло к нему, что она резко подняла руку к шее, будто застигнутая врасплох. Почти сразу же пришло ясное осознание того, что он, иноземец, среди всех ее друзей и родных был ей всего ближе, ибо их связывала не только физическая близость, но и прошлое: его нельзя было ни отменить, ни оспорить, и оно сводило на нет еще совсем недавно владевшее ею чувство эйфории и свободы.

«Плохо поет», — тихо сказал Алан, и она повернулась к нему.

Взгляды их встретились, впились друг в друга, в них было смущение и растерянность,

радость обретения и отказ от этой радости, искренняя нежность и наигранное удивление, горечь и страх, каждый замечал в другом лишь светлый блеск глаз, до боли знакомый овал лица и беззвучную, неудержимую дрожь в губах. «Где ты была?» — «Зачем ты пришел?» — «Как ты могла меня бросить?» — «Что тебе от меня еще нужно?» — все эти обрывочные восклицания, пронесшиеся в их сознании, вдруг перекрыли последние, к счастью, слова негритянской песни.

Жозе усердно зааплодировала вместе со всеми. Глупо, конечно, бить в ладоши, когда кто-то упорно на вас смотрит, но для нее это означало не восхищение певцом (он ей не понравился), а намеренное присоединение ко всем остальным, к своей семье, своим соотечественникам даже тогда, когда вкус им временно изменял, и, таким образом, освобождение от Алана: она вновь среди своих, их жизнь теперь ее жизнь. Северин зажег свет, и она увидела наконец такое детское, такое беззащитное лицо мужа, лицо чистосердечного, несчастного молодого человека, меньше всего походившего на жестокого злоумышленника.

— Как ты здесь оказался?

— Я искал Бернара. Он обещал мне найти тебя.

— Откуда у тебя этот ужасный галстук? — вновь заговорила она, остро ощутив прилив блаженной радости, который, как только прошел первый испуг, мешал ей думать.

— Я купил его вчера на улице Риволи, — с легкой усмешкой ответил Алан.

Они продолжали беседовать, повернувшись друг к другу в профиль, будто в гостинной все еще выступал певец или разыгрывался какой-то другой спектакль.

— Не надо было этого делать.

— Да, не надо.

Он сказал «да, не надо» так тихо, что она не смогла уловить, вкладывает ли он в эти слова другой, более широкий смысл. Вокруг нее снова замелькали чьи-то лица, гостинная наполнилась веселым гомоном, но ей уже казалось, что она присутствует на театральном действе и столь же далека от актеров, сколь была к ним близка всего полчаса назад. Мимо проплыла, кудахча и пошатываясь от выпитого, какая-то нелепая кукла, и она узнала Элизабет.

— Тебе понравился Робин? Он прекрасно поет, не правда ли?

Задавая этот вопрос, Северин низко наклонился к ней. Она рассеянно представила ему Алана, который поднялся и по-дружески пожал руку Северина.

— Счастлив с вами познакомиться, — сказал Северин. Он был явно смущен. — Вы надолго к нам в Париж?

Алан что-то невнятно пробормотал в ответ. Она поняла, что они как можно быстрее должны уйти, с объяснениями или без; было ясно, что приятный вечер грозил вылиться в невыносимый кошмар. Она поднялась, приложилась к щеке Северина и вышла, не оборачиваясь. Алан был рядом, он молча открывал ей двери, помог надеть пальто. Выйдя из дома, они успели сделать несколько неуверенных шагов, прежде чем Алан решился взять ее под руку.

— Где ты живешь?

— На улице Бак. А ты? Да, вспомнила, в «Рице».

— Можно я тебя провожу?

— Конечно.

По улицам гулял легкий ветерок. Они шли не спеша, не совсем в ногу. Жозе ровным

счетом ни о чем не думала, у нее мелькнула лишь одна мысль: «Пройти бульваром Сен-Жермен было бы ближе, но там, наверное, ужасный ветер». Она тупо смотрела себе под ноги и нехотя вспоминала, где и когда она могла купить эти туфли.

— Как же плохо он пел, — раздался наконец голос Алана.

— Да, плохо. Теперь налево.

Одновременно они повернули налево. Алан убрал руку, и на какой-то миг ее охватило смятение.

— Ты же видишь, — сказал Алан, — я в этом ничего не понимаю.

— В чем именно?

Жозе вовсе не желала продолжать разговор, особенно слушать, что он думает о ней, о себе, об их совместной жизни. Ей хотелось домой, она не отказалась бы от близости с мужем, но ее совсем не тянуло выяснять с ним отношения. Алан прислонился к стене, закурил и стоял с отсутствующим взглядом.

— Я в этом ничего не понимаю, — повторил он. — Что я здесь делаю? Мне осталось жить лет тридцать или чуть больше, а что потом? Что за злые шутки с нами играют? Что все это значит — все, что мы творим или пытаемся сотворить? Придет день, и меня не станет. Понимаешь, меня не станет. Меня оторвут от земли, лишат ее, и она будет вращаться уже без меня. Как это дико!

Она с минуту смотрела на него в нерешительности, потом подошла и прислонилась рядом.

— Ведь это какой-то бред, Жозе. Кто из нас просил, чтобы его произвели на свет? Нас как будто пригласили провести выходные дни в загородном доме, полном всевозможных сюрпризов — скользящих половиц и прочего, а мы тщетно ищем хозяина этого дома, Бога или кого-то там еще. Но там никого нет. В нашем распоряжении лишь выходные дни, не больше. Разве можно за этот миг как следует узнать, понять, полюбить друг друга? Что за мрачный розыгрыш? Перестать существовать, ты представляешь это? Однажды все кончится. Мрак. Пустота. Смерть.

— Зачем ты мне это говоришь?

Она дрожала от холода и безотчетного ужаса, навеянного его потусторонним голосом.

— Ведь я только об этом и думаю. Но когда ты рядом, когда ночью нам вместе тепло, тогда мне на все это плевать. Только тогда, и никогда больше. В эти часы я не боюсь смерти, я боюсь лишь одного — что умрешь ты. Самым важным, важнее любой великой идеи, становится твое дыхание на моей щеке. Я, как зверь, всегда начеку. Как только ты просыпаешься, я вливаюсь в тебя, в твое сознание. Я хватаюсь за тебя. Живу тобой. Какое мучение было сознавать, что ты села в самолет без меня, ведь он мог разбиться! Ты сошла с ума! Ты не имела права. Ты можешь представить, что жизнь без тебя лишена для меня смысла?

Он продолжил на одном дыхании:

— Я имею в виду жизнь без тебя как живого существа. Я понимаю, что тебе больше не нужен, я понимаю, что...

Он сделал глубокую затяжку и вдруг отошел от стены.

— Впрочем, я ничего не понимаю. Когда я сел рядом с тобой и ты несколько минут меня не замечала, мне казалось, что я пьян или в каком-то дурмане. Но ведь я давно уже не пил, разве не так?

Он взял ее за руку.

— В наших с тобой отношениях есть нечто истинное, ведь правда?

— Да, — сказала Жозе. — Да, есть нечто истинное.

— Я уйду, — сказал Алан. — Возвращаюсь в гостиницу. Если я доведу тебя до дома, то не смогу не войти в него.

Он выжидал с минуту, но она молчала.

— Ты должна прийти ко мне завтра в гостиницу, — продолжил он тихим голосом. — Как можно раньше. Придешь?

— Да.

Она бы сказала «да» в ответ на любую его просьбу, на глаза ее навернулись слезы. Он наклонился к ее лицу.

— Не дотрагивайся до меня, — остановила она его.

Потом Жозе смотрела ему вслед, он быстро удалялся, почти бежал, и хотя ее дом был совсем рядом, она остановила такси.

Жозе сразу легла в постель. Ее трясло от холода и горестных переживаний. Он сказал то, что и следовало сказать, заговорив о самом высоком: времени и неизбежном конце. Он смог выделить, обнажить главное, он указал ей, пожалуй, единственный способ обмануть смерть, если не считать веры, спиртного и впадения в маразм, — любовь. «Я люблю тебя, ты не уверена, что меня разлюбила, ты мне нужна, так чего же ты хочешь?»

Да, конечно, он был прав. Ведь в ней и правда было что-то от собачонки, которая жаждала, чтобы ее подобрали и приласкали. Это в начале вечера она была веселым и любопытным зверьком, полным искреннего сострадания к Элизабет и восторга перед гостями Северина. Но стоило ей увидеть рядом руку Алана, как гости эти стали далекими, суетными и скучными. Алан как бы разлучал ее с другими людьми. Не потому, что она слишком горячо любила его, а потому, что он не любил других людей и увлекал ее за собой в круговорот своих собственных страстей... Она должна была видеть его и только его, ибо он никого, кроме нее, не видел. Силы покинули Жозе. Повернувшись к стене, она сразу провалилась в сон.

Утро следующего дня выдалось ясным, холодным и ветреным. Выйдя на улицу, она горько пожалела, что обещала отправиться в «Риц»; она предпочла бы, как в былые годы, посидеть на террасе кафе «Флора» или «Две макаки», встретить старых друзей, поболтать с ними о милых пустяках, потягивая томатный сок. Ей казалось, что идти к Алану в гостиницу «Риц» — значит следовать сюжету надуманного американского сценария, который совсем не вязался с ароматом парижских улиц, с тихим, умиротворенным бульваром Сен-Жермен, покорно подчинявшимся огням светофоров. Она дошла до Вандомской площади, спросила у администратора, в каком номере остановился Алан, и вспомнила о себе, о нем, об их браке, лишь открыв дверь.

Он лежал на кровати, обмотав шею старым красным шарфом, который едва прикрывал его голые плечи. На полу, у изголовья постели, покоился поднос с недоеденным завтраком, и она с раздражением подумала, что он мог бы подстойнее ее принять. В конце концов, она по собственному желанию покинула его и теперь пришла, чтобы поставить вопрос о разводе. Его неглиже не совсем подходило для разговора на эту тему.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, — садись.

Она уселась в неудобное кресло, в котором можно было либо притулиться на самом краешке, либо развалиться полулежа. Она избрала первый вариант.

— К счастью, ты без сумочки и шляпы, — насмешливо произнес он, — а то бы я

подумал, что ты пришла ко мне, как в кафе, позавтракать моей яичницей с ветчиной.

— Я пришла, чтобы поговорить с тобой о разводе, — сухо сказала она.

Он расхохотался.

— В любом случае не стоит принимать столь грозный вид. Ты похожа на сердитую девчонку. Впрочем, чему удивляться, ты так и не рассталась со своим детством, оно всегда рядом с тобой, спокойное, невинное. Оно не осталось позади, это — твоя вторая жизнь. Твои попытки приблизиться к настоящей жизни были неудачны, так ведь, дорогая? Я как-то говорил об этом с Бернаром...

— Не понимаю, при чем тут Бернар. Придется мне с ним объясниться. Во всяком случае...

— Ты оттаскаешь его за уши. А он объяснит тебе, что ты самое гуманное существо, которое он знает.

Она вздохнула. Продолжать было бесполезно. Оставалось лишь уйти. Однако ее настораживали улыбка и веселое настроение Алана.

— Брось ты это кресло, иди ко мне, — сказал он. — Боишься?

— Чего мне бояться?

Жозе присела на кровать. Они были совсем рядом, и она видела, как мало-помалу смягчилось выражение его лица, подернулись влагой глаза. Он взял ее руку и положил ладонью на то место, где чуть заметно вздувалось одеяло.

— Я хочу тебя, — сказал Алан. — Чувствуешь?

— Ну при чем тут это, Алан...

Красный шарф прикрыл его лицо, он притянул ее к себе, и она видела теперь лишь белизну простыни и его загорелую шею, отмеченную уже глубокой морщиной.

— Я хочу тебя, — повторил он.

— Но ведь я одета, накрашена и у меня не это на уме. Не жми так, я едва дышу. Мне, конечно, льстит твой порыв, но я пришла не за этим.

Однако совершенно произвольно она ласково провела рукой по одеялу, он дышал все глубже, нервно копошился под ее юбкой, и в конце концов она перестала сопротивляться, не понимая, чего же она хочет: уснуть после плохой ночи или вновь прижаться к мужчине. Вскоре они лежали обнаженные, изнемогая от короткой нежной борьбы и желания, во власти самых невообразимых ласк, на которые иногда толкает любовь, силясь понять, глотая слезы, что же их могло так надолго разлучить, прислушиваясь к зову плоти и вторя ему. И зов этот превращал тихое, спокойное утро на Вандомской площади в бешеную пляску тьмы и света, а деревянную резную кровать — в раскачивающийся на волнах плот.

Потом они лежали, почти не шевелясь, нежно вытирая капли пота друг с друга. Она снова подпадала под его власть.

— Завтра я найду подходящую для нас квартиру, — произнес наконец Алан.

Она не промолвила ни слова.

— Мне было гораздо лучше в Ки-Весте, — сказал Алан. — Тебе — нет. Ты пока нуждаешься в обществе. Ты хочешь встречаться с людьми, ты им веришь. Очень хорошо. Будем встречаться с людьми, твоими друзьями, ты мне скажешь, кто из них интересен. А когда тебе надоест, мы отправимся туда, где поспокойней.

Она слушала, чуть склонив голову, со слегка сконфуженным видом легкомысленной женщины, потом ответила:

— Что ж, блестящая мысль. И когда мы окажемся в спокойном местечке, ты начнешь

вспоминать имена моих друзей, задашь мне массу вопросов, например: «А почему ты с такой милой улыбкой угощала Северина хрустящим картофелем в пятницу 9 октября? Ты что, с ним спала?»

Хотя Алан редко откровенно дурачился, однажды его угораздило разбить бокал об пол, и недавно нанятая горничная заявила, что, если и дальше будет так продолжаться, она долго у них не задержится. Вообще-то их жилище было весьма милым, хотя планировка второго этажа смахивала скорее на убежище богемы голливудского образца, чем на старый Париж. Лишь со временем Жозе сумела достать удобную и довольно красивую мебель, пианино и огромную радиолу. Они славно провели свое первое утро на новом месте. Если не считать кровати, торшера и пепельницы, квартира была еще пуста; они слушали великолепную запись Баха, который их в конце концов усыпил.

В последующие дни они ходили по антикварным лавкам, «блошиному» рынку, побывали на нескольких вечеринках. Жозе водила на них Алана, словно кошка, которая, осторожно схватив своего котенка за шкурку, повсюду таскает его с собой, готовая улепетнуть при любой опасности. Во всяком случае, так все это видел Бернар.

«Правда, кошки делают это из любви, — сердито добавил он, — а ты — из уважения к людям. Из страха, что он напьется, что будет всем неприятен, что закатит скандал». Но Алан целиком ушел в роль молодого, наивного, ослепленного любовью американского мужа. Он играл ее с таким усердием, что Жозе не знала, плакать или смеяться.

— Знаете, — сказал как-то Алан расплывшемуся от удовольствия Северину, — я очень доволен, что вы приобщаете меня к вашей жизни. Ведь мы, американцы, так далеки от Европы, и особенно от утонченной, изысканной Франции. Я чувствую себя здесь профаном и боюсь, что Жозе меня стесняется.

Благодаря подобным скромным высказываниям, вкупе с его внешностью, он легко завоевывал сердца всех окружающих. Некоторые даже начали недоумевать, почему Жозе не старается делать так, чтобы он чувствовал себя более раскованно. Когда она с затаенным холодным ожесточением выслушивала стенания покоренных Аланом сердец, они казались ей смешными и грустными, подобными судебной ошибке. Но были и такие, кто, однажды услышав странный смех Алана или его слишком откровенные высказывания, смотрели на него, как и Бернар, со смешанным чувством симпатии и недоверия, что в известной мере походило на отношение Жозе к своему мужу, и это было для нее хоть и слабым, но все же утешением.

Во время долгого и бессвязного выяснения отношений, которое последовало за тем утром в гостинице «Риц», которое иначе как «утром примирения» они назвать не могли, они договорились, что все начинают заново, то есть подводят черту под бегством Жозе, разлукой и встречами в Париже. Нельзя сказать, что Алан и Жозе по-настоящему поверили во все эти красивые фразы. Устав от своих причуд, они просто отдавали дань неписаным законам, негласным правилам поведения, нравам того общества, в котором жили. Кроме усталости, была и другая причина. Они не могли признаться себе, что это тяжело пережитое обоими бегство, две недели, проведенные в смятенных чувствах, и особенно памятный вечер их встречи: ветер, чернокожий певец, неожиданность и страх, — что все эти события не были следствием преднамеренного решения. Алан считал: Жозе согласна с тем, что он «должен разделять с ней всю ее жизнь»; Жозе полагала: Алан не возражает против того, что «он — не вся ее жизнь». Однако об этом они помалкивали. Они просто сказали друг другу: «Мы свободны, мы смешиваемся с окружающими и попытаемся это сделать не порознь, а

вдвоем».

Но жизнь снова стала пресной. Где бы Жозе ни находилась, Алан не спускал с нее глаз, с подозрением смотрел на ее собеседников, и ей казалось, что внутри у него спрятана маленькая электронная машинка, которая неустанно что-то сопоставляет, высчитывает, обобщает — правда, результаты ее работы не выливались теперь в столь неприятные сцены, ибо он боялся, что жена снова сбежит. Тем не менее Жозе было тягостно чувствовать, что муж ни на минуту не оставляет ее в покое и стоит ей резко к нему повернуться, она почти всегда ловит на себе пристальный, оценивающий взгляд. Но постель продолжала оставаться местом их единения, и Жозе удивлялась, что она еще влечет их, побеждает усталость. По вечерам они вновь и вновь испытывали любовную лихорадку, страстную дрожь, которая поутру обоим казалась необъяснимой. Она, конечно же, не из-за этого оставалась с ним, но осталась бы она с ним, если бы не это?

Они постепенно привыкали к новому образу жизни, к бесконечно долгим утренним часам, к легким завтракам, к дневным походам в магазины и музеи, ужинам со старыми друзьями Жозе. Алан, само собой разумеется, не работал. Они ходили на туристов, и это в немалой степени способствовало тому, что Жозе не покидало ощущение непрочности, эфемерности их парижской жизни, а это было на руку Алану: он только и ждал, что ей надоест подобное существование и он увезет ее отсюда. Увезет туда, где, кроме них, никого не будет. А пока он проявлял терпимость, как ее проявляют иногда к тем, кто капризничает. Однако капризом Жозе был весь ее жизненный уклад.

Бернар часто с ними виделся. Он понял суть их взаимоотношений и как мог старался поддержать Жозе, вернуть ей Париж, его очарование, сделать так, чтобы она почаще была на людях. Но нередко ему казалось, что он вовсе не помогает молодой, свободной, нуждающейся в его поддержке женщине, а имеет дело с глухонемой, которая упрямо стремится ввязаться в любой разговор. Порой она резко отворачивалась от него, начинала лихорадочно искать глазами Алана, и когда их взгляды вновь встречались, он видел, что он едва сдерживает бессильную ярость. Ему представлялось, что она лишь однажды повела себя как независимая женщина — когда оказалась в открытом море с тем самым ловцом акул. Однажды он высказал ей эту мысль. Отвернувшись от него, она промолчала.

— У меня такое впечатление, что ты ведешь двойную жизнь, — сказал он в другой раз. — Ты — и взрослый человек, и в то же время — ребенок, который не отвечает за свои поступки, которого часто наказывают и который нерасторжимо связан с теми, кто его осуждает: ведь ты сама предоставляешь другим право тебя осуждать по той простой причине, что в любой момент можешь заставить их страдать.

Она встряхнула головой, взгляд ее ничего не выражал.

Очередная вечеринка у Северина была в самом разгаре, вокруг стоял такой гвалт, что они могли наконец спокойно побеседовать.

— То же самое говорит Алан, так что здесь у вас полное единодушие. Что еще вы можете мне предложить? — спросила Жозе.

— Я?.. — он хотел было ответить «все», потом подумал, что это будет смахивать на реплику из плохого романа. — Я? Не обо мне речь. Речь о том, что ты несчастна и несвободна. И это совершенно не вяжется с твоей натурой.

— А что с ней вяжется?

— Все, что тебе не в тягость. Его любовь тебе тягостна, а ты считаешь, что так и надо. Но как раз так и не надо.

Она достала сигарету, прикурила от зажигалки, которую он поднес, и улыбнулась.

— Послушай, что я скажу. Алан убежден, что каждый человек барахтается в своем дерьме, никто и ничто не в силах его из этого дерьма вытащить — во всяком случае, здесь бесполезны собственные жалкие потуги или невнятные самозаключения. Посему сам Алан неисправим, к нему нет никаких подходов.

— А ты?

Она прислонилась к стене, как-то вдруг расслабилась и заговорила столь тихо, что ему пришлось низко к ней склониться.

— Я не верю в никчемность человека. Не выношу подобной философии. Безнадежных людей не бывает. Я считаю, что каждый пишет картину своей жизни раз и навсегда, уверенной рукой, широкими, свободными мазками. Я не понимаю, что такое серость бытия. Скука, любовь, уныние или лень — все человеческое для меня наполнено поэзией. Короче...

Она положила свою руку на руку Бернара, слегка сжала ее, и он понял, что на какое-то мгновение она забыла о неусыпном взгляде Алана.

— Короче, я не верю, что мы — некое темное племя. Мы, скорее, животные, наделенные разумом и поэтической душой.

Он сжал ее ладонь в своих, и она не сделала попытки освободиться. Ему хотелось прижать ее к себе, целовать, утешать. «Милый мой зверек, — прошептал он, — маленький, полный поэзии зверек». И она медленно отодвинулась от стены и спокойно, у всех на виду поцеловала его. «Если этот кретин посмеет поднять шум, — подумал он, не открывая глаз, — если этот озабоченный тип сейчас вмешается, я его сокрушу». Но ее губы уже оторвались от его губ, и он понял, что можно вот так, при всем честном народе, целоваться врасос, и никто этого не заметит.

Жозе тотчас же от него отошла. Она не понимала, что толкнуло ее поцеловать Бернара, но никакого стыда не испытывала. В его взгляде было нечто неотразимое, он был полон такой нежности, такой доброты, что она забыла обо всем: о том, что она замужем за Аланом, а Бернар женат на Николь, о том, что она его не любит, но, кто знает, может, никто никогда не был ей ближе, чем он в это мгновение. Ей казалось, что она не вынесет любого замечания Алана на сей счет, ведь он мог все это видеть, однако она точно знала, что он ничего не заметил. Для него все случившееся было бы столь неприемлемым, что провидение должно было пощадить его.

«Я начинаю верить в судьбу», — подумала она и улыбнулась.

— Вот ты где! А я повсюду тебя ищу, — сказал Алан. — Представьте себе, я встретил здесь старого приятеля, с которым учился живописи в университете. Он живет в Париже. Мне захотелось поработать с ним, как в былые времена.

— Ты рисуешь? — она не поверила своим ушам.

— В восемнадцать лет я этим очень увлекался. И потом, чем не занятие? Квартиру мы обставили, и я не знаю, куда себя деть, ведь ничего путного я делать не умею.

Сарказма в его словах почти не было, скорее, в них слышалось воодушевление.

— Не волнуйся, — продолжал он и прижал ее к себе. — Я не попрошу тебя смешивать мне краски. Ты будешь встречаться со старыми друзьями или, лучше, гулять одна, ведь...

— ...у тебя есть талант?

«А вдруг это мое спасение? — подумала она. — Вдруг и вправду он заинтересуется чем-либо, кроме себя самого и меня?» В то же время ей стало стыдно оттого, что она беспокоится лишь о себе.

— Нет, не думаю. Но я умею прилично рисовать. Завтра же и начну. Займу под мастерскую самую дальнюю, пустующую комнату.

— Но там совсем темно.

— Ну и что? Я ведь не умею рисовать то, что вижу своими глазами, — сказал он и рассмеялся. — Пошлю свое первое произведение матери, она покажет его нашему психиатру, пусть позабавится.

Она в нерешительности смотрела на него.

— Ты что, недовольна? А я-то думал, ты хочешь, чтобы я чем-нибудь занялся.

— Напротив, я рада, — сказала она. — Тебе это будет весьма кстати.

Порой казалось, что он видит в ней свою мать. Тогда она и в самом деле начинала говорить тоном свекрови.

— Как дела?

Она приоткрыла дверь и просунула голову в щель. Алан упорно не менял своих безукоризненно скроенных темно-синих костюмов, даже рисовал и то в них. Он с отвращением воспринял советы Северина, которому представлялось, что художнику скорее подходят вязаный свитер и велюровые брюки. Дальняя комната мало чем напоминала мастерскую художника. Правда, в ней стоял мольберт, стол, покрытый аккуратными рядами тюбиков с краской, на стеллажах лежало несколько недавно натянутых на рамы холстов, а посреди комнаты на мягком стуле сидел рассеянно куривший хорошо одетый молодой человек. Можно было подумать, что он ждет, когда придет художник. Тем не менее, вот уже две недели Алан проводил в своей комнатухе долгие часы и выходил из нее безукоризненно чистым, без тени усталости, в великолепном настроении. Жозе была в полном недоумении, не знала, воспринимать ли ей все это серьезно, но, так или иначе, четыре часа ежедневной свободы что-нибудь да значили.

— Все в порядке. Чем ты занималась?

— Ничем. Гуляла.

Она говорила правду. После завтрака она отправлялась на машине в город, медленно проезжала по улицам, останавливалась там, где ей хотелось. Особенно она любила один небольшой сквер, в нем стояло какое-то удивительно живописное дерево, и она проводила там час-другой, не выходя из машины, смотрела на редких прохожих, на то, как в оголенных зимой ветвях гулял ветер. Она мечтала, закуривала сигарету, иногда слушала радио, замирала, полная блаженного покоя. Она не осмеливалась говорить об этом Алану, чтобы он не приревновал ее к этому скверу сильнее, чем к мужчине. А ей никто не был нужен. Потом она тихо ехала дальше, куда глаза глядят. Когда вечерело, ее мало-помалу начинало тянуть домой, к Алану, и, возвращаясь, она испытывала подобие облегчения, будто муж был единственной нитью, связывающей ее с действительностью. Видеть сны, мечтать... Ей хотелось бы прожить жизнь на берегу, не отрывая глаз от моря, или в сельском доме, вдыхая запахи трав, или возле этого сквера, жить в уединении, не переставая мечтать, лишь умом осознавая течение времени.

— Когда же ты мне что-нибудь покажешь?

— Может быть, через неделю. Что ты смеешься?

— Ты всегда выглядишь как на светском приеме. А я слышала, что художники постоянно воюют с красками.

— В первый раз слышу французский глагол «воевать» в этом значении. Ты права, терпеть не могут пачкать руки, и такая мания для художника — суцая мука. Выпить не

хочешь?

— Хочу. Пока ты будешь счищать кинovarь со своего указательного пальца, я приготовлю тебе бокал сухого мартини. Как заботливая, безупречная жена художника...

— Мне бы хотелось, чтобы ты для меня позировала.

Она притворилась, что не слышит, и быстро прикрыла дверь. Позже он так и не повторил своей просьбы. Занявшись живописью, он стал пить меньше, и казалось, что он старается поменять свои гостиничные привычки.

— Где ты гуляла?

— Колесила по улицам. Выпила чашку чаю в кафе на маленькой площади возле Орлеанских ворот.

— Ты была одна?

— Да.

Алан улыбался. Она строго посмотрела на него. Он тихо засмеялся.

— Ты, наверное, мне не веришь.

— Верю, верю.

Она чуть было не спросила почему, но сдержалась. В самом деле ее удивляло, что он задает мало вопросов. Она поднялась.

— Я рада. Рада тому, что ты мне веришь.

Она сказала это тихим, вкрадчивым голосом. Он вдруг покраснел и заговорил на высоких тонах.

— Ты рада, что я проявляю меньше болезненной ревности, рада, что моя голова теперь лучше варит, ты рада, что я наконец чем-то занялся, как и всякий мужчина, достойный этого звания, хотя все мои занятия и состоят в том, чтобы пачкать холсты, не так ли?

Она упала в кресло.

— «Наконец-то мой муженек стал как все, он оставляет меня в покое на целых четыре часа», — вот что ты думаешь. «Он пачкает холсты, которых иные талантливые люди и купить-то не могут, ну и пусть себе, зато мне хорошо». Ведь именно это у тебя на уме?

— Я рада видеть, что у тебя наконец появились обычные человеческие заботы. Во всяком случае, не ты один пачкаешь холсты, даже если это и так.

— Это не совсем так. Я способен на большее. По крайней мере, то, что я делаю, не хуже того, что делаешь ты: часами разглядываешь из машины сквер.

— Я тебя не упрекаю, — сказала она и запнулась. — Но как ты узнал о том, что я... о сквере!

— Я за тобой следил. А как ты думала!

Жозе подавленно молчала. Она не была разгневана, скорее, она ощутила ледящее душу спокойствие. Жизнь шла по-старому.

— Ты что же, устроил за мной слежку? И каждый божий день за мной следили?

Она громко рассмеялась. Алан побледнел как смерть. Он схватил Жозе за руку, потащил за собой, а она до слез хохотала.

— Бедный, бедный сыщик, как же ему было скучно!

Он довел ее до дальней комнаты.

— Вот мое первое полотно.

Он повернул к ней холст. Жозе мало что смыслила в живописи, но творение мужа показалось ей вполне заслуживающим внимания. Она перестала смеяться.

— Ты знаешь, а ведь это совсем не плохо.

Он отставил картину к стене и некоторое время в нерешительности ее разглядывал.

— О чем ты все время думаешь, когда сидишь там, в своей машине? О ком? Скажи, умоляю.

Он прижал ее к себе. Она силилась побороть в себе отвращение и жалость.

— Зачем ты следишь за мной? Это давно вышло из моды и говорит об очень плохом воспитании. Бедный частный детектив, наверное, возненавидел мой сквер.

Ее снова подмывало рассмеяться. Она закусил губу.

— Скажи же, о чем ты там думаешь?

— О чем я думаю? Не знаю. Правда не знаю. Иногда о моем любимом дереве, иногда о тебе, о друзьях.

— Ну, а какие именно мысли бродят у тебя в голове?

Она резко высвободилась. Ей уже не хотелось смеяться.

— Оставь меня. Как же ты пошел со своими вопросами. Ни о чем не думаю. Слышишь, ни о чем!

Жозе хлопнула дверью и выбежала на улицу. Час спустя, успокоившись, она вернулась. Алан был мертвецки пьян.

Они беседовали втроем в маленькой гостиной, в которой наконец появились диван и два кресла. Жозе лежала на диване, а мужчины обменивались репликами поверх ее головы. Был уже вечер.

— Короче, — сказал Бернар, — она по уши в тебя влюблена, дорогой мой Алан.

— Меня это радует, — небрежно бросила Жозе. — Так ей и надо — она со многими была жестока.

— Я никак не припомню, о ком идет речь, — сказал, недовольно морщась, Алан.

— Ты не помнишь Лору Дор? Десять дней назад мы вместе обедали у Северина. Ей около пятидесяти. Когда-то она была настоящей красавицей, но и сегодня еще ничего.

— Пятьдесят? Ты преувеличиваешь, Жозе. Сорок, не больше. И она еще хоть куда.

— Так или иначе, я ничем не могу ей помочь, — сказал Алан. — Надеюсь, ревновать ты меня не будешь?

— Ха-ха, — произнесла, улыбаясь, Жозе. — Кто знает, на что ты способен. Во всяком случае, это внесет в нашу жизнь нечто новенькое.

Бернар рассмеялся. У них с Жозе вошло в привычку подтрунивать над болезненной ревностью Алана, но напрасно они надеялись тем самым ее смягчить — тот смеялся вместе с ними, но и не думал менять свое поведение, и это их немало озадачивало.

— Так что ей сказать, вы придете после ужина или нет? А то мне пора идти.

— Поживем — увидим, — ответил Алан. — Сегодня мы еще хотели посмотреть фильм ужасов, а после сеанса могли бы заехать за тобой.

Когда Бернар удалился, они немного поговорили о Лоре Дор. Жозе хорошо ее знала. У нее был весьма состоятельный муж, предприниматель, и болезненное пристрастие к тому же миру, к которому был неравнодушен Северин. Она без особых скандалов сменила двух-трех именитых любовников и довольно безжалостно обошлась с некоторыми другими своими воздыхателями. Лора Дор была из тех женщин, которые никогда не расслабляются, всегда настороже, — Жозе предпочитала с такими не дружить. Однако она сказала о ней Алану немало добрых слов. Вообще-то это была умная, порой довольно забавная женщина, которую Жозе не собиралась недооценивать.

Они приехали к ней в полночь, после кошмароподобного фильма у них было хорошее настроение, и Лора Дор устроила им пышную встречу. Это была полноватая рыжеволосая женщина с кошачьим лицом, от ее взгляда у Жозе прошел легкий холодок по спине. Алан сразу же вошел в свою роль неловкого, не устающего восхищаться американца, и был быстро взят в оборот. Когда все были друг другу представлены и отзвучали фразы «Вы разве не знаете нашу маленькую Жозе?» и «Знакомьтесь: Алан Аш», Жозе принялась искать глазами Бернара и, увидев, что он занят, направилась к приятелю «тех славных, давних лет». Некоторое время спустя к ней подошел Бернар.

— По-моему, все идет отлично.

— Что именно?

— Я говорю про Лору и Алана. Посмотри на них.

Они стояли в глубине гостиной. Он увлеченно пересказывал ей только что просмотренный фильм, а она смотрела на него с таким странным выражением, что Жозе не удержалась и тихо присвистнула.

— Ты видишь, как она на него смотрит?

— Это называется вожделением. Вожделением Лоры Дор. Вот она, роковая страсть!

— Бедняжка, — сказала Жозе.

— Не люблю заранее загадывать. Если хочешь моего совета, притворись, что ревнуешь, это даст тебе передышку. Или попробуй предоставить им свободу, кто знает, чем все обернется.

Жозе улыбнулась. У нее не укладывалось в голове, что она сможет наконец отдохнуть от мужа, передав его в несколько увядшие руки Лоры. Нет, пусть уж лучше он увлекается живописью. Она не намеревалась уходить от него и тем более продолжать с ним жить по-прежнему. С тех пор как Жозе снова встретила с Аланом в Париже, ей казалось, что она стоит на туго натянутом канате, что они заключили с мужем перемирие и она замерла, боясь нарушить зыбкое равновесие. Причем до счастья ей так же далеко, как и до отчаяния, которое она испытывала в Ки-Весте.

— Сомнительный выход из положения, — прошептала она, как бы рассуждая сама с собой.

— Часто он оказывается самым лучшим, — сказал Бернар.

Потом он добавил неуверенным голосом:

— Ведь если я не ошибаюсь, тебе хотелось бы от него избавиться? Причем так, чтобы обошлось без трагедий. Разве я не прав?

— Наверное, прав, — сказала она. — Я уже не знаю, что мне нужно кроме того, чтобы меня оставили в покое.

— Тебе нужен другой мужчина. Но ты не сможешь его найти, пока Алан рядом. Понимаешь?

«Я не совсем понимаю, к чему ты сам клонишь», — подумала она, но промолчала. К ним шел Алан, за ним следовала Лора. «Ему не идут зрелые женщины, — сделала заключение Жозе, — он слишком красив и выглядит в их компании альфонсом».

— Я долго упрашивала вашего мужа провести уикэнд в Во, в моем загородном доме. Он почти согласился. От вас зависит его окончательный ответ. Ведь вы не разлюбили деревню?

«На что она намекает? — промелькнула мысль у Жозе. — Ах да, на историю с Марком, с которым я была у нее четыре года назад». Она улыбнулась.

— Обожаю деревню. Так что буду счастлива приехать.

— Это пойдет ей на пользу, — сказал Алан, взглянув на Жозе, — она такая бледная.

— В ее возрасте грех плохо выглядеть, — весело сказала Лора.

Она взяла Алана под руку и увлекла за собой. Бернар тихо рассмеялся.

— Давно известная тактика: «Жозе еще совсем ребенок. Мы, “взрослые”, можем кое-что себе позволить». В Во тебя посадят играть в карты со старым Дором, а на ночь положат в постель грелку.

— Думаю, скучать мне не придется, — сказала Жозе. — Обожаю карты, грелки и пожилых мужчин. А женское коварство приводит меня в восторг.

Когда они возвратились домой, Алан с видом знатока заявил, что Лора очень интеллигентная женщина, которая умеет принимать гостей.

— Мне кажется странным, — сказала Жозе, — что среди всех моих друзей, — хотя и допускаю, что некоторые из них со странностями, — тебе понравилась только та особа, которая лишена самых основных достоинств.

— А что ты называешь основными достоинствами?

Настроение у него было прекрасное. Лора, наверное, засыпала его комплиментами, наивно полагая, что Алан воспримет их как проявление вежливости. Но даже у таких оторванных от жизни мужчин, как он, всегда есть изрядный запас мужского тщеславия.

— Основные достоинства?.. Как бы точнее выразиться... Пожалуй, главное — чувство юмора и бескорыстие. У нее нет ни того, ни другого.

— Как и у меня. Ведь я — американец.

— Вот это-то тебе и нравится. Не забудь взять свой шотландский домашний костюм, в нем тебе удобно будет завтракать. Когда ты его надеваешь, ты становишься похож на молоденького ковбоя. Лора будет на седьмом небе.

Он повернулся к ней.

— Если тебя не устраивает такой уик-энд, мы никуда не поедем.

Он весь сиял. «Бернар прав, — подумала Жозе, — не мешало бы устроить ему сцену ревности». Она смыла с лица косметику и, недовольная собой, легла в постель. «Я никогда не смогу стать такой же невыносимой занудой, как он», — подумала она, засыпая с улыбкой на губах.

Загородный дом в Во представлял собой длинное хозяйственное строение, переделанное модным архитектором в английский сельский особняк, уставленный глубокими кожаными креслами и драпированный теми самыми грубыми, баснословно дорогими холстами, от которых все сходили с ума. Приехав к пяти часам, они совершили длинную пешую прогулку по имению. «Мой единственный уют», — многозначительно заявила Лора, откинув назад рыжие волосы.

На ужин подали неизменные яйца всмятку. «Могу поклясться, что они снесены сегодня», — сказала Лора, потрянув головой в сторону гостей, которые в это время пробовали местный алкогольный шедевр. «Это лучше любого виски», — продолжила Лора, стараясь как можно более эффектно осветить свои рыжие волосы бликами горящих в камине поленьев.

Удобно устроившись на диване, Жозе гадала, как долго продержится хозяйка на корточках возле огня, подавшись к нему застывшим лицом и протягивая к пламени пальцы с лакированными ноготками. Кроме них с Аланом, тут были молодой неразговорчивый художник, две болтливые девицы и, по всей видимости, муж Лоры — небольшого роста, худой голубоглазый мужчина в очках, который, казалось, всякий раз сомневался, стоит или

не стоит брать сигарету из изящной шкатулки.

Жозе не в первый раз оказалась в этой комнате. Лет пять назад она уже была здесь со своей компанией и другом, с которым тогда жила. Нагрянули из Парижа, как обычно, всей ватагой, набившись вчетвером или впятером в старенький автомобильчик Марка. Они развлекались всю ночь напролет, и Марку это не нравилось — ему очень хотелось близости. Как хорошо им было вместе! Все были взаимно внимательны, мило ревновали друг к другу, и никто не предполагал, что жизнь может их разлучить, что у них появится что-то более важное, чем эта веселая, крепкая дружба.

Жозе не понимала, почему эти воспоминания причиняют ей одновременно радость и боль, скрытой угрозой сдавливают горло. Она резко поднялась из кресла и увидела растянувшегося на кушетке мужа Лоры, который, заметив ее, хотел было встать. Жозе улыбнулась ему и жестом попросила не вставать. Он пробормотал:

— Извините, я вас не заметил. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Она отказалась.

— В гостиной так накурили, что не продохнуть. Это вы читаете Лесажа?

Он, в свою очередь, улыбнулся и пожал плечами.

— Эти книги подбирал архитектор-оформитель. У Лесажа, кажется, красивый переплет. Быть может, когда-нибудь, зимним вечером, я смогу наконец почитать эти книги, усевшись у камина с доброй трубкой и верным псом возле ног. А сейчас — нет времени.

— Вы много работаете?

— Да. Весь день считаю, принимаю решения, разговариваю по телефону. Хорошо, что у нас есть загородный дом, где можно отдохнуть от городской суеты.

— Лора сказала, что это единственный ее приют.

— Да?

Он произнес это с такой иронией, что она рассмеялась.

— Здесь мы можем подумать о себе, — начал декламировать он, — ощутить течение времени. Рядом — лужайки, на которых никто не отдыхает, цветы, которые выращивает садовник. Здесь — запах земли, навевающий тихую осеннюю грусть.

Она присела рядом с ним.

— Не обращайтесь на меня внимания. Я, наверное, перепил коньяка. Всякий раз, когда моя жена принимает в этом доме гостей, я налегаю на коньяк, чтобы заглушить вкус проклятых яиц, которые не устают нести наши куры. Говорят, это лучшая порода.

«Либо он чересчур пьян, либо очень несчастлив. Впрочем, не исключено, что он — весельчак», — подумала Жозе. Ей больше было по душе последнее предположение.

— Вам очень надоедают гости Лоры?

— Да нет, что вы. Как правило, меня здесь не бывает. Я все время в разъездах. Например, я слышал о вас еще лет пять назад, а увидел только сейчас. О чем весьма сожалею — вы так очаровательны.

Он сопроводил свою последнюю фразу легким почтительным поклоном и сразу же добавил:

— И муж у вас удивительно хорош собой. У вас, должно быть, очень красивые дети.

— У меня нет детей.

— Тогда — у вас будут прелестные крошки.

— Мой муж не хочет иметь детей, — отрезала Жозе.

На минуту воцарилось молчание. Она пожалела, что произнесла эти слова, слишком

быстро прониклась доверием к этому человеку.

— Он боится, что вы их предпочтете ему, — твердо сказал он.

— Почему вы так считаете?

— Но ведь это яснее ясного. Он смотрит только на вас, моя жена — только на него, а вы ни на кого не смотрите.

— Милое трио получается, — сухо сказала она.

— Милый квартет, если учесть, что я смотрю только на курс акций.

Они взглянули друг другу в глаза и не смогли удержаться от смеха.

— И вас это устраивает? — спросила Жозе.

— Послушайте, мадам, я достиг того счастливого возраста, когда любят лишь тех, кто делает вам добро. Обратите внимание — я говорю «тех, кто делает вам добро», а не «тех, кто не причиняет вам зла». К первым я отношу людей, уважающих вас как личность. Вы поймете это позже. Извините, мой бокал уже давно пуст.

Он поднялся, и она последовала за ним в гостиную. Они остановились в дверях. Алан сидел в ногах Лоры, которая смотрела на него так жадно, так нежно, что Жозе невольно отпрянула назад. Алан поднял на них глаза и лукаво подмигнул жене, заставив ее покраснеть. Она было испугалась, что муж Лоры заметит этот взгляд Алана, но тот уже направлялся к бару. Ей совсем не хотелось подыгрывать Алану.

Она прямо сказала ему об этом вечером, в спальне, когда он ходил по комнате взад и вперед, язвительно вспоминая ухаживания Лоры.

— Мне не по душе твои забавы. Нельзя так потешаться над людьми, кто бы они ни были.

Он остановился.

— Мне кажется, раньше ты так не думала. Ты часто бывала здесь прежде?

— Не часто.

— А с кем?

— С друзьями.

— Вдвоем или вас было много?

— Я же сказала — «с друзьями».

— Ты никогда мне не рассказывала об этом доме в департаменте Во. Почему же?

Она зарылась лицом в подушку. Когда ей стало не хватать воздуха, она осторожно подняла голову — Алан не отрывал от нее глаз.

— Не волнуйся, я сам все узнаю.

— От Лоры?

— За кого ты меня принимаешь? От тебя, душа моя, и очень скоро.

Он и не предполагал, что именно так оно и будет.

И все же было что-то странное в поведении Лоры. Она как будто бросала кому-то вызов. Когда Жозе вышла к завтраку без мужа, который задержался в спальне, Лора шумно ее приветствовала, а потом принялась расхваливать Алана.

— Алан еще в постели? В сущности, он еще ребенок, которому надо как следует выспаться. Как бывают очаровательны эти молодые американцы: когда их узнаешь, кажется, что они только что родились. Вам кофе?

— Чай.

— У вас не было такого впечатления, когда вы познакомились с Аланом? Как будто человек еще совсем не жил? Как будто до вас у него не было женщин?

— Все было несколько иначе, — полусонно ответила Жозе.

— Одна беда, — продолжала Лора, не замечая настроения Жозе, — они полагают, что все люди похожи на них. А ведь у нас, в старой доброй Европе...

Остальное Жозе пропустила мимо ушей. Она отвела от Лоры глаза и протянула руку к поджаренному хлебу. Позже, после утренней оздоровительной прогулки, во время которой Лора не отпускала руку Алана. Жозе пыталась понять, к чему же все-таки клонит хозяйка дома. Они сидели в креслах на залитой солнцем лужайке возле самого крыльца, пили фруктовый сок, и Жозе размышляла над фразой Жан-Пьера Дора про траву, на которой сроду никто не отдыхал, когда явно взволнованная Лора поднялась со своего места.

— Я забираю у вас Алана. До обеда мне хочется показать ему чудесную мансарду.

Она произнесла это, не сводя глаз с Жозе, которая улыбнулась ей в ответ.

— Вас, Жозе, я не приглашаю. По-моему, вы там уже были.

Жозе еле заметно кивнула головой. Именно в этой мансарде четыре года назад Лора застала ее и Марка. Тогда не было конца шуткам по поводу этой милой мансарды. А теперь Лора явно захотела ее припугнуть... Жозе побледнела от захлестнувшего ее гнева, и молодой художник, который до сих пор хранил молчание, предложил ей бокал портвейна и при этом так понимающе улыбнулся, что это окончательно вывело ее из себя.

— Вы говорите о той самой мансарде, где я занималась любовью с Марком? — спокойно спросила она.

Воцарилась гробовая тишина. Жозе повернулась к Алану.

— Не помню, говорила я тебе о нем или нет. Я имею в виду Марка. Мне было тогда лет двадцать. Подробности ты можешь узнать у Лоры.

Одна из молодых женщин, будучи не в силах что-либо сказать, начала хохотать. К ней присоединился художник.

— Кто только не терял в этом доме голову, — весело сказал он. — Воистину, райская обитель.

— По-моему, ваше сравнение слишком натянуто, — зло выдавила из себя Лора. — И если Жозе теряла здесь голову, то я об этом, слава Богу, ничего не знаю.

— Если моя жена и теряла когда-то голову, то это касается только ее, — ласково произнес Алан и наклонился, чтобы поцеловать Жозе в волосы.

«Он меня сейчас укусит», — вдруг подумала она и, представив себе, сколько вопросов, сколько скандалов повлечет за собой ее выходка, в изнеможении закрыла глаза. Глупо все получилось. Алан улыбался ей. У него был такой блаженный вид, что невольно закрадывалось сомнение в здравости его рассудка. Нет, она должна уйти от него, пока не поздно, пока не случилось чего-нибудь страшного!

Месяца два только и было разговоров, что о Марке. Как она с ним познакомилась, чем он ей приглянулся, как долго продолжался их роман. Напрасно она пыталась представить все как случайный и даже смешной эпизод; чем легкомысленнее выглядели ее отношения с Марком, тем больше разгоралось воображение Алана. Ведь если все было так несерьезно, значит, была какая-то другая причина их близости, та, о которой она боялась говорить.

По истечении этих двух месяцев лицо ее стало одутловатым от спиртного, под глазами появились синяки, и она неожиданно взбунтовалась. Она немного размялась, сделав гимнастику, легла спать в десять вечера и на все увещания и угрозы Алана ответила упрямым молчанием. Каждая его фраза была с подвохом, и она поймала себя на том, что ее не раз охватывала настоящая ненависть к мужу.

Лора Дор стала самой близкой из всех их знакомых. Они почти каждый день навещали ее, ибо Лора устраивала приятные вечеринки, после которых Алан возил ее по ночным кабакам, где восхищенную и разбитую, постаревшую лет на десять Лору заставляло утро следующего дня.

Ближе к вечеру она заезжала к ним сама, восхищалась картинами Алана и везде, где могла, говорила, что эта молодая чета просто очаровательна и что она молодеет в их компании. Как только она приезжала, Жозе старалась побыстрее куда-нибудь улизнуть, дать ей возможность побродить между гостиной и мастерской, где Алан, которому явно нравилось присутствие зрителей, писал свои картины, не прекращая экстравагантных речей. Когда она возвращалась, то заставляла их в креслах за первым бокалом виски. С тех пор как Жозе бросила пить, ей было очень трудно включиться в их разговор. Она лишь замечала краем глаза новые морщинки на лице Лоры, отеки под ее глазами и дьявольскую готовность Алана вновь наполнить ее бокал. Он относился к ней с неизменной милой учтивостью, расспрашивал о малейших подробностях ее жизни и мог часами напролет с ней танцевать. Жозе не понимала, чего он добивается.

Вернувшись однажды вечером чуть позднее обычного, она застала с ними Бернара, который накануне возвратился из долгой поездки. Жозе бросилась ему на шею, но он даже не улыбнулся. Как только Лора ушла, Бернар строго посмотрел на Жозе.

— Во что вы играете?

Жозе подняла брови.

— Во что мы играем?

— Да, во что? Алан и ты. Чего вам нужно от бедной Лоры?

— Мне лично ничего от нее не нужно. Спроси лучше у Алана.

Алан улыбался, но Бернар не смотрел на него.

— Я прежде всего тебя спрашиваю. Ты всегда была добра к людям. Что же тебя заставляет делать из этой женщины посмешище? Ведь над ней все потешаются. Не говори мне, что ты этого не знаешь.

— Я этого не знала, — раздраженно ответила Жозе. — В любом случае я тут ни при чем.

— Нет, при чем, раз ты позволяешь этому садисту издеваться над ней, спаивать, обнадеживать.

Алан восхищенно присвистнул.

— Садистик... Вот уж не ожидал от вас.

— Зачем вы внушаете Лоре, что вы ее любите или будете любить? Зачем вы ставите ее в глупое положение? Что вы на ней вымещаете?

— Ничего, я просто развлекаюсь.

Бернар был вне себя. У него начался тик. Жозе вспомнила, что когда-то было много разговоров о его связи с Лорой. То были лучшие времена имения в Во.

— Что ж, подобные развлечения вполне в вашем духе. Так забавляются богатые самодовольные невежи. Вы оба ведете бестолковую жизнь. Вы, Алан, — по причине Бог знает какого душевного изъяна, Жозе — в силу своего безволия, что еще хуже.

— Однако как приятно встретить тебя после долгой разлуки, — сказала Жозе. — Как съездил?

— Когда ты наконец решишься уйти от этого типа?

Алан поднялся, ударил его кулаком, и началась потасовка, на которую было противно

смотреть: драться они не умели. Тем не менее они лупили друг друга достаточно усердно, так что у Алана потекла кровь из носа. Жозе крикнула, чтобы они немедленно прекратили это безобразие. Они остановились, посмотрели друг на друга — смешные, взлохмаченные, и Алан достал носовой платок, чтобы вытереть кровь.

— Присядем, — сказала Жозе. — Так о чем мы говорили?

— Извините, — сказал Бернар. — Мы с Лорой старые друзья, и хотя порой она меня раздражает, нельзя забывать, что она сделала немало добра людям. Но я, конечно, не намеревался идти ради нее на дуэль.

— У меня так и хлещет кровь из носа, — сказал Алан. — Если бы я знал, что придется драться со всеми воздыхателями Жозе, я бы прошел стажировку в морских десантных войсках, прежде чем на ней жениться.

Он засмеялся.

— Бернар, вы были знакомы с неким Марком?

— Нет, — твердым голосом ответил Бернар. — Вы меня уже об этом спрашивали. И это не имеет никакого отношения к Лоре.

— Я не хочу причинить зла Лоре. Не завидую ни ее состоянию, ни красоте. У Лоры душа художника — в этом все дело. Именно она устраивает мою выставку.

— Выставку?

— Я не шучу. Вчера она привела с собой критика. Похоже, у меня неплохо получается. Выставка откроется через месяц.

— Что это был за критик? — спросила Жозе.

— По-моему, его фамилия была Домье.

— Очень известный критик, — сказал Бернар. — Поздравляю вас. Надеюсь, вы не очень на меня обиделись.

Он был холоден как лед. Жозе, которая никак не могла прийти в себя, проводила его до двери.

— Что ты об этом думаешь?

— Я не изменил своего мнения, — проговорил Бернар. — Стань он хоть премьер-министром, он не оставит тебя в покое ни на минуту. Подумать только, Алан — художник! Я очень жалею, что помог ему тебя отыскать.

— Это почему? Из-за Лоры?

— И из-за нее тоже. Я считал, что он шальной, но славный малый. Теперь вижу, что он вовсе не славный и, вне всяких сомнений, ненормальный тип.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Жозе.

Он остановился на лестничной площадке в полутьме и взял ее за руку.

— Поверь мне, он тебя погубит. Спасайся, пока не поздно.

Она хотела возразить, но он уже спускался по лестнице. Жозе в задумчивости возвратилась в гостиную; к ней подошел Алан и прижал ее к себе.

— Как все глупо вышло... У меня болит нос. Ты рада, что откроется моя выставка?

Весь вечер напролет она ставила ему на нос компрессы и оживленно обсуждала с ним планы на ближайшее будущее. Ей казалось, что он беззащитный ребенок, что он рисует лишь для того, чтобы доставить ей удовольствие. Он заснул в ее объятиях, и она долго и нежно смотрела на спящего.

Она проснулась в поту среди ночи. Слова Бернара принесли свои плоды: ей приснилась обезображенная Лора, распростертая на лужайке возле своего дома в Во. Она взывала о

помощи, рыдала, но люди проходили мимо, не замечая ее. Жозе пыталась остановить то одного, то другого, она показывала им на Лору, но они морщились и говорили: «Послушайте, это же пустяки». Алан сидел в кресле и улыбался.

Она поднялась, пошатываясь, прошла в ванную комнату, выпила два стакана воды, и ей показалось, что она не сможет оторваться от чистой ледяной струи, которая текла ей в горло. В слабом свете, проникавшем в спальню из ванной, Алан выглядел полуживым: он лежал на спине, опухший нос уродовал его красивое лицо. Жозе улыбнулась. Ей больше не хотелось спать, было пять часов утра. Она подхватила халат и на цыпочках вышла из комнаты. В гостиной по жутковатому и в то же время нежному, бледному сиянию было заметно, что близится рассвет.

Наступал новый крикливый, жадный на слова и жесты день.

— Примите мои поздравления. В вашей живописи есть что-то неординарное, свое...

Незнакомец сделал неопределенное движение рукой, пытаясь найти нужное слово.

— Видение. Свое, новое видение мира. Еще раз браво.

Алан, усмехнувшись, поклонился. Казалось, он был взволнован, выставка имела большой успех. Лора мастерски ее подготовила.

Газеты писали о «самобытности, силе и глубине». Женщины не спускали с Алана глаз. Поговаривали, что он приплыл на грузовом судне, где был помощником машиниста.

Если бы Алан не выглядел таким потрясенным, Жозе от души посмеялась бы над всей этой чепухой. За три недели до открытия выставки они заперлись дома. Алан не находил себе места, вставал по ночам и шел смотреть свои картины, поднимал жену, страстно говорил о мольберте как о своей судьбе. Его мучительные сомнения в своей состоятельности пугали даже Лору, вынуждали Жозе не отходить от него ни на шаг, быть ему то матерью, то любовницей, то критиком. Но она была счастлива. Он заинтересовался чем-то, кроме самого себя, он увлеченно и с уважением говорил о том, что делает, он что-то создавал.

Их совместная жизнь становилась вполне возможной, в этой жизни он продолжал бы нуждаться в Жозе, но по-иному, как всякий мужчина нуждается в женщине. Теперь у него была не только она. Поэтому Жозе спокойно наблюдала за тем, как Лора Дор играет роль музы, а Алан мало-помалу поднимает голову, вновь обретает уверенность, легкое чувство превосходства. Теперь Лора чаще говорила о Ван Дейке, чем о Марке. Об этом Жозе шепнула с трудом протиснувшись к ней, облаченному в черный велюровый костюм Северину.

— Я тебя понимаю, — улыбнулся он в ответ. — Твой муж осточертел мне своими расспросами. Ты знаешь, что почти все картины уже проданы?

— Правда? А как ты сам их находишь?

— Они очень своеобразны. Напоминают мне... э-э...

— Не мучайся, — сказала Жозе. — Я же знаю, что ты в этом ничего не понимаешь.

— Ты права. Мы обедаем у Лоры? Посмотри на нее: можно подумать, что это ее выставка.

— Она счастлива, — сказала Жозе, которую переполняло снисхождение к Лоре. — Она действительно много для него сделала.

— Все так говорят, — сказал Северин. — Тебе придется услышать немало язвительных намеков.

— Такая роль меня устраивает, — сказала, пожав плечами, Жозе.

— Лишь бы он оставил тебя в покое, да?

Они расхохотались. Алан повернулся в их сторону. Он было нахмурил брови, но, увидев Северина, улыбнулся.

— Очень мило с вашей стороны, что вы пришли. Вам нравится?

— Это потрясающе, — ответил Северин.

— Таково, видимо, общее мнение, — удовлетворенно хмыкнув, сказал Алан и обратился к ожидавшему своей очереди поклоннику.

Северин смущенно закашлялся, а Жозе покраснела.

— Если теперь он будет воображать из себя Пикассо...

— Это лучше, чем роль Отелло, дорогая моя...

Он увлек ее за собой. Они покинули выставочный зал и присели на террасе соседнего кафе. Северин болтал без умолку. Жозе рассеянно его слушала. Она вспоминала, как дней десять назад Алан с искаженным лицом вопрошал: «Как ты считаешь, это неплохо? Это чего-то стоит? Ну скажи же что-нибудь!» Она сравнила тогдашнюю его мучительную гримасу с тем самодовольным видом, который был у него, когда он произнес: «Таково, видимо, общее мнение». Перемена произошла подозрительно быстро. Ведь Алан был слишком умен и, главное, лишен чрезмерного тщеславия.

— Ты меня не слушаешь?

— Нет, нет, что ты, я слушаю.

Северин ударил кулаком по столу.

— Да нет же! После своего возвращения ты совсем меня не слушаешь, ты всегда настороже. Вы оба смахиваете на призраков. Согласна?

— Да.

— Это главное.

Удивленная серьезностью его тона, она повернулась к нему, и ее охватил гнев.

— Ты рассуждаешь, как Бернар. Мы с Аланом несколько обременяем вас, не так ли?

— Бернар, скорее всего, обременен своими личными делами, как и я. Но, как и я, он тебя любит.

Жозе импульсивно схватила его за руку.

— Извини. Я сама не знаю, что говорю. Скажи честно, Северин, я сама во всем виновата?

Он не спросил «в чем?», лишь тряхнул головой.

— Ты не виновата. В таких вещах вообще никто не бывает виноват. Я не думаю также, что ты сама способна все уладить. Ведь вначале он, со своей детской наивностью, и меня было ввел в заблуждение. Если бы Лора не оказалась из-за него в таком состоянии...

— В каком состоянии?

— Она безумно влюблена в него, а он каждый день с ней встречается, искушает, но даже прикоснуться к ней не хочет... Нельзя же так. Она мечется между снотворным и виски. Дор хотел отправить ее в Египет, но твой муж сказал убитым голосом: «А как же без вас моя выставка?» — и она осталась.

— Я этого не знала.

— Ты никогда ничего не знаешь. Ты так боишься ввязаться в эти дела, что постоянно витаешь в облаках. Кстати, о чем ты мечтаешь?

Она засмеялась.

— О пустынных берегах.

— Я так и думал. Как только у тебя неприятности, ты начинаешь мечтать о пустынных берегах. Ты помнишь, как...

Она привычно оглянулась назад, и это его позабавило.

— Не волнуйся, его там нет.

— Речь идет не о простых житейских неприятностях, Северин, а о моем муже. Он любит меня, и я дорожу этим.

— Не будь ханжой. Ну вышла за того, а не за этого. Ну, и что дальше? Не беги так, я обожаю, когда ты сердисься, мой котенок...

Он еле поспевал за ней, она шла по улице и цедила сквозь зубы: «Я не из таких, не из таких». Он в конце концов услышал, что она шепчет.

— Конечно, не из таких. Ты создана для счастливой, веселой жизни, для того, чтобы любить человека, который не держит тебя день-деньской за горло. Ты обиделась, Жозе?

Они подходили к выставочному залу. Она повернулась к нему заплаканным лицом и бросила: «Нет». Северин в растерянности замер у входной двери.

Жозе яростно протискивалась между покидавшими выставку посетителями, кусая губы, чтобы остановить слезы.

Она искала Алана.

«Алан, миленький, ты ведь меня так любишь, сумасшедшенький ты мой, ни на кого не похожий, Алан, ну скажи же, что они не правы, что они ничего не понимают, что мы всегда будем вместе...» Она чуть не сшибла его с ног в тот момент, когда он жал руку последнему из приглашенных.

— Куда ты пропала?

— Я пошла выпить пива с Северином, мы здесь задыхались.

— С Северином? Надо же, а я видел его минут пять назад.

— Ты обозался. Умоляю, не начинай все сначала!

Он лукаво глянул на нее и рассмеялся.

— Ты права. Сегодня большой день, забудем свои причуды. Да здравствует живопись! Да здравствует великий художник!

Теперь они были одни. Выставочный зал опустел. Сквозь стеклянные двери было видно сидящую в машине Лору, которая жестами приглашала их к ней присоединиться. Алан взял Жозе за руку и подвел к одной из своих картин.

— Ты видишь это? Это ровным счетом ничего не стоит. Это — не живопись. Это — ничтожная навязчивая идейка в цвете. Настоящие критики сразу это поняли. Это — плохая живопись.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому что это правда. И я всегда это знал. Неужели ты вообразила, что я поверил в эту комедию? Ты так плохо меня знаешь?

— Зачем тебе это было нужно?

Она была ошеломлена.

— Чтобы как-то развлечься. И чтобы чем-то тебя занять, дорогая. Впрочем, я сожалею, что все это было розыгрышем. Ты была великолепна в роли жены художника. Ты излучала уверенность. Ты не была в восторге от моих творений, нет, но хорошо это скрывала. Ведь я был чем-то занят, и тебя это устраивало, не так ли?

Она уже пришла в себя и с любопытством смотрела на него.

— Так зачем же ты мне все это сейчас говоришь?

— У меня нет желания провести остаток своих дней за этой бредовой пачкотней. И потом, я не люблю лгать, — учтиво добавил он.

Жозе неподвижно стояла перед ним. Она смутно вспомнила о бессонных ночах, которые он заставил ее провести, о его наигранном смятении и напускном упорстве. Она коротко и сухо рассмеялась.

— Ты немного переиграл. Пойдем, тебя ждет твой меценат.

Лора покраснела от возбуждения и счастья. Она села между ними на заднее сиденье и всю дорогу не умолкала. Время от времени ее трепетная ладонь боязливо ложилась на руку Алана. Он отвечал ей с искренним удовольствием, и Жозе, слыша их смех и видя конвульсивные движения этой ладони, хотела умереть.

Квартира Лоры Дор на улице Лоншам была слишком велика, слишком торжественна, так заставлена массивной мебелью, что никто не знал, по крайней мере в начале вечера, куда поставить пустой бокал. Жозе пересекла ее деловым шагом и закрылась в ванной комнате, где тщательно смыла следы недолгих горячих слез, пролитых часом раньше. Всмотревшись в свое отражение в зеркале, она нашла для своего лица беспокойное, яростное выражение, которое ей явно шло, плавно удлинила линию глаз, вытянула овал лица, подчеркнула выпуклость нижней губы и, наконец, улыбнулась творению своих рук — незнакомке, куда более зрелой и опасной, чем она сама. Ее охватила приятная дрожь, желание сокрушать, шокировать, которого она не испытывала с тех пор, как покинула Ки-Вест. «Они начинают меня раздражать, — прошептала она, — они начинают не на шутку меня раздражать». Под «ними» она подразумевала лживую, безликую толпу. Она вышла из ванной, чувствуя прилив сил, сладкий раж, который она была уже не в силах сдерживать. В гостиной, прислонившись к стене, весело ворковали Алан и Лора. Уже подъехали несколько человек из тех, что были приглашены на выставку. Жозе сделала вид, что не замечает их, и налила себе полный бокал виски. Алан бросил ей:

— А я за последние два месяца свыкся с мыслью, что ты пьешь только воду.

— Меня мучает жажда, — ответила она и так ослепительно ему улыбнулась, что он смутился. — Я пью за твой успех, — сказала она, подняв бокал, — и за успех Лоры, ибо благодаря ее стараниям все сложилось так удачно.

Лора рассеянно улыбнулась в ответ и слегка дернула руку Алана, чтобы тот обратил на нее внимание. Он не хотел отводить глаз от жены, но Жозе лихо подмигнула и повернулась к нему спиной. Она окинула взглядом гостиную в поисках добычи — любого благодушного, представительного мужчины, который поухаживал бы за ней. Но народу было пока совсем мало, и ей пришлось подсесть к бледной как никогда Элизабет Ж., которая опять ждала своего несносного любовника. Полторы недели назад она совершила очередную попытку самоубийства, и ее запястья были красноречиво перехвачены бинтами.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Жозе.

Она отпила глоток из бокала и нашла виски отвратительным.

— Спасибо, лучше. — Попытки самоубийства Элизабет были такой же банальной темой для разговоров, как чья-то простуда. — Ума не приложу, где Энрико, ведь он давно должен быть здесь. Вы знаете, я так рада за Алана...

— Благодарю вас, — сказала Жозе.

Она смотрела на Элизабет с необыкновенной теплотой, она чувствовала, что готова очаровать тигра.

Согретая этим взглядом, Элизабет оживилась. Она немного поколебалась и изрекла:

— О, если бы Энрико добился хотя бы половины подобного успеха! Это примирило бы его с людьми, он был бы спасен. Ведь он, представьте себе, в ссоре со всем земным шаром.

Она говорила об этом так, будто речь шла о ссоре двух ее горничных. Жозе понимающе кивнула. Она превосходно себя чувствовала. Почему? «Да потому что я живу, совершаю поступки, исходя из своих интересов, и меня уже не волнует, как это воспримет прохвост, который продолжает сейчас там, в глубине гостиной, неизменно лгать». Это заключение наполнило ее злым ликованием. Элизабет продолжала:

— Он мне говорит: «Вот если бы мне помогли твои друзья...» Разумеется, ему нужна помощь, но не могу же я заставить Лору принять участие в его судьбе. Он думает, что мои друзья не любят его, потому что я жалуюсь им на него. Но ведь я никогда не жаловалась. Я его понимаю. Ведь он необычайно талантлив, но так страдает из-за своих неудач, из-за слепоты так называемых ценителей искусства, которым подавай жалкие копии... то есть... я, конечно, не говорю об Алане.

— Можете говорить и о нем, — холодно сказала Жозе. — Лично я равнодушна к его живописи.

— Вы не правы, — слабо запротестовала слегка потрясенная Элизабет, — в ней есть что-то такое...

Ее перевязанное запястье описало кривую. Жозе улыбнулась.

— Чего нет у других, да? Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, не накладывайте больше на себя руки, Элизабет.

«Похоже, я пьяна, — подумала она, удаляясь, — это от двух-то глотков. Вот тебе и на!» Кто-то подхватил ее под руку. Это был Северин.

— Жозе, прости меня, пожалуйста, за то, что я тебе наговорил. Ты очень обиделась?

Он был сконфужен, говорил тихо и вкрадчиво, как бы опасаясь снова причинить ей боль. Она тряхнула головой.

— Ты разбередил мне душу, Северин. Однако выше голову! Помнишь тот фильм с Бэт Дэвис? Она устраивает в Голливуде грандиозный праздник и незадолго до его начала узнает, что кто-то отбил у нее любовника.

— «Все о Еве», — удивленно произнес Северин.

— Да. Помнишь, как она вышла к гостям и небрежно им бросила: «Пристегните ремни, будет качка». Так вот, будет качка, дорогой мой Северин.

— Что-нибудь с Лорой, Аланом?

— Нет, со мной.

— Что это ты нарядилась под роковую женщину? Жозе, погоди...

Он нагнал ее в баре. Она осторожно опускала два кусочка льда в свой бокал.

— Что ты собираешься предпринять?

Он не знал, радоваться ему или бить тревогу. То, что он называл «пробуждениями Жозе», имело порой катастрофические последствия.

— Я намерена развлечься, мой дорогой Северин. Мне осточертело играть сразу несколько ролей: медсестры, бойскаута и греховодницы. Мне хочется развлечься. Причем именно здесь, а это не так просто. Меня так подмывает, просто руки чешутся.

— Будь осторожна, — сказал Северин. — Не стоит портить себе кровь из-за...

Он не договорил. В гостиную вошел улыбающийся, приветливый мужчина, и, увидев, как изменилось лицо Северина, Жозе оглянулась.

— Конечно же, это Лора его пригласила, — сказал Северин.

— Да это же наш дорогой Марк, — спокойным голосом произнесла Жозе и пошла ему навстречу.

Он совсем не изменился. Все те же правильные черты лица, та же слегка утрированная раскованность и не сходящая с губ светская улыбка. Увидев Жозе, он не смог скрыть секундного смешного испуга, потом обнял ее.

— Пропавшая!.. Не хочешь ли ты опять разбить мое сердце? Здравствуй, Северин.

— Откуда ты взялся? — угрюмо произнес тот.

— Я с Цейлона, пробыл там полтора месяца по заданию газеты. До этого — два месяца в Нью-Йорке и полтора в Лондоне. И кого же я вижу по возвращении? Жозе! Пусть будет благословенна старушка Дор! Хоть раз в жизни она не зря меня пригласила. Как ты провела эти два года, дорогая?

— Я вышла замуж. И сегодняшний вечер, если ты не в курсе, устроен в честь первой выставки картин моего мужа.

— Ты замужем? С ума сойти! Пстой, пстой, если я не ошибаюсь, — он вытащил из кармана список приглашенных, — ты теперь мадам Аш?

— Совершенно верно.

Она весело смеялась. Нет, он действительно совсем не изменился. Прежде он дни напролет изображал из себя заваленного работой, циничного репортера, а по ночам разглагольствовал о драматическом шедевре, который когда-нибудь поставит в театре...

— Мадам Аш... Ты похорошела. Пойдем выпьем чего-нибудь. Послушай, брось ты своего художника и выходи за меня замуж!

— Я вас оставляю, — сказал Северин. — Вам есть что вспомнить, и я буду только помехой.

Они и вправду целый час не умолкали, перебивая друг друга и то и дело восклицая «а ты помнишь тот день?..» или «а что стало с...». Жозе и не предполагала, что хранит столько воспоминаний об этом отрезке своей жизни и что ей так приятно будет их освежить. Она совсем забыла об Алане. Он прошел мимо, взглянул на них с притворной рассеянностью и спросил: «Развлекаешься?»

— Это твой муж? — спросил Марк. — Недурен. К тому же у него талант.

— У него денег — куры не клюют, — смеясь, отвечала Жозе.

— А что ты? Неужели счастлива? Это было бы уже слишком! — заявил Марк.

Она молча улыбнулась. Слава Богу, Марк никогда не ограничивался одним вопросом. Благодаря своему темпераменту, который заставлял его постоянно переходить от одной темы к другой, от одного настроения к другому, он приобрел славу самого беспечного и приятного молодого мужчины в Париже. Жозе вспомнила, как он изводил ее в последние дни их недолгой любовной связи, и немало удивилась тому, как хорошо ей было с ним теперь.

— Жозе, — позвала ее Лора, — идите к нам.

Она поднялась и, чувствуя, что не очень твердо стоит на ногах, улыбнулась. Лора держала под руки Алана и какого-то незнакомца.

— Мне не хотелось бы отрывать вас от Марка, — сказала она, и Алан сразу побледнел, — но с вами непременно хотел познакомиться Жан Пэрэ.

Они обменялись общими фразами о живописи с человеком, которого звали Пэрэ. Последний явно не был настроен о чем-то говорить, он просто хотел познакомиться, и вскоре Жозе удалось от него избавиться. К ней тотчас подошел Алан.

— Так это Марк? — проговорил он сквозь зубы. Он, видимо, здорово приложился, от легкого тика у него подрагивала бровь.

Алан испытующе смотрел на нее. Ей захотелось рассмеяться ему в лицо.

— Да, это Марк.

— Он похож на парикмахера.

— Он и прежде был таким.

— Вы делились воспоминаниями?

— Ну конечно. Как тебе прекрасно известно, нам есть что вспомнить.

— Я рад, что ты так отмечаешь мой успех.

— Успех? Ты что, забыл свои собственные слова?

Он, видимо, и правда плохо их помнил после всего выпитого и услышанного от своих почитателей. Не исключено, что он и дальше будет писать картины. Она отвернулась. Вечер начинал походить на дурной сон. «Пусть себе малюет, не веря в то, что творит, пусть подталкивает Лору к самоубийству, пусть делает что хочет», — подумала она и решила пойти перекраситься.

Большая ванная была занята, и она отправилась в ту, которой пользовалась Лора. Она пересекла просторную, обитую голубым шелком спальню, в которой развальясь отдыхали два пекинеса, и вошла в крошечную бирюзово-золотистую ванную, где Лора каждое утро пыталась навести красоту, чтобы очаровать Алана. Эта мысль заставила Жозе улыбнуться. Она посмотрела на себя в зеркало: глаза ее были широко раскрыты и выглядели светлее, чем обычно. Жозе прислонила лоб к холодному стеклу.

— Мечтаешь?

Она вздрогнула — это был голос Марка. Он стоял, опершись о дверной косяк, в небрежной позе фотомодели из журнальчика для мужчин «Адам». Она повернулась к нему, и они улыбнулись друг другу. Он был совсем рядом и, притянув ее к себе, горячо обнял. Она стала довольно вяло вырываться, и он ее отпустил.

— Я просто хотел напомнить тебе о добрых старых временах, — сказал он хрипловатым голосом.

«Я хочу его, — подумала Жозе, — он довольно смешон, слушать его — все равно что читать плохой роман, но я его хочу». Стараясь не шуметь, он закрыл дверь на защелку и снова притянул ее к себе. Некоторое время они боролись с одеждой друг друга, потом неловко опустились на пол. Он ударился головой о ванну и выругался. Из открытого крана лилась вода, и Жозе хотела было подняться, чтобы его закрыть. Но Марк уже тянул ее руку к своему животу, и она вспомнила, как он всегда гордился своей мужской доблестью. Однако он все так же быстро удовлетворял свое желание, и Жозе ни на секунду не смогла отвлечься от звука падающей в раковину воды. Потом он неподвижно лежал на ней, тяжело дыша, и впоследствии Жозе вспоминала о тесноте помещения, опасности, голосах, доносившихся из гостиной, с куда большим волнением, чем о своих чувственных переживаниях.

— Вставай, — сказала она, — а то нас будут искать. И если Лора...

Он встал, подал ей руку и помог подняться. Ноги ее дрожали, и она подумала: «Уж не от страха ли?» Они молча привели себя в порядок.

— Можно я тебе позвоню?

— Ну конечно.

Они посмотрели друг на друга в зеркало. У него был весьма самодовольный вид. Коротко рассмеявшись, она чмокнула его в щеку и первой вышла из ванной. Она знала, что

Марк, который чуть задержался, сейчас закурит, пригладит рукой прическу и выйдет с таким невинным видом, что подозрения возникнут даже у самого невнимательного человека. Но кто поверит, что в день открытия выставки ее молодого мужа-красавца полуодетая Жозе Аш занималась любовью в ванной площадью два на два с половиной метра со своим старым приятелем, к которому она всегда была и оставалась равнодушна? Даже Алан не поверит в это.

Она вошла в гостиную, выпила фруктового сока и незаметно зевнула. Ей, как и всегда в тех случаях, когда любовь сводилась к акту, лишенному всякой поэзии, хотелось спать. Лора порхала от одной группы к другой, она старалась пленить своей грациозностью стоявшего рядом с беззаботно болтающим господином Пэрэ Алана, мрачного и немного растрепанного. Жозе направилась было к нему, но ее опередила Лора.

— Виновник торжества совсем не в духе. Мой милый Алан, вы похожи сейчас на бандита.

Она поправила ему галстук, но он на нее даже не взглянул. Лишь теперь Жозе поняла, насколько он пьян. Лора подняла руку, чтобы откинуть с его лба непокорную прядь волос, но Алан резким движением отвел ее ладонь в сторону.

— Хватит ко мне липнуть! На сегодня достаточно!

Наступила жуткая тишина. Лора застыла на месте, будто громом пораженная. Она попыталась было рассмеяться, но у нее перехватило горло. Алан с надутым видом опустил глаза. Сама себя не сознавая, Жозе двинулась к нему.

— По-моему, нам пора домой.

Лишь в такси до нее дошло, что, учитывая все происшествия этого вечера, подобная фраза звучала довольно забавно. Алан открыл окно. Ветер трепал ей волосы и в то же время успокаивал нервы.

— Ты был не очень любезен, — сказала она.

— То, что я позволил себе пару раз ее обнять, не дает ей никаких оснований... — и дальше он перешел на невнятный лепет.

Жозе недоверчиво взглянула на него.

— Ты ее обнимал? Это когда же?

— В мастерской. Было довольно пикантно видеть, как я возбуждаю эту женщину.

«Нам не дано до конца понять других», — подумала Жозе. Лора смогла соблазнить Алана. Он иногда ласкал ее, то ли потому, что нервничал, то ли в силу своей жестокости — он и сам, наверное, не знал. Она задала ему этот вопрос.

— И по той, и по другой причине, — ответил он. — Она закрывала глаза, вздыхала, тогда я сразу же оставлял ее в покое, извинялся, начинал говорить о тебе, о ее муже, как человек святой души, как великий художник. Скажи, Жозе, когда прекратится вся эта ложь? Я задыхаюсь. Когда мы поедем в Ки-Вест?

— Ты и есть источник этой лжи, — сказала она. — Ты и только ты. Ты слишком любишь лгать.

Она говорила тихим, грустным голосом, такси мчалось по серым улицам, деревья поблескивали в свете огней рекламы.

— А что с этим Марком? — спросил он.

— Ничего.

Она сказала это так сухо, что впервые он остался удовлетворен ее ответом.

На следующий день Марк позвонил ровно в одиннадцать часов. Трудно было выбрать

более подходящий момент; Алан принимал душ, и Жозе успела дать согласие увидеться с Марком во второй половине дня, в тот час, когда у Алана была назначена встреча с директором выставочного зала и фоторепортерами. Она без особого удовольствия шла на это свидание, ею руководило желание хоть что-то предпринять, доказать себе, что она уже не та, какой пребывала долгое время. После того как она повесила трубку, Алан вышел из ванной и сразу набрал номер Лоры. Он холодно заявил ей, что его вчерашняя выходка была не случайной и, как он полагает, она прекрасно его поняла. Голос в трубке умолк, наступило напряженное молчание, и Жозе, которая одевалась, на мгновение замерла.

— Жозе догадывается, что наши отношения вышли за рамки простой дружбы, — вновь проговорил Алан, улыбаясь жене. — Она — изумительная женщина, но страшно ревнива. Я ее как мог успокаивал, попытался поменять наши роли, сказав ей, что это вы... э-э... вы ко мне равнодушны.

Он сидел, завернувшись в красный халат, на краю кровати и не сводил с Жозе глаз. Она так и стояла, боясь пошевелиться. Он протянул ей трубку, и она машинально взяла.

— Я догадывалась об этом, — прозвучал срывающийся, но немного умиротворенный голос Лоры. — Алан, дорогой мой друг, никто не должен знать о наших взаимных чувствах, мы не имеем права заставлять других страдать, и потом...

Жозе резко бросила трубку на кровать. Ей было стыдно. Она не без отвращения посмотрела на Алана, который продолжал диалог, не меняя нежной, почтительной интонации. Он уговорил Лору подъехать в определенный час к выставочному залу и повесил трубку.

— Как я ее, а? — вскричал он. — Ее так и передернуло!

— Я не понимаю, куда ты клонишь, — сказала, едва сдерживаясь, Жозе.

— Да никуда. Почему тебе надо, чтобы я куда-нибудь клонил? Вот в чем наше главное различие, дорогая. Когда ты выходишь замуж, ты делаешь это для того, чтобы нарожать детей, когда ты обращаешься к мужчине, который тебе нравится, значит, ты хочешь с ним переспать. Я же ухаживаю за женщиной, с которой у меня нет желания ложиться в постель, и я рисую, не веря в свой талант. Вот и все.

Он вдруг отбросил веселый тон и подошел к ней.

— Я не вижу, почему в этой грандиозной комедии, коей является человеческая жизнь, мне нельзя сыграть пьеску собственного сочинения. Чем ты намерена заняться, пока я буду говорить о живописи со своей Дульсинеей?

— Любовью с Марком, — весело ответила она.

— Будь осторожней, я продолжаю за тобой следить, — сказал он, также смеясь.

У нее кольнуло сердце: она вспомнила их первую прогулку в Централ-парке, когда осторожно, боясь неверного слова, она пыталась понять, что он за человек, и, не задумываясь, принесла ему в дар все запасы своей нежности, внимания, доброты, как делает всякий раз при зарождении любви.

Они пообедали устрицами и сыром в дорогом бистро — Алан принимал пищу лишь за столом, накрытым белой скатертью, — и в полтретьего расстались. «За мной следят», — подумала Жозе, укорачивая шаг, словно не желая утомлять частного детектива. Быть может, это был старый, жалкий, уставший от своей работы человек. Не исключено, что за три месяца он успел проникнуться к ней симпатией... Ведь такое случается. Как бы там ни было, она привела его к тому самому кафе, где ее ждал Марк. Последний встретил ее радостными возгласами и несколько озадаченным взглядом. И что она вчера в нем нашла?

Он нес всякую чушь, благоухал лавандой, со всеми раскланивался. Но когда она назначала это свидание, у нее на уме было одно... Впрочем, то был скорее не ум, а безумие, ибо даже в том, чего она хотела от Марка, Алан был на голову выше. Она два раза многозначительно улыбнулась, и он вскочил со своего места.

— Ты хочешь? — спросил он.

Она утвердительно кивнула головой. Да, она хотела. Вот только чего? Развлечься? Доказать, что Алан прав? Бездумно себя погубить? Он немедля повлек ее за собой. Они сели в тархтевший автомобильчик, какие обычно обожают репортеры, и, чтоб ее напугать, он совершил два-три довольно рискованных виража. Несмотря на весь свой апломб, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Все произошло точно так же, как и днем раньше, хотя в куда более комфортабельных условиях, на широкой кровати, которая перегородивала всю спальню. Чуть позже Марк закурил сигарету, передал ее Жозе и начал свои расспросы.

— А что твой муж? Ты не любишь его? Или он слабоват по мужской части? Говорят, американцы...

— Не надо ни о чем спрашивать, — сухо попросила Жозе.

— Но я не могу поверить, что ты в меня влюблена, ведь это же не так?

Интонация, с которой он произнес «ведь это же не так?», была просто неподражаема. Жозе не сдержала улыбки, потянулась и раздавила окурок в пепельнице.

— Нет, это не так, — сказала она. — Дело вовсе не в этом. Я просто сокрушаю все, что осталось позади, даже то, чем я немало дорожила.

Ей вдруг стало жалко себя.

— Почему ты это делаешь?

Похоже, он был немного обижен столь категоричным «нет».

— Потому что либо я все сокрушу, либо от меня ничего не останется, — ответила она.

— Он об этом узнает?

— Он держит частного детектива, который ждет меня внизу.

— Да ну!

Марку это явно понравилось. Он подскочил к окну, никого не увидел на улице, но все же, чтобы позабавить ее, принял негодующий вид, потом изобразил на лице смятение и, когда она засмеялась, заключил ее в объятия.

— Обожаю, когда ты смеешься.

— А раньше я часто смеялась?

— Когда раньше?

Она едва не сказала «до Алана», но сдержалась.

— До моего отъезда в Нью-Йорк.

— Да, очень часто. Ты была очень жизнерадостной.

— Мне ведь было двадцать два, когда мы познакомились?

— Примерно, а что?

— Сейчас мне двадцать семь. Многое изменилось. Теперь я смеюсь меньше. Раньше я пила, чтобы быть ближе к людям, теперь пью, чтобы забыть о них. Не правда ли, смешно?

— Не очень, — проворчал он.

Она провела ладонью по его щеке. Он жил своей суетной жизнью, метался между репортажами, своей квартиркой и легкими мужскими победами, он не унывал и был болтлив, являл собой пример милого представителя рода человеческого. Он был

бесхитростен, скупен и самодоволен. Она вздохнула.

— Мне пора домой.

— Если за тобой и вправду следят, что тебя ждет?

Говоря это, он улыбался, и она нахмурила брови.

— Ты мне не веришь?

— Если честно, то нет. Ты всегда выдумывала что-нибудь этакое, и я обожал тебя слушать. Да что там, все обожали. Тем более что ты сама не верила в то, что говорила.

— Если я правильно тебя понимаю, я была веселой и безрассудной.

— Ты такой и осталась... — начал было он, но запнулся.

Они впервые испытующе посмотрели друг другу в глаза, и Марку показалось, что он начинает теряться в этой двусмысленной ситуации. Это испортило ему настроение, и он вскорости отвез ее домой. Прощаясь, он немного замешкался.

— Завтра встретимся?

— Я тебе позвоню.

Она медленно поднялась по лестнице. Было семь вечера. Алан, по всей видимости, уже знал, что в полчетвертого она была доставлена молодым брюнетом на улицу Пети-Шам, уединилась с ним и вышла лишь два часа спустя. Когда она искала ключи, руки ее дрожали, но она знала, что должна возвратиться домой, что иначе нельзя.

Алан в самом деле был уже дома и лежал с вечерней газетой в руках на диване. Он улыбнулся ей и протянул руку. Она подсела к нему.

— Ты знаешь, что в Конго дела совсем плохи? В Брюсселе разбился самолет. Газеты в последние дни читать страшно.

— Ты встретился с Лорой?

Она отчаянно пыталась продлить эти последние минуты спокойного общения с мужем, когда она еще могла говорить с ним как с близким человеком, пусть даже все внутри у него и клокотало.

— Ну конечно, я с ней встретился. Из нее получился бы выдающийся конспиратор.

Он, казалось, был в хорошем настроении. Не без колебаний она задала ему следующий вопрос:

— Ты получил отчет?

— Какой отчет?

— От частного детектива.

Он расхохотался.

— Нет, конечно. Я его тогда нанял недели на две, не больше. Если бы ты себе позволила что-нибудь этакое, наши доброжелатели сразу же поставили бы меня в известность.

Гора свалилась с ее плеч. Она легла рядом, положив голову ему на грудь. Ее подхватила головокружительная волна нежности. Казалось, у нее появится выбор, но она уже знала, что это не так, что истиной были слезы, которые она пролила в нью-йоркском баре, прижавшись к груди Бернара и горько размышляя о себе, Алане и их неудачном супружестве. И истина эта была сильнее привычного влечения к этому спокойно лежащему рядом телу, к этой покровительственной руке под ее головой. История их совместной жизни завершилась в тот самый день, когда она поняла, что не способна рассказать всю правду о ней ни Бернару, ни самой себе. Подлинное содержание их супружества было слишком эфемерно и в то же время слишком насыщено страстями, оно складывалось из нежности, удовольствия и взаимной озлобленности. Их брак не был похож на диалог партнеров, не было в нем и четкого

разделения полномочий. Она вздохнула. Пальцы Алана нежно погрузились в ее волосы.

Ее взгляд скользнул по темным балкам потолка, светлым стенам, на которых висело несколько картин. «Сколько я здесь прожила? Пять месяцев или шесть? — подумала она и закрыла глаза. — А с этим мужчиной, который спокойно лежит рядом? Два с половиной или три года?» Все эти вопросы казались ей срочными и одновременно абсурдными. Все они зависели от одной маленькой фразы, которую она должна была для начала произнести и которую все ее существо отказывалось произносить. «Нужно чуть повременить, — думала она, — нужна передышка, поговорим на другую тему, потом у меня лучше и легче получится».

— Расскажи мне об этом Марке, — услышала она насмешливый голос Алана, который вытащил руку из-под ее головы.

— Я провела сегодня несколько часов в его доме, — ответила она.

— Я не шучу, — сказал он.

— Я тоже.

На минуту воцарилось молчание. Потом Жозе заговорила. Она рассказывала обо всем, не забывая мельчайших деталей, о том, как выглядела квартира, как он раздел ее, в какой позе они занимались любовью, как ласкали друг друга, что он произнес, овладевая ею, о его особенной прихоти. Она называла вещи своими именами, старалась ничего не забыть. Алан был неподвижен. Когда она замолчала, он как-то странно вздохнул.

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Чтобы избежать твоих расспросов.

— Ты будешь и дальше так себя вести?

— Разумеется.

Это была правда, и он должен был ее знать. Она повернула к нему голову. На его лице не было боли, скорее оно выражало разочарование — все было так, как она и предполагала.

— Я что-нибудь забыла?

— Нет, — произнес он медленно, — вроде бы ты сказала все, все, что могло меня интересовать. Все, что только могло представить мое воспаленное воображение! — вдруг выкрикнул он, вскочил на ноги и, наверное, впервые посмотрел на нее с ненавистью.

Она не отвела глаз. Внезапно он оказался перед ней на коленях, его сотрясали глухие рыдания без слез.

— Что я наделал, — простонал он, — что я с тобой наделал, что мы оба наделали?

Она ничего не ответила, не пошевелилась, она чувствовала лишь бездонную, гулкую опустошенность.

— Я хотел тебя всю, — произнес он, — такую, как ты есть.

— Я больше не могла выносить этого, — сказала она и подняла голову.

Он предпринял последнюю попытку.

— Не надо было так.

Она понимала, что он имеет в виду не само свидание с Марком, а ее откровенный рассказ о нем.

— Я всегда так буду делать, — тихо сказала она, — игра окончена.

Потом они долго молчали, припав друг к другу, как два обессиленных борца.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно

ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Констан де Бенжамен Анри (1767–1830) — французский автор психологических романов. (Здесь и далее прим. перев.)

Роша (фр.).

Пикардия — старинная французская область.